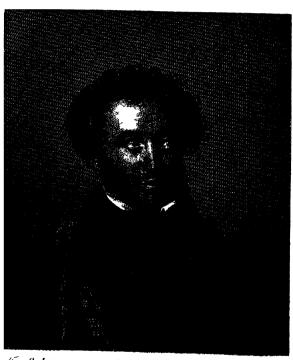
СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

To D Kum

182-

Fra H. NTRHIT

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

издание третье,

исправленное и дополненное, подъ редакціей

H. A. EPPEMOBA.

томъ первый.

стихотворенія 1811 — 1824 годовъ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА. КАВКАЗСКІЙ ПЛЪННИКЪ. БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ. ЦЫГАНЫ.

—-%oor----

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. издание книгопродавца я. а. и сакова. 1880.

1

Въ настоящемъ изданіи мы старались собрать все, до сихъ поръ напечатанное у насъ съ именемъ Пушкина, и тщательно провърить текстъ каждаго произведенія въ стихахъ и прозѣ, освободивъ его съ одной стороны отъ постороннихъ прибавокъ и ошибокъ, а съ другой пополнивъ тѣмъ, что было исключено или измѣнено помимо воли автора или даже имъ самимъ, но по какимъ нибудь особымъ, временнымъ причинамъ, теперь уже не существующимъ.

Къ сожалѣнію мы не могли имѣть доступа къ тѣмъ драгоцѣннымъ рукописямъ поэта, которыя находились въ распоряженіи П. В. Анненкова, и потому должны были ограничиться только хранящимися у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ; а при скудости такихъ рукописей, обратились къ первоначальнымъ изданіямъ и производили свѣрку со всѣми.

Въ основу текста для настоящаго изданія мы принимали тоть, который установлень быль самимь поэтомъ при послёднемь при его жизни и подъ его присмотромъ напечатаніи каждаго разсматриваемаго нами произведенія. Для тёхь же произведеній, которыя явились или по смерти автора или при его жизни, но не подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, мы руководствовались указаніями печатныхъ статей о Пушьинь, изъ которыхъ особенно должны упомянуть о статьяхъ В. П. Гаевскаго, съ необыкновенной тщательностью и полнотою разработавщаго и выяснившаго текстъ такъ называемыхъ «лицейскихъ» произведеній поэта.

Кром в того однимъ изъ наибол ве существенныхъ основаній

для правильности принимаемаго нами текста служили письма самого поэта къ знакомымъ и роднымъ, а также и письма къ нему разныхъ лицъ.

Все, откинутое Пушкинымъ изъ его произведеній, въ видахъ приданія имъ художественной отділки, цільности и единства, мы отнесли въ «лицейскихъ» стихотвореніяхъ къ примічаніямъ, а при произведеніяхъ боліве зрілой эпохи его таланта помінцали въ тексті книги, но особо, вслідть за каждымъ такимъ произведеніемъ, потому что во многихъ случаяхъ откинутыя міста, нарушая единство стихотворенія или статьи, сами по себі представля и отдільные прекрасные очерки, которые жаль было терять въ примічаніяхъ, какъ наприм. прелестный конецъ стихотворенія: «Восноминаніе» (1828).

Затьмъ мы съ особенной тщательностью прослъдили по перепискъ Пушкина и по статьямъ о немъ: что именно было исключено помимо его воли, или что исключалъ онъ самъ, но или по цензурнымъ соображеніямъ того времени, или по личнымъ и общественнымъ своимъ отношеніямъ, какъ напр. стихи, гдъ онъ не хотълъ, чтобы узнала себя особа, къ которой они относятся («Ръдъетъ облаковъ летучая гряда» и др.). Всъ такія исключенія введены нами въ текстъ, и въ каждомъ случаъ оговорены въ примъчаніяхъ.

Порядовъ распредёленія стиховъ и прозы принять нами единственно возможный для каждаго изданія, претендующаго быть хорошимъ, именно хронологическій по обоимъ отдёламъ, не исключая изъебщаго ряда: поэмъ, пов'єстей, драматическихъ произведеній, сказовъ и пр., какъ это сд'ілано предыдущими изданіями. Самъ Пушкинъ только въ 1-мъ изданіи, сдёланеомъ въ 1826 г. и при томъ не имъ самимъ, подчинился школьному распреділенію стихогвореній по родамъ поэзіи, но и при этомъ везд'і, гд'і помнилъ, выставилъ годы. Изданіе 1829—1835 г., сділанное самимъ поэтомъ, совс'імъ устранило это д'іленіе и приняло строго-хронологическій порядовъ, въ который были введены и драматическія сцены и сказки. Правда, Пушкинъ издалъ отдільно два тома по эмъ, Бориса Голунова и Евгенія Он'єгина, но это потому, что

дёло еще не шло о полномъ собраніи сочиненій. Хронологическій порядовъ быль снова откинуть посмертнымъ изданіемъ 1838—1841 г., выходившимъ подъ главнымъ наблюденіемъ Жуковскаго, но самъ же Жуковскій уб'єдился впосл'єдствіи въ несостоятельности своего взгляда и посл'єднее изданіе собственныхъ сочиненій сдёлаль въ строго-хронологическомъ порядк'є, введя въ общій рядъ и многочисленныя поэмы свои и драмы.

Г. Анненковъ возстановилъ хронологическій порядокъ, но только отчасти. Подъ вліяніемъ сказанной классификаціи, онъ выдёлиль нёсколько параллельныхь отдёловь, при чемь конечно явился личный произволь, напр. стихотвореніе «Женихъ отошло въ особый отдёль, а «Андрей Шенье» оставлено въ общемъ ряду и т. п. Кромъ того, достаточно върно распредёливъ стихотворенія по годамъ, г. Анненковъ въ самыхъ годахъ уже не наблюдаль нивавой хронологіи, такъ что стихотвореніе, написанное въ начал' года, печаталось въ концъ его, и слъд. соприкасалось не съ предыдущимъ, а съ слъдующимъ, чъмъ послъдовательная связь произведеній значительно нарушалась. Причиной этому было то, что старое дёленіе по родамъ поэзін, откинутое въ общемъ, сбережено было издателемъ въ каждомъ отдъльномъ годъ, гдъ стихотворенія группировались имъ именно по родамъ, съ подборомъ антологическихъ особо, посланій особо и т. д. Мы, напротивъ, старались и въ каждомъ годъ опредълить время, въ которое написана каждая пьеса. Для этого намъ служили указаніемъ, кавъ выше сказано, переписка и статьи о Пушкинъ; а если точныхъ данныхъ не встръчалось, то мы размъщали стихи времени ихъ напечатанія, напр. пьесу, пом'єщенную въ первыхъ нумерахъ какого нибудь журнала извъстнаго года, мы печатали прежде пом'вщенной въ сл'едующихъ за темъ нумерахъ, на что въ изданіи г. Анненкова не было обращено вниманія, и пьеса, напечатанная напр. въ № 6, ставилась прежде напечатанной въ № 1, того же года.

Всъ числовыя и другія помъты Пушкина подъ стихами и статьями, находящіяся въ рукописяхъ или при первона-

чальномъ напечатаніи, мы съ точностью воспроизвели въ нашемъ изданіи. За тёмъ обозначали въ скобкахъ тё помёты времени, на которыя находили «точныя» и «опредёленныя» указанія въ перепискё или статьяхъ о поэтё.

Черновые наброски и отрывки, извлеченные г. Анненковымъ изъ рукописей Пушкина и сгруппированные послъдними изданіями въ одинъ отдълъ, сдълавшійся поэтому неудобочитаемымъ, мы старались, по соображеніямъ и указаніямъ, размъстить въ концъ тъхъ годовъ, съ стихотвореніями которыхъ имъютъ соотношеніе скаванные наброски и отрывки, иногда даже превосходящіе своимъ достоинствомъ четверостишія, обыкновенно печатаемыя въ текстъ сочиненій Пушкина.

Въ тъхъ случаяхъ, когда сохранился первоначальный текстъ стихотворенія, впослѣдствіи совершенно переработаннаго и измѣненнаго, мы помѣщали въ книгѣ послѣдній, исправленный, а прежній относили въ примѣчанія, чтобы читатель имѣлъ передъ собой стихотвореніе именно въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ ему дать самъ поэтъ, а потомъ бы уже знакомился съ его внутреннею, авторскою работою. Къ примѣчаніямъ же отнесены нами и всѣ «сомнительныя» произведенія, явившіяся въ печати съ именемъ Пушкина, но не имѣющія за собою доказательствъ.

Къ одному изъ следующихъ томовъ мы прилагаемъ два снимка съ потретовъ Пушкина. Подлинникъ перваго, где поэтъ изображенъ въ юношескихъ летахъ, былъ приложенъ къ первому изданію «Кавказскаго Пленника въ гравюре Е. Гейтмана, по рисунку, какъ утверждаютъ. знаменитаго К. П. Брюллова. Второй портретъ рисованный О. Кипренскимъ и гравированный Н. И. Уткинымъ, былъ приложенъ семиъ и гравированный Н. И. Уткинымъ, былъ приложенъ семиъ и гравированный на 1828 г. и за темъ ко второму изданію «Руслана и Людмилы». Онъ считается лицейскими товарищами Пушкина и людьми, близко его знавшими, самымъ схожимъ изъ всёхъ существующихъ изображеній нашего великаго поэта.

1811.

ЭППГРАММА

[на собственную пьесу].

Dis moi pourquoi «l'Escamoteur» Est-il sifflé par le parterre? Hélas — c'est que le pauvre auteur L'escamota de Molière.

LA TOLYADE [HAMAJO HOSMI].

Je chante ce combat que Toly remporta, Où maint guerrier périt, où Paul se signala, Nicolas Maturin et la belle Nitouche, Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche....

1812.

ПѣСНЯ.

О Делія драгая! Спѣши, моя краса! Звѣзда любви златая Взопла на небеса. Безмолвно мѣсяцъ покатился; Спѣши: твой Аргусъ удалился, И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной Дубравной тпшины, Гдѣ токъ уединенной Сребристыя волны Журчить съ унылой Филомелой, Готовъ пріють любви веселой, И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинутъ ночи твни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей свни,
И быстро часъ любви
Летитъ — я весь горю желаньемъ!
Сивши, о Делія, свиданьемъ;
Пати въ объятія мои!

ДЕЛІЯ.

Ты ль передо мною, Делія моя? Разлученъ съ тобою, Сколько плакалъ я! Ты ль передо мною, Или сонъ мечтою Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга? Онъ не то, что быль; Но тебя, подруга, Все жъ не позабылъ; И твердитъ унылой: Я любимъ ли милой, Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравнится Съ долею моей? Вотъ слеза катится По щекъ твоей.... Делія стыдится.... Что теперь сравнится Съ долею моеи?

пзмфни

[къ графинь Н. В. Кочубей].

«Все миновалось! Мимо промчалось Время любви. Страсти мученья! Въ мракъ забвенья Скрылися вы. Такъ, я премѣны Сладость вкусиль; Гордой Елены Цфии забылъ. Сердце, ты въ волѣ! Все позабудь; Въ новой сей долъ Счастливо буль. Только весною Зефиръ младою Розой плѣненъ: Въ юности страстной Быль я прекрасной Въ съть увлеченъ. Нътъ, я не буду Впредь воздыхать,

Страсть позабуду; Полно страдать! Скоро печали Встрѣчу конецъ. Ахъ, для тебя ли, Юный пѣвецъ, Прелесть Елены Розой цвѣтетъ?... Пусть весь народъ, Ею прельщенный, Вслѣлъ за мечтой Мчится толпой: Въ мирномъ жилищѣ, На пепелищъ, Въ чашъ простой Стану въ смиреньи Черпать забвенье, И — для друзей Рѣзвой рукою Двигать струною Арфы моей.»

Въ скучной разлукъ Такъ я мечталъ, Въ горести, въ мукъ Себя услаждалъ, Въ сердцъ возженный Образъ Елены Мнилъ истребить. Прошлой весною Юную Хлою Вздумалъ любить. Какъ вътерочекъ Ранней порой Гонитъ листочекъ Съ ръзвой волной —

Такъ непрестанно Непостоянной Страстью пграль; Лилу, Темиру. Всёхъ обожаль: Сердце и лиру Всѣмъ посвящалъ Что же?.... Напрасно Съ груди прекрасноп Шаль я срываль. Тщетны измѣны! Образъ Елены Въ сердив иылалъ! Ахъ, возвратися, Радость очей; Хладна, тронися Грустью моей! Тщетно взываешь. Бѣдный пѣвецъ: Нѣтъ, не встрычаешь Мукамъ конецъ... Такъ, до могилы Грустенъ, унылый, Крова ищи; Всѣми забытый, Терномъ увиты Пфпи влачи....

1814.

КЪ СЕСТРЪ.

Ты хочешь, другь безцінной, Чтобъ я, поэть младой. Бесёдоваль сь тобой;

1814.

И съ лирою забвенной, Мечтами окрыленной, Оставилъ монастырь И край уединенный, Гдѣ непрерывный миръ Во мракѣ опустился, И въ пустынѣ глухой Безмолвно воцарился Съ угрюмой тишиной!...

И быстрою стрълой На Невскій брегь примчуся, Съ подругой обнимуся Весны моей златой. И какъ пъвецъ Людмилы, Мечты невольникъ милый, Взошель подъ отчій кровъ, Несу тебъ не злато ---Чернецъ я не богатый — Въ подарокъ пукъ стиховъ. Тайкомъ взошедъ въ диванну, Хоть помощью пера, О, какъ тебя застану, Любезная сестра! Чъмъ сердце занимаешь Вечернею порой? Жанъ-Жака ли читаешь? Жанлись ли предъ тобой? Иль съ ръзвимъ Гамильтономъ Смѣешься всей душой? Иль съ Греемъ и Томсономъ Ты пренеслась мечтой Въ поля, гдв отъ дубравы Вдоль въетъ вътерокъ, II шепчетъ лъсъ кудрявый,

И мчится величавый Съ вершины горъ потокъ? Иль моську престарѣлу, Въ подушкахъ посѣдѣлу, Окутавъ въ длинну шаль И съ нѣжностью лелѣя. Ты къ ней зовешь Морфея? Иль смотришь въ темну даль Задумчнвой Свѣтланой Надъ шумною Невой? Иль звучнымъ фортепьяно, Подъ бѣглою рукой, Моцарта оживляешь? Иль тоны повторяешь Пиччини иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою! II въ радости нѣмой Твой другъ разцвелъ душою, Какъ ясный вешній день. Забыты дип разлуки, Дни горести и скуки, Исчезла грусти твнь. Но это лишь мечтанье! Увы, въ монастырѣ, При блёдномъ свёчь сіяньё, Одинъ пишу къ сестрѣ. Все тихо въ мрачной кельв; Защелка на дверяхъ, Молчанье — врагъ веселья — И скука на-часахъ! Стуль ветхій, необитый, II шаткая постель, Сосудъ водой налитый, Соломенна свирѣль — Вотъ все, что предъ собою

Я вижу пробужденъ. Фантазія, тобою Олной и награжденъ! Тобою пренесенный Къ волшебной Ипокренъ И въ кельѣ я блаженъ! Что было бы со мною, Богиня, безъ тебя? Знакомый съ суетою, Пріятной для меня, Увлекшись въ даль судьбою, Я вдругъ, въ глухихъ ствнахъ, Какъ Леты на брегахъ. Явидся заключеннымъ. На въки погребеннымъ — II скрипнули врата, Сомкнувшися за мною, II міра красота Одвлась черной мглою!... Съ тъхъ поръ гляжу на свътъ, Какъ узникъ изъ темницы На яркій блескъ денницы. Свътило дня взойдетъ, Лучъ кинетъ позлащенной Сквозь узкое окно, Но сердце омраченно Не радуеть оно. Иль позднею зарею, Какъ ночь на небесахъ, Покрытыхъ темнотою, Чернветъ въ облакахъ — Близъ келіи встрѣчаю Я сумрачную твнь.... II вздохомъ провожаю Скрывающійся день!....

Но время протечеть,

И съ каменныхъ воротъ

Падутъ, падутъ запоры.

И въ пышный Петроградъ

Черезъ долины, горы

Ретивые примчатъ;

Спѣша на новоселье,

Оставлю темну келью,

Подъ столъ клобукъ съ веригои,

И прилечу разстригой

Въ объятія твоп!

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРПУ.

Аристь! и ты въ толив служителен Парнасса! Ты хочешь освядать упрямаго Пегаса; За лаврами сившишь опасною стезей, И съ строгой критикой вступаещь смело въ бои!

Аристъ, повърь ты мнѣ, оставь перо, чернилы. Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы, Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай; Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай! Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ; Ихъ напечатаютъ — и цѣлый свѣтъ забудетъ. Выть можетъ и теперь, отъ шума удалясь И съ глупой музою на вѣкъ соединясь, Нодъ сѣнью мирною Минервиной эгиды Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды. Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовь, Насъ убивающихъ громадою стиховъ! Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива: На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива. Страшись безславія! Что, если Аполлонъ

Услышавъ, что и ты полъзъ на Геликонъ, Съ презръньемъ покачавъ кудрявой головою, Твой геній наградитъ — спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ: «Пожалуй,» скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ; Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю, И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю. Пусть судить обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ; Сердись, кричи, бранись — а я таки поэтъ.»

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риеми плесть умѣетъ, И перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ. Хорошіе стихи не такъ легко писать, Какъ Вптгенштенну французовъ побѣждать. Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ. Ломоносовъ, Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ, Пптаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ, Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь! Творенья громкія Риематова, Графова, Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова; Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать, И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися счастливо, Поэтомъ можешь ты назваться справедливо: Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ. Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ, За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства, Что ты уже берешь на откупъ государства, Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь, П лежа на боку покойно ѣшь и спинь? Не такъ, любезный другъ, писатели богаты; Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты, Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки: Лачужка подъ землей, высоки чердаки—

Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы. Поэтовъ хвалять всѣ, читаютъ липь журналы; Катится мимо ихъ Фортуны колесо; Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо, Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ, Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ, Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ; Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного. «Да что же, говоришь, судя о всёхъ такъ строго, Перебирая все, какъ новый Ювеналъ, Ты о поэзіи со мною толковалъ; А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрами, Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами? Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты иль нѣтъ?>

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебъ отвътъ: Въ деревиъ, помнится, съ мірянами простыми, Священникъ пожвлой и съ кудрями съдыми Въ миру съ сосъдями, въ чести, довольствъ жилъ— И первымъ мудрецомъ у всъхъ издавна слылъ. Однажды, осушивъ бутылки и стаканы, Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пьяный; Попалися ему на встръчу мужики:
«Послушай, батюшка, сказали простяки; Настави гръшныхъ насъ— ты пить въдь запрещаешь, Быть трезвымъ всякому всегда повелъваешь, И въримъ мы тебъ, да что жъ сегодня самъ?...>
«Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ, Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте; Живите хорошо, а миъ не подражайте.»

И мнѣ то самое пришлося отвѣчать; Я не хочу себя ни мало оправдать: Счастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты, Проводить тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы, Своими одами журналовъ не тягчитъ, И надъ экспромтами недѣли не сидитъ; Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса, Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса; Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ; Спокоенъ, веселъ онъ! Аристъ, онъ не піитъ!

Но полно разсуждать — боюсь тебѣ наскучить, И сатирическимъ перомъ тебя замучить. Теперь, любезный другь, я далъ тебѣ совѣтъ. Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ? Подумай обо всемъ и выбери любое: Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое. [Апрыль, 1814].

КОЛЬНА

[UOJPAJKAHIE OCCIAHY].

Фингаль послаль Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побъды, одержанной имъ нъкогда на семъ мъстъ. Между тъмъ, какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосъдственный государъ, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрый Каломоны, Бѣгущій въ дальнымъ берегамъ! Я зрю: твои взмущенны волны Иотокомъ мутнымъ по скаламъ, При блескѣ звѣздъ ночныхъ, сверкаютъ Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ. Шумятъ и корни орошаютъ Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ Твой мшистый брегъ любила Кольна, Когда по небу тѣнь лилась; Ты зрѣлъ, когда въ любви невольной Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ Тоскару юному вѣщалъ: Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ, Гдѣ Крона катить черный валъ. Шумящей прохлажденъ осиной. Тамъ рядъ является могилъ; Тамъ съ верной, храброю дружиной Полки враговъ я расточилъ. И много, много сильныхъ пало; Ихъ гробы черный вранъ стрежетъ. Гряди — и тамъ, гдв ихъ не стало, Воздвигии намятникъ побъдъ.» Онъ рекъ и въ путь безвъстный, дальной Пустился съ бардами Тоскаръ; Пдетъ во мглъ ночи печальной, Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ. Денница красная выводить Златое утро въ небеса, И вотъ уже Тоскаръ подходитъ Къ мъстамъ, гдъ въ темные льса Въжить съдой источникъ Кроны И кроется въ долины сонны. Воспъли барды гимнъ святой; Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ Усильно мощною рукой Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ, И съ шумомъ на высокій брегъ Въ густой и дикой злакъ повергъ; На немъ повъсиль черны латы, Покрытый кровью предковъ мечъ, II круглый щить, и шлемъ пернатый, И обратиль онъ къ камию речь:

«Вѣщай, сынъ шумнаго потока, О храбрыхъ позднимъ временамъ! Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока Въ туманъ ляжетъ по лъсамъ, Пришлецъ, дорогой утомленный, Возлегии подъ надежный кровъ, Воспомнить въки отдаленны Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ! Съ разсвътомъ алыя денницы Лучами солнца пробужденъ, Онъ узрить мрачныя гробницы.... И грознымъ видомъ пораженъ Вопросить сынь иноплеменный: Кто памятникъ воздвигъ надменный? И старецъ, лътами согбенъ, Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный, Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель, Заря потухла въ небесахъ; Луна въ воздушную обитель Спѣшитъ на темныхъ облакахъ. Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Кроны Съ окрестной рощею заснулъ. Владыка сильный Каломоны, Иноплеменныхъ другъ, Карулъ Призвалъ морвенскаго героя — Въ жилищѣ Кольны молодой Вкуситъ пріятности покоя И пить изъ чаши круговой.

Близъ пепелища всё возсёли; Веселья барды пёснь воспёли; И въ пёнё кубокъ золотой Кругомъ несется чередой. Печаленъ лишь пришелецъ Лоры, Главу ко груди преклонилъ: Задумчиво онъ страстны взоры
На нѣжну Кольну устремилъ —
И тяжко грудь его вздыхаетъ,
Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
То огнь по членамъ пробъгаетъ,
То нѣгою томится духъ;
Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
Волненье сильное въ крови;
На юны прелести взирая,
Онъ полну чашу пьетъ любви.
Но вотъ ужъ дубъ престалъ димиться.
И тѣнь мрачнѣе становится,
Чернѣстъ тусклый небосклонъ,
И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.

Редетъ ночь — заря багряна Лучами солнца возжена; Предъ ней златится тверль румина: Тоскаръ, покинувъ ложе сна, Быстротекущей Каломоны Плетъ по влажнымъ берегамъ, Спѣшптъ узрѣть долины Кроны II внемлетъ плещущимъ волнамъ. II вдругъ изъ свии темной роши, Какъ въ часъ весенней полуноши Пзъ облакъ мфсяцъ золотой, Выходить ратникъ молодой. Мечъ острый на бедрв сіяеть, Копье десницу воружаетъ, Надвинуть на чело шеломъ, II гибкій станъ покрыть щитомъ; Зарею латы серебрятся Сквозь утренній въ долинъ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ: «Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?

Ужель и въ сей странѣ война Багрить ручьевъ струисты волны? Но все спокойно — типпна Окресть жилища нѣжной Кольны. — Спокойны дебри Каломоны, Пвътетъ отчизны край златой: Но Кольна тамъ не обитаетъ: И нынѣ по стезѣ глухой Пустыню съ милымъ протекаетъ, Плънившимъ сердце красотой! «Что рекъ ты мнв, мланой воитель? Куда сокрылся похититель? Подай мнѣ щитъ твой!> II Тоскаръ Пріемлетъ щить, пылая мщеньемъ — Но вдругъ исчезъ геройства жаръ: Что зрить онь съ сладкимъ восхищеньемъ? Не въ силахъ въ страсти воздохнуть, Пылая вдругъ восторгомъ новымъ.... Лилейна обнажилась грудь Подъ грознымъ дыпуща покровомъ.... «Ты ль это? эвозопиль герой, И трепетно рукой дрожащей Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій, И Кольну видитъ предъ собой.

ЭВЛЕГА

[HIS HOOME HAPHH: ISNEL ET ASLÉGA].

Вдали ты зришь утесъ уединенный? Пещеры въ немъ изрылась глубина; Темнъетъ входъ, кустами окруженный; Вблизи шумитъ и ивнится волна. Вечоръ, когда туманилась луна, Здъсь милаго Эвлега призывала; Здъсь тихій гласъ горамъ передавала Во тьмъ ночной, печальна и одна:

17

«Приди, Одульфъ! Ужъ роща поблѣднѣла, На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла, Пылаеть грудь, за вздохомъ вздохъ летить. О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою! Приди. Одульфъ, забудусь я съ тобою. И поцѣлуй любовью возгоритъ!

Бѣги, Осгаръ! твои мнѣ страшны взоры, Твой грозенъ видъ и хладны разговоры! Оставь меня, не мною торжествуй! Уже другой въ ночи со мною дремлетъ, Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ. Il сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

Что жъ медлить онъ свершить мои надежды? Для милаго я сбросила одежды, Завистливый покровь у ногъ лежитъ. Но, чу.... идуть — такъ, это другъ надежной! Ужъ начались восторги страсти нѣжной, И поцѣлуй любовью возгоритъ.

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье, Въ груди любовь, и прочь бъжитъ печаль, Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь, И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье: «Кто ты?» спросилъ, «почто ты здѣсь, вѣщай! Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ноче!»

— Безсильный врагь, Осгара убъгай! Въ пустынной тьмъ что ищуть робки очи? Страшись меня: я страстью воспалень; Въ пещеръ здъсь Эвлега ждетъ Осгара. — Булатный мечъ въ минуту обнаженъ, Огонь летитъ струями отъ удара.

Услишала Эвлега стукъ мечей. И бросила со страхомъ хладъ пещерной. «Приди узрѣть предметь любви твоей!» Вскричаль Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной. «Измѣнница! ты здѣсь его зовешь? Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга: Но дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечъ, и съ грепетомъ Эвлега Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга, Метелицей отторженный отъ скалъ! Другъ на друга соперники стремятся, Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ; Въ кустарники съ отчалньемъ катятся. Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ— И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

ОСГАРЪ

[подражание нарии].

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи, Стуная трепетно усталою ногой, По Лоръ путникъ шелъ; его напрасно очи Ночлега мирнаго искали въ тъмъ густой. Пещеры нътъ предъ нимъ на берегъ угрюмомъ; Не видитъ хижины, наслъдъя рыбаря; Въ дали дремучій боръ качаютъ вътры съ шумомъ, Луна за тучами и въ моръ спитъ заря.

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ, Зритъ барда стараго — веселье прошлыхъ лѣтъ: Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ, Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ. Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы. Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый Содрогся въ ужасѣ и мимо посиѣшилъ.

«Стой, путникъ, стой! въщалъ пъвецъ въковъ минувшихъ: Здъсь пали храбрые; почти пхъ бранный прахъ, Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!» Пришлецъ главой поникъ — п. минлось, на холмахъ Возставшій рядъ тъней главы окровавленны Съ улыбкой гордою на странника склонялъ. — Чей гробъ я вижу тамъ? въщалъ иноплеменный, И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный. Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь. — Увы, здёсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенныи. О, рано юношё насталъ послёдній часъ! Но онъ искалъ его: я зрёлъ, какъ въ ратномъ строё Онъ первыя стрёлы съ весельемъ ожидалъ, И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боё. Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвътъ нъжныхъ лътъ любилъ Осгаръ Мальвину; Не разъ онъ въ радости съ подругою встръчалъ Вечерній свътъ луны, скользящій на долину, И тънь упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ. Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенъли: Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!... Но быстро дни любви и счастья пролетъли, И вечеръ горести для юноши насталъ!...

Однажды, въ темну ночь зимы порои унылой, Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой, И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здъсь твой милой!» Но тихо въ хижинъ. Вновь робкою рукои Стучитъ и слушаетъ; лишь вътры съ свистомъ въютъ; «Ужели синшь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ, Валится снътъ, власы въ туманъ леденъютъ: «Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!» Онъ въ третій разъ стучить. Со скриномъ дверь шатнулась; Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что жъ узрѣлъ? Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась: Онъ зритъ — въ обънтілхъ измѣницы Звигнелъ! И ярость дикая во взорахъ закинѣла; Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой; Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звигнела, И блѣдный духъ его сокрылся въ тъмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго кольна. Но взоры отвративъ: живи! ввщалъ Осгаръ; живи, ужъ я не твой, презръна мной измъна. Забуду, потушу къ невърной страсти жаръ. И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчанъв, Окованъ мрачною. безмолвною тоской: Исчезло сладкое на въкъ очарованъе!

Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою, Мальвины имя онъ въ отчаянъи шепталъ; Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою. На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ. На друга дѣтскихъ лѣтъ взгланулъ онъ торопливо: Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ. Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій. Вдругъ грянулъ трубный гласъ Оденовъ сынъ, Фингалъ. Велъ грозныхъ на мечи въ кровавый пылъ сраженій; Осгаръ послышалъ въсть и бранью воспылалъ. Здъсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бъжала: Покрытый ранами, здъсь налъ на груду тълъ; Онъ палъ; еще рука меча кругомъ пскала, И кръпкій сонъ въковъ на сильнаго слетълъ.

Побътли всиять враги — и тихій миръ герою! И тихо все вокругъ могильнаго холма! Лишь въ осень хладную. безмѣсячной порою. Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма. Въ багровомъ облакь, одъяниа туманомъ. На камнѣ гробовомъ унила тънь сидитъ. И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ. И клепъ, зашевелясь, таниственио шумитъ.

ЛЕДА

[RAHTATA, HOJPARAHIE HAPHU].

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ. Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ Вздувалась пѣна водъ сребристыхъ. Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,

Покровъ красавицы стыдливой. Небрежно кинутый, у берега лежалъ— И прелести ея потокъ волной игривой Съ весельемъ орошалъ.

> Житель рощи, торопливый, Будь же скроменъ, о ручей! Тише, струйки говорливы! Измънить страшитесь ей!

Леда робостью трепещетъ, Тихо дышетъ снѣжна грудь, Ни волна вокругъ не плещетъ, Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ рощѣ шорохъ утихаетъ, Все въ прелестной тишинѣ; Нимфа далѣе ступаетъ, Робкой ввѣрившись волнѣ Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ восшумѣло, И чувство робости прекрасной овладѣло; Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть; И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,

Расправя крылья горделивы, Къ красавицъ плыветъ: веселья полна грудь; Съ шумящей пъною отважно волны гонитъ, Крылами воздухъ бьетъ,

То въ кольца щею вьеть, То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонитъ....

Леда смѣется,
Вдругъ раздается
Радости кликъ....
Видъ сладострастный:
Къ Тедѣ прекрасной
Лебедь приникъ.
Слышно стенанье;
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.

Опомнясь, наконець, красавица младая Открыла тихій взорь, въ томленьяхъ воздыхая. И что жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;

Межъ ними юная любовь — И пада таниства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь, Розы — дѣвы красоты; Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицъ тантся Часто пламенный Эротъ;

Съ хладной струйкою катится. Стрълы прячетъ въ пънъ водъ.

Симъ примъромъ научитесь, Розы — дъвы красоты; Лътнимъ вечеромъ страшитесь Въ темной рощицъ воды.

ВЕНЕРЪ ОТЪ ЛАПСЫ,

при посвящени ей зеркала

Вотъ зеркало мое — прими его, Киприда! Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ; Сѣдаго времени ей не страшна обида:
Она не смертный человѣкъ;
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той. которой нынѣ.

КРАСАВИЦЪ.

которая нюхала табакъ.

Возможно ль, вмёсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,

Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,

Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей,

Которыхъ ты всегда любила,

И прежде всякій день носила

На мраморной груди своей—

Возможно ль, милая Климена?

Какая странная во вкусѣ перемѣна!

Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,

А вредную траву зелену,

Искусствомъ превращену

Въ пушистый поромокъ!

Пускай уже сёдой профессоръ Геттингена, На старой канедрё согнувшися дугой, Вперивъ въ латинщину глубокій разумъ свой,

Раскашлявшись, табакъ толченый Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой; Пускай младой драгунъ усатый, Поутру сидя у окна, Стаканы сушитъ всё до дна, И, чтобъ прогнать остатокъ сна, Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сёроватый; Пускай красавица пистидесяти лётъ,

У коей держится вся прелесть на подставкѣ, У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ, Чаёкъ въ-прикуску попиваетъ, Съ сарептскимъ табакомъ печали забываетъ.....

А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ

Столь нравится тебё.... о пыль воображенья!

Ахъ! если бъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркъ, въ заточеньи,
Я въ персты нъжные твои попасться могъ;

Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,

Но, что? Одна мечта пустая! Не будетъ этого никакъ! О доля человъка злая! Ахъ!... отчего я не.... табакъ!

Разсыпался на грудь, разсёялся бъ у ногъ....

STANCES

[княжнъ е. м. горчаковой].

Avez-vous vu la tendre rose, L'aimable fille d'un beau jour, Quand au printemps à peine éclose, Elle est l'image de l'amour? Telle à nos yeux, plus belle encore, Parut Eudoxie aujourd'hui; Plus d'un printemps la vit éclore, Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes, Ces fougueux enfants de l'hiver, Bientôt vont gronder sur nos têtes, Enchainer l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose, L'aimable fille des amours Tombe fanée à peine éclose! Il fuit le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse: Profitez de vos jours heureux! Est-ce dans la froide vicillesse Que de l'amour on sent les feux?

въ натальъ,

[крыпостной актрись графа в. в. толстого].

Такъ, и мив узнать случилось, Что за птица Купидонъ; Сердце страстное илвнилось, Признаюсь: и я влюбленъ! Пролетвло счастья время, Какъ, любви не зная бремя, Я живалъ, да попввалъ; Какъ въ театрв, и на балахъ, На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ Легкимъ зефиромъ леталъ; Какъ, смъясь, во зло Амуру Я писалъ карикатуру На любезний женскій поль. Но напрасно я см'вялся; Наконець и самъ попался: Самъ, увы, съ ума сошелъ. См'вхи, вольность, все подъ лавку, Изъ Катоновъ я въ отставку, И теперь я— селадонъ Миловидной жрицы Тальи; Видъть прелести Натальи— И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!

Такъ, Наталья, признаюся: Я тобою полоненъ; Въ первый разъ еще [стыжуся] Въ женски прелести влюбленъ; Цёлый день, какъ ни верчуся, Лишь тобою занять я; Ночь придеть — и лишь тебя Вижу я въ пустомъ мечтаньъ; Вижу, въ легкомъ одъяньъ Будто милая со мной; Робко, сладостно дыханье, Бѣлой груди колебанье, Снътъ затмившей бълизной, И полуотверсты очи, Скромный мракъ безмольной ночи — Духъ въ восторгъ приводять мой!... Я одинъ въ бесъдъ съ нею; Вижу дъвственну лидею, Трепещу, томлюсь, нѣмѣю.... А проснулся — вижу мракъ Вкругъ постели одинокой. Испускаю вздохъ глубокой; Сонъ ленивый, томноокой, Отлетаетъ на крылахъ; Страсть сильнее становится;

И, любовью утомясь, Я слабъю каждый часъ— Все къ чему-то умъ стремится.

Но, Наталья, ты не знаешь, Кто твой нёжный селалонъ? Ты еще не понимаешь. Отчего не смѣетъ онъ И надъяться?... Наталья! Выслушай еще меня: Не владътель я сераля. Не арабъ, не турокъ я; За учтиваго китайна, Грубаго американна Почитать меня нельзя; Не представь и нѣмчурою, Съ колпакомъ на волосахъ, Съ кружкой пивомъ налитою И съ цыгаркою въ зубахъ; Не представь кавалергарда Въ каскъ, съ длиннымъ палашомъ — Не люблю я бранный громъ: Шпага, сабля, алебарда Не тягчать моей руки.

Кто же ты, болтунъ влюбленный?...

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСЪ

[TON KE APTHOTES].

Ты не наслёдница Клероны; Не для тебя свои законы Владёлецъ Пинда начерталь; Тебё не много Богъ послаль; Твой голосокъ, тёлодвиженья, Нѣмыя взоровъ обращенья Не стоютъ, признаюсь, похвалъ И шумныхъ блесковъ удивленья. Жестокой суждено судьбой Тебъ актрисой быть дурной; Но, Хлоя, ты мила собой. Тебъ во слъдъ толиятся смъхи, Сулятъ любовникамъ утъхи — И такъ, вънцы передъ тобой, И несомнительны усиъхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь, Когда безъ такта ты поешь; Недвижно стоя передъ нами, Поешь, и часто, не впопадъ; А мы усердными руками Всѣ громко хлопаемъ. Кричатъ: Вravo! bravissimo! чудесно! Свистки сатирпковъ молчатъ, И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей, Ты сложишь руки у грудей, Или поднимешь ихъ, и снова На грудь положишь, застыдясь; Когда Милона молодаго, Лепеча что-то не для насъ, Въ любви, безъ чувства, увъряеть, Или безъ памяти, въ слезахъ, Холодный испуская: ахъ, Спокойно въ кресла упадаеть, Краснъя и чуть-чуть дыша, Всв шепчуть: ахъ, какъ хороша! Увы, другую бъ освистали! Велико дѣло красота! О Хлоя, мудрые солгали: Не все на свътъ суета.

Плёняй же, Хлоя, красотою! Стократь блажень любовникь тоть, Который нёжно предь тобою, Осмёлясь, о любви поеть Въ стихахъ и прозою, на сценё Тебя клянется обожать, Кому ты можешь отвёчать, Не смёя молвить объ измёнё; Влажень, кто можеть роль забыт. На сценё съ миленькой актрисои, Жать руку ей, надёясь быть Еще блаженнёй за кулисой!

опытность.

Кто съ минуту переможетъ Хладнимъ разумомъ любовь. Бремя тягостнихъ оковъ Ей на крилья не возложитъ — Тотъ не смѣйся, не рѣзвись. Съ строгой мудростью дружись; Но съ разсудкомъ вновь заспоришь — Радъ не радъ, а дверь отворишь. Какъ проказливый Эротъ Постучится у воротъ.

Испыталь я самъ собою Истину сихъ правыхъ словъ. «Добрый путь! прости любовь! За богинею слѣпою, Не за Хлоей полечу, Счастье, счастье ухвачу! > Мниль я въ гордости безумной. Вдругь услышаль хохотъ шумной,

Оглянулся... и Эротъ Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить, И покамѣсть жизни нить Старой Паркой тамъ прядется, Пусть владѣетъ мною онъ! Веселиться — мой законъ. Смерть откроетъ гробъ ужасный, Потемнѣютъ взоры ясны, И не стукнется Эротъ
У могильныхъ ужъ воротъ.

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой, Гдѣ, журча въ травѣ душистой, Свѣтлый бродитъ ручеекъ, Ночью, на простой свирѣли Пѣлъ влюбленный пастушокъ; Томный гулъ унылы трели Повторялъ въ глуши долинъ....

Вдругъ изъ глубины пещеры Чтитель Вакха и Венеры, Ръзвыхъ фавновъ господинъ, Выбъжалъ Эрміевъ сынъ: Розами рога обвиты, Плющъ на черныхъ волосахъ, Козій мъхъ виномъ налитый У сатира на плечахъ. Богъ лъсовъ, въ дугу склонившись Надъ искривленной клюкой,

За кустами притаившись, Слушаль песенки ночной. Въ ладъ качая головой. «Дни, протекшіе въ весельи [Пѣлъ въ тоскъ настухъ младой], Отчего, явясь мечтой, Вы какъ тънь изъ глазъ исчезли. И покрыдись вечной тьмой? Ахъ! когда я въ мракъ нощи, При таинственной лунѣ, Въ темну свнь прохладной рощи, Сладко спящей въ тишнев. Медленно, рука съ рукою, Съ нъжной Хлоей приходиль, Кто сравниться могъ со мною? Хлов быль тогда я миль!

«А теперь мий жизнь — могила, Бёлый свёть душё постыль, Грустень лёсь, потокъ уныль.... Хлоя другу измёнила!.... Я для милой.... ужъ не миль!..»

Звукъ исчезъ свиръли тихой; Смолкъ иввецъ — и тишина Воцарилась въ рощв дикой; Слышно, плещетъ лишь волна. И колышетъ повиликой Тихо-въющій зефиръ. Древъ оставя сънь густую, Вдругъ является сатиръ. Чашу дружбы круговую Пънистымъ сребря виномъ, Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ: «Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ; Посмотри жъ, какъ сокъ прозраченъ Блещетъ, освътясь луной!

Выней чашу — и душой Булешь также чисть и ясень. Върь мнъ: стонъ въ бъдахъ напрасенъ. Лучше, лучше веселись, Въ горъ съ Бахусомъ дружись!> И настухъ, взявъ чашу въ руки, Скоро выпиль все до дна. О могущество вина! Вдругъ сокрылись скорби, муки, Мракъ душевный вмигъ исчезъ! Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ, Все мгновенно премѣнилось, Вся природа оживилась: Счастливъ юногна въ мечтахъ! Вышивъ чашу золотую, Наливаеть онъ другую; Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ Видъ окрестный потемнился — И несчастный.... утомился. Томну голову склоня, «Научи, сатиръ, меня, Говоритъ пастухъ со вздохомъ. «Какъ могу бороться съ рокомъ? Какъ могу счастливымъ быть? Я не въ силахъ въчно пить. — Слушай, юноша любезный, Вотъ тебѣ совѣтъ полезный: Мигъ блаженства въкъ лови; Помни дружбы наставленья: Безъ вина здёсь нётъ веселья. Нѣтъ и счастья безъ любви; Такъ поди жъ теперь съ похмёлья Съ Купидономъ помирись; Позабудь его обиды, И въ объятіяхъ Дориды Снова счастьемъ насладись!

пирующіе студенты.

Друзья! досужный часъ насталь,
Все тихо, все въ покоъ:
Скоръе скатерть и бокаль!
Сюда вино златое!
Шипи шампанское въ стеклъ!
Друзья! почто же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столъ,
Фольянть надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ —
Мы полемъ овладъемъ!
Подъ столъ ученыхъ дураковъ —

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ
Скорве президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистой;

Безъ нихъ мы пить умъемъ!

А вамъ, спартанцы, поднесетъ Воды въ стаканъ чистой.

Апостолъ нѣги и прохладъ, Мой добрый Галичъ, vale! Ты Эпикуровъ младшій брать,

Душа твоя въ бокалъ.

Главу вѣнками убери — Будь нашимъ президентомъ, И будутъ самые цари Завидовать студентамъ.

Дай руку, Дельвигъ! что ты спишь? Проснись, лѣнивецъ сонный, Ты не подъ каоедрой сидишь, Латинью усыпленный.

Взгляни, здёсь кругъ твоихъ друзей, Бутыль виномъ налита. За здравье нашей музы пей, Парнасскій волокита! Острякъ любезный! по рукамъ! Полнъй бокалъ досуга И вылей сотню эпиграммъ На недруга и друга! А ты, красавецъ молодой, Сінтельный повѣса! 2

Ты будешь Вакха жрецъ лихой,

На прочее — завѣса! Хотя студенть, хотя я пьянь, Но скромность почитаю;

Придвинь же пънистый стаканъ: На брань благословляю.

Товарищъ милый, другъ прямой! 3 Тряхнемъ рукою руку, Оставимъ въ чашѣ круговой Педантамъ сродну скуку. Не въ первый разъ мы вмёстё пьемъ. Нерѣдко и бранимся, Но чашу дружества нальемъ И тотчасъ помиримся.

О ты, который съ детскихъ летъ Однимъ весельемъ дышешь! 4 Забавный, право, ты поэтъ, Хоть плохо басни пишешь. Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ. Люблю тебя душою, Наполни кружку до краевъ; Разсудокъ, Богъ съ тобою!

¹ А. Д. Илличевскій. ² Кн. А. М. Горчаковъ. ³ И. И. Пущинъ. 4 М. Л. Яковлевъ.

А ты, повёса изъ повёсь, 1
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорёзъ,
Пріятель неизмённый!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова.
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ—
И пить давайте снова.

Приближься, милый нашь и вець, любимый Аполлономь, 2 Воспой властителя сердець Гитары тихимъ звономъ: Какъ сладостно въ стъсненну грудь Томленье звуковъ льется; Но мнъ ли страстью воздохнуть? Нъть, пьяный лишь смъется.

Не лучше ль, Роде записной, з
Въ честь Вакховой станици
Теперь скрипъть тебъ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нътъ нужды, что нескладно;
Охрипли?... Это не бъда:
Для пьяныхъ все въдь ладно.

Но что? я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ...
Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите, Вакха ради,
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.

¹ И. В. Малиновскій. ² Н. А. Корсаковъ. ³ М. Л. Яковлевъ [вторично].

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ,* прочти свои стихи —
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ ръзвый и пінтъ, Парнасскій счастливый лѣнивецъ, Харитъ изнѣженный любимецъ, Наперсникъ милыхъ Аонидъ! Почто на арфѣ златострунной Умолкнулъ, радости пѣвецъ? Ужель и ты, мечтатель юной, Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вънкомъ изъ розъ душистыхъ, Межь кудрей выющихся, златыхъ, Подъ тънью тополей вътвистыхъ, Въ кругу красавилъ молодыхъ, Заздравнымъ не стучинь фіаломъ, Любовь и Вакха не поешь: Довольный, счастливый началомъ, Цвътовъ парнасскихъ вновь не рвешь; Не слышенъ нашъ Парни россійскій. Пой, юноша! Пѣвецъ тіискій Въ тебя вліяль свой ніжный духъ. Съ тобою твой прелестный другъ, Лилета, красныхъ дней отрада: Пввцу любви любовь награда. Настрой же лиру, по струнамъ Летай игривыми перстами,

^{*} В. К. Кюхельбекеръ.

Какъ вешній зефиръ по цвётамъ; И сладострастными стихами, И тихимъ шопотомъ любви Лилету въ свой шалашъ зови; И звёздъ ночныхъ при блёдномъ свёть, Илывущихъ въ дальной вышинь, Въ уединенномъ кабинеть, Волшебной внемля тишинь, Слезами счастья грудь прекрасной, Счастливецъ милый, орошай; Но, упоенъ любовью страстной, И нёжныхъ музъ не забывай! Любви нётъ боль счастья въ мірь; Люби— и пой ее на лирь.

Когда жъ въ тебъ въ досужный часъ Друзья, знакомые сберутся, И вина пънныя польются, Отъ плена съ трескомъ свободясь, Описывай въ стихахъ игривыхъ Веселье, шумъ гостей болтливыхъ Вокругъ накрытаго стола, Стаканъ, кипящій піной бізой. И стукъ блестящаго стекла; И гости дружно стихъ веселой, Бокаль въ бокаль ударя въ ладъ, Нестройнымъ хоромъ повторятъ. Поэтъ! въ твоей предметы волъ! Во звучны струны смёло грянь, Съ Жуковскимъ пой кроваву брань И грозну смерть на ратномъ полѣ. И ты въ строяхъ ее встръчалъ, И ты, постигнутый судьбою, Какъ россъ, питомецъ славы, палъ! Ты паль, и хладною косою Елва, скошенный, не увяль!

Иль вдохновенный Ювеналомъ, Вооружись сатиры жаломъ; Подъ-часъ прими ея свистокъ, Рази, осмъйвай порокъ; Путя, показывай смъшное, И, если можно, насъ исправь; Но Тредьяковскаго оставь Въ столь часто рушимомъ покоъ. Увы! довольно безъ него Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ; Довольно въ міръ есть предметовъ, Пера достойныхъ твоего!

Скажи, по милости. Грифону, Ползкомъ ползущу къ Геликону. Чтобъ пересталъ совсвиъ писать И бъдныхъ насъ морить со скуки; Скажи ему, что наши внуки Не станутъ вздоръ его читать.... Все, все позволено поэту! Скажи всему, коль хочешь, свъту, Что Висковатовъ не впопадъ Уродовъ выставилъ на сцену, Визжать заставилъ Мельпомену, Что Клить быль добрый человѣкъ, Тихонько проводиль свой въкъ, Своимъ домкомъ тихонько правилъ, И жиль безъ горя, безъ заботъ. Покамъстъ не печаталъ одъ, Гдъ здравий смыслъ вверхъ дномъ поставилъ, Гдѣ мы навидѣлись всего, Гдѣ «всѣ чудовища геенны — На жертву агицы обреченны», Гль ньть лишь смысла одного.

Но что? Цъвницею мосю, Безвъстный въ міръ семъ поэтъ, Я пѣсни продолжать не смѣю. Прости — но помни мой совѣтъ: Доколѣ, музами любимый, Ты Піэридъ горишь огнемъ, Доколь, сраженъ стрѣлой незримой, Въ подземный ты не снидешь домъ, Мірскія забывай печали, Играй: тебя, младой Назонъ, Эротъ и Граціи вѣнчали. А лиру строилъ Аполлонъ.

къ николаю григорьевичу ломоносову.

И ты, любезный другъ, оставиль Надежну пристань тишины, Челнокъ свой весело направилъ По влагѣ бурной глубины; Судьба на руль уже склонилась, Спокойно свътять небеса. Ладья крыдатая пустилась — Расправить счастье паруса. Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды Вблизи ты ужасъ не видалъ, Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ Предъ челнокомъ шумящи воды! Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ Тебъ пристать благополучно, И отдохнуть спокойно тамъ Съ любовью, дружбой неразлучно! Нътъ, ты не можешь ихъ забыть! Но что! не скоро, можетъ быть, Увижусь я, мой другь, съ тобою Укромной хаты въ тишинъ? За чашей пунша круговою

Подъ-часъ воспомнишь обо мив; Когда жъ пойду на новоселье [Заснуть вёдь общій всёмъ удёлъ], Скажи: дай Богъ ему веселье! Онъ въ жизни хоть любить умёлъ.

РОМАНСЪ.

Подъ вечеръ, осенью ненастной, Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ, И тайный плодъ любви несчастной Держала въ трепетныхъ рукахъ. Все было тихо: лѣсъ и горы, Все спало въ сумракѣ ночномъ; Она внимательные взоры Водила съ ужасомъ кругомъ

И на невинномъ семъ твореньѣ, Вздохнувъ, остановила ихъ.... «Ты спишь, дитя, мое мученье.... Не знаешь горестей моихъ! Откроешь очи и, тоскуя, Ты къ груди не прильнешь моей, Не встрѣтишь завтра поцѣлуя Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь! Мнѣ вѣчний стыдъ — вина моя! Меня на вѣки ты забудешь.... Но не забуду я тебя. Дадутъ покровъ тебѣ чужіе, И скажутъ: ты для насъ чужой! Ты спросишь: гдѣ мои родные? И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой Томиться межь другихь детей,

И до конца съ душой угрюмой Взирать на ласки матерей. Повсюду странникъ одинокій, Всегда судьбу свою кляня, Услышишь ты упрекъ жестокій.... Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... позволь себя, несчастный, Прижать къ груди въ послъдній разъ. Законъ неправедный, ужасный, Къ страданью осуждаетъ насъ. Пока лъта не отогнали Невинной радости твоей, Спи, милый! горькія печали Не тронутъ дътства тихихъ дней!>

Но вдругъ за рощей освѣтила, Вблизи ей, хижину луна. Влѣдна, тренещуща, уныла, Къ дверямъ приблизилась она, Склонилась, тихо положила Младенца на порогъ чужой; Со страхомъ очи отвратила — И скрылась въ темнотѣ ночной.

MON PORTRAIT.

[барону и. ө. гревеницу].

Vous me demandez mon portrait, Mais peint d'après nature: Mon cher, il sera bientôt fait, Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson Encore dans les classes; Point sot, je le dis sans façon Et sans fades grimaces.

Oui! il ne fut de babillard, Ni docteur de Sorbonne Plus ennuyeux et plus braillard Que moi-même en personne.

Ma taille, à celle des plus longs, Los n'est point égalée; J'ai le teint frais, les cheveux blonds Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas, Je hais la solitude; J'abhorre et noises et débats, Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort, Et d'après ma pensée, Je dirais ce que j'aime encore, Si je n'étais au lycée.

Après cela, mon cher ami, L'on peut me reconnaître: Oui! tel que le bon Dieu me fit, Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie, Vrai singe par sa mine, Beaucoup et trop d'étourderie— Ma foi—voilà Pouchkine.

городокъ.

[rb ***].

Прости мнѣ, милый другь, Двухлѣтнее молчанье;

Писать теб' посланье Миъ было недосугъ. На тройкъ принесенный Изъ родины смиренной Въ великій градъ Петра. Отъ утра до утра Лва года все кружился Безъ дъла въ хлопотахъ. Зъвалъ и веселился Въ театръ, на пирахъ; Не вѣдалъ и покои, Увы! ни на часокъ. Какъ будто у налоя Въ великій четвертокъ Измученный дьячокъ. Но слава, слава Богу! На ровную дорогу Я выёхаль теперь. Ужъ вытолкалъ за дверь Заботы и печали. Которыя играли — Стыжусь — столь долго мной, И въ тишинъ святой Философомъ ленивымъ, Отъ шуму вдалекъ, живу я въ городкъ Безвъстностью счастливомъ. Я нанядъ свётлый домъ: Съ диваномъ, съ камелькомъ Три комнатки простыя — Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ, И ткани выписныя Не кроютъ ихъ паркетъ. Окошки — въ садъ веселый, Глѣ липы престарѣлы Съ черемухой цв туть;

Гив мив въ часы полдневны Березокъ своды темны Прохладну свиь дають; Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной Сплелся съ фіалкой нѣжной, И быстрый ручеекъ, Въ струяхъ неся цвътокъ, Невидимый для взора, Лепечетъ у забора. Здёсь добрый твой поэтъ Живетъ благополучно; Не ходить въ модный свёть; На улицъ каретъ Не слышень стукь докучной; Здёсь грома вовсе нёть: Лишь изрѣдка телега Скрипитъ по мостовой, Иль путникъ, въ домикъ мой Пришедъ искать ночлега, Дорожною клюкой Въ калитку постучится....

Блажент, кто веселится
Въ поков, безъ заботъ,
Съ квиъ втайнъ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ;
Блаженъ, кто на просторв
Въ укромномъ уголкв,
Не думаетъ о горв,
Гуляетъ въ колпакв,
Пьетъ, встъ, когда захочетъ,
О гоств не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лвниться одному
Въ постелв не мъщаетъ;
Захочетъ — Аонидъ

Толиу къ себъ сзываетъ: Захочеть -- сладко спить, На Риемова склоняясь И тихо забываясь. Такъ я, мой милый другъ, Теперь расположился: Съ толпой безстыдныхъ слугъ На вѣки распростился; Укрывшись въ кабинетъ. Одинъ я не скучаю, И часто пълый свътъ Съ восторгомъ забываю. Друзья мив — мертвецы, Парнасскіе жрецы. Надъ полкою простою, Подъ тонкою тафтою, Со мной они живутъ. Пѣвцы краснорѣчивы. Прозаики шутливы — Въ порядкъ стали тутъ. Сынъ Мома и Минервы, Фернейскій злой крикунь, Поэтъ въ поэтахъ первый, Ты здёсь, сёдой шалунъ! Онъ Фебомъ быль воспитанъ, Издетства сталь пінть; Всвхъ больше перечитанъ, Всъхъ менъе томить; Соперникъ Эврипида, Эраты нѣжный другъ, Арьоста, Тасса внукъ – Скажу ль?... Отецъ Кандида! Онъ все: вездѣ великъ Единственный старикъ! На полкъ за Вольтеромъ Виргилій. Тассъ съ Гомеромъ,

Всв вмвств предстоятъ Въ часъ утренній досуга Я часто другь оть друга Любдю ихъ отрывать. Питомпы юныхъ Грацій — Съ Державинымъ потомъ Чувствительный Горацій Является вдвоемъ. И ты, пъвецъ любезной, Поэзіей прелестной Сердца привлекцій въ плѣнъ, Ты здёсь, лёнтяй безпечный, Мудрецъ простосердечный, Ванюша Ляфонтенъ, Ты здёсь!... и Дмитревъ нёжный, Твой вымысель любя, Нашель пріють надежный Съ Крыловымъ близъ тебя. Но вотъ наперсникъ милой Психеи златокрылой!* О добрый Ляфонтенъ, Съ тобой онъ смѣлъ сразиться.... Коль можешь ты дивиться. Дивись: ты побъжденъ! Воспитанны Амуромъ Вержье, Парни съ Грекуромъ Укрылись въ уголокъ ГНе разъ они выходятъ И сонъ отъ глазъ отводятъ Подъ зимній вечерокъ]. Здёсь Озеровъ съ Расиномъ, Руссо и Карамзинъ: Съ Мольеромъ-исполиномъ Фонъ-Визинъ и Княжнинъ За ними, хмурясь важно,

^{*} И. О. Боглановичъ.

Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно
Въ шестнаддати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лягариа видёть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли На самой нижней полкъ Всв школьнически толки, Лежащіе въ пыли: Визгова сочиненья, Глупона псалмопенья, Извъстныя творенья, Увы, однимъ мышамъ! Миръ вѣчный и забвенье И прозв и стихамъ! Но ими огражденну [Ты долженъ это знать], Я спряталь потаенну Сафьянную тетрадь. Сей свитокъ драгоцінный, Вѣками сбереженный, Отъ члена русскихъ силъ, Двоюроднаго брата, Драгунскаго солдата Я даромъ получиль. Ты, кажется, въ сомивным.... Не трудно отгадать; Такъ, это сочиненьи, Презрѣвшія /печать. Хвала вамъ, чада славы, Враги парнасскихъ узъ! () князь, наперсникъ музъ,

^{*} Кн. Д. П. Горчановъ.

Люблю твои забавы; Люблю твой колкій стихъ Въ посланіяхъ твоихъ; Въ сатиръ — знанье свъта И слога чистоту, И въ рѣзвости куплета Игриву остроту. И ты, насмёшникъ смёлый, 1 Въ ней мъсто получилъ, Чей въ Алъ стихъ веселый Поэтовъ раздражиль, Какъ, въ юношески лѣты, Въ волнахъ туманной Леты Ихъ гуртомъ потопилъ; И ты, замысловатый Буянова пѣвецъ, 2 Въ картинахъ столь богатый И вкуса образецъ; И ты, шутникъ безпѣнный. Который Мельпомены Котурны и кинжаль Игривой Тальи даль!³ Чья кисть мий нарисуеть, Чья кисть скомпанируетъ Такой оригиналъ! Тутъ вижу я съ Чернавкой Подщина слезы льетъ; Здёсь князь дрожить подъ лавкой, Тамъ дремлетъ весь совътъ; Въ трагическомъ смятеньи Плъненные цари, Забывъ войну, сраженьи.

¹ К. Н. Батюшковъ. Его стихотвореніе: «Видѣніе на берегахъ Леты».

² В. Л. Пушкинъ. Его стихотвореніе: «Опасный сосёдъ».

³ И. А. Крыловъ. Его траги-комедія: «Труифъ».

Играютъ въ кубари... Но назову ль детину, Что доброю порой Тетради половину Наполнилъ лишь собой!... 1 О ты, высотъ Парнасса Бояринъ небольшой, Но пылкаго Пегаса Навздникъ удалой! Намаранныя оды. Убранство чердаковъ, Гласять изъ рода въ роды: Великъ, великъ Свистовъ! 2 Твой даръ цёнить умёю, Хоть право не знатокъ; Но завсь тебъ не смъю Хвалы сплетать вѣнокъ: Свистовскимъ должно слогомъ Свистова восифвать: Но убирайся съ Богомъ! Какъ ты, въ томъ клясться радъ, Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынѣ Любимые творцы!
Займите же отнынѣ Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними, То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари

¹ И. С. Барковъ.

² Гр. Д. И. Хвостовъ.

Потонеть въ яркомъ златъ, И свътлые цари Смеркающейся нощи Плывуть по небесамъ, И тихо дремлють рощи, И шорохъ по лѣсамъ — Мой геній невидимкой Летаетъ надо мной. йонгон ишит жи в. И Сливаю голосъ свой Съ пастушьею волынкой. Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ, Кто лиру въ даръ отъ Феба Во пвътъ лней возьметъ! Какъ смълый житель неба. Онъ къ солнцу воспаритъ, Превыше смертныхъ станетъ И слава громко грянетъ: «Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»

Но ею мнѣ ль гордиться, Но мив ль безсмертьемъ льститься?... До слезъ я спорить радъ, Не бысь лишь объ закладъ... Какъ знать, и мнъ, быть можетъ, Печать свою наложить Небесный Аполлонъ; Сіяя горнимъ свётомъ, Безтрепетнымъ полетомъ Взлечу на Геликонъ. Не весь я преданъ тлѣнью. Съ моей, быть можетъ, тѣнью Полуночной порой Сынъ Феба молодой, Мой правнукъ просвъщенный. Бесѣдовать придетъ

И, мною вдохновенный, На лиръ воздохнетъ.

Покамъстъ, другъ безцвиный. Каминомъ освъщенный, Сижу я подъ окномъ Съ бумагой и перомъ. Не слава предо мною, Но дружбою одною Я нынъ влохновенъ.... Мой другъ, я счастливъ ею: Почто жъ ея сестрой, Любовію младой, Напрасно пламентю? Иль юности златой Вотще даны мив розы, И дить на въки слезы Въ юдоли, гдв расцвълъ. Мой горестный удълъ?... Пъвца сопутникъ милой. Мечтанье легкокрыло, О, будь же ты со мной! Дай руку сладострастью, И съ чатей круговой Веди меня ко счастью Забвенія тропой; И въ часъ безмолвной ночи, Когла лѣнивый макъ Покроетъ томны очи, На вътреныхъ крылахъ Примчись въ мой домикъ тъсной, Тихонько постучись, И въ типинъ предестной Съ любимпемъ обнимись! Мечта! въ волшебной съни Мив милую яви.

Мой свъть, мой добрый геній, Предметъ моей любви! И блескъ очей небесный, Ліющихъ огнь въ сердца, И Грацій станъ прелестный, И снъть ен лица; Представь, что на коленяхъ Покоясь у меня, Въ порывистыхъ томленьяхъ Склонилася она Ко груди грудью страстной, Устами на устахъ; Горитъ лицо прекрасной И слезы на глазахъ!... Почто стрълой незримой Уже летишь ты влаль? Обманетъ — и пропалъ Бътлецъ невозвратимой! Не слышить плачь и стонь, И гав крылатый сонъ? Исчезнеть обольститель. И въ сердцъ грусть-мучитель!

Но все ли, милый другъ, Быть счастья въ упоеньѣ? И въ грусти томный духъ Находитъ наслажденье: Люблю я въ лѣтній день Бродить одинъ съ тоскою. Встрѣчать вечерню тѣнь Надъ тихою рѣкою, И съ сладостной слезою Въ даль сумрачну смотрѣть; Люблю съ моимъ Марономъ, Подъ яснымъ небосклономъ, Близъ озера сидѣть,

Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной, Оставя злакъ прибрежной, Любви и нѣги полнъ, Съ подругою своею. Закинувъ гордо шею, Плыветь во златъ волнъ: Или, для развлеченья, Оставя книгъ ученье, Въ досужный мнѣ часокъ У добренькой старушки Душистый пью чаекъ; Не подхожу я къ ручкъ, Не шаркаю предъ ней, Она не присвлаетъ. Но тотчасъ же въстей Мив пропасть наболгаеть. Газеты собираеть Со всвхъ она сторонъ, Все свъдаетъ, узнаетъ: Кто умеръ, кто влюбленъ, Кого жена по мотъ Рогами убрала, Въ которомъ огородъ Капуста цвътъ дала; Өома свою хозяйку Ни-за-что наказалъ, Антошка балалайку, Играя, разломаль — Старушка все разскажеть. Межъ тъмъ какъ юбку вяжетъ, Болтаетъ все свое: А я сижу смиренно Въ мечтаньяхъ углубленной, Не слушая ее, Ни ринмы Удалова. Такъ нѣкогла Свистова

Въ столицѣ я внималъ, Когда свои творенья Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ. Ахъ, видно Богъ пыталъ Тогда мое териѣнье!

Иль добрый мой сосыдъ, Семидесяти лѣтъ, Уводенный отъ службы Маіоромъ отставнымъ, Зоветь меня изъ дружбы Хльбъ-соль откущать съ нимъ. Вечернею пирушкой Старикъ, развеселясь, За дёдовскою кружкой Въ прошедшемъ углубясь, Съ очаковской мелалью На раненой груди, Воспомнить ту баталью, Гдѣ, роты впереди, Летълъ на встръчу слави, Но встрѣтился съ ядромъ, И палъ на долъ кровавый Съ булатнымъ палашемъ. Всегда я радъ душою Съ нимъ время провождать, Но, Боже, виноватъ! Я каюсь предъ тобою, Служителей твоихъ, Поповъ я городскихъ Воюсь, боюсь бесты: И свадебны объды За тѣмъ лишь не терплю, Что сельскихъ іереевъ, Какъ напа іудеевъ. Я вовсе не люблю;

А съ ними крючковатый Подъяческій народъ, Лишь взятками богатый И ябеды оплотъ. Но, другъ мой, если вскоръ Увижусь я съ тобой, То мы уходимъ горе За чашей круговой; Тогда, клянусь богами [И слово ужъ сдержу], Я съ сельскими попами Молебенъ отслужу. *

ЭПИГРАММЫ.

1.

Аристъ намъ объщалъ трагедію такую, Что всъ отъ жалости въ театръ заревутъ, Что слезы зрителей ръкою потекутъ...

Мы ждали драму золотую. И что же? Дождались — и нечего сказать, Достоинству ея нельзя убавить въсу: Ну, право, удалось Аристу написать Прежалостну піесу.

2.

подражание французскому.

Супругою твоей я такъ плѣнидся, Что если бъ три въ удѣлъ достались мнѣ, Подобныя во всемъ твоей женѣ, То даромъ двухъ я бъ отдалъ сатанѣ, Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

^{*} Всябдъ за этимъ стихотвореніемъ нами пом'ящены были отрывки изъ баллады. Между томъ оказалось, что эта баллада Пушкину не принадлежить, почему и исключена. П. Е.

3.

несчастье клита.

[HA RECKETABEREPA].

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ, Противу ямба, корея злобой ужасною дышетъ: Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита, Смыслъ затмѣваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ піита. Спорить о томъ я не смѣю, пусть онъ безвинныхъ поноситъ, Ямбъ охладилъ риемача, гекзаметры жъ онъ заморозитъ.

4.

на него же.

Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ, Онъ пъсни пишетъ зло; Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ; Влюбленъ, какъ Буало.

5.

на поэму шихматова.

«Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, Или спасенная Россія»— Слогъ теменъ, важенъ, напыщенъ, И тяжки словеса пустыя.

6.

на гр. а. к. разумовскаго.

Ты слышаль въсть смъшную? Разумниет получиль въдь ленту голубую.

— Богъ съ нимъ! я недругъ никому: • Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

1815.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛЬ.

Нависъ покровъ угрюмой пощи
На сводъ дремлющихъ небесъ:
Въ безмолвной тишинъ почили долъ и рощи,
Въ съдомъ туманъ дальній лъсъ;
Чуть слышится ручей, бъгущій въ сънь дубравы.
Чуть дышетъ вътерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветь въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветь — и блёдными лучами
Предметы освётила вкругъ;
Ален древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здёсь, вижу, съ тополемъ силелась младая ива
П отразилася въ кристалё зибкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотё цвётетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водонады Стекаютъ бисерной рѣкой: Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды Его лѣнивою волной; А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги. На своды опершись, несутся къ облакамъ. Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги? Не се ль Минервы росской храмъ?

Не се ль Элизіумъ полнощный. Прекрасный царскосельскій садъ,

Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великія жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Зійсь каждый шагь въ душй рождаетъ Воспоминанья прежнихъ лйтъ; Воззрйвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вйщаетъ:
«Исчезло все, Великой нйтъ!»
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вйтрамъ слухъ: Протекшія лйта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами, Надъ твердой, мшистою скалой Вознесси памятникъ. Ширяяся крылами,

Надъ нимъ сидитъ орелъ младой. И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились, Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тъни густой угрюмыхъ сосенъ Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, кагульскій брегъ, поносенъ И славенъ родинъ драгой!
Безсмертны вы во въкъ, о русски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ, Свидѣтель славы россіянъ! Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ, Потомки грозные славянъ, Перуномъ Зевсовымъ поб'вду похищали. Ихъ см'влымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ; Державинъ и Петровъ героямъ п'вснь бряцали Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскор в новый в в къ узр в ль
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать — есть смертнаго уд в лъ.
Влеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью в в нчаннаго царя:
Возсталъ вселенной бичъ — и вскор в лютой брани
Зард в лась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежить во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идуть — ихъ силѣ нѣтъ препоны, Все рушать, все свергають въ прахъ. И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны. Въ воздушныхъ съединясь полкахъ, Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно. Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи.... Но клики раздались!... Идуть въ дали туманной.... Звучатъ кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ! Россіи двинулись сини; Возсталь и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ; Сердца ихъ мщеньемъ возжены. Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья! Ты въ каждомъ ратникъ узришь богатыря. Ихъ цъль: иль побъдить, иль пасть въ пылу сраженья За въру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ, Усѣянъ ратниками долъ, За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ, Восторгъ во грудь ихъ перешелъ; Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ, И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ, Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились — русскій поб'єдитель!

И вспять б'єжить надменный галль;

Но сильнаго въ бояхъ небесный вседержитель
Лучемъ посл'єднимъ ув'єнчаль:

Не здісь его сразиль воитель нос'єд'єлый;

О, бородинскія кровавыя поля!

Не вы неистовству и гордости преділы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!...

Края Москвы, края родные,
Гдё на зарё цвётущихъ лётъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бёдъ,
И вы ихъ видёли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнёвомъ духъ пылалъ!

Гдё ты, краса Москвы стоглавой, Родвмой прелесть стороны? Гдё прежде взору градъ являлся величавой, Развалины теперь одни.

Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ! Исчезли зданія вельможей и царей, Все пламень истребиль, вънцы затмились башенъ, Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пенелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи —
Все мертво, все молчитъ...

Утёшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготёла днесь на ихъ надменной выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бёгутъ, озрёться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снёгахъ рёками течь,
Бёгутъ—и въ тьм'є ночной ихъ гладъ и смерть срётаютъ.
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны.
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

О вы, которыхъ трепетали

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факслъ мщенья? Поникни, Гадлія, главой! Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья Грядетъ съ одивою златой;

Лостойный внукъ Екатерины!

И возсіяль во тьмѣ времень!

Еще военный громъ грохочеть въ отдаленьи. Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ— А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье, И благотворный миръ землѣ.

Почто небесных Аонидъ,
Какъ нашихъ дней п'ввецъ, славянской бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, если бъ Аполлонъ піитовъ даръ чудесной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной

О скальдъ Россіи вдохновенный, Восивышій ратныхъ грозный строй! Въ кругу друзей твоихъ, съ душой восиламененной, Взгреми на арфъ золотой:

Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется, И струны трепетны посыплють огнь въ сердца, И ратникъ молодой вскипить и содрогнется
При звукахъ браннаго пъвца.

[Читано на экзаменъ 4 и 8 января 1815].

КАЗАКЪ.

Разъ полуночной порою, Сквозь туманъ и мракъ, Вхалъ тихо надъ рѣкою Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ, Весь жупанъ въ пыли, Пистолеты при колѣнѣ, Сабля до земли. Върный конь, узды не чуя, Шагомъ выступалъ, Гриву долгую волнуя, Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки, Выломанъ заборъ; Здѣсь — дорога къ деревушкѣ, Тамъ — въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы,» Думалъ хватъ Денисъ; «Ужъ красавицы въ свѣтлицы На ночь убрались.»

Шевельнулъ донецъ уздою, Шпорой прикольнулъ, И помчался конь стрълою— Къ избамъ завернулъ,

Въ облакахъ лума сребрила Дальни небеса; Подъ окномъ сидитъ уныла Дъвица-краса.

Храбрый видить красну дѣву, Сердце бьется въ немъ, Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву— Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темиће, Скрылася луна. Выйдь, коханечка, скорће, Напон коня.»

— Нътъ! Къ мужчинъ молодому Страшно подойти. Страшно выйти мнѣ изъ дому, Коню дать воды.

«Ахъ, небось, дъвица красна, Съ милымъ подружись!» — Ночь красавицамъ опасна. «Радость, не страшись!

«Вѣрь, коханечка, пустое; Ложный страхъ отбрось! Тратишь время золотое; Милая, небось!

«Сядь на борзаго: съ тобою Въ дальній вду край; Будешь счастлива со мною: Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица? Склонилась, Побѣдила страхъ, Робко ѣхать согласилась, Счастливъ сталъ казакъй

Поскавали, полетёли; Дружку другъ любилъ: Былъ ей вёренъ двё недёли, Въ третью измёнилъ.

вишня.

Румяной зарею Покрылся востокъ, Въ селъ за ръкою Потухъ огонекъ. Росой окропились Цвёты на поляхъ, Стада пробудились На мягкихъ лугахъ.

Туманы сёдые Плывуть къ облакамъ, Пастушки младыя Спёшать къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится Источникъ межъ горъ, Вдали золотится Во тьмѣ синій боръ.

Пастушка младая На рынокъ сившитъ И вдаль, припъвая, Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ На полныхъ щекахъ, Невинность блистаетъ На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою Коса убрана, И ножка собою Прельщать создана.

Корсетомъ прикрыта Вся прелесть грудей,

Приманка людей.

Паступка приходитъ Въ вишенникъ густой, вишня.

И много находитъ Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ, Красотку манитъ, Но путь къ нимъ опасенъ— Бъдняжку страшитъ.

Подумавъ, рѣшилась Сихъ вишень поѣсть, За вѣтвь ухватилась На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вътвей.

Бери плодъ рукою — И вишня твоя, Но, ахъ! что съ тобою, Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла, Спѣшитъ пастушокъ— Нога ослабѣла, Скользитъ башмачокъ.

И вѣтвь затрещала, Бѣда! смерть грозитъ! Пастушка упала, Но, ахъ! какой видъ...

Сучекъ преломленный За платье задёль, Пастухъ удивленный Всю прелесть узрёль...

Пастушку несчастну Съ сучка тихо снялъ И грудь свою страстну Къ красоткъ прижалъ.

Вся кровь закипѣла Въ двухъ пылкихъ сердцахъ, Любовь прилетѣла На быстрыхъ крилахъ.

Утёха страданій Двухъ юныхъ сердецъ Въ любви ожиданій Супругамъ вёнецъ....

BOBA.

[OTPHBOLE].

Часто, часто я бесёловаль Съ болтуномъ страны Эллинскія, И не смълъ осиплымъ голосомъ. Съ Шапеленомъ и съ Рифматовымъ, Воспѣвать героевъ Сѣвера. Несравненнаго Виргилія Я читалъ и перечитывалъ, Не стараясь подражать ему Въ нъжныхъ чувствахъ и гармоніи. Разбиралъ я нѣмца Клопштока, И не мотъ понять премудраго: Не хотвль я воспевать, какъ онъ: Я хочу, меня чтобъ поняли Всѣ отъ мала до великаго. За Мильтономъ и Камоэнсомъ Опасался я безъ крыль парить,

Въ серафимовъ жарить пушками, Съ сатаною обитать въ раю. Но вчера, въ архивахъ рояся, Отыскалъ я книжку славную, Золотую, незабвенную, Прочиталъ — и въ восхищеніи Про Бову пою царевича.

Не запомню, сколько лътъ спустя Послѣ рождества Спасителя, Парь Додонъ со славой царствовалъ Въ Светоміре, сильномъ городе. Парь Додонъ вѣнецъ со скинетромъ Не прямой досталь дорогою, Но убивъ царя законнаго, Бендокира слабочмнаго. Парь Додонъ не слабоумнаго Быль достоинь злаго прозвища, Но тирана неусыпнаго Онъ однако не имълъ его]. Лень мне все его постоинства И пороки вамъ показывать; Вы слыхали, люди добрые, О царь, что двадцать цылых льть Не снималь съ себя оружія, Не слъзаль съ коня ретиваго, Всюду пролеталь съ побъдою, Міръ крещеный потопиль въ крови, Не щадиль и некрещенаго, И, въ ничтожество низверженный Александромъ, грознымъ ангеломъ, Жизнь проводить въ униженіи, И, забытый всёми, кличется Нынъ Эльбы императоромъ.... Вотъ таковъ-то быль и царь Додонъ! Разъ, собравъ бородачей совътъ [Безбородихъ не любилъ Додонъ], На престолъ пригорюнившись, Произнесъ онъ имъ такую ръчъ:

«Вы, которые совътами Облегчали тяжесть скипетра, Услаждали участь царскую [Не горька она была ему], Мудрые друзья, сподвижники! Къ вамъ прибъгнуть я ръшаюся: Что мнъ дълать нывъ? Слушайте.»

Всѣ привстали, важно хмуряся, Низко, низко поклонилися, И, поправя усъ и бороду, Съли на скамьи дубовыя. «Вамъ извъстно, продолжалъ Додонъ, Что искусствомъ и неправдою Я достигь престола шаткаго Бендовира слабоумнаго; Сочетался съ Милитрисою, Милой женкой Бендокировой, И въ темницу посадилъ Бову, Принца крови, сына царскаго. Легче, легче захватить было Слабоумнаго златой вёнецъ, Чемъ, напевъ венецъ на голову, За собою удержать его. Вотъ уже народъ безсмысленный, Ходя въ праздники по улицамъ, Межъ собой не разъ говариваль: — Лай Богъ помочь королевичу; Въдь Бова уже не маленькой, Не въ отца своей головушкой. --Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою,

Онъ моимъ опасенъ замысламъ. Что мей дёлать съ нимъ, скажите мей?»

Все собранье призадумалось, Всѣ въ молчаный потупили взоръ. То-то право золотой Совътъ: Не болтали здъсь, а думали. Арзаморъ, мужъ старый, опытный, Ротъ открылъ-было [совътовать Знать хотвлось посвлвлому], Громко крякнулъ, но одумался, И въ молчаньи закусилъ языкъ. Ко лбу перстъ приставя тщательно, Лекарь славный, Эскулапа внукъ, Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ, Табакеркою поскрипываль, Но молчаль; своей премудрости Онъ предъ всёми не показывалъ. Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею, Стражи трона, славны рыцари, Всв сидвли будто вконаны. Громобурь, извёстный силою, Но умомъ непроницательный, **Думаль**, думаль и нечаянно Задремаль и захрапёль въ углу. Что приміра лучше дійствуєть, Что людьми сильнъй ворочаеть? Вотъ зѣвнули подъ перчаткою Храбрый Мировзоръ съ Ивашкою, И Полканъ, и Арзаморъ съдой, И ко груди приклонилися Тихо головами буйными. Глядь — съ Додономъ задремалъ совътъ, Захрапъли многомыслящи!

Долго бъ спать было советникамъ, Если бъ немцу не пришлось изъ рукъ Табакерку на полъ выронить. Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилась Громобуря, кръпко спавшаго, Загремъла, раздвоилася, Отлетъла въ разны стороны. Храбрый воинъ пробуждается, Озпраетъ все собраніс; Между тъмъ табакъ разсыпался, Къ носу рыцаря подъемлется, И чихнулъ герой съ досадою, Такъ, что своды потрясаются, Окны всъ дрожатъ и сыплются, И на петляхъ двери хлопаютъ; Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричаль герой; Царь! Бова тебѣ не надобенъ, Ну, и къ чорту королевича! Рѣшено — ему въ живыхъ не быть. Послѣ, братцы, вы разсудите, Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.» Тѣмъ и кончилъ: храбры воины Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ! Царь промолвилъ протянувшися; Завтра, други, мы увидимся, А теперь ступайте всѣ домой.»

Оплошалъ Додонъ отсрочкою; Не твердилъ онъ върно въ азбукъ: «Не откладывай до завтраго, Что сегодня можешь выполнить.» Разошлися всъ придворные. Ночь межъ тъмъ уже сгущалася; Царь Додонъ въ постелю царскую Вмѣстѣ съ милой легъ супругою, Съ несравненной Милитрисою, Къ ней спиною повернувшися: Въ эту ночь его величеству Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка, Зоя, молодая двица ГАнгелъ станомъ, взоромъ, личикомъ, Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою], Съ госпожи снявъ платье шолково, Юбку, чепчикъ, ленты, кружева, Все подъ ключъ въ комодъ спрятала И пошла тихонько въ девичью. Тамъ она сама раздѣлася, Подняла съ трудомъ окошечко, И легла въ постель пуховую, Ожидая друга милаго, Свѣтозара, пажа парскаго: Къ темной ночкъ объщался онъ Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату. Ждетъ, пождетъ дъвица красная — Нътъ какъ нътъ все друга милаго. Чу.... быеты полночы; что же Зоиныка? Видитъ: входитъ къ ней въ окошечко — Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго? Нътъ, совсвиъ не то, читатели! Видитъ Зоя привидѣніе: Старичишка съ длинной шапкою, Въ балахонъ вмъсто мантіи, Опоясанный мочалкою. Видъ противный, глазъ на выкатъ, Ротъ разинутъ, зубы скалятся, Уши длинныя, ослиныя Надъ плечами громко хлопаютъ....

Зоя смотрить и со трепетомъ Узнаеть она, читатели, Бендокира слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная. Стала на колени Зоинька. Съединила ручку съ ручкою, Потупила очи ясныя, Прочитала скорымъ шепотомъ Отче нашъ и Богородицу, И тихохонько промодвила: Что я вижу? Боже! Господи! О Никола, Савва мученикъ, Освните беззащитичю! Ты ли это, царь нашъ, батюшка? Отчего, скажи, оставиль ты Нынъ парствіе небесное?> Страннымъ смѣхомъ освѣтившися, Тень рекла прекрасной Зоиньке: «Зоя, Зоя! не страшись, мой свъть! Не пугать тебя мив хочется, Не на то сюда явился я Съ того свъта привидъніемъ. Весело пугать живыхъ людей; Но могу ли веселиться я, Если сына Бендокирова. Милаго Бову паревича, На востръ изжарять завтра же?>

Бѣдный царь заплакаль жалобно; Больно стало доброй дѣвушкѣ. — Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ? Я во всемъ тебѣ покорствую.

«Вотъ что хочется мив, Зоинька: Изъ темницы сына выручи,

И сама въ жилище мрачное Сядь на мѣсто королевича; Пострадай ты за невиннаго; Поклонюсь тебѣ низехонько И скажу: спасибо, Зоинька!>

Зоинька тутъ призадумалась; Это жестко ей казалося; Но, имън чувства нъжныя, Зоя втайнъ согласилася На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи, Говоря, что жены, слабыя Противъ стрѣлъ Эрота юнаго, Всѣ имѣютъ душу добрую, Сердце нѣжно-непритворное! — Но скажи, о царь возлюбленный! Зоя молвила покойнику, Какъ могу — ну, посуди ты самъ — Пренестись въ темницу мрачную, Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ? Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ Днемъ и ночью стерегутъ его. Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ, Обмануть ихъ очи зоркія?

«Будь спокойна, случай найдется; Поклянись лишь только, милая, Не отвергнуть сего случая, Если самъ тебъ представится.» — Я клянусь! сказала дъвица. Вмигъ исчезло привидъніе, Изъ окошка быстро вылетъвъ. Воздыхая тихо, Зоинька

Опустила туть окошечко, II въ постели успоконвшись, Скоро, скоро сномъ забылася.....

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБЪ.

Вечерняя заря въ пучпнъ догорала, Надъ мрачной Эльбою носилась тишина. Сквозь тучи блъдныя тихонько пробъгала Туманная луна;

Уже на западъ, съдой одътый мглою, Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ: Одинъ во тъмъ ночной надъ дикою скалою Силълъ Наполеонъ.

Въ умъ губителя тъснились мрачны думы: Онъ новую въ мечтахъ Европъ цъпь ковалъ, И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,

Свирфио прошенталъ: «Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило, Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ, Не выплыветь ни утлый въ море челнъ, Ни гладный звърь не взвоеть надъ могилой. Я здёсь одинь, мятежной думы полнъ.... О, скоро ли, напънясь подъ рулями, Меня помчить покорная волна, И спящихъ водъ прервется тишина?... Волнуйся ночь надъ эльбскими скалами, Мрачнъе тьмись за тучами, луна! Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины; Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй! Ужъ міръ лежить въ оковахъ предо мной! Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины, И гряну вновь погибельной грозой! И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами,

Съ мечемъ въ рукахъ побъда полетитъ, Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ, И троны въ прахъ низвергну я громами, И сокрушу Европы дивный щитъ!... Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило, Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ, Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ, Ни гладный звърь не взвоетъ надъ могилой — Я здъсь одинъ, мятежной думы полнъ....

О счастье! злобный обольститель!
И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И върный пестунъ съ юныхъ дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело,
И скрыло дерзостной рукою
Въ вънцахъ лавровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнъ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкругъ меня,
И слава въ блескъ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...

Но туча грозная нависла надъ Москвою, И грянулъ мести громъ!...

Полнощи царь младой, ты двигнулъ ополченья— И гибель вслъдъ пошла кровавымъ знаменамъ, Отозвалось могущаго паденье,

И миръ землъ, и радость небесамъ, А мнъ — позоръ и заточенье!

> И раздробленъ мой звонкій щить, Не блещеть шлемъ на пол'є браней, Въ прибрежномъ злак'є мечъ забыть И тускнеть на туман'є.

И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей

Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,

И стукъ блистающихъ мечей, И падшихъ ярое степанье.

Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадний слухъ; Умолкъ сраженій кликъ знакомый, Вражды кровавой гаснутъ громы И факелъ мщенія потухъ.

Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая! Уже летитъ ладья, гдъ грозний тронъ сокрытъ;

Кругомъ простерта мгла густая, И, взоромъ гибели сверкая,

и, взоромъ гиоели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
Рыдай! твой бичъ возсталъ — и все падетъ во прахъ,
Все гибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
Паремъ возсяду на гробахъ!>

Умолеъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни, И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ повинувъ темны сѣни, Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ; Восточная звѣзда играла въ океанѣ, И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.

И Галлія тебя, о хищникъ, освинла! Побътли съ трепетомъ законные цари. Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла Лицо пылающей зари,

Простерлась тишина надъ бездною съдою. Мрачится неба сводъ, гроза во мглъ виситъ, Все смолкло.... трепещи! Погибель надъ тобою И жребій твой еще сокрыть!

лицинию.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ, Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ, Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой Въ толпу народную летитъ по мостовой? Смотри, какъ всв предъ нимъ смиренно спину клонятъ: Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонять! Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ Умильно вследь за нимъ стремить усердный взглядь; Ждуть, ловять сь трепетомь улыбки, глазь движенья, Какъ будто дивнаго боговъ благословенья: И дети малыя, и старцы въ сединахъ, Всв ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ: Для нихъ и следъ колесъ, въ грязи напечатленный, Есть ніжій памятникъ почетный и священный. О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ? Кто васъ поработиль и властью оковаль? Квириты гордые полъ иго преклонились. Кому жъ, о небеса, кому поработились! [Скажу ль?] Ветулію! Отчизны стыдъ моей, Развратный юноша возсёль въ совёть мужей; Любименъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ. На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ; Ветулій римлянъ царь!... О стыдъ, о времена! Пли вселенная на гибель предана? Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою, Въ изорванномъ илащъ, съ дорожною клюкою, Сквозь шумную толиу нахмуренный идеть? Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ? «Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу; Навъкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.» Лициній, добрый другь! Не лучше ли и намъ, Смиренно поклонясь Фортунъ и мечтамъ, Съдаго циника примъромъ научиться? Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься, Гдѣ все продажное: законы, правота, И консуль, и трибунь, и честь, и красота? Пускай Глицерія, красавица младая, Равно всемъ общая, какъ чаша круговая,

Неопытность другихъ въ наемну ловитъ съть! Намъ стыдно слабости съ морщинами имъть: Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій: Пускай безстыдный Клить, слуга вельможь Корнелій, Торгують подлостью и съ дерзостнымъ челомъ Отъ знатныхъ въ богачамъ полугъ изъ дома въ помъј Я сердцемъ римлянинъ; кипить въ груди свобола: Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа. Лициній, посившимъ далеко отъ заботъ. Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ! Завистливой судьбы въ душт презртвъ удары, Въ деревню пренесемъ отеческіе дары! Въ прохладъ древнихъ рошъ, на берегу морскомъ. Найти не трудно намъ укромный, свътлый домъ. Гдъ, больше не страшась народнаго волненья. Подъ старость отдохнемь въ глуши уединенья. И тамъ, расположась въ уютномъ уголев, При дубъ пламенномъ, возженномъ въ комелькъ. Воспомнивъ старину за дедовскимъ фіаломъ, Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ. Въ сатиръ праведной порокъ изображу И нравы сихъ въковъ потомству обнажу. О Римъ, о гордый край разврата, злодъянья! Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья. Предвижу грознаго величія конець: Падетъ, падетъ во прахъ вселенния вънецъ. Народы юные, сыны свиръпой брани, Съ мечами на тебя подымуть мощны длани, И горы, и моря оставять за собой И хлынуть на тебя кипящею ръкой. Исчезнеть Римъ; его покроетъ мракъ глубокой; И путнивъ, устремивъ на груды камней око, Воскликнеть, въ мрачное раздумье углубленъ: «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

къ александру пвановичу

ГАЛПЧУ

Пускай угрюмый риомотворъ, Повитый макомъ и кранивой, Холодныхъ одъ творецъ ретивой, На скучный ладъ силетая вздоръ. Зоветь объдать генерала; О Галичь, върный другь бокала И жирныхъ утреннихъ пировъ, Тебя зову, мудрецъ ленивой, Въ пріють поэзін счастливой, Поль отдаленный нфги кровъ! Іавно въ моемъ уединеньи, Въ кругу бутылокъ и друзей, Не зръли кружки мы твоей, Подруги долгихъ наслажденій, Остротъ и хохота гостей. Въ тебъ трудиться нътъ охоты: Садись на тройку злыхъ коней, Оставь Петрополь и заботы, Лети въ счастливый городокъ, Зайли къ жиду Золотареву, * Въ его всвиъ общій уголокъ; Мы тамъ, собравшися въ кружокъ, Прольемъ вина струю багрову, ІІ съ громомъ двери на замокъ Запретъ веселье молодое. II хлынетъ пиво золотое, И гордый на столь пирогъ Ірузей стёсненными рядами, Сверкая свътлыми ножами, Съ тобою храбро осадимъ,

^{*} Матвы Алексвевичъ — лиценскій экономъ.

И мигомъ стѣны разгромимъ: Когла жъ. виномъ отягошенный. Съ главой въ колени преклоненной, Захочешь въ мпрф отдохнуть, И вдругъ, спускаясь на подушку, Лабы спокойнъе заснуть, Уронишь налитую кружку На старый, бархатный диванъ, Тогда посланія, куплеты, Баллады, басенки, сонеты Покинуть скромный нашь кармань. И крипокъ сонъ линивца будетъ!... Но рюмовъ звонъ тебя разбудитъ. Ты вскочишь съ бодрой головой. Оставишь смятую подушку, Подымешь милую подружку — И въ кельъ снова паръ горой.

О Галичъ! времи невозвратно. П близокъ, близокъ грозный часъ! Когда, послыша славы гласъ. Покину кельи кровъ пріятной, Татарскій сброшу свой халатъ. Простите, девственныя музы! Прости, пріють младыхь отрадъ! Надъну узкія рейтузы. Завью въ колечки гордый усъ, Заблещетъ пара эполетовъ. II я, питомець важнихи музь, Въ числѣ воюющихъ корнетовъ! О Галичъ, Галичъ, посившай! Тебя зовуть и сонт ленявый, И другъ ни скромный, ни сифсивый. II кубокъ, полный черезъ край!

СЛЕЗА.

[к. п. бакуниной].

Вчера за чашей пуншевою Съ гусаромъ я сидѣлъ, * И молча съ мрачною душою На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?» Мой храбрый вопросиль: «Еще по ней ты, слава Богу, Друзей не проводиль.»

Къ груди поникнувъ головою, Я скоро прошепталъ: «Гусаръ, ужъ нѣтъ ее со мною!...» Вздохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ И канула въ бокалъ. «Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ! Стыдись!» онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!... Ты, знать, не горевалъ! Увы! одной слезы довольно, Чтобъ отравить бокалъ!»

СТАРИКЪ.

[HIS MAPOTA].

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной, Кому дивился прежде свётъ:

^{*} Царскосельскій знакомецъ Пушкина А. Н. Зубовъ.

Моя весна и лёто красно
Навёкъ прошли, пропалъ и слёдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вёрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бъ я тебё служилъ!

КЪ ИВ. ПВ. ПУЩПНУ.

Любезный имениникъ. О Пущинъ дорогой! Прибредъ къ тебъ пустынникъ Съ открытою душой. Съ прищельцемъ обнимися, Но добраго пъвца Встрвчать не суетися Съ параднаго крыльца: Онъ гость безъ этикета, Не требуетъ привъта Лукавой суеты. Прими жъ его лобзанья И чистыя желанья Сердечной простоты! Устрой гостямъ пирушку. На столикъ вощаной Поставь пивную кружку И кубокъ пуншевой. Старинный собутыльникъ, Забудемся на часъ! Пускай ума свётильникъ Погаснеть нынъ въ насъ, Пускай старикъ крылатый Летитъ на почтовыхъ! Намъ дорогъ мигъ утраты Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливь, другь сердечный! Въ спокойствіи здатомъ Течетъ твой въкъ безпечный. Проходить день за днемъ, И ты въ бесвив грацій, Не зная черныхъ бѣдъ, Живень какъ жилъ Горапій. Хотя и не поэтъ. Подъ кровомъ небогатымъ Ты вовсе незнакомъ Съ зловещимъ Иппократомъ, Съ нахмуреннымъ попомъ; Не видишь у порогу Толпящихся заботъ; Нашли къ тебъ дорогу Веселость и Эротъ; Ты любишь звонъ стакановъ И трубки дымъ густой, И демонъ метромановъ Не властвуетъ тобой. Ты счастливь въ этой доль --Скажи, чего же болъ Мив другу пожелать? Прійдется замолчать....

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями Встрвчая сотый май, Покрытый сёдинами, Сказалъ тебё стихами: «Вотъ кубокъ, наливай! Веселье, будь до гроба Сопутникъ вёрный нашъ, И пусть умремъ мы оба При стуке полныхъ чашъ!»

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ.
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія Ребенка полюбиль, Въ дни рѣзвости златыя Мнѣ дудку подарилъ. Знакомясь съ нею, рано Дудилъ я безпрестанно; Нескладно коть игралъ, Но музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы, И другъ пермесскихъ дѣвъ, Ты хочешь, чтобы славы Стезею полетѣвъ, Простясь съ Анакреономъ, Спѣшилъ я за Марономъ, И пѣлъ при звукахъ лиръ Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ: Охота—скудный даръ; Пою полъ чуждымъ небомъ, Вдали домашнихъ ларъ. П съ дерзостнымъ Икаромъ Страшась летать, не даромъ Бреду своимъ путемъ: «Будь всякій при своемъ».

вода и вино.

Люблю я въ полдень воспаленной Прохладу черпать изъ ручья, И въ рощъ тихой, отдаленной Смотръть, какъ плещетъ въ брегъ струя. Когда жъ вино въ края поскачетъ, Напънясь въ чашъ круговой, Друзья, скажите — кто не плачетъ, Заранъ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ дерзновенный, Кто первый гръшною рукой, Нечестьемъ буйнымъ ослъпленный, О страхъ, смъсилъ вино съ водой! Да будетъ проклятъ родъ злодъя! Пускай не въ силахъ будетъ пить, Или, стаканами владъя, Ляфитъ съ цымлянскимъ различить.

погревъ.

О сжальтесь надо мною, Товарищи, друзья! Красоткой удалою Въ конецъ измученъ я!

Всечастно я тоскую; Горька моя судьба! Несите жъ круговую, Откройте погреба. Тамъ, тамъ во льду хранится Бутыловъ гордый строй, И портера таится Боченовъ выписной.

Нашъ Либеръ, заикаясь, Къ нему покажетъ путь: Пойдемте всѣ, шатаясь, Подъ бочками заснуть!

Въ нихъ сердца утвиенье, Награда для пвидовъ, И мукъ любви забвенье, И жаръ моихъ стиховъ.

воспоминаніе.

[къ пущину].

Помнишь ли, мой брать по чашѣ, Какъ въ отрадной тишинѣ, Мы топили горе наше Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо Въ нашемъ темномъ уголеѣ, Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво, Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ, Рюмокъ грустное молчанье, Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипъвъ, о сколь прекрасно Токи дымные текли!...

Вдругъ педанта гласъ ужасной Намъ послышался вдали:

И бутылки вмигъ разбиты. И бокалы всѣ въ окно, Всюду по полу разлиты Пуншъ и свѣтлое вино.

Убъгаемъ торопливо... Вмигъ исчезъ минутный страхъ! Щекъ румяныхъ цвътъ игривой, Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья, Неподвижный, тусклый взоръ— Измъняли чадъ похмълья, Сладкій Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны! Вамъ клянуся, за столомъ Всякій годъ, въ часы безпечны, Поминать его виномъ.

мечтатель.

По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложъ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мъсячномъ сіяньи,
Слетаютъ ръзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожать златыя струны.
Въ глухой, безмольный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечтаньемъ вдохновенной,
Летаетъ ръзвою рукой
На лиръ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучный щитъ И съ видомъ дерзновеннымъ, Миъ слава издали грозитъ Перстомъ окровавленнымъ, И бранны въются знамена, И пышетъ бой кровавый — Прелестна сердцу тишина; Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнной;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнё спутницей младой До самыхъ вратъ могилы! Летай съ мечтаньемъ надо мной, Расправя легки крылы; Гоните мрачную печаль, Плёняйте умъ.... обманомъ, И милой жизни свётлу даль Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будеть поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнеть, у двери постучась:
«Пора въ жилище твней!...»
Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходить къ мирной свни,
Ввнчанный макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лвни....

князю александру михайловичу ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ, Поэтъ, придворный философъ, Вельможѣ знатному съ поклономъ Подносить оду въ двъсти строфъ; Но я, любезный Горчаковъ, Не просыпаюсь съ пътухами, И напыщенными стихами, Наборомъ громозвучныхъ словъ, Я пъть пустаго не умъю Высоко, тонко и хитро, И въ лиру превращать не смѣю Мое гусиное перо! Нъть, нъть, любезный князь, не оду Тебѣ намѣренъ посвятить; Что прибыли соваться въ воду, Сначала не спросившись броду, И вследъ Державину парить? Пишу своимъ я свладомъ нынъ Кой какъ стихи на именины!

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ Желать отъ чиста сердца другу?

Глубоку ль старость, милый князь, Дѣтей, любезную супругу, Или богатства, громкихъ дней, Крестовъ, адмазныхъ звъздъ, честей? Не пожелать ли, чтобы славой Ты увлечень быль въ путь кровавой, Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ, Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ, И чтобъ побъла за тобою, Какъ превле Невскому герою. Всегда, вездъ летала вслъдъ? Не сладострастія поэтъ Такою песенкой поздравитъ.... Онъ лучше музъ на въкъ оставитъ.... Iaй богь любви, чтобъ ты свой въкъ. Питомцемъ нѣжпымъ Эпикура, Провелъ межъ Вакха и Амура! А тамъ, когда стигійскій брегъ Мелькиетъ въ туманномъ отдаленьи, Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи Ты съ томной сладостью въ очахъ, Изъ рукъ младаго Купидона, Вступая въ мрачный челнъ Харона, Уснулъ.... Элены на грудяхъ!

[30 августа]

ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Гдё ты, лёнивецъ мой, Любовникъ наслажденья? Ужель уединенья Не милъ тебё покой? Ужели мнё съ тобой Лишь помощью бумаги

Минуты провождать, И больше не видать Парнасскаго бродяги? На Пиндѣ мой сосѣдъ, И ты отъ музъ укрылся: Минутный домостью. Съ пенатами простился. Ужъ темный уголокъ И садикъ опустъли, Глф мы подвечерокъ За рюмками шумвли, Гдв Комъ насъ угощаль Форелью, пирогами, И пѣнистый бокалъ Намъ Бахусъ подавалъ. Бѣгутъ ужъ дни за днями Безъ дружескихъ собраній; Веселыхъ ппрованій Веселые сыны Съ тобой разлучены; И шумныя беседы И долгіе объды Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной, Вечерней тишиной, Хочу, мудрецъ любезной, Бесѣдовать съ тобой. Ужъ темна ночь объемлетъ Брега спокойныхъ водъ, Мурлыча въ кельѣ дремлетъ Спѣснвый, старый котъ. Покамѣстъ сонъ прелестной, Подъ сѣнью тихихъ крылъ, Въ обители безвъстной Меня не усыпилъ,

Морфея въ ожиданьи Въ постели я лежу, И бъглое посланье. Безъ строгаго старапья, Предателю пишу. Далече той станицы, Гдѣ Фебовы сестрицы, Мив съ ивгой выотъ досугъ — Скажи — среди столицы Чёмъ занять ты, мой другь? Ужель пріють поэта Теперь средь вихря свъта, Вдали родныхъ полей, И ближнихъ, и друзей? Ужель въ театръ шумномъ, Гав аюжій Аполлонъ Партеромъ полуумнымъ Прославленъ, оглушенъ, Измученный напфвомъ Безсмысленныхъ стиховъ, Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ Актеровъ и смычковъ? Или — мудрецъ придворный — Съ улыбкою притворной Предъ лентою цвѣтной Поникнувъ головой, Съ вертушкою слѣпой Знакомиться желаешь? Иль Креза за столомъ Въ куплетъ заказномъ Трусливо величаеть?. Нътъ, добрый Галичъ мой! Поклону ты не сроденъ. Другъ мудрости прямой — Правдивъ и благороденъ: Онъ любитъ тишину;

Судьбъ своей послушной. На барскую казну Взираетъ равнодушно. Рублямъ откупщика Смѣясь веселымъ часомъ, Не сниметъ колпака Философъ предъ Мидасомъ. Пускай не друженъ онъ Съ Фортуною коварной, Но Вакхомъ награжденъ Философъ благодарной, Когда сей богъ младой, Вечернею порой, Ляфить и грогь янтарный Съ улыбкой на устахъ Въ стеклъ ему подноситъ И каплю выпить просить, Качаясь на ногахъ. Мечтанье обнимая. Любовь его ведетъ. И дружба молодая Вънки ему плететъ. И счастливъ онъ, признаться, На дѣлѣ, не въ мечтахъ, Когда минуты мчатся Веселья на крылахъ, Когда друзья-поэты Съ утра до ночи съ нимъ Шумятъ, поютъ куплеты, Пьють мозель разогрѣтый, Пріятелямъ своимъ Посланія читають, И трубку разжигають Безриеминымъ лихимъ!

Оставь же городъ скучной, пушкинь, т. 1.

Съ друзьями съединись, И съ ними неразлучно Въ пустынѣ оживись. Бъги, бъги столицы, О Галичъ мой! сюла. Гав розовой денницы Не виля никогла. Лвиясь подъ одвяломъ, Съ тибурскимъ мудрецомъ Мы часто за бокаломъ Проснемся — и заснемъ. Смотри, тебѣ въ награду Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ, Несетъ свою балладу. И стансы винограду, И къ Лиліи куплетъ — И полонъ становится Твой малый, тёсный домъ; Вотъ съ милымъ острякомъ Нашъ пъсельникъ тащится По лестнице съ гудкомъ, И всв къ тебв нагрянемъ — И снова кажлый лень Стихами, прозой станемъ Мы гнать печали тѣнь. Подруги молодыя Насъ будутъ посъщать; Намъ жизни дни златые Не страшно расточать. Подёлимся съ забавой Мы въкомъ остальнымъ, Съ волшебницею-славой И съ Вакхомъ молодымъ.

къ дельвигу.

Послушай, музъ невинныхъ Лукавый духовникъ, Жилецъ полей пустынныхъ! Поэтовъ грфшный ликъ Умножиль я собою. И я главой поникъ Предъ милою мечтою. Мой дядюшка-поэтъ На то мнъ далъ совътъ И съ музами сосваталъ. Сначала я шалилъ. Шутя стихи кроилъ, А тамъ ихъ напечаталъ — И воть теперь я брать Тому, сему, другому, Безтолкову, Пустому. Да я жъ и виноватъ, Да ты же мнв въ досаду [Что скажеть былый свыть?] Стихами до надсаду Жужжишь Икару вследь: «Смотрите, вотъ поэтъ!...» Спасибо за посланье; Но что мив пользы въ немъ? На грѣшника потомъ Вѣдь станутъ, въ посмѣянье, Указывать перстомъ. Измѣнникъ! съ Аполлономъ Ты, видно, заодно; И мив прослыть Прадономъ Отнынъ суждено. Увы мнъ, метроману! Куда сокроюсь я?

Везлъ бълы застану: Предатели-друзья Невинное творенье Украдкой въ городъ шлютъ И плодъ уединенья Тисненью предають — Бумагу убивають. Поэта окружають Съ улыбкой остряки: «Ахъ, сударь! мнъ сказали, Вы пишете стишки? Увидъть ихъ нельзя ли? Вы въ нихъ изображали, Конечно, ручейки, Иль тихій вѣтерочекъ, И рошу, и пвъточекъ...» О Дельвигъ! начертали Мнѣ музы мой удѣлъ; Но ты ль мои печали Умножить захотълъ? Въ объятіяхъ Морфея Безпечный духъ лелья. Еще хоть годъ одинъ Позволь мий полиниться И нъгой насладиться: Я право нѣги сынъ! А тамъ, хоть нѣтъ охоты, Но придуть ужь заботы Со всёхъ ко миё сторонъ: Я буду принужденъ Съ журналами сражаться, Съ газетой торговаться, Съ Графовымъ восхищаться.... Помилуй, Аполлонъ!

РАЗСУЛОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафинсъ, гоняясь за Доридой, Постой, кричаль, прелестная, постой! Скажи люблю — и бъгать за тобой Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.

> «Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ. А плутъ Эротъ: «скажи, ты сердцу милъ!»

Ты сердцу милъ! пастушка повторила, И ихъ сердца огнемъ любви зажглись. И паль нь ногамь красавицы Лафнись: И страстный взоръ Дорида потупила! «Бѣги, бѣги!» разсудовъ ей твердилъ,

Осталася, и трепетной рукою Взяль руку ей счастливый пастушокъ; Взгляни, сказаль, съ подругой голубокъ Тамъ обнялись подъ твнью липъ густою! «Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторидъ; «Учись отъ нихъ!» Эротъ ей говорилъ.

А плуть Эроть: «останься!» говориль.

И нѣжная улыбка пробѣжала Красавицы на пламенныхъ устахъ, И воть она съ томленіемъ въ глазахъ Къ любезному въ объятія упала....

«Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталь; Разсудокъ что жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Последнимъ сіяньемъ за лесомъ горя, Вечерняя тихо потухла заря;

Безмолвна долина глухая. Въ туманъ пустынномъ клубится ръка, Лънивой грядою идутъ облака; Межъ ними луна золотая.

Чугунныя латы на холм'в лежать,
Копье раздробленно, въ перчатк'в булать,
И щить подъ шеломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ,
Лежатъ неподвижно — и м'всяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

Вкругъ колма обходитъ другъ сильнаго, конь: Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь, Онъ бранную голову клонитъ. Везпечнымъ копытомъ бъетъ камень долинъ, И смотритъ на латы конь върный одинъ, И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тым'в заблудившись, пришелецъ идетъ: Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ, Склонясь надъ дорожной клюкою. На колмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль Онъ смотритъ, и сходитъ, и звонкую сталь Толкаетъ усталой ногою.

Хладъетъ пришелецъ: кольчуги звучатъ, Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ, По камнямъ шеломъ покатился, Скрывался въ немъ черепъ... При звукъ глухомъ Заржалъ конъ ретивий; скокъ лётомъ на холмъ, Взглянулъ — и главою склонился.

Ужъ путникъ далече въ тъмѣ бродитъ ночной, Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой, Но утро денница выводитъ. Сраженный во бръни на холмѣ лежитъ, И латы недвижны, и шлемъ не стучить, И конь вкругь погибшаго ходить.

мое завъщание друзьямъ.

Хочу я завтра умереть И въ міръ волшебный наслажденья, На тихій берегь водь забвенья, Веселой тѣнью полетѣть. Прости навъкъ очарованье, Отрада жизни и любви! Приближьтесь, о друзья мои! Благоговънье и вниманье! Пъвецъ ръшился умереть. И такъ, съ вечернею луною, Въ саду нельзя ли дернъ одъть Узорной, бълой пеленою? На темный берегъ сонныхъ водъ, Глѣ мы вели бесѣлы наши, Нельзя ль, устроя длинный ходъ, Нести наполненныя чаши? Зовите на последній пиръ Спесивой Семелеи сына, Эрота, друга нашихъ лиръ, Боговъ и смертныхъ властелина. Пускай веселье прибъжить, Махая ръзвою гремушкой, И насъ отъ сердца разсмѣшитъ За полной, пѣнистою кружкой; Пускай игривою толпой Слетять родныя наши музы; Имъ первый кубокъ круговой: Прузья, священны намъ ихъ узы! Ло ранней утренней звъзды, Ло тихаго лучей разсвъта,

Не выйдуть изъ руки поэта Фіалы братской череды. Въ последний разъ мою цевницу, Мечтаній сладостныхъ пъвицу, Прижму къ восторженной груди; Въ последній разъ, томимый нежно, Не вспомню вѣчность и друзей; Въ послёдній разъ на груди снёжной Упьюсь отрадой юныхъ дней! Когла жъ востокъ озолотится Во тьм' денницей молодой, И бълый тополь озарится. Покрытый утренней росой — Подайте гроздъ Анакреона: Онъ быль учителемъ моимъ, И я сойду путемъ однимъ На грустный берегъ Ахерона.... Простите, милые друзья! Подайте руку до свиданья, И дайте, дайте объщанье: Когда навъкъ укроюсь я, Мое исполнить завѣшанье. Приди, пѣвецъ мой дорогой, Воспѣвшій Вакха и Темиру! Тебѣ дарю и лѣнь и лиру: Да будутъ музы надъ тобой! Ты не забудешь дружбы нашей, О Пущинъ, вътреный мудрецъ! Прими съ моей глубокой чашей Увядшій миртовый вѣнеиъ. Друзья! вамъ сердце оставляю

И память прошлыхъ красныхъ дней, Окованныхъ счастливой лёнью На ложё маковъ и лилей. Мои стихи дарю забвенью: Послёдній вздохъ, о други — ей!... На тихій праздникъ погребенья Я вась обязань пригласить. Веселость, другъ уединенья, Билеты будеть разносить. Стекитесь рёзвою толною, Главы въ вёнкахъ, рука съ рукою; И пусть на гробё, гдё пёвецъ Исчезнетъ въ рощахъ Геликона, Напишетъ бёглый вашъ рёзецъ: «Здёсь дремлетъ юноша-мудрецъ, Питомецъ нёгъ и Аполлона.»

К. П. БАКУНИНОЙ.

Итакъ я счастливъ былъ, итакъ я наслаждался, Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...

И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лётомъ сновидѣнья,
Увяла предесть наслажденья
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...

къ живописцу.

[изъ парии].

Дитя харитъ, воображенья! Въ порывъ пламенной души, Небрежной кистью наслажденья, Мнъ друга сердца напиши:

Красу невинности небесной. Надежды робкія черты, Улыбку Душеньки прелестной, И взоры юной красоты; Ввругъ тонкаго Гебеи стана Венеринъ поясъ повяжи; Сокрытой прелестью Альбана Мою царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала Накинь на трепетную грудь, Чтобъ и подъ нимъ она дышала, Хотъла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой— И той, которою дышу, Рукой любовника счастливой Внизу я имя напишу.

P03A.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

[изъ парни].

Все въ таинственномъ молчаньи; Холмъ одълся темнотой;

Ходитъ въ облачномъ сіяньи Полумѣсяцъ молодой. Вижу: лира налъ могилой Дремлетъ въ сладкой тишинъ: Лишь порою звонъ унылый, Будто лёни голось милый, Въ мертвой слышится струнъ. Вижу: горлица на лирѣ, Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ.... Други, здёсь почість въ мирѣ Сладострастія мудрецъ. Посмотрите: на порфирѣ Оживилъ его рѣзецъ! Зайсь онъ въ зеркало глявится. Говоря: я съдъ и старъ. Жизнью дайте жъ насладиться: Жизнь, увы, не вѣчный даръ! Здёсь, поднявъ на лиру длани И нахмуря важно бровь, Хочетъ пъть отъ бога брани, Но поетъ одну любовь. Здёсь, готовяся природё Долгь послёдній заплатить, Старецъ пляшетъ въ хороводъ, Жажду просить утолить. Вкругъ любовника съдаго Лѣвы скачуть и поють; Онъ у времени скупаго Крадетъ нѣсколько минутъ. Вотъ и музы, и хариты Въ гробъ любимца увели: Плющемъ, розами увиты, Игры вследъ за нимъ пошли.... Онъ исчезъ, какъ наслажденье, Какъ веселый сонъ любви. Смертный! въкъ твой привидънье: Счастье рѣзвое лови; Наслаждайся, наслаждайся, Чаще кубокъ наливай, Страстью пылкой утомляйся И за чашей отдыхай!

на возвращение

государя императора изъ нарижа.

въ 1815 году.

Утихла брань племень; въ предблахъ отдаленныхъ Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ; Съ небесной высоты, при звукъ стройныхъ лиръ, На землю мрачную нисходить свътлый миръ. Свершилось!... Русскій царь, достигь ты славной цёли! Вотще надменные на родину летъли; Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ, Въ могушей дерзости, вънчанный исполинъ На гибель грозно шель, влекъ цѣпи за собою: Мечъ огненный блеснуль за дымною Москвою! Звёзда губителя потухла въ вёчной мглё, И пламенный вёнецъ померкнулъ на челё! Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою, Онъ землю русскую не взвидълъ подъ собою. Бъжитъ... и смерти громъ слетълъ ему во слълъ: И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нътъ! Тебъ, нашъ храбрый царь, хвала, благоларенье! Когда полки враговъ покрыли отлаленье. Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ, Колъна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ, Ты браней мечь извлекъ, и клятву далъ святую Отъ ига оградить страну свою родную. Мы вняли клятвъ сей; и гордыя сердца Въ восторгъ пламенномъ летъли вслъдъ отца,

И смертью роковой горфли и дрожали; И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!... Къ мечамъ! — раздался кликъ, и вихремъ понеслись; Знамена, восшумъвъ, по вътру развидись. Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку Младые ратники на грустную разлуку: Сразились: воспылаль свободы ярый бой, И смерть хватала ихъ холодною рукой!... А я... вдали громовъ, въ съни твоей надежной.... Я тихо расцвъталь безпечной, безмятежной! Увы! мнв не судиль таинственный удвль Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрълъ. Сыны Бородина, о кульмскіе герон! Я видёль, какъ на брань летёли ваши строи; Душей восторженной за братьями спѣшиль; Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ? Почто, сжимая мечъ младенческой рукою, Покрытый ранами, не паль я предъ тобою. И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ? Почто великихъ дълъ свидътелемъ не быль? О, сколь величествень, безсмертный, ты явился, Когда на сильнаго съ сынами устремился; И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ, Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ; Тяжелой цёнію съ восторгомъ потрясали И съ робкой радостью другъ друга вопрошали: «Ужель свободны мы?... Ужели грозный паль?... Кто смёлый, кто въ громахъ на Севере возсталь?...> И ветхую главу Европа преклонила, Царя-спасителя колвна окружила Освобожденнею отъ рабскихъ узъ рукой, И власть мятежная исчезла предъ тобой!... И нынъ ты въ сынамъ, о царь нашъ, возвратился, И край полуночи восторгомъ озарился! Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ: Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.

Внемли: повсюду въсть отрадная несется, Повсюду гордый кликъ веселья раздается; По стогнамъ шумъ, вездъ сіяетъ торжество, И ты среди толпы, Россіи божество! Встрвчать вождя победь летять твои дружины; Старикъ, счастливый въкъ забывъ Екатерины, Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой. Ты нашь, о русскій царь! оставь же шлемъ стальной, И грозный мечь войны, и щить — ограду нашу; Излей предъ Янусомъ священну мира чашу, И брани сокрушивъ могущею рукой, Вселенну освни желанной тишиной!... И придутъ времена спокойствія златыя, Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя, Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ; Счастливый селянинь, не зная бурныхь бёдь, По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный; Суда летучія, торговлей окрыленны, Кормами разсвичть свободный океань; И юные сыны воинственных славянъ Спокойной праздности съ досадой предадутся, И молча некогда вкругъ старца соберутся, Преклонять жадный слухь — и ветхимъ костылемъ И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ ходмомъ На прахѣ начертить онъ медленно предъ ними; Словами истины, свободными, простыми Имъ славу прошлыхъ лътъ въ разсказахъ оживитъ И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

къ баронессъ Марьъ антоновнъ дельвигъ.

Вамъ восемь лѣтъ, а миѣ семнадцать било! И и считалъ когда-то восемь лѣтъ; Они прошли... Въ судьбѣ своей унылой, Богъ знаетъ какъ, я нынѣ сталъ поэтъ. Не возвратить уже того, что было; Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь; Такъ вѣрьте мнѣ — мы спасены лишь вѣрой — Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ; Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ — Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ, Всевышней благостью Зевеса. И столько же краснорьчивъ — Я напишу вамъ, баронесса, Въ латинскомъ вкусъ мадригалъ, Чудесный, вовсе безъ искусства — Не много истинныхъ похвалъ, Но много истиннаго чувства. Скажу я: «ради вашихъ глазъ, О баронесса! ради баловъ, Когда мы всё глядимъ на васъ, Взгляните на меня хоть разъ Въ награду прежнихъ мадригаловъ.> Когда жъ Амуръ и Гименей Въ прелестной Маріи моей Поздравять молодую даму — Удастся ль мий подъ старость дней Вамъ посвятить эпиталаму? 1815, 22 декабря.

эпиграммы.

1.

Бывало прежнихъ лётъ герой, Окончивъ славну брань съ противной стороной, Повъситъ мечъ войны средь отческія кущи; А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой, Повъсилъ уши. 2.

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой, Антипьевна съ Мареушкою бранилась; Антипьевна отмѣнно горячилась. «Постой! кричить: управлюсь я съ тобой. Ты думаешь, что я ужъ позабыла Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ, Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила? Постой! о всемъ узнаетъ муженекъ!» — Тебъ дь грозить? Мароушка отвъчаетъ: Ванюща что? Въдь онъ еще литя! А свать Трофимъ, который у тебя И день и ночь? Весь городъ это знаетъ. Молчи жъ, кума: и ты, какъ я, гръшна; Словами жъ всякаго, пожалуй, разобидишь. Въ чужой — вездѣ соломинку ты видишь, А у себя — не видишь и бревна.

3.

Ахъ тошно, тошно! помогите! «Да отчего же тошно вамъ? Ужъ не отъ сладкаго ль, скажите?» Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ.

4.

НА ПРОФЕССОРА ЧЕРНЯКА.

Могу тебя измѣрить разомъ, Мой другъ Чернякъ: Ты математикъ — минусъ разумъ, Ты злой насмѣшникъ — плюсъ дуракъ.

RIPATIIIE ROM

Здёсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодою, Съ любовью, лёностью провелъ веселый вёкъ; Не дёлалъ добраго — однако жъ былъ душою, Ей Богу, добрый человёкъ.

1816.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

KAPTURЫ.

[подражание парни].

пастушка.

Съ пятнадцатой весною, Какъ лилія съ зарею, Красавица цвѣтетъ; Все въ ней очарованье: И томное дыханье, И взоровъ томный свѣтъ, И груди трепетанье, И розы нѣжный цвѣтъ—Все юность измѣняетъ. Ужъ Лилу не плѣняетъ Веселый хороводъ: Одна у сонныхъ водъ, Въ лѣсахъ она таится, Вздыхаетъ и томится,

И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ез въ постели скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньи,
При мъсячномъ сіяньи,
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою,
И тихою тоскою
Исполнитъ сердце онъ—
И Лила въ сновидъньи
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о, Филонъ!

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ въ пещеръ темной Вечернею порой, Окованъ лѣнью томной Покоится съ тобой? И такъ ужъ ты вкусила Всѣ радости любви; Ты чувствуешь, о Лила, Волненіе въ крови, И съ трепетнымъ смятеньемъ, Съ пылающимъ лицомъ, Ты дышешь упоеньемъ Амура подъ крыломъ. , О жертва страсти нѣжной, Въ безмолвіи гори! Покойтесь безмятежно Ло пламенной зари. Для вась потокъ игривый Угрюмой тьмой одътъ, И мъсяпъ молчаливый

Туманный свёть лість; Здёсь розы наклонились Надъ вами въ темный кровь; И вётры притаились, Гдё царствуеть любовь....

III. DABHT.

Но кто тамъ, близъ пещеры, Въ густой травѣ лежитъ? На жертвенникъ Венеры Съ досадой онъ глядить; Нагнулась межъ цвътами Косматая нога; Надъ грустными очами Нависли два рога. То Фавиъ, угрюмий житель Лѣсовъ и горъ крутыхъ, Докучливый гонитель Пастушекъ молодихъ. Любимца Купидона — Прекраснаго Филона Давно соперникъ онъ.... Въ пріють сладострастья Онъ слышитъ вздохи счастья И нфги томный стонъ. Въ безмолвіи несчастный Страданья чашу пьетъ, И въ ревности напрасной Горючи слезы льеть. Но вотъ ночей царица Скатилась за лъса, И тихая ленница Румянить небеса; Зефиры прошептали —

И Фавнъ въ дремучій боръ Бѣжитъ сокрыть печали Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. PBKA.

Одна поутру Лила Нетвердою ногой Средь рощицы густой Задумчиво ходила. «О, скоро ль, мракъ ночной, Съ прекрасною луной Ты небомъ овладъемь? О, скоро ль, темный люсь, Въ туманахъ засинвешь На запалъ небесъ?» Но шорохъ за кустами Ей слышится глухой, И вдругъ — сверкнулъ очами Предъ нею богъ лѣсной! Какъ вешній вътерочекъ, Летить она въ лѣсочекъ: Онъ гонится за ней — И трепетная Лила Всв тайны обнажила Младой красы своей; И нѣжна грудь открылась Лобзаньямъ вътерка, И стройная нога Невольно обнажилась. Порхая надъ травой, Пастушка робко дышеть; Къ реке летя стрелой, Бътъ Фавна за собой Все ближе, ближе слышитъ.

Отчанныя полна, Ужъ чувствуеть она Огонь его дыханья... Напрасны всё старанья: Ты Фавну суждена! Но шумная волна Красавицу сокрыла: Рёка — ея могила... Нётъ! Лила спасена.

т. чудо.

Эроты златокрылы И нъжный Купидонъ На помощь юной Лилы Летять со всёхъ сторонъ; Всѣ бросили Цитеру, И мирныхъ селъ Венеру По трепетнымъ волнамъ Несуть они въ пещеру-Любви пустынный храмъ. Счастливець быль ужь тамь. И вотъ уже съ Филономъ Веселье пьетъ она, И страсти тихимъ стономъ Прервалась тишина. Спокойно дремлетъ Лила, На розахъ нѣгъ и сна, И лучъ свой угасила За облакомъ луна.

VI. DIAJB.

Поникнувъ головою, Несчастный богъ лъсовъ

Одинъ съ вечерней тьмою Бродилъ у береговъ: «Прости любовь и радость!» Со взлохомъ молвилъ онъ: «Въ печали тратить младость Я рокомъ осужденъ!> Вдругъ изъ лѣсу румяний, Шатаясь, передъ нимъ Сатиръ явился пьяный Съ кувшиномъ круговымъ; Онъ мутными глазами Пути домой искалъ, И козьими ногами Едва переступаль; Шелъ, шелъ, и натолкнулся На Фавна моего, Со смъхомъ отшатнулся, Склонился на него.... «Ты ль это, брать любезной?» Вскричаль Сатиръ сѣдой: «Въ какой странъ безвъстной Я встрътился съ тобой?» — Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло: Завяли лни мои! Все, все мнѣ измѣнило, Несчастевъ я въ любви. «Что слышу? Отъ Амура Ты страждешь и грустишь, Малютку-бъдокура И ты боготворишь? Возможно ль? Такъ забвенье Въ кувшинъ почернай. И чашу въ утвшенье Наполни черезъ край!> И пъна засверкала И на краяхъ шипитъ,

И съ перваго фіала Амуръ уже забыть.

VII. ИЗМЪНА.

Кто жъ дерзостный владветъ Твоею красотой? Невърная, кто смъетъ Пылающей рукой Бродить по груди страстной, Томиться, воздыхать, И съ Лилою прекрасной Въ восторгахъ умирать? И такъ, ты измънила? Красавица, плъняй, Спъши любить, о Лила! И снова измъняй.

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Что, Лила, что съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ
Сокрытая тоскою,
Ты плачень въ тишинѣ;
Грустинь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постыль!
Гдѣ жъ сердца другъ безнѣнный?
Увы! онъ измѣниль.
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ лепъй сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья?
Гдѣ нѣжный Налемонь?
О Лила! вянутъ розы
Минутныя любви:

Познай же грусть и слезы, И нынъ терны рви.

их. философъ.

Въ губительномъ стремленьи За годомъ годъ летитъ, И старость въ отдаленьи Красавицъ грозитъ. Амуръ уже съ поклономъ Разстался съ красотой, II вслёдъ за Купидономъ Веселья скрылся рой. Въ лѣсу пастушка бродитъ Печальна и одна: Кого же тамъ находитъ? Вдругъ Фавна зритъ она. Философъ козлоногій Подъ липою лежалъ, И пънистый фіалъ, Вѣнкомъ украсивъ роги, Лѣниво осущалъ. Хоть Фавиъ и не находка Для Лилы прежнихъ лътъ, Но вздумала красотка Любви раскинуть съть: Подкралась, устремила На Фавна томный взоръ, И слышаль я, клонила Къ развязкъ разговоръ. Но Фавнъ съ улыбкой злою. Напъня свой фіаль, Качая головою, Красавицъ сказалъ: «Нѣтъ, Лила! я въ покоѣ —

Другихъ, мой другъ, лови; Есть время для любви, Для мудрости другое. Въвало, я тобой Въ безуміи плѣнялся, Бывало восхищался Коварной красотой, И сердце, тлѣя страстью, Къ тебѣ меня влекло. Вывало.... но, по счастью, Что было — то прошло.>

КЪ МОРФЕЮ.

[изъ парни].

Морфей, до утра дай отраду Моей мучительной любви! Приди, задуй мою лампаду, Мои мечты благослови! Сокрой отъ памяти унылой Разлуки страпиной приговоръ! Пускай увижу милый взоръ, Пускай услышу голосъ милой. Когда жъ умчится ночи мгла И ты мои покинешь очи, О, если бы душа могла Забыть любовь до новой ночи!

КЪ МАШЪ.

[СЕСТРЪ ДЕЛЬВИГА].

Вчера мнѣ Маша приказала Въ куплеты риемы набросать, И мнѣ въ награду обѣщала Спасибо въ прозѣ написать.

Спѣшу исполнить приказанье. Года не смѣютъ погодить: Еще семь лѣтъ — и обѣщанье Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки, Въ собраньяхъ будете сидѣть, И жертвуя богинъ скуки, Съ воксала въ маскарадъ летѣть.

И ужъ не вспомните поэта....
О Маша, Маша, поспѣши,
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!

ПУНШЕВАЯ ПЪСНЯ.

[изъ шиллера].

Силы четыре, Соединясь, Жизнь образують, Мірь создають.

Влажно зернистый Выжми лимонъ. Вдкая сила— Жизни зерно.

Сладостной влагой Ты укроти Острую силу Вдкой струи. Влагою грѣтой Воду налей: Міръ весь объемлемъ Тихо водой.

Примъсью рома Все освяти: Ромъ одаряетъ Жизнію жизнь.

Только кипучій Ключъ утолить! Прежде, чёмъ стихнеть, Черпай ero!

заздравный кубокъ.

Кубокъ янтарный Полонъ давно. Пъною парной Блещетъ вино! Свъта дороже Сердцу оно. Но за кого же Выпью вино?

Пейте за славу, Славы друзья! Браней забаву Любить.... не я. Это веселье Не веселить: Дружбы похмёлье Грома бёжить.

Жители неба, Феба жрецы, Здравіе Феба Пейте, иввцы. Ръзвой Климены Ласки — бъда! Токъ Иппокрены — Друга, вода!

Пейте за радость Юной любви. Скроется младость, Дъти мои. Кубокъ янтарный Полонъ давно. Я, благодарный, Пью за вино!

усы.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усъ кудрявый, Гусаръ, съ улыбкой величавой, На палецъ завитки моталъ; Мудрецъ съ обритой бородою, Качая тихо головою, Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ! все тавно подъ луною; Какъ волны савдомъ за волною, Проходятъ царства и въка. Скажи, гдъ стъны Вавилона? Гдъ драмы тощія Клеона? Умчала все временъ ръка. За уши усъ твой закрученный, Виномъ и ромомъ окроиленный, Гордится юной красотой, Не знаетъ бритвы, выписною Онъ въчно лоснится сурмою, Расправленъ гребнемъ и рукой.

Чтобы не смять уса лихова, Ты къ ночи одою Хвостова Его тихонько обвернешь, Въ подушку носомъ лечь не смѣешь, И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь, И утромъ вновь его завьешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ, Въ кругу гусаровъ посёдёлыхъ И черноусыхъ удальцовъ, Веселый гость, любовникъ имлкій, За чье здоровье бьешь бутылки? Коня, красавицъ и усовъ!

Сраженья страшный чась настанеть, Въ ряды ядро со трескомъ грянеть; А ты, надъ ухарскимъ сёдломъ, Разсудка, памяти не тратишь, Сперва кудрявый усъ ухватишь, А саблю вёрную потомъ.

Окованный волшебной силой, Наедин'й съ красоткой милой Ты маешься, одной рукой Въ восторгахъ н'ъги сладострастной Блуждаешь по груди прекрасной, А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, гусаръ! но помни въчно, Что все на свътъ скоротечно: Летять губительны часы! Румяны щеки пожелтёють, И черны кудри посёдёють, И старость выщиплеть усы.

Писано 8 марта 1816.

изъ письма къ кн. вяземскому.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ Мечтаетъ объ уединеньи, Кто видитъ только въ отдаленьи Пустыню, садикъ, сельскій домъ, Холмы съ безмолвными лѣсами, Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ, И даже.... стадо съ пастухомъ! Блаженъ, кто съ добрыми друзьями Сидитъ до ночи за столомъ И надъ словенскими глупцами Смѣется русскими стихами. Влаженъ, кто шумную Москву Для хижины не покидаетъ... И не во снѣ, а на-яву Свою любовницу ласкаетъ!...

27 марта, 1816 [Царское Село].

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ БЪ ЮШКОВУ

[лейвъ-гусарскому офицеру].

I.

Миъ видится мое селенье, Мое Захарово; оно Съ заборами — въ рѣкѣ волнистой Съ мостомъ и рощею тѣнистой Зерцаломъ водъ отражено. На холмѣ домикъ мой; съ балкона Могу сойти въ веселый садъ, Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ, Гдѣ старыхъ кленоъъ темный рядъ Возносится до небосклона, И глухо тополи шумятъ.....

II.

Туда зарею поспѣшаю Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ, Въ лѣсахъ тропинку извиваю, Тюльпанъ и розу поливаю, И счастливъ въ утреннихъ трудахъ! Вотъ здёсь, подъ дубомъ наклоненнымъ, Съ Гораціемъ и Ляфонтеномъ Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ. Вблизи ручей шумить и скачеть И мчится въ влажныхъ берегахъ И свётлий токъ съ досадой прячетъ Въ соседнихъ рощахъ и лугахъ. Но вотъ ужъ полдень. Въ свътлой залъ Весельемъ круглый столъ накрыть; Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ; Дымятся щи; вино — въ бокалѣ; И щука въ скатерти лежитъ. Сосъди шумною толпою Вошли, прервали тишину. Садятся; чашъ внимаемъ звону; Всѣ хвалятъ Вакха и Помону — И съ ними красную весну...

TII.

Воть мой каминь; подъ вечеръ темной Осенней бурною порой, Люблю подъ свнію укромной, Предъ нимъ задумчиво мечтать, Вольтера, Вилянда читать, Или, въ минуту вдохновенья, Небрежно стансы намарать И жечь потомъ свои творенья... Вотъ здёсь... но быстро привидёнья, Ролясь въ волшебномъ фонаръ, На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ: Мечты находять, исчезають, Какъ тѣнь на утренней зарѣ.... Я слышу топотъ, слышу ржанье; Блеснувъ узорнымъ чепракомъ, Въ блестящемъ ментика сіяньъ, Гусаръ промчался подъ окномъ... И гав вы, мирныя картины Прелестной сельской простоты? Среди воинственной долины Ношусь на крыльяхъ я мечты... Огни во станѣ догораютъ; Межъ нихъ, окутанный плащомъ, Съ съдымъ, усатымъ казакомъ Лежу... вдали штыки сверкаютъ...

[Царское Село].

ЖЕЛАНІЕ.

В. Л. ПУШКИНУ].

Христосъ воскресъ! питомецъ Феба; Дай Богъ, чтобъ милостію неба Разсудовъ на Руси воспресъ — Онъ что-то, кажется, исчезъ...

Лай Богъ, чтобы во всей вселенной Воскресли миръ и тишина. Чтобъ въ академіи почтенной Воскресли члены ото сна: Чтобъ въ наши грѣшны времена Воскресла предковъ добродътель; Чтобы Шихматову на зло Воскреснуль новый Буало -Расколовъ, глупостей свидътель: А съ нимъ побольше серебра И золота, et cœtera. Но да не будеть воскресенья Усопшей прозы и стиховъ; Да не воскреснуть отъ забвенья Покойный господинь Бобровь, Хвалы газетчика достойный, И Николевъ, поэтъ покойный, И непокойный графъ Хвостовъ, И всв, которые на свътъ Писали слишкомъ мудрено, То есть и хладно, и темно, Что очень стыдно и грѣшно.

[Послано въ Св. Воскр. 9 апреля].

къ ней.

Эльвина, милый другь! приди, подай мнѣ руку; Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ. Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку Любовникъ осужденъ?

Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ, Иль въчной лемнотой покрыты дни мои? Уже ли никогда насъ утро не застанетъ Въ объятіяхъ любви? Эльвина! почему въ часы глубокой ночи Я не могу тебя съ весельемъ обнимать, На милую стремить томленья полны очи И страстью трепетать?

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья, Твой шепотъ сладостный и томный стонъ внимать, И тихо въ скромной тьмѣ для нѣги пробужденья Влизъ милой засыпать?

посланіе лидъ.

Тебъ, наперсница Венеры, Тебъ, которой Купидонъ И дъти ръзвия Цитеры Украсили цвѣтами тронъ, Которой нъжные примъры, Улыбка, взоры, нъжный тонъ Краснорфчивфй чфмъ Вольтеры Намъ проповѣдуютъ законъ И Аристипповъ, и Глицеры — Тебъ привътливый поклонъ, Любви вънокъ и лиры звонъ!... Презрѣвъ Платоновы химеры, Твоей я святостью спасенъ, И сталь апостоль мудрой вёры Анакреоновъ и Нинонъ, Всего... но лишь извёстной мёры. Я вижу, хмурится Зенонъ, И вся его съдая свита. И мудрый другъ вина Катонъ, И скучный рабъ Эпафродита, Сенека, даже Цицеронъ Кричать: ты лжешь, профань, мученье — Прямое смертныхъ наслажденье!

Друзья, согласенъ! илачъ и стонъ Стократъ конечно лучше смѣха; Терпъть великая утъха, Совътъ вашъ вовсе не смъшонъ; Но мив онъ, слышите ль, не нуженъ, Затвиъ что слишкомъ онъ мудренъ. Дороже мий хорошій ужинъ Философовъ трехъ цёлыхъ дюжинъ; Я вами, право, не прельщенъ. Соборъ угрюмый разсерженъ; Но пусть кричать на супостата, Ихъ споръ лишь времени утрата: Кто ихъ примъромъ обольщенъ? Люблю я добраго Сократа: Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ: Съ своею важностью притворной Любилъ пиры, театры, женъ; Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ, И у Аспазіи въ уборной [Тому свидетель самъ Платонъ], Невольникъ робкій и покорной, Взлыхаль частехонько въ хитонъ, И ей съ улыбкою придворной Шепталь: «все призравь, ложь п сонь — II мудрость, и народъ, и слава. Что жъ истинно? Одна забава, Повърь, одна любовь не сонъ!» Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ, II ею... бѣлная Ксантиппа! Твой мужъ, совмъстникъ Аристиппа, Бываль по неба вознесень. Межъ твмъ на милыхъ грозно лая, Злой циникъ, нъту презирая, Одинъ всвхъ радостей лишенъ, Іншаль отъ міра отлучень; Но съ бочкой странствуя пустою

Во слѣдъ за мудростью слѣпою, Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ— И воду черпая рукою, Не могъ зачѐрпнуть счастья онъ.

слово милой.

[марии смитъ].

Я Лилу слушаль у клавира:
Ея прелестный, томный глась
Волшебной грустью нѣжить нась.
Какъ ночью вѣянье зефира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказаль пѣвицѣ милой:
«Волшебенъ голосъ твой унылой;
Но слово милыя моей
Волшебевъй пѣсенъ, пѣтыхъ Лилой.»

лилъ.

[марін смитъ].

Лила, Лила, я страдаю Безотрадною тоской, Я томлюсь, я умираю, Гасну пламенной душой; Но любовь моя напрасна: Ты смёсшься надо мной. Смёйся, Лила! ты прекрасна И безчувственной красой.

АМУРЪ И ГПМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья, Повеселю васъ новой сказкой. Знавали ль вы, мои друзья. Слфиаго мальчика съ повязной? Слѣпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ! Амуръ совсемъ, друзья, не слепъ: Но шалуну пришла жъ охота, Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло, Его безуміе вело. Безуміе ведеть Эрота; Но вдругъ, не знаю почему, Оно наскучило ему. Взялся за новую затью: Повязку съ милыхъ снявъ очей. Идетъ проказникъ къ Гименею.... А что такое Гименей? Онъ сынъ Вулкана молчаливий, Холодный, дряхлый и льнивый. Ворчить и дремлеть цёлый вёкь, А впрочемъ добрый человъкъ, Ла нравъ имъетъ онъ ревнивый. Отъ ревности печальный богъ Спокойно подремать не могъ; Все трусилъ маленькаго брата, За нимъ подсматривалъ тайкомъ, И караулилъ супостата Съ своимъ докучнымъ фонаремъ. Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ И рычь коварную заводить: «Развеселися. Гименей! Ну, помиримся, будь умн ті! Забудь, товарищъ мой любезный, Раздоръ смѣшной и безполезный!

Ла только навсегда, смотри! Возьми жъ повязку въ память, милый, А мев фонарь свой подари!> И что жъ? Повърилъ богъ чнылый. Амуръ отъ радости прыгнулъ, И на глаза со всей онъ силы Обнову брату затянулъ. Гимена скучные дозоры Съ тъхъ поръ пресъклись по ночамъ; Его завистливые взоры Теперь не страшны красотамъ; Спокоенъ онъ, но братъ коварный, Шутя надъ честью и надъ нимъ, Войну ведеть, неблагодарный, Съ своимъ союзникомъ слѣнымъ. Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ, Амуръ въ молчаніи ночномъ Фонарь любовнику вручаетъ, И самъ счастливца провожаетъ Къ уснувнему супругу въ домъ; Самъ отъ безпечнаго Гимена Онъ охраняетъ тайну дверь.... Пойми меня, мой другъ Елена, И мудрой повъсти повъры!

ИСТИНА.

Недавно мудрые искали Забытыхъ истины слёдовъ, И долго, долго повторяли Пустые толки стариковъ; Твердили: «истина нагая Въ колодезь убралась тайкомъ!» И дружно воду выпивая, Кричали: «здёсь ее найдемъ!»

Но вто-то, смертныхъ благодътель И чуть ли не старикъ Силенъ, Ихъ важной глупости свидътель, Водой и крикомъ утомленъ, Оставилъ невидимку нашу, Подумалъ первый о винъ И, осушивъ до каили чашу, Увидълъ истину на днъ.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье Ходиль я въ дальній Паеосъ. Повёрьте мнв, я видёль Въ уборной у Венеры Фіалъ Анакреона! Онъ быль тогда наполненъ Свътльющею влагой: Кругомъ висѣли розы, Зеленый плющъ и мирты, Сплетенныя рукою Царицы наслажденій; На краюшкѣ я видѣлъ Коварнаго Амура; Смотрѣлъ онъ пригорюнясь На пѣнистую влагу. «Что смотришь ты, проказникъ, На пенистую влагу?> Спросилъ я Купидона, «Скажи, что такъ утихнулъ? Иль хочется зачеринуть Тебъ златаго соку, Да ручка не достанеть?> — Нѣтъ! отвѣчалъ малютка: Рѣзвясь, я въ это море

Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы Все бросилъ ненарочно — А плавать не умѣю. Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ! Ахъ, жалко мнѣ; послушай, Достань мнѣ ихъ оттуда. «О нѣтъ!» сказалъ и богу: «Спасибо, что упали; Пускай тамъ остаются: Тѣмъ лучше для меня!»

навздникъ.

Глубокой ночи на поляхъ Давно лежали покрывала, II слабо въ блёдныхъ облакахъ Звёзла пустынная сіяла. При умирающихъ огняхъ, Въ невърной темнотъ тумана, Безмолвно два стояли стана На помраченных высотахъ. Все спить; лишь волнъ мятежный ропотъ Разносится въ тиши ночной, Да слышенъ издали глухой Булата звонъ и конскій топотъ. Толпа навздниковъ младыхъ Въ дубравъ ъдетъ молчаливой; Дрожать и пышуть кони ихъ, Главой трясуть нетерпѣливой. Ужъ полемъ воины летятъ, Дубравы кровъ покинувъ зыбкой, Усами грозно шевелятъ И съ гордой шепчутся улыбкой; Ихъ лица радостью горять, Огнемъ пылаютъ гитвии очи,

Лишь ты, воинственный поэть, Унылъ, какъ сумракъ полуночи, II бледень, какъ осенній светь. Съ главою мрачно наклоненной Къ теснимой горестью груди, Печальной думой увлеченный. Онъ молча вдетъ впереди. «Пѣвецъ угрюмый, что съ тобою? Одинъ предъ боемъ ты унылъ, Поникъ безстраниною главою. Бразды и саблю опустилъ. Ужель, невольникъ праздной нъти, Отраднъй сонъ твоихъ полей. Чфмъ наши бурные набфги И ночью бранный стукъ мечей? Стезя войны пускай опасна, Завиденъ гордый нашъ удёлъ. Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна? Но ты средь боевъ не блёднёль: Тебя мы зрёли подъ мечами Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ, Всегда межъ первыми рядами, Все тамъ, гдв падалъ первый громъ. Съ побъднымъ съединяясь вликомъ, Твой голось наши битвы ивль; А нынъ ты въ уныный дикомъ, Какъ робкій ратникъ онвивль.» Но медленно пъвецъ печальный Главу и взоры приподняль, Взглянуль угрюмо въ сумравъ дальный И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной; Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной; Готовъ, готовъ ударъ желанный; Предчувствую послѣдній бой. Зоветъ меня конецъ жестокой; Мы грозно ринемся въ огонь; Ударитъ часъ — и одинокой Въ долину выбъжитъ мой конь!...

«О вы! которые костями Сей ночью ляжете со мной, Скажите: милая слезами Вашъ усладитъ ли сонъ нѣмой? Но я.... напрасно сердце дышетъ, Настанетъ хладъ и тишина, Эльвина скоро въсть услышитъ: Онъ палъ!... и не вздохнетъ она.

«А вы, хранимые судьбами Для тихихъ жизненныхъ отрадъ, Счастливцы!... Милыя слезами Благословится вашъ возвратъ. За чашей сладкаго спасенья, О братья, вспомните пъвца, Его любовь, его мученья И славу грознаго конца!...>

Умолкъ, и мчится въ бой кровавый... Уже не возвратился онъ:

На пол'я славы
Его покрыль безв'ястный сонъ.
И утромъ юнаго поэта
Найздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго прив'ята
Въ посл'ядній вспомянули разъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной; Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой, Задумчиво внимая шумъ дубравной, Надъ озеромъ иду рука съ рукой. Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной? Съ надеждами во цвътъ юныхъ лътъ, Мой милый другь, мы входимь въ новый свъть; Но тамъ удълъ назначенъ намъ неравной. И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ: Тебѣ рукой фортуны своенравной Указанъ путь, и счастливый и славной — Моя стезя печальна и темна. И нѣжная краса тебѣ дана, И нравиться блестящій даръ природы, И быстрый умъ, и върный, милый нравъ; Ты сотворень для сладостной свободы. Для радости, для славы, для забавъ. Они пришли, твои златые годы, Огня любви прелестная пора! Спѣши любить и, счастливый вчера, Сегодня вновь будь счастливъ осторожно; Амуръ велитъ — и завтра, если можно, Вновь миртами красавицу вънчай.... О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ! Изміны другь и вітреный любовникъ Будь въренъ всъмъ, плъняйся и плъняй!...

А мой удёль — но пасмурнымь туманомъ Зачёмь же мий грядущее скрывать? Увы, нельзя мий вйчнымь жить обманомъ И счастья тёнь, забывшись, обнимать! Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья; Двй, три весны младенцемъ, можетъ быть, Я счастливъ былъ, не понимая счастья. Онй прошли, но можно ль ихъ забыть? Онй прошли и скорбными глазами Смотря на путь, оставленный на вйкъ, На краткій путь, усыпанный цвётами,

Которымъ я такъ весело протекъ — Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно, Мучительнымъ желаніемъ горя....

Твоя заря — заря весны прекрасной; Моя жъ, мой другъ! — осенняя заря. Я зналъ любовь — но я не зналъ надежди; Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ.... Безумный сонъ покинуль томны въжды, Но мрачныя я грезы не забыль. Іуша полна невольной, грустной думой; Мнъ кажется, на жизненномъ пиру Одинъ, съ тоской, явлюсь я — гость угрюмой, Явлюсь на часъ и одинокъ умру. И не придетъ другъ сердца незабвенный Въ последній мигь мой томный взоръ сомкнуть, И не придетъ на холмъ уединенный Въ последній разъ любовію вздохнуть! Ужель моя пройдеть пустынно младость? Иль мив чужда счастливая любовь? Ужель умру, не въдая что радость? Зачёмъ же жизнь дана мнё отъ боговъ? Чего мей ждать? Въ рядахъ забытый воинъ. Среди толпы затерянный пъвецъ — Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ И счастія какой возьму вінень?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ — униженье; Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье — Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней? Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье — И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье Мой скромный даръ и счастіе друзей!

СТАРИЦА - ПРОРОЧИЦА.

[БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ].

На мосту стояла старина. На мосту чрезъ синій Волховъ: Подошель въ доспъхахъ молоденъ. Молвилъ сдово ей съ поклономъ: «Загадай ты мнѣ на счастіе. Ворочусь ли черезъ Волховъ? За Шалонью враны каркають, Плачетъ въ теремѣ невѣста!> — «Гой еси ты, красный молодецъ! Есть теперь одна невъста, Есть одна — святая Софія: Обручись ты съ ней душою, Уберися честно ранами, И омойся алой кровью. Обручися ты съ невъстою: За Шалонью ляжь костями. Если ты мечемъ не выроешь Сердцу вольному могилы, Не на въче, не на родину --А придешь ты на неволю!>

Трубы звучать за Шалонью рѣкой;
Грозно взвѣвають московскіе стяги!
Съ радостнымъ кликомъ Софіи святой
Стала дружина и, полный отваги,
Ринулся съ берега всадниковъ строй:
Съ шумомъ расхлынулись волны, вскипѣли;
Двинулась пѣна сѣдая грядой;
Строи смѣшались; мечи загремѣли;
Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ;
Съ трескомъ въ куски разлетаются брони....
Кровь потекла.... Разъяренные кони
Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ;

Стелятся трупы на берегъ Шалони....

Кровью дымилося поле; стихалъ Въ стонахъ прерывныхъ, и замеръ гласъ битвы

Въ стонахъ прерывныхъ, и замеръ гласъ битвы. Теплой твоей, о Софія, молитвы Спасъ не услышаль!.....

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ:
Не пройдеть ли красный молодецъ
Чрезъ широкій, синій Волховъ?
Пройзжало много всадниковъ,
Много ийшихъ проходило,
Было много изувйченныхъ
И покрытыхъ черной кровью....
Что? прошелъ ли добрый молодецъ,
Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?...

сонъ.

[отрывокъ].

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной Гоняется за счастьемъ и молвой, Мит страшенъ свътъ, проходитъ въкъ мой темной Въ безвъстности, заглохшею тропой. Пускай пъвцы гремящими хвалами Полубогамъ безсмертіе даютъ; Мой голосъ тихъ, и звучными струнами Не оглашу безмолвія пріютъ. Пускай любовь Овидіи поютъ, Мит не даетъ покоя Цитерея; Счастливыхъ дней амуры мит не вьютъ: Я сонъ пою, безцънный даръ Морфея, И научу, какъ должно въ тишинъ Покоиться въ пріятномъ, кртимомъ снт.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню! Тебя зовутъ прохлада и покой; Въ одной тебъ я зрю свою богиню, Готово все для гостьи молодой. Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся За мой порогъ; на свътлое окно Прозрачное спустилось полотно, И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился, Чуть крадется невърный свътъ дневной. Вотъ мой диванъ — приди жъ въ обитель мира, Царицей будь, я илънникъ нынъ твой. Учи меня, води моей рукой, Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы, Которыми любви забыты узы, Которые владычеству земли Конечно бъ сонъ сиокойный предпочли — О мудрецы! дивиться вамъ умѣя, Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфен Поэзін цвѣтами обовью, Для васъ однихъ блаженство воспою. Внемлите же съ улыбкой снисхожденья Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ, Хотите ли забыться каждый разъ, Въ ночной тиши, средь общаго молчанья, Въ объятіяхъ игриваго мечтанья? Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ: Тамъ можно жить и праздно и безпечно, Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ, Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно. Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день Съ прелестницей ловить веселья тѣнь; Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ; На бал'т въ ночь вертъться на паркетъ: Но можно ли вкушать отраду сновъ? Настала тънь, уснуть лишь я готовъ. Обманутый призраками ночными ---И вотъ уже, при свътъ фонарей, На бъщеной четверкъ лошадей, Стуча, гремя колесами златыми. Катится спесь подъ окнами моими. Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ — На скучный баль разсвинье летить.... О Боже мой! ужели здёсь ложатся, Чтобы всю ночь безсонницей терзаться? Еще стучать, а тамъ уже свътло, И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село? Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ, Въ дугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ, Златыхъ полей, долины тишина: Въ деревнъ все къ томленью клонитъ сна! О, сладкій сонъ, ничёмъ невозмущенный! Одинъ пътухъ, зарею пробужденный, Свой ръзкій крикъ подыметъ, можетъ быть: Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить. И такъ, пускай, въ сераляхъ удаленны, Султаны куръ гордятся заключенны Иль поселянъ сзывають на поля: Мы спать хотимъ, любезные друзья! Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться Вдали столицъ, каретъ и пътуховъ! Но сладостью веселой ночи сновъ Не думайте вы даромъ насладиться Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда. Что жъ надобно? Движенье, господа! Похвальна лёнь, но есть всему предёды: Смотрите, Клить, въ подушкахъ посъдълый, Размученный, изн'яженный, больной, Весь въкъ сидитъ съ подагрой и тоской!

Наступить день: несчастний, задыхаясь, Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ; Весь день сидить; когда жъ ночной туманъ Подернеть свъть, во мракъ разстилаясь. Съ дивана Клитъ въ постели поползетъ: И какъ же ночь несчастный проведеть? Въ покойномъ снъ, въ пріятномъ сновидъньь? Нѣтъ! сонъ ему не радость, а мученье: Не маками, тяжелою рукой Ему Морфей закроетъ томны очи, йом и медленной проходять черелой Для бъднаго часы угрюмой ночи. Я не хочу, какъ общій другь. Бершу. Предписывать вамъ тяжкія движенья: Упрямый плугь, охоты наслажденья — Нетъ, въ рощи я ленивца приглашу. Друзья мои, какъ утро здёсь прекрасно! Въ тиши полей, сквозь тайну сънь дубравъ. Кавъ юный день сілеть гордо, ясно! Свътльеть все; другь друга перегнавъ, Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны; Еще роса надъ свѣжей муравой; Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны. Друзья мои! возьмите посохъ свой, Идите въ лъсъ, бродите по долинъ, Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинъ — И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ. Какъ только тень оденеть небосклонъ, Пускай войдеть, отрада жизни нашей, Веселья богъ съ широкой, полной чашей — И царствуй Вакхъ со всёмъ дворомъ своимъ! Умъренно пируйте, други, съ нимъ: Ставана три шипящими волнами Румяныхъ винъ налейте вы полнъй; Но толстый Комъ съ надутими щеками Не приходи стучаться у дверей;

Я радъ ему: но только за объдомъ. И дружески я въ полдень уберу Его дары: но, право, ввечеру Горазло я дружный съ его сосыдомъ. Не ужинать — святой тому законъ. Кому всего дороже легкій сонь. Брегитесь вы, о дети мудрой лени, Обманчивой успокоенья тфнп! Не спите днемъ: о горе, горе вамъ, Когла премать привыкли по часамъ! Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко. Сонъ истинный отъ васъ уже далеко. Не знаете веселой вы мечты: Вашъ пѣлый вѣкъ несносное томленье, II скученъ сонъ, и скучно пробужденье, И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада, Что подъ горой клокочетъ и кипитъ, Прелестный сонъ, усталости награда, При шумъ волнъ на дикій брегъ слетитъ, Покроетъ взоръ туманной пеленою, Обниметъ васъ, и тихою рукою На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ: О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье! Пусть долъе продлится вашъ покой — Завидно мнъ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свътъ, Сидъть однимъ безъ свъчки въ кабинетъ: Все тихо вкругъ; березы больше нътъ; Часъ отъ часу темнъетъ оконъ свътъ; На потолкъ какой-то призракъ бродитъ; Блъднъетъ ужъ — и синеватый дымъ, Какъ легкій паръ, въ трубу віясь, уходитъ.

И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ Морфей на все невърный мракъ наводитъ. Темиветъ взоръ; «Кандидъ» изъ вашихъ рукъ, Закрывшися, упаль въ колени вдругъ; Вздохнули вы: рука на столъ валится. И голова съ плеча на грудь катится. Вы дремлете, надъ вами мира кровъ: Нежданный сонъ пріятньй многихъ сновъ! Душевныхъ мукъ волшебный исцълитель. Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель! Тебъ всегда я жертвовать любиль, И ты жреца давно благословиль: Забуду ли то время золотое, Забуду ли блаженный нѣги часъ, Когда, въ углу подвечеръ притаясь, Я призываль и ждаль тебя въ покоф? Я самъ не радъ болтливости своей; Но дътскихъ лътъ люблю воспоминанье. Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей, О предести таинственныхъ ночей, Когла, въ чепцъ, въ старинномъ одъяньъ, Она духовъ молитвой уклоня, Съ усердіемъ перекрестить меня, И шопотомъ разсказывать мив станетъ О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы. Отъ ужаса не шелохнусь, бывало; Едва дыша, прижмусь подъ одбяло, Не чувствуя ни ногъ, ни головы. Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины Чуть освёщаль глубокін морщини. Прагой антикъ, прабабушкинъ чепецъ, И длинный роть, гдв зуба два стучало — Все въ душу страхъ невольный поселяло; Я трепеталь, и тихо нагонець Томленье сна на очи упадало. Тогда толпой, съ лазурной высоты,

На ложе розъ крылатыя мечты, Волшебники, волшебницы слетали, Обманами мой сонъ обворожали; Терялся я въ порывъ сладкихъ думъ; Въ глуши лъсной, средь Муромскихъ пустыней, Встръчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней — И въ вымыслахъ носился юный умъ....

Но вы прошли, о ночи безмятежны,

П юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны,

И я мечту младой любви вкуснлъ.
И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнасса,
Въ ночной тиши я съ риемою не бьюсь,
Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.

Я не герой, по лаврамъ не тоскую, Спокойствіемъ и нѣгой не торгую, Не чудптся мнѣ ночью грозный бой; Я не богачъ, и лаемъ песъ привратной Не возмущалъ мечты моей пріятной; Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній, Убійственныхъ дѣтей предразсужденій, И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ Не хмурится угрюмо въ-головахъ.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ

Довольно битвы мчался громъ, Тупился мечъ окровавленный. И смерть погибельнымъ крыломъ Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... подвигомъ царей Европы твердый миръ основанъ; Оковы свергнувшій злодъй Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣль онъ въ пламени Москву — И быль низверженъ ужасъ міра; Покрыла падшаго главу Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окружень, Притекь, и буйной вдругь измѣной Ужъ воздвигаль свой шаткій тронь, И паль, отторжень оть вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ, Не блещетъ мечъ окровавленной, И брань погибельнымъ крыломъ Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой! Съ героемъ дивнымъ Альбіона Онъ върныхъ велъ въ послъдній бой И мстилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ, Текли во слѣдъ щиты кровавы; Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ И разливалъ блистанье слави!

Его текла младая кровь, На немъ сіяетъ язва чести. Вънчай, вънчай его, любовь! Достойный былъ онъ воинъ мести!

къ мололой вловъ.

[марін смитъ].

Лида, другъ мой неизмънный! Почему сквозь легкій сонъ Часто, нѣгой утомленный, Слишу я твой тихій стонъ? Почему, въ любви счастливой Виля страшную мечту. Взоръ недвижный, боязливый Устремляешь въ темноту? Почему, когда вкушаю Быстрый обморокъ любви. Иногда я примъчаю Слезы тайныя твоп; Ты разсѣянно внимаешь Рѣчи пламенной моей. Хладно руку прижимаешь. Хладенъ взоръ твоихъ очей? О, безцвиная подруга! Вѣчно ль слезы проливать? Вѣчно ль мертваго супруга Изъ могилы вызывать? Вёрь мнё: узниковъ могилы Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ; Имъ не милъ ужъ голосъ милый, Не прискорбенъ скорби стонъ. Не для нихъ весении розы, Сладость утра, шумъ пировъ, Откровенной дружбы слезы, И любовницъ робкій зовъ! Рано другъ твой незабвенный Вздохомъ смерти воздохнулъ, И блаженствомъ упоенный, На груди твоей уснулъ.

Спить увѣнчанный счастливецъ! Вѣрь любви, невинны мы. Нѣтъ, разгиѣванный ревнивецъ Не придетъ изъ вѣчной тьмы! Тихой ночью громъ не грянетъ, И завистливая тѣнь Близъ любовника не станетъ, Вызывая спящій день!

КЪ НАТАШЪ.

[горничной кияжны волконской].

Вянетъ, вянетъ лѣто красно, Улетаютъ ясни дни! Стелется туманъ ненастной Ночи въ дремлющей тѣни; Опустѣли злачни ниви. Хладенъ ручеекъ игривий, Лѣсъ кудрявий посѣдѣлъ; Сводъ небесний поблѣднѣлъ.

Свётъ-Наташа, гдё ты нынё? Что никто тебя не зрить? Иль не хочешь часъ единый Съ другомъ сердца раздёлить? Ни надъ озеромъ волнистымъ, Ни подъ кровомъ липъ душистымъ Ранней, позднею порой Не встрёчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній Рощу, поле посётить; Отонекъ въ лачужкѣ дымной Скоро ярко заблестить; Не увижу я прелестной

И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной, Долго буду горевать И Наташу вспоминать.

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью.... мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирълью полевой Оглашено мое уединенье, И съ образомъ любовницы драгой Послъднее слетъло сновидънье. Съ небесъ уже скатилась ночи тънь, Взошла заря, сіяетъ блъдный день, А вкругъ меня глухое запустънье.... Ужъ нътъ ея.... Я былъ у береговъ, Гдъ милая ходила въ вечеръ ясный; На берегу, на зелени луговъ Я не нашелъ чуть видимыхъ слъдовъ, Оставленныхъ ногой ея прекрасной. Задумчиво бродя въ глуши лъсовъ,

Произносиль я имя несравненной, Я зваль ее - и гласъ уелиненной: Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали. Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной; Его струи медлительно текли: Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной. Ужъ нътъ ея!... По сладостной весны Простился я съ блаженствомъ и съ душою; Ужъ осени холодною рукою Главы березъ и липъ обнажены; Она шумить въ дубравахъ опустелыхъ: Тамъ день и ночь кружится желтый листь, Стоитъ туманъ на волнахъ охладелыхъ И слышится мгновенный вётра свистъ. Поля, холмы, знакомыя дубравы! Хранители священной тишины! Свидетели безпечныя забавы! Забыты вы.... до сладостной весны!

РАЗЛУКА.

Когда пробиль послѣдній счастью чась, Когда вь слезахь надъ бездной я проснулся И, трепетный, уже въ послѣдній разъ Къ рувѣ твоей устами привоснулся — Да, помню все! я сердцемъ ужаснулся, Но заглушаль несносную печаль; Я говориль: «не вѣчная разлува Всѣ радости уносить нынѣ вдаль. Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука; Уныніе, губительная скува Пустынника пріють не посѣтять; Мою печаль усладой муза встрѣтить; Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ Души моей холодной мракъ освѣтить.>

Какъ мало я любовь и сердце зналъ! Часы идуть, за ними дни проходять, Но горестямъ отрады не приводятъ II не несуть забвенія фіаль. О милая, повсюду ты со мною! Но я уныль и втайнь я грущу. Блеснетъ ли день за синею горою, Взойдеть ли ночь съ осеннею луною — Я все тебя, прелестный другь, ищу. Засну ли я — лишь о тебъ мечтаю. Одну тебя въ невърномъ вижу снъ; Задумаюсь — невольно призываю, Заслушаюсь — твой голось слышенъ мнв. Разсъянный сижу между друзьями, Невиятенъ мив ихъ шумный разговоръ: Гляжу на нихъ недвижными глазами, Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ! И ты со мной, о лира, пріуныла, Наперсница души моей больной! Твоей струны печалень звонь глухой И лишь любви ты голосъ не забыла... О върная, грусти, грусти со мной! Пускай твои небрежные напъвы Изобразять уныніе мое, И слушая бряцаніе твое, Пускай вздохнуть задумчивыя дъвы.

ЭЛЕГІЯ.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себъ Безъ ужаса признаться смъетъ, Кого въ невъдомой судьбъ Надежда робкая лелъетъ, Кому луны туманный лучъ Въ полночи свътитъ сладострастно,

Кому тихонько върный ключъ Во тымъ отворитъ дверь прекрасной!

Но мий въ унылой жизни ийтъ Отрады тайныхъ наслажденій; Увялъ надежды ранній цвётъ; Цвётъ жизни сохнетъ отъ мученій; Печально младость улетитъ; Услышу сгарости угрозы; Но я, любовью позабытъ, Моей любви забуду ль слезы?

OKHO.

Гдв міръ, одной мечтв послушный? Мнъ настоящій опустыль! На все взираю равнодушно; Дышать уныньемъ мой удёль. Напрасно лътнею порою Любовнивъ рощицъ и луговъ Колышеть розой полевою, Летя съ тънистыхъ береговъ; Напрасно поздняя зарница Мерпаетъ въ темнотъ ночной, Иль въ зыбкихъ облакахъ денница Разлита пламенной рѣкой, Иль день багряный вечерфеть И тихо тускнеть небосводь, И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ, Склонясь на берегъ синихъ водъ....

Недавно темною порою, Когда пустынная луна Текла туманною стезею, Я видёлъ: дёва у окна Одна задумчиво сидёла.
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь,
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами путь.
Я здѣсь! шепнули торопливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотой....
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно;
Когда жъ вечернею порою
И мнъ откроется окно?

мъсяцъ.

Зачёмъ изъ облака выходишь, Уелиненная луна, И на подушки сквозь окна Сіянье тусклое наводишь? Явленьемъ пасмурнымъ своимъ Ты будишь грустныя мечтанья, Любви напрасныя страданья, И гордымъ разумомъ моимъ Чуть усыпленныя желанья. Летите прочь, воспоминанья! Засни, несчастная любовь! Ужъ не бывать той ночи вновь, Когда спокойное сіянье Твоихъ таинственныхъ лучей Сквозь темный ясень проницало И блёдно, блёдно озаряло Красу любовницы моей. Почто, минуты, вы летели Тогда столь быстрой черелой. И тени легкія релели

Предъ неожиданной зарей?
Зачёмъ ты, мёсяцъ, укатился
П въ небё свётломъ утонулъ?
Зачёмъ лучъ утренній блеснулъ?
Зачёмъ я съ милою простился?...

* *

Опять я вашъ, о юные друзья! Туманные сокрылись дни разлуки, И брату вновь простерлись ваши руки, Вашъ ръзвий кругъ увидълъ снова я! Все тѣ же вы, но сердце ужъ не то же: Уже не вы ему всего дороже, Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей Ушла пора веселости безпечной, Ушла навъкъ, и жизни скоротечной Лучь утренній блёдньеть надо мной: Веселіе разсталося съ душой. Отверженный судьбиною ревнивой, Улыбку, смёхъ, и рёзвость и покой, Я все забыль: печали молчаливой Покровъ лежитъ надъ юною главой. Напрасно вы бесёдою шутливой И нъжностью души красноръчивой Мой тяжкій сонъ хотите перервать! Все кончилось — и рѣзвости счастливой Въ душѣ моей изгладилась печать. Чтобъ удалить угрюмыя страданыя, Напрасно вы несете лиру мнъ: Минувшихъ дней погаснули мечтанья, И умеръ гласъ въ безчувственной струнъ. Все кончилось; одну печаль я вижу; Мив страшень мірь, мив скучень дневный светь; Пойду въ леса, въ которыхъ жизни нетъ,

Гдё мертвый мракъ: я радость ненавижу; Во мнё застыль ея минутный слёдъ. Опали вы, листы вчерашней розы, Не доцвёли до мёсячныхъ лучей! Умчались вы, дни радости моей! Умчались вы — невольно льются слезы, И вяну я на темномъ утрё дней. О дружество, предай меня забвенью! Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ, Оставь меня сердечному мученью, Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

Любовь одна веселье жизни хладной! Любовь одна мученіе сердець! Она дарить одинь лишь мигь отрадный, А горестямь не видёнь и конець. Стократь блажень, кто въ юности прелестной Сей быстрый мигь поймаеть на лету; Кто къ радостямь и нёгё неизвёстной Стыдливую преклонить красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
Съ пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ;
Другихъ навѣкъ печалями связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни! Вы знаете безцѣнной жизни сладость; Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни. Пѣвцы любви, младую пойте радость! Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ, Въ объятіяхъ любовницъ умирайте; Стихи любви, тихонько воздыхайте!... Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!

Н ваши дни по терніямъ текли;

Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;

Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали

Не зрѣли вы минутную забаву;

Но не нашедъ блаженства вашихъ дней,

Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу —

И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удёль судьбою мив назначень: Подъ сумрачнымъ навёсомъ облаковъ, Въ глуши долинъ, въ печальной тьмё лёсовъ, Одинъ, одинъ брожу унилъ и мраченъ. Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сёдымъ, Въ тоскъ, слезахъ, нерёдко я стенаю; Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ И шумъ дубравъ въ отвётъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонь,
Поэзіи зажжется ль упоенье—
Родится жаръ, и тихо стынеть онъ:
Безплодное проходить вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... Но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ; она не улибнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнъ пъть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру

Ужъ навсегда покинутую лиру — И слабий даръ какъ легкій скрылся дымъ.

подражание.

Я видёль смерть: она сидёла
У тихаго порога моего.
Я видёль гробь — открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетёла....
Умру — и младости моей
Никто слёдовь пустынныхь не замётить,
И взора милаго не встрётить
Послёдній взорь моихь очей.

Прости, печальний міръ, гдѣ темная стезя Надъ бездной для меня лежала, Гдѣ жизнь меня не утѣшала, Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя! Небесъ лазурная завѣса, Любимые холмы, ручья веселый гласъ, Ты, утро — вдохновенья часъ, Вы, тѣни мірныя таинственнаго лѣса, И все — прости въ послѣдній разъ!

друзьямъ.

Вогами вамъ еще даны Златые дни, златыя ночи, И томныхъ дѣвъ устремлены На васъ внимательныя очи. Играйте, пойте, о друзья! Утратьте вечеръ скоротечной: И вашей радости безпечной Сввозь слезы улыбнуся я.

пробуждение.

Мечты, мечты! Гав ваша сладость? Гав ты, гав ты, Ночная радость? Исчезнуль онъ. Веселый сонъ. И одиновой Во тым' глубовой Я пробужденъ. Кругомъ постели Нѣмая ночь. Вмигь охлальли. Вмигъ улетѣли Толпою прочь Любви мечтанья. Еше полна Душа желанья И ловить сна Воспоминанья. Любовь, любовь, Внемли моленья: Пошли мнѣ вновь Свои виденья, И поутру, Вновь упоенный, Пускай умру Не пробужденный.

ПВВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной Првиа любви, првиа своей печали?

Когда поля въ часъ утренній молчали, Свирѣли звукъ унылый и простой Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной Пѣвца любви, пѣвца своей печали? Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали, Иль тихій взоръ, исполненный тоской, Встрѣчали вы?

Вздохнули ль вы, вниман тихій гласъ Пъвца любви, итвца своей печали? Когда въ лъсахъ вы юношу видали, Встръчан взоръ его потухшихъ глазъ, Вздохнули ль вы?

А. А. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увънчанный Эратой и Венерой, Ты ль узника манишь въ владънія свои, Въ помъстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой, Гдѣ нъжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни? Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона, Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль: Веселье ръзвое и нимфы Геликона Твою счастливую качали колибель.

Друзей любить открытою душою, Въ молчаньи чувствовать, плъняться красотою: Вотъ жребій мой; ему я слъдовать готовъ,

Но, милый, сжалься надо мною, Не требуй отъ меня стиховъ! Не въчно нъжиться въ пріятномъ ослъпленьи: Докучной истины я поздній вижу свътъ, По добротъ души я върилъ въ упоеньи Мечтъ, шепнувшей: ты поэтъ, И презря мудрые угрозы и совъты, Съ небрежной лѣностью нанизываль куплеты. Игрушкою себя невинной веселиль; Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями. Бывало, пълъ вино водиными стихами: Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ, Иль дружбъ плелъ вънокъ: и дружество зъвало II сонные стихи въ просонкахъ ведичало. Но полго ли меня лежено откол он ? Лушъ наскучили парнасскія забавы; Нелолго снились мнъ мечтанья музъ и славы: II строгимъ опытомъ невольно пробужденъ. Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся, Увидълъ, что еще не генія печать Охота смертная на риомахъ лепетать, Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся: И полно мет писать.

воже, царя храни.

Боже, царя храни! Славному долги дни Дай на земли: Гордыхъ смирителю, Слабыхъ хранителю, Всёхъ утёшителю Все ниспошли.

Тамъ громкой славою, Сильной державою Міръ онъ покрылъ; Здёсь — безмятежною Сёнью надежною, Благостью нёжною Насъ осёнилъ. Брани въ ужасный часъ Мощно хранила насъ Вфрная длань. Гласъ умиленія, Благодаренія—
Сердца стремленія—
Вотъ наша дань!

[Къ празднованію 19 октября].

письмо къ в. л. пушкину.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса. Въ бояхъ воспитанный поэтъ, Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ На страшной высотѣ Парнасса. Защитникъ вкуса. грозный Вотъ! Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ Веселья прежняго желанье, И слабый сердца переводъ—Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсёмъ еще разсудокъ потерялъ
Отъ риемъ бакхическихъ шатаясь на Иегасъ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ....
Нётъ, нётъ, вы мнё совсёмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнассъ.

И такъ, любезнъйшій изъ всъхъ дядей-поэтовъ здъшняго міра, можно ли мнъ надъяться, что вы простите девятимъсячную беременность пера лънивъйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я; конечно, передъ вами Совсѣмъ неправъ пустынникъ риемоплетъ: Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами: Онъ виноватъ и прозой и стихами. Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредблены мий только два рода писемь — обйщательныя и извипительныя: первыя въ началй годовой переписки, а последнія при последнемь ея издыханіи. Къ тому же примётиль я, что и всю оне состоять изъ двухъ посланій; это мий кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова*
Священнымъ Феба языкомъ.
И лобъ угрюмый Шутовскова **
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренно — ужели
Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ монмъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но.... надобно ли еще обѣщать? Простите вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня.

Шольё Андреевичь, *** конечно, Меня забыль давнымь давно; Но я люблю его сердечно, За то, что любить онъ безпечно И пъть и пить свое вино, И надъ всемірными глупцами

^{*} А. С. Шишковъ. ** Ки. Шаховской. *** Килев Вяземеній.

Своими рѣзвыми стихами Смѣется, право, пресмѣшно. [Конеца декабря].

МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави, Господи, ума такого, Какъ у Александра Васильича Попова! Слатвинскаго скромности, Зубова томности, Ильина чистоты, Тютчева красоты, Любомирскаго чванства, Каверина пьянства, Гротовой скупости. Ховрина глупости, Суетливости Оффенберга, Разсудительности Унгернъ-Штернберга. Чаадаева гордости, Юшкова подлости, Крекшина службы, Сабурова дружбы, Завадовскаго щедрости, Гернгросовой мерзости, Кнабенау усовъ, Пашковскихъ носовъ, Салтыкова дикости, Саломирскаго лихости, Слѣпцова смиренья, Кругликова пѣнья, Барятинскаго спросовъ, Рахманова вопросовъ, Молоствова хвалы И Микъшина хулы...

* *

«Скажи, что новаго? — Ни слова. «Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?» — О братецъ! отвяжись: я знаю только то, что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

твой п мой.

Богъ въсть, за что философы, пінты На твой и мой давнымъ-давно сердиты. Не спорю я съ ученой ихъ толпой, Но и бранить причины не имъю То, что даритъ мнъ радость и покой. Что, ежели бъ ты не была моею? Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, твой?

ЭКСПРОМТЪ НА А.

Въ молчаныи предъ тобой сижу. Напрасно чувствую мученье, Напрасно на тебя гляжу: Того ужъ върно не скажу, Что говоритъ воображенье.

надпись къ бесъдкъ.

Съ благоговъйною душой Приближься путникъ молодой Любви къ пустынному пріюту!

Здёсь ею счастливь быль я разь, Въ восторге сладостномъ погасъ.

И время самое для насъ Остановилось на минуту.

ЭПИГРАММА.

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи. Кавъ безпокоюсь я! три ночи, Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ! — Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

ЗАВЪШАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ; Обиды, пѣсни—все прощаю, А мнѣ пускай долги простятъ.

на пучкову

[дъвицу-писательницу].

Зачёмъ вричишь ты, что ты дёва На каждомъ дёвственномъ стихё? О! вижу я, пёвица Эва, Хлопочешь ты о женихё.

OHA.

«Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?» Люблю, мой другъ! «Но вто жъ тебя плѣнила!» Она. «Да вто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лила?» О, нѣтъ? «Кому жъ ты жертвуещь душой?» Ахъ, ей! «Ты съроменъ, другъ сердечный!

Но почему жъ ты столько огорчень? И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно....» Не то, мой другъ! «Но что жъ?» Я ей не онъ!

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я, Пускай оно груди безчувственной коснется: Быть можетъ, милые друзья, Быть можетъ, сердце вновь забъется.

віфатипе.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ: Творилъ онъ тяжкіе грёхи. Пусть Богъ дёла его забудетъ, Какъ свётъ забилъ его стихи.

княжнъ в-й.

On peut très bien, Mademoiselle, Vous prendre pour une maquerelle, Ou pour une vielle guenon: Mais pour une grace — oh, mon Dieu, non.

на лицейскаго дядьку,

оказавшагося увійцей.

Заутра съ свъчкой грошевою Явлюсь предъ образомъ святымъ. Мой другъ! остался я живымъ, Но былъ ужъ смерти подъ косою: Сазоновъ былъ моимъ слугою, А Пешель лекаремъ моимъ!

1817.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

[H. O. KOMAHCKOMY].

Помилуй, трезвый Аристархъ Моихъ бакхическихъ посланій! Не осуждай моихъ мечтаній И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ. Плоды веселаго досуга Не для безсмертья рождены, Но развѣ такъ сбережены Для самого себя, для друга, Да для Темиры молодой: Помилуй, сжалься надо мной!

Я знаю самъ свои пороки, Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки Твоей учености сухой. Конечно, бѣденъ геній мой: За риемой часто холостой, На вло законамъ сочетанья, Бѣгутъ трехстопные толпой На аю, аетъ и на ой. Еще немногія признанья: Я ставлю [кто же безъ грѣха?] Для мѣры, риемы, восклицанья, Для смысла, лишнихъ три стиха; Нехорошо; но оправданья Позволь мнѣ скромно принести:

Мои летучія посланья Въ потомствъ будутъ ли цвъсти? Не думай, цензоръ мой угрюмой. Что лёнью жертвуя стихамъ, Объятый стихотворной думой, Встаю.... бъснуюсь по ночамъ; Что засвѣтивъ свою лампаду. Едва дыша, нахмуря взоръ. За върный столъ крехтя засяду, Сижу, сижу три ночи сряду И высижу — трехстоиный вздоръ.... Такъ пишетъ [молвить не въ укоръ] Конюшій дряхлаго Пегаса Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ, Служитель старенькій Парнасса, Родитель старенькихъ стиховъ, И одъ неслишкомъ громозвучныхъ, И сказочекъ довольно скучныхъ!...

Но знаешь ли, о мой гонитель, Какъ я бесёдую съ тобой? Безпечный Ппила посътитель Я съ музой нъжусь молодой.... Ужъ утра яркое свътило Поля и рощи озарило; Давно пропъли пътухи! Въ полглаза дремля и зѣвая, Шапеля въ пъсняхъ призывая, Пишу короткіе стихи Среди пріятнаго забвенья, Склонясь въ подушку головой --И въ простотъ, безъ украшенья, Мои слагаю извиненья Немного сонною рукой, Полъ сънью льни неизвъстной:

Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной, Когда Веръ-Вера воспѣвалъ, *
Или съ улыбкой рисовалъ, Въ непринужденномъ упоеньи, Уединенный свой чердакъ. Въ такомъ лѣнивомъ положеньи Стихи текутъ и такъ и сякъ. Возможно ли въ свое творенье, Унявъ веселыхъ мыслей шумъ, Тогда вперять холодный умъ, Отдѣлкой портить небылицы, Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ, И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Шамфоръ, Шольё, Парии, Враги труда, заботъ, нечали, Не такъ, бывало, въ прежни дни Своихъ любовнипъ воспъвали. О вы. любезные пъвцы, Сыны безпечности лѣнивой! Давно вамъ отданы вѣнцы Отъ музы праздности счастливой: Но не блестящіе дары Поэзіи трудолюбивой — На верхъ еессальскія горы Вели васъ тайные извивы! Веселыхъ грацій перстъ игривой Младыя лиры оживляль, И ваши челы обвивалъ Дѣтей паеоскихъ рой шумливой! И я-неопытный поэтъ. Небрежный вашихъ риемъ наслёдникъ, За вами крадуся во следъ.... А ты, мой скучный проповёдникъ,

^{*} Tpecce.

Умёрь ученый вкуса гнёвъ, Поди, кричи, брани другова, И брось лёнивца молодова, Объ немъ тихонько пожалёвъ

Переписано 10 марта 1817 г.

COUPLETS.

Quand un poète en son extase Vous lit son ode ou son bouquet, Quand un conteur traine sa phrase, Quand on écoute un perroquet— Ne trouvant pas le mot pour rire, On dort, on baille en son mouchoir, On attend le moment de dire: Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle, Ou bien avec de gens d'esprit, Le vrai bonheur se renouvele, On est content, l'on chante, on rit: Prolongez vos paisibles veilles, Et chantez vers la fin du soir— A vos amis, à vos bouteilles: Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage, Et tout s'écoule avec le temps. L'amour aussi n'est qu'un volage, Un oiseau de notre printems; Trop tot il fuit, riant sous cape— C'est pour toujours, adieu l'espoir! On ne dit pas dès qu'il s'échappe: Jusqu'au plaisir de nous revoir. Le temps s'enfuit triste et barbare Et tôt ou tard on va là haut Souvent—le cas n'est pas si rare— Hazard nous sauve du tombeau. Des maux s'éloignent les cohortes, Et le squelette horrible et noir S'en va, frappant à d'autres portes: Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse, En lassant mes chers auditeurs... Allons, je descends du Parnasse, Il n'est pas fait pour les chanteurs. Pour des couplets mon feu s'allume Sur un refrain j'ai du pouvoir, C'est bien assez — adieu, ma plume! Jusqu'au plaisir de nous revoir.

_

Съ позволенія сказать, Я сердить на васъ ужасно. Нёть! вы просите напрасно, Не хочу стиховь писать: Можно лъ честному поэту Ставить къ каждому куплету: Съ позволенія сказать?

Съ позволенія сказать, Моськина, * по-мнѣ, прекрасна. Знаю, что она опасна: Мужу хочется бодать; Но гусары вѣдь невинны,

^{*} Жена одного изъ служившихъ въ царскосельскомъ дворцовомъ правденіи.

Что у мужа роги длинны, Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать, Много въ свътъ риомодъевъ, Все ученыхъ грамотеевъ, Чтобы всякій вздоръ писать; Но въ примъръ и страхъ Европы, Многихъ можно бъ высъчь—Съ позволенія сказать.

КЪ ЖУКОВСКОМУ

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сънц, Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колвни, Опасною тропой съ надеждой полетёль, Мив жребій вынуль Фебь — и лира мой удвль. Страшусь, неопытный, безславнаго паренья. Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья. Не грозный приговоръ на гибель внемлю я: Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія, Стражъ върный прошлыхъ льтъ, наперсникъ музъ любимый И блёдной зависти предметь неколебимый, * Привътливымъ меня вниманьемъ ободрилъ; И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ, И славный старецъ нашъ, царей пъвецъ избранный, Крылатымъ геніемъ и граціей візнчанный, ** Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой И счастье мнв предрекъ, незнаемое мной. И ты, природою на пъсни обреченный, Не ты ль мит руку даль въ завъть любви священной? Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой Безмольный я стояль, и молнійной струей

^{*} Карамзинъ. ** Державинъ.

Душа къ возвышенной душъ твоей летъла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ иламенъла?
Нътъ, нътъ, ръшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной върою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы пъль мнъ кажете въ туманахъ отдаленья;
Лету къ безвъстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою Какое зрѣлище открылось предо мною? Въ ужасной темнотъ пещерной глубины, Вражды и зависти угрюмые сыны, Возвышенныхъ творцовъ зоплы записные, Силять безсмыслицы дружины боевыя. Далеко дикихъ лиръ несется рызкій вой; Варяжскіе стихи визжить варяговь строй; Сибхъ общій имъ отвётъ надъ мрачными толпами. Ко мнъ два призрака склонилися главами: Одинъ на груды сълъ и прозы и стиховъ, Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ, Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы! Съ улыбкой внемлеть вой стопослагатель хилый; Предъ нимъ растерзанний стенаетъ Телемахъ, Жельзное перо скрипить въ его перстахъ И тянеть за собой гекзаметры сухіе, Спондеи жесткіе и дактили тугіе. Ретивой музою прославленный пъвецъ! Гордись, ты Мевія надутый образецъ! Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья, Стоитъ среди толпы друзей непросвъщенья? Торжественной хвалы къ нему несется шумъ, А онъ — онъ риемою попраль и вкусь и умъ. Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ, Завистливый гордець, холодный Сумароковь, Безъ силы, безъ огия, съ посредственнымъ умомъ, Предразсужденіямъ обязанный вѣнпомъ И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ? Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ? Ему ль оспаривать тотъ лавровый ввнецъ, Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пъвенъ. Веселье россіянъ, полунощное диво? * Нъть, въ тихой Ість онъ потонетъ модчаливо! Ужъ на челъ его забвенія печать Предбудущимъ въкамъ что могъ онъ передать? Страшилась грація цинической свирѣли. И персты грубые на лиръ костенъли. Пусть будеть Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ: Явится Депрео — исчезнетъ Шапеленъ. И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное. Невъжду пестуетъ невъжество слъпое; Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ. Тамъ прозу и стихи отважно всё кують, Тамъ всв враги наукъ, всв глухи. лишь не нвиы: Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы, Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ. Другіе въ бъшеныхъ трагедіяхъ хрипять; Тотъ, върный своему мятежному союзу, На сцену возведя зъвающую музу, Везсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнасса мнить: Рука содрогнулась, ударъ его скользить. Вотще бросается съ завистливымъ винжаломъ: Куплетомъ раненъ онъ. низверженъ въ прахъ журналомъ. При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бъжитъ, И маковый вѣнецъ Өеспису ими свить. Всъ, руку положивъ на томъ Телемахиды, Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды, Волнуясь, возстають неистовой толной. Въда, кто въ свътъ рожденъ съ чувствительной душой, Кто тайно могъ плінить красавиць ніжной лирой,

^{*} Ломоносовъ.

Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой, Кто выражается правдивымъ языкомъ, И русской глупости не хочетъ бить челомъ! Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата, И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы, Природой и трудомъ воспитанны иввцы! Въ счастливой ереси и вкуса и ученья, Разите дерзостныхъ друзей непросвъщенья! Отмститель генія, другъ истины — поэтъ! Ліющая съ небесь и жизнь, и въчный свъть. Стрвлою гибели десница Аполлона Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиеона. Смотрите! пораженъ враждебными стрълами, Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крыдами, Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть! Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали въсть. Летите на враговъ — и Фебъ и музы съ вами! Разите варваровъ кровавыми стихами: Невѣжество, смирясь, потупить хладный взоръ; Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ.... Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно: Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно, II смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ. Гоненія терпёть ужель и мой удёль? Что нужды? Смёло въ даль дорогою прямою: Ученью руку давь, поддержанный тобою, Ихъ злобы не страшусь; мнв твердый Карамзинъ. Мий ты примирь! что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ? Пускай беседують отверженные Феба: Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба; Ихъ слава — имъ же стыдъ, творенья — смъхъ уму, И въ тьмъ возникшіе низвергнутся во тьму.

дельвигу.

Любовью, дружествомъ и лѣнью Укрытый отъ заботъ и бѣдъ, Живи подъ ихъ надежной сѣнью: Въ уединеніи ты счастливъ, ты поэтъ! Наперснику боговъ не страшны бури злыя: Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой; Его баюкаютъ камены молодыя, И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой. О милый другъ, и миѣ богини пѣснопѣнья.

Еще въ младенческую грудь, Вліяли искру вдохновенья И тайный указали путь. Я мирныхъ звуковъ наслажденья Младенцемъ чувствовать умѣлъ, И лпра стала мой удѣлъ.

Но гдѣ же вы, минуты упоенья, Неизъяснимый сердца жаръ, Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ! Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой

И злобной клеветы невидимый кинжаль!

Нътъ, нътъ, ни счастіемъ, ни славой,

Ни гордой жаждою похвалъ

Не буду увлеченъ! Въ бездъйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;

Но, можеть быть, вздохну въ восторгъ молчаливомъ,

Внимая звуку струнъ твоихъ.

наслажденіе.

Въ неволъ скучной увядаетъ Едва развитый жизни цвътъ,

Укралкой младость отлетаетъ, И слвиъ ен - печали слвдъ! Съ минутъ безчувственныхъ рожденья По нѣжныхъ юношества лѣтъ, Я все не знаю наслажденья, И счастья въ томномъ сердцв нвтъ! Съ порога жизни въ отдаленье Нетерпѣливо я смотрѣлъ: Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье; Но я за призракомъ летель. Златыя крылья развивая, Волшебной, нѣжной красотой, Любовь явилась мололая И полетьла предо мной. Я мчался къ цъли отдаленной, Но пъли милой не достигъ!... Когда жъ весельемъ окрыленной, Настанеть счастья быстрый мигъ? Когда въ сіяньи возгорится Свитильникъ тусклый юныхъ дней, И мрачный путь мой озарится Улыбкой спутницы моей?

СТАНСЫ.

[изъ вольтера]

Ты мнв велишь пылать душою: Отдай же мнв протекши дни; Съ моей вечернею зарею Мое ты утро съедини.

Мой въкъ невидимо проходитъ; Изъ круга смъховъ и харитъ Ужъ время скрыться мнъ велитъ И за руку меня выводитъ. Не дастъ оно пощады намъ: Кто примъняться не умъетъ Къ своимъ измънчивымъ годамъ, Тотъ ихъ несчастья лишь имъетъ.

Счастливцамъ ръзвимъ, молодымъ Оставимъ страсти, заблужденья; Живемъ мы въ міръ два мгновенья—Одно разсудку отдадимъ.

Вы, услаждавшія печали Минутной младости моей, Любовь, мечтанья первыхъ дней! Ужель на въкъ вы убъжали?

Намъ должно дважды умирать. Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ: Вотъ смерть ужасная страданьемъ! Что значитъ послъ— не дышать?

На пасмурномъ моемъ закатѣ, Среди пустынной темноты, Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ Обмановъ милыя мечты!

Тогда на голосъ мой унылой Мнѣ дружба руку подала: Она любви подобна милой Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы Отрадныхъ юношества дней, И вслёдъ пошелъ — но лилъ я слезы, Что могъ во слёдъ и дти линь ей!

сновидъніе.

[изъ вольтера].

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидъньемъ, Въ вънцъ сіяющемъ, царемъ я зрълъ себя; Мечталось, я любилъ тебя, И сердце билось наслажденьемъ.

Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ....

Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили? Но боги не всего теперь меня лишили:

Я только царство потерялъ.

письмо къ лидъ.

[подражание парни].

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ Надъ нами тихій свой покровъ. И время къ полночи придвинетъ Стрѣлу медлительныхъ часовъ, Въ счастливой тишинъ природы, Когда не спить одна любовь, Тогда моей темницы вновь Покину я нѣмые своды.... Летучихъ остальныхъ минутъ Мнѣ слишкомъ тягостна потеря; Но скоро Аргусы заснуть, Замкамъ предательнымъ повъря. И я въ обители твоей!... По скорой поступи моей, По сладострастному молчанью, По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ, По воспаленному дыханью И жаркимъ, ласковымъ словамъ Узнай любовника!... Настали

Восторги, радости мои! О Лида, если бъ умирали Съ блаженства, нъти и любви!...

именины.

Умножайте шумъ и радость; Пойте пъсни въ добрый часъ: Дружба, грація и младость Именинницы у насъ. Между тъмъ дитя крылато, Васъ привътствуя, друзья, Втайнъ думаетъ: когда-то Именинникъ буду я?

BE3B&PIE.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ, Считая мрачное безвъріе порокомъ, Бъжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лътъ Безумно погасиль отрадный сердцу свъть, Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье! Восплачьте вы о немъ, имъйте сожальные! Взгляните на него - не тамъ, гдъ каждый день Тщеславіе на всёхъ наводить ложну тёнь, Но въ тишинъ семьи, подъ кровлею родною, Въ бесъдъ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою — Взгляните: бродить онь съ увядшею душой, Своей ужасною томимый пустотой; То горьки слезы льеть, то рабь страстей, волненья, Напрасно ищеть онъ унынью развлеченья. Напрасно, въ пышности свободной простоты, Природы передъ нимъ открыты красоты; Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:

Умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ. Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ, Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ, Въ любви ли, въ дружествъ ль обниметь онъ измъну, II невозвратную онъ имъ узнаетъ цену — Лишенный всёхъ опоръ, отпадшій вёры сынъ. Ужъ видить съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ, И мощная рука къ нему съ дарами мира Не простирается изъ-за предъловъ міра. Несчастные, страстей и немощей сыны, Мы всв на страшный гробъ. родясь, осуждены; Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье; Нашъ въкъ — невърный день; смерть — быстрое затмънье. Когла холодна тьма объемлеть грозно насъ, Завъсу въчности колеблетъ смертный часъ: Ужасно чувствовать слезы последней муку И съ міромъ начинать безвістную разлуку! Тогда, беседуя съ оставленной душой, О въра, ты стоишь у двери гробовой! Ты ночь могильную ей тихо освъщаешь И, ободренную, съ надеждой отпускаешь. Но, други, пережить ужаснье друзей!... Лишь вёра въ тишинъ отрадою своей Живить унылый духъ и сердца ожиданье: «Настанетъ — говоритъ — назначенно свиданье.> А онъ, слъпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ! Съ усладой бытія несчастный разлучень, Надежды тихаго не внемлеть онъ привъта: Подходить къ гробу онъ, взываеть... нѣтъ отвѣта! Видали ль вы его въ безмолвныхъ техъ местахъ, Гдъ кровныхъ и друзей священный тлъетъ прахъ?... Видали ль вы его надъ хладною могилой, Гдѣ Деліи его таится пепель милой? Къ почившимъ позванный вечерней тишиной, Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой; Одинъ, съ отчанныемъ, въ слезахъ ожесточенья,

Въ молчаньи ужаса, въ безумствъ изступленья, Дрожить! И между тёмь, подъ сёнью темныхь ивь, У гроба матери кольна преклонивъ, Тамъ дева юнан, въ печади безмитежной, Возводить къ небу взоръ бользненный и ньжной. Одна, туманною дуной озарена. Какъ ангелъ горести является она, Вздыхаетъ медленно. могилу обнимаетъ: Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ.... Несчастный на нее въ безмолвіи глядить, Поникнуль головой, тренещеть и бъжить. Спфшить онъ далфе, но вслфдъ унынье бродить; Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входить. Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей: При древнемъ торжествъ священныхъ алтарей. При гласт пастыря, при сладкомъ хоровъ птиьт, Тревожится его безвърное мученье. Онъ Бога тайнаго нигдъ, нигдъ не зритъ; Съ померкиею душой святынъ предстоитъ; Холодный ко всему и чуждый умиленью, Съ досадой тихому внимаеть онъ моленью. «Счастливцы! мыслить онъ; почто не можно мнѣ, Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинъ, Забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ, Съ одной лишь вфрою повергнуться предъ Вогомъ!> Напрасный сердца крикъ! Нътъ, нътъ, не суждено Ему сей тайны знать! Безвъріе одно По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый, Несчастнаго влечеть до въчныхь врать могили!

КЪ II. II. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ, Минутной ръзвости нескромные стихи: Люблю и первый, будь увъренъ. Твои счастливые гръхи.

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви,
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно житъ
Съ Киеерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

послание къ в. л. пушкину.

Скажи, парнасскій мой отецъ, Неужто върный музъ любовникъ Не можетъ нажный быть павепъ И вивств гвардін полковникь? Ужели тотъ, кто иногда Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ, За честь не можеть безъ стыда Жечь порохъ на войнь съ гусаромъ, И, если можно, города? Беллона, муза и Венера Вотъ, кажется, святая въра Дней нашихъ всякаго пѣвца; Я шлюсь на русскаго Буфлера И на Дениса храбреца, * Но не на Глинку офицера, Довольно плоскаго пъвна: Не нужно мит его примтра!

^{*} Д. В. Давыдовъ.

Ты скажешь: перестань, болтунъ, Будь человъкъ, а не драгунъ! Парады, караулъ, ученье — Все это оды не внушитъ. А только душу изсущить, И къ Марину для награжденья, Быть можеть, прямо за Коцить Пошлеть читать его творенья. Послушай, дядя милый мой, Ступай себъ къ слъпой Өемидъ, Ты съ дипломатикой косой; Кропай, мой другь, посланье къ Лидъ, Оставь военные гръхи, И въ сладостяхъ успожоенья Пиши сенатскія решенья И пятистопные стихи, И не съ гусарскаго корнета, Возьми примѣръ съ того поэта, Съ того, котораго рука Нарисовала Ермака Въ снътахъ незнаемаго свъта, И пленъ могучаго Мегмета, И мужа модные рога; Который, милостію Бога, Министръ и сладостный пъвецъ, Быль строгой чести образець, Какъ образецъ онъ будетъ слога.... Все такъ, почтенный дядя мой, Почтенъ, кто глупости людской Рѣшилъ запутанные споры, Умѣлъ кто хитрости рукой Переплетать между собой Дипломатические вздоры, И править нашею судьбой. Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ, И эпиграммы самой злой

Въ извъстныхъ «Святкахъ» * онъ достоинъ; Но что прелестиви и живви Войны, сраженій и пожаровъ, Кровавыхъ и пустыхъ полей, Бивака, рыцарскихъ ударовъ, И что завиднъй бранныхъ дней Не слишкомъ мудрыхъ усачей, Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ? Они живуть въ своихъ шатрахъ, Вдали забавъ, и нѣтъ, и грацій, Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій Въ тибурскихъ сумрачныхъ льсахъ; Не знають свёта принужденья, Не въдають, что скука, страхъ, Дають объды и сраженья, Поють и рубятся въ бояхъ. Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру, О комъ за пъсни, за пъла Гремитъ правдиван хвала, Кто славитъ Марса и Темиру, И бранную повёсиль лиру Межъ вфрной сабли и сфлла! Но вы, враги трудовъ и славы, Питомцы Феба и забавы, Вы, мирной праздности друзья, Шепну вамъ на-ухо: вы правы, И съ вами соглащаюсь я! Богъ создалъ для себя природу, Свой рай и счастіе глупцамъ, Злословіе, мужчинъ и моду, Конечно, для забавы дамъ; Заботы — знатному народу, Дурачество — для всёхъ; а намъ — Уединенье и свободу.

^{*} Неизданная сатира кн. Д. П. Горчакова.

добрый совътъ

[изъ парпи].

Давайте пить и веселиться, Давайте жизнію играть; Пусть чернь сліная суетится: Не намъ безумной подражать. Пусть наша вітреная младость Потонеть въ ністі и въ вині; Пусть изміняющая радость Намъ улыбнется хоть во сні. Когда же юность легкимъ дымомъ Умчить веселость юныхъ дней, Тогда у старости отимемъ Все, что отымется у ней.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы заточенья: Недолго, милые друзья, Намъ видъть кровъ уединенья И парскосельскія поля. Разлука ждеть насъ у порогу; Зоветь насъ свъта дальній шумъ, И кажный смотрить на дорогу Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ. Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ, Уже въ воинственномъ нарядъ Гусарской саблею махнулъ: Въ крещенской утренней прохладъ, Красиво мерзнетъ на парадъ, А гръться ъдетъ въ карау. гъ. Другой, рожденный быть вельможей, Не честь, а почести любя,

У плута знатнаго въ прихожей Покорнымъ плутомъ зритъ себя. Лишь я, сульбъ своей послушный, Счастливой нёги вёрный сынъ, Лущой безпечный, равнодушный, Въ постели задремалъ одинъ. Равны мнъ писаря, уланы, Равны миѣ каски, кивера; Не рвусь я грудью въ капитаны И не ползу въ ассесора. Друзья, немного снисхожденья! Оставьте пестрый мив колпакъ, Пока его за прегрѣшенья Не промёняль я на шишакъ; Пока лѣнивому возможно, Не опасаясь грозныхъ бѣдъ, Еще рукой неосторожной Въ іюль распахнуть жилетъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. П.ІЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ, Хоть христіанинъ православной. Душа безсмертна, слова нѣтъ; Моимъ стихамъ удѣлъ неравной: И пѣсни музы своенравной, Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ Погибнутъ смертію забавной, И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ. Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній, Что предпочелъ бы я скорѣй Безсмертію души моей Безсмертіе своихъ твореній. Не властны мы въ судьбѣ своей; По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья, Сей илодъ небрежный вдохновенья, Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ, На скромныхъ дружества листкахъ, Уйдетъ отъ общаго забвенья. Но пусть напрасенъ будетъ трудъ, Твоею дружбой оживленный; Мои стихи пускай умрутъ: Гласъ сердца, чувства неизмѣнны Навърно ихъ переживутъ.

31 was 1817.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИВ. ИВ. ИУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайний сей листокъ, Исписанный когда-то мною, На время улети въ лицейскій уголокъ Всесильной, сладостной мечтою. Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней, Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья, Печали, радости, мечты души твоей, Размолвки дружества и сладость примиренья.

Что было и не будеть вновь....
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла.... но съ первыми друзьями
Не ръзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами.

О милый, въченъ онъ!

ЕМУ ЖЕ.

Вотъ здёсь лежитъ больной студентъ— Судьба его неумолима! Несите прочь медикаментъ: Болёзнь любви неизлечима! [Переда випускомъ или Лицея] * *

Гауэншильдъ и Энгельгардъ, Карцовъ и Кошанскій, И танцмейстеръ Эбергардтъ, И Эбергардтъ кавказскій, * Всѣ, какъ отставной солдатъ, Тянутъ пѣснь унылу:

Господи, помилуй!

Боже мой, охъ, Боже мой, Господи мой Боже!
Вотъ проходитъ годъ шестой, И экзаменъ тоже.
Что жъ? Какой намъ аттестатъ Видали насилу?

Господи, помилуй!

РАЗЛУКА.

[в. к. кюхельбекеру].

Въ послъдній разъ, въ съни уединенья, Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.

Лицейской жизни милый брать, Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли лѣта соединенья; Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ. Прости! Хранимый небомъ, Не разлучайся, другъ, Съ свободою и Фебомъ!

^{*} Директоръ лицея, профессора и гувернеры.

Узнай любовь, невѣдомую миѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству въренъ я.

И пусть [услышить ли судьба мои молитвы?], Пусть будуть счастливы всв, всв твои друзья!

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Когда погаснуть дни мечтанья И позоветь насъ шумный свёть — Кто вспомнить братскія свиданья И дружество минувшихъ лётъ?... Позволь въ листахъ воспоминанья Оставить имъ минутный слёдъ.

1817, при выпускт изъ лицея.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ высшей волею небесъ Живетъ въ оковахъ службы царской. Онъ въ Римъ былъ бы Брутъ, въ Анинахъ — Периклесъ, у насъ — онъ офицеръ гусарской.

къ портрету каверина.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ. На марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель, Друзьямъ онъ върный другъ, красавицамъ мучитель, И всюду онъ гусаръ.

к. и. бакуниной.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнв истина всего дороже.

Подумать не успввъ, скажу: ты всвхъ милвй;

Подумавъ, я скажу все тоже.

къ ней.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,

Воображение въ мечтахъ не разгоралось, Съ дарами юности мой геній отлеталь, И сердце медленно хладёло, закрывалось. Васъ вновь я призываль, о дни моей весны! Вы, пролетъвшіе подъ стнью тишины, Іни пружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной, Когда, поэзім поклонникъ безмятежной, На лиръ счастливой я тихо воспъвалъ Волненіе любви, уныніе разлуки — И гуль дубравь горамь передаваль Мои задумчивые звуки. Напрасно! Я влачилъ постыдной лени грузъ, Въ дремоту хладную невольно погружался, Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ, И — слезы на глазахъ — со славою прощался! Но вдругъ, какъ молніи стрѣла Зажглась въ увядшемъ сердцъ младость, Душа проснулась, ожила, Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость. Все снова расцейло! Я жизнью трепеталь; Природы вновь восторженный свидетель, Живве чувствоваль, свободнве дышаль, Сильнъй илъняла добродътель.... Хвала любви, хвала богамъ!

Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный, И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны Несу къ твоимъ ногамъ!

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
Что значатъ радостные лики
И пъсни поселянъ?
Въ ихъ кругъ свътлая свобода
Пріяла праздничный вънокъ.
Но двинулись толны народа....
Онъ приближается.... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, въчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О радость! полныя тобой
Прожатъ, готовы грянуть струны

Несите свѣжіе вѣнцы! Невольники, гдѣ тирсы наши? Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Нелицемѣрною хвалой. Эванъ, эвое! Лайте чаши,

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный! Державный тирсъ въ его рукахъ; Вънецъ желтъетъ виноградный Въ чернокудрявыхъ волосахъ.... Течетъ. Его младые тигры Съ покорной яростью влекутъ; Кругомъ летятъ эроты, игры, И гимны въ честь ему поютъ. За нимъ тъснится козлоногій И фавновъ, и сатировъ рой; Плющемъ опутаны ихъ роги. Въгутъ смятенною толной

Во слъдъ за быстрой колесницей: Кто съ тростниковою цевницей, Кло съ върной кружкою своей; Тотъ оступившись упадаетъ, И бархатный коверъ полей Виномъ багровымъ обливаетъ, При дикомъ хохотъ друзей. Тамъ, далъ, вижу дивный ходъ: Звучать веселые тимпаны; Младыя нимфы и сильваны, Составя шумный хороводъ, Несутъ недвижнаго Силена.... Вино струится, брызжетъ пвна, И розы сыплются кругомъ; Несуть за спящимъ старикомъ И тирсъ. символъ побъды мирной, И кубокъ тяжко-золотой, Вънчанный крышкою сапфирной, Подарокъ Вакха дорогой.

Но воеть берегь отдаленный:
Власы раскинувъ по плечамъ.
Вънчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бъгутъ вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчалися, летятъ, свиваются руками,

Волшебной пляской топчутъ лугъ; И младость пылкая толпами Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя д'ввы;
Ихъ страдострастные нап'ввы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделеньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,

Сказали: счастіе лови!

Ихъ вдохновенныя движенья

Сперва изображаютъ намъ

Стыдливость милаго смятенья,

Желанье робкое, а тамъ

Восторгъ и дерзость наслажденья.

Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ,

Махая тирсами несутся;

Ужъ издали ихъ вопли раздаются,

И гулъ имъ вторитъ по лъсамъ:

Эванъ, эвое! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы!; Невольники, гдѣ тирсы наши? Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной Забвенью бросимъ суети!
Теки, вино, струею пънной Въ честь Вакха, музъ и красоти!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свъжіе вънци!
Невольники, гдъ тирси наши?
Бъжимъ на мирний бой, отважные бойцы!

прощание съ тригорскимъ.

Простите, върныя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетъвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдъ радость
Меня встръчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,

А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ [сладкое мечтанье]
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума.

10 сентября 1817.

АННЪ АЛЕКСЪЕВНЪ ОЛЕНИНОЙ.

М — ъ, хвастунъ безстыдной, Тебъ прислалъ своихъ плодовъ. Хотълъ увърить насъ, какъ видно, Что будто самъ онъ богъ садовъ.

Чему дивиться туть? Харита Улыбкой святость побёдить, Съ ума сведеть М—а И пыль желаній въ немъ родить.

И онъ, твой встрътя взоръ волшебный, Забудеть о своемъ крестъ, И нъжно станетъ пъть молебны Твоей небесной красотъ.

КЪ ***.

Не спрашивай, зачёмъ унылой думой Среди забавъ я часто омраченъ, Зачёмъ на все подъемлю взоръ угрюмой, Зачёмъ не милъ мнё сладкой жизни сонъ; Не спрашивай, зачёмъ душой остылой Я разлюбилъ веселую любовь И никого не называю милой: Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь; Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья. На краткій мигъ блаженство намъ дано: Отъ юности, отъ нёгъ и сладострастья Останется уныніе одно.

27 неября 1817.

КН. ЕВДОКІИ ИВАНОВНЪ ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщеный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?—
Отечество почти я ненавидѣлъ;
' Но я вчера Голицыну увидѣлъ—
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

исторія стихотворца.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ Свистъ;
Мараетъ онъ единымъ духомъ Листъ;

Потомъ всему терзаетъ свѣту Слухъ; Потомъ печатаетъ: и въ Лету Бухъ!

* *

Какъ брань тебѣ не надоѣла! Разсчетъ коротокъ мой съ тобой: Ну, такъ, я празденъ, я безъ дѣла; А ты бездѣльникъ дѣловой.

* *

«Хогь впрочемь онъ поэть изрядный, Эмиліп челов'якь пустой. Да ты ч'ямь полонь, шуть нарядный? А, понимаю: самь собой! Ты полонь дряни, милый мой!

доврый человъкъ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый, Педантъ надутый и мудреный: Онъ важно судитъ обо всемъ, Всего онъ знаетъ понемногу. Люблю тебя, сосъдъ Пахомъ: Ты просто глупъ, и слава Богу!

* *

Окотникъ до журнальной драки, Сей усыпительный зоилъ Разводитъ опіумъ чернилъ Слюною бъщеной собаки.

1818.

КЪ Ө. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вътреныхъ Лаисъ. Прелестный баловень Киприлы. Умъй сносить, мой Адонисъ, Ея минутныя обиды! Она дала красы младой Тебѣ въ удѣлъ очарованье: И черный усъ, и взгляль живой. Любви улыбку и молчанье. Съ тебя довольно, милый другъ! Пускай, желаній пылкихъ чуждый, Ты поцёлуями подругъ Не наслаждаешься; что нужды? Въ чаду веселій городскихъ, На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры, Къ тебъ красавицъ молодихъ Летять задумчивые взоры.... Увы! языкъ любви нѣмой. Сей вздохъ души краснорфчивой. Быть долженъ сладокъ, милый мой, Безпечности самолюбивой. . И счастливъ ты своей судьбой! А я — повъса въчно праздний, Потомокъ негровъ безобразний, Взрощенный въ дикой простотъ, Любви не въдая страданій, Я нравлюсь юной красотъ Безстылнымъ бъщенствомъ желаній.... Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ,

Украдкой нимфа молодая, Сама себя не понимая, На фавна иногда глядить.

въ альбомъ

мих. андр. щербинину.

Житье тому, любезный другь, Кто страстью глуною не боленъ, Кому влюбиться недосугъ, Кто занять всёмь и всёмь доволень: Кто Надиньку подъ вечерокъ За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ, И жирный страсбургскій пирогъ Виномъ душистымъ запиваетъ; Кто, удаливъ заботы прочь. Какъ върный сынъ пафосской въры, Проводить набожную ночь Съ младой монашенкой Цитеры; Поутру сладко дремлетъ онъ, Читая листикъ Инвалида; Весь день веселью посвященъ, А ночью дарствуеть Киприда! И мы не такъ ли дни ведемъ, Щербининъ, резвый другъ забавы, Съ Амуромъ, шалостью, виномъ. Покамъстъ молоды и здравы? Но дни младые пролетять, Веселье, нъга насъ покинутъ, Желаньямъ чувства измёнять, Сердца изсохнутъ и остынутъ: Тогда безъ пъсенъ, безъ подругъ, Безъ наслажденій, безъ желаній, Найдемъ отраду, милый другъ, Въ туманномъ снъ воспоминаній!

Тогда, качая головой, Скажу тебъ у двери гроба: «Ты помнишь Фанни, милый мой?» — И тихо улыбнемся оба.

КР УТЕКСРЮ ОБТОБОВИЛА ОБЛОВА,

ОТСОВЪТОВАВШЕМУ МНЪ ВСТУПИТЬ ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

О ты, который сочеталь Съ душою пылкой, откровенной, Любезность, разумъ просвъщенной, Хотя и русскій генераль; О ты, который съ каждымъ днемъ Вставая на военну муку, Усталымъ усачамъ верхомъ Преподаешь князей науку, Но не безславишь сгоряча Свою воинственную руку Презрѣнной палкой палача! Орловъ, ты правъ: я повидаю Свои гусарскія мечты, И съ Соломономъ восклицаю: Мундиръ и сабля — суеты! На генерала Киселева Не возложу своихъ надеждъ-Онъ очень миль, о томъ ни слова; Онъ врагъ коварства и невъждъ. За жирнымъ, медленнымъ объдомъ Я радъ сидъть его сосъдомъ. До ночи слушать радъ его; Но онъ — придворный: объщанья Ему не стоють ничего. И такъ, смиривъ свои желанья, Безъ доломана, безъ усовъ,

Я скроюсь съ тайною свободой, Съ пѣвницей, нѣгой и природой, Полъ тенью деловскихъ лесовъ! Надъ озеромъ въ покойной хатъ, Или въ травѣ густой луговъ, Или ходма на здачномъ скатъ, Въ бухарской шапкв и халатв, Я буду пть монхъ боговъ — И буду ждать, пока возстанетъ Съ одра покоя богъ мечей, И брани грозный вызовъ грянетъ. Тогда покину міръ полей! Питоменъ пламенной Беллоны. У трона върный гражданинъ, Орловъ! я стану подъ знамены Твоихъ воинственныхъ дружинъ: Въ шатрахъ, средь свчи, средь пожаровъ, Съ мечемъ и лирой боевой, Рубиться буду предъ тобой И славу пъть твоихъ ударовъ!

н. и. кривцову,

при посылкъ вольтеровой поэмы.

Когда сожмешь ты снова руку, Которая тебѣ даритъ, На скучный путь и на разлуку, Вотъ эту библію харитъ? Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ, Въ архивѣ шалости младой: По ней молись своей Венерѣ Благочестивою душой. Прости, эпикуреецъ мой! Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ! Лети во мрачный Альбіонъ!

Да сохранитъ тебя въ чужбинѣ Христосъ и вѣрный Купидонъ! Неси въ чужой предѣлъ пената; Но помни прежни дни свои: Люби недѣвственнаго брата, Страдальца чувственной любви.

2 марта 1818.

СКАЗКИ.

...Отъ радости въ постелѣ
Распрыгалось дитя.
«Неужто въ самомъ дѣдѣ?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай-бай, закрой свои ты глазки;
Пора уснуть ужъ наконецъ,
Послушавши, какъ намъ отецъ
Разсказываетъ сказки.»
мартъ 1813.

КЪ ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы Недолго тёшилъ насъ обманъ: Исчезли юныя забавы, Какъ дымъ, какъ утренній туманъ! Но въ насъ кинятъ еще желанья: Подъ гнетомъ власти роковой Нетериъливою душой Отчизны внемлемъ призыванья! Мы ждемъ, съ томленьемъ унованья, Минуты вольности святой, Какъ ждетъ любовникъ молодой Минуты сладкаго свиданья.

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнъ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, въры: взойдетъ она,
Заря плънительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И
Напишетъ наши имена.

элегія.

О ты, которая изъ дѣтства Зажгла во мнѣ священный жаръ, При коей сносны жизни бѣдства, Безъ коей счастье тщетный даръ! Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ Тебя привѣтствовать дерзалъ; Будилъ молчанье скалъ суровыхъ И слухъ ничтожныхъ устрашалъ. Услышатъ пѣснь мою потомки Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ, И лиры гордые обломки Переживутъ вѣнки льстецовъ.

ЦРЕЛЕСТНИЦЪ.

[штейнгель].

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ, Умильнымъ голосомъ и взоромъ, Младое сердце распалять, И тихимъ, сладостнымъ укоромъ Къ побъдъ легкой вызывать? Къ чему обманчивая нъжность,

Стыдливости притворный видъ, Движеній томная небрежность. И трепетъ устъ, и жаръ ланитъ? Напрасны хитрыя старанья: Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ... Невольный хладъ негодованья Тебъ мой роковой отвътъ. Твоею прелестью надменной Кто не вдадель во тьме ночной? Скажи: у двери оцвненной Твоей обители презрѣнной Кто смёлой не стучаль рукой? Нъть, нъть, другому свой завядый Неси, прелестница, вънокъ; Ласкай неопытный порокъ, Въ твоихъ объятіяхъ усталый: Но гордый замысель забудь: Не привлечешь питомца музы Ты на предательскую грудь. Неси другимъ наемны узы, Своей любви постыдный торгъ, Корысти хладныя лобзанья, И принужденныя желанья, И здатомъ купленный восторгъ!

выздоровление.

Тебя ль я видёль, милый другь?
Или невёрное то было сновидёнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волноваль мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болёзни роковой,
Ты ль, дёва нёжная, стояла надо мной
Въ одеждё воина съ неловкостью пріятной?
Такъ, видёлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналь

Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной: И слабымъ шепотомъ подругу я назвалъ....
Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы: Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ....
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы, И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ....

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ Желанья, жизни огнь по сердцу пробъжалъ! Я закипълъ, затрепеталъ!

И скрылась ты прелестнымъ привидъньемъ. Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.

Приди, меня мертвитъ любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи Явись. волшебница! пускай увижу вновь Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой, И бранной обувью украшенныя ноги.... Не медли, поспъшай, прелестный воинъ мой; Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой Миъ снова ниспослали боги.

А съ нимъ и сладкія тревоги Любви таинственной и шалости младой.

МЕЧТАТЕЛЮ.

[в. к. кюхельбекеру].

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
 Тебъ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцъ тихое уныніе таить.
Повърь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ен кипълъ въ твоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,

На лож'в медленно терзаемый тоской,

Ты зваль обманчивый покой,

Вотще смыкая скорбны очи,

Покровы жаркіе рыдая обнималь,

И сохнуль вь б'вшенств'ь безплоднаго желанья:

Повърь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья;
Нътъ, нътъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блъдный, изступленный,
Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
Отдайте, боги, мнъ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой:

Отдайте, боги, мив разсудовъ омраченный, Возьмите отъ меня сей образъ роковой: Довольно я любилъ; отдайте мив покой.... Но мрачная любовь и образъ незабвенный Остались въчно бы съ тобой.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ илѣнительная сладость Пройдетъ вѣковъ завистливую даль, И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость, Утѣшится безмолвная печаль, И рѣзвая задумается радость.

жуковскому.

[на издание книжекъ его: «для немногихъ»].

Когда въ мечтательному міру Стремясь возвышенной душой, Ты держишь на колёнахъ лиру Нетеривливою рукой; Когда смёняются видёнья Передъ тобой въ волшебной мглё,

И быстрый холодъ вдохновенья Власы полъемлетъ на челъ: Ты правъ, творишь ты для немногихъ, Не для завистливыхъ судей, Не для сбирателей убогихъ Чужихъ сужденій и въстей, Но для друзей таланта строгихъ. Священной истины друзей. Не всякаго полюбить счастье. Не всв родились для ввицовъ. Блаженъ, кто знаетъ сладострастье Высокихъ мыслей и стиховъ. Кто наслаждение прекраснымъ Въ прекрасный получиль удъль, II твой восторгь уразумьль Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

изъ письма.

Есть въ Россіи городъ Луга, Петербургскаго округа. Хуже бъ не было сего Городишки на примътъ, Если бъ не было на свътъ Новоржева моего.

ЭГЕЛЬСТРОМУ.

О, Эгельстромъ! я восхищенный Читаль творенія твои: Твой стихъ, лишь геніемъ внушенный. Блеститъ какъ солнце въ ясны дни.

Когда, соперникъ Ювенала, Металъ ты громъ твоихъ стиховъ. Коварна злоба трепетала, Дрожалъ завистникъ Копыловъ.

Когда Анакреона лиру Красъ прелестной посвящаль, Тогда разнъженному міру Восторги сладостны внушаль.

Когда ты Грею подражаешь, Слезясь надъ гробовой доской, Весь свътъ ты пъснью огорчаешь— Тогда стенаетъ все съ тобой.

Когда комедіей насъ хочешь Плівнить— что твой Мольеръ, Крыловъ! Съ тобой невольно захохочешь.... Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!

Поэтъ. сынъ Феба вдохновенный. Какъ милъ для насъ твой каждый стихъ. Скажи почто, иввецъ смиренныю, Отъ свъта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать твои творенья, Заслужишь множество в'яндовъ— Мы вс'я помремъ отъ восхищенья! О, Эгельстромъ, ты царь и'явдовъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ И. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной Чудесный жаръ плънительныхъ очей. Кто любить васъ, тотъ очень глупъ, конечно; Но кто не любить васъ, тотъ во сто разъ глупъй.

на карамзина.

1.

Въ его исторіи изящность, простота Доказывають намъ безъ всякаго пристрастья Необходимость самовластья И прелести кнута.

2.

Послушайте: я вамъ скажу про старину, Про Игоря и про его жену, Про Новгородъ, про время золотое, И наконецъ про Грознаго Царя.

— И, бабушка, затъяла пустое: Докончи лучше намъ Илью богатыря.

на кн. а. н. голицына.

1.

Вотъ Хвостовой покровитель, Вотъ колопская душа, Просвъщенія губитель, Покровитель Бантыша. Напирайте, Бога ради, На него со всъхъ сторонъ!...

2.

... Пошли намъ, Боже, недостойнымъ Поменьше пастырей такихъ — Полублагихъ, полусвятыхъ.

ты и я.

Ты богать, я очень бѣдень, Ты прозаикь, я поэть; Ты румянь, какъ маковъ цвѣть, Я какъ смерть и тощъ и блёденъ. Ты не знаешь вёкъ заботъ, Ты живешь въ огромномъ домѣ, Я жъ средь горя и хлопотъ Провожу дни на соломѣ. Ъшь ты сладко; цѣлый день Тянешь вина на свободѣ И тебъ нерѣдко лѣнь....

про себя.

Великимъ быть желаю, Люблю Россіи честь, Я много объщаю, Исполню ли — Богъ въсть!

надинькъ.

Съ тобой пріятно удѣлить Часовъ-два-три уединенью: Одинъ желаньямъ посвятить, А два послѣднихъ наслажденью.

ПАРОДІЯ

HA CTHXOTBOPEHIE ЖУКОВСКАГО «ТЛВННОСТЬ».

Послушай, дъдушка, мнъ каждый разъ, Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ, Приходитъ въ мысль: что если это проза, Да и дурная?...

1819.

НИКИТЪ ВСЕВОЛОД. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ, Балованный дитя свободы, Любимецъ музъ, поклонникъ моды, И Терисихоры, и стиховъ! Ты въ жизни любищь перемѣну: Ты скачень въ мирную Москву, Гав сладко дремлють наяву И наслажденьямъ знаютъ цвиу. Разнообразной и живой Москва плъняетъ пестротой, Старинной роскошью, пирами, Невъстами, колоколами, Забавной, легкой сустой, Невинной прозой и стихами. Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ Увидищь важное бездѣлье, Жеманство въ тонкихъ кружевахъ, И глупость въ золотыхъ очкахъ, И тяжкой знатности веселье, И скуку съ картами въ рукахъ. Всего минутный наблюдатель, Ты посмѣешься подъ рукой; Но вскорь, върный обожатель Забавъ и лѣни золотой, Держася моего совъта, И волю всей душой любя, Оставищь кругъ большаго свъта И жить ръшишься для себя. Уже въ пріютв отдаленномъ

Я вижу мысленно тебя: Кипить въ бокаль опъненномъ Аи холодная струя; Въ густомъ дыму ленивыхъ трубокъ, Въ халатахъ, новые друзья Шумять и пьють; задорный кубокъ Обходить ихъ безумный кругъ. И мчится въ радостяхъ досугъ; А тамъ египетскія дівы Летають, выотся предъ тобой: Я слышу звонкіе напъвы, Стонъ нъги, воили, ликій вой! Ихъ изступленныя движенья, Огонь неистовыхъ очей И все, мой другъ, въ душѣ твоей Рождаетъ трепетъ упосныя.... Но всномни, милый: здёсь одна, Тебя всечасно ожидая, Вздыхаетъ пленница младая; Весь день уныла и томна, Въ своей задумчивости сладкой, Тихонько плачеть подъ окномъ Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой, И смотрить на пустынный домъ, Глѣ мы такъ часто пировали Съ Кипридой, Ваккомъ и тобой, Куда съ надеждой и тоской Ея желанья улетали. О, скоро ль милаго найдутъ Ея потупленные взоры, И предъ любовью упадутъ Замковъ ревнивые затворы? А нашъ осиротѣлый кругъ, Товарищъ, скоро ль оживится? Когда прискачень, милый другъ? Луша воследь тебе стремится.

Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ Изъ рукъ младаго сладострастья, И докажи, что ты знатокъ Въ невѣдомой наукѣ счастья.

ВАС. ВАС. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользиуль отъ Эскулапа Худой, обритый, но живой: Его мучительная лапа Не тяготъетъ надо мной. Здоровье, легкій другь Пріапа, И сонъ, и сладостный покой, Съ Кипридой посътили снова Мой уголь тёсный и простой. Утвив и ты полубольнаго! Онъ жаждетъ видъться съ тобой, Съ тобой, счастливый беззаконникъ, Ленивый Пинда гражданинь, Свободы, Вакха вфрный сынъ. Венеры набожный поклонникъ И наслажденій властелинь! Отъ суеты столицы праздной, Отъ хладныхъ прелестей Невы, Отъ вредной сплетницы молвы, Отъ скуки, столь разнообразной, Я вду въ даль! Простите дамы, Актрисы, франты, доктора, Шумящи игры, вечера, Гдѣ льются пуншъ и эпиграмы! Меня зовуть поля, луга, Тѣнисты липы огорода, Озеръ пустынныхъ берега И деревенская свобода. Дай руку мнв. Прівду я

Въ началѣ мрачномъ октября: Съ тобою пить мы будемъ снова, Открытымъ серддемъ говоря, На счетъ глупца, вельможи злова, На счетъ холопа записнова, На счетъ небеснаго А иногда на счетъ земнова.

н. и. кривцову.

Не пугай насъ, милый другъ, Гроба близкимъ новосельемъ: Право, намъ такимъ бездъльемъ Заниматься недосугъ. Пусть остылой жизни чашу Тянетъ медленио другой; Мы жъ утратимъ юность нашу Вмѣстѣ съ жизнью дорогой; Каждый у своей гробницы, Мы присядемъ на порогъ, У пафосскія царицы Свъжій выпросимь вънокъ, Лишній мигъ у вёрной лёни; Круговой нальемъ сосудъ, И толпою наши тѣни Къ тихой Летъ убъгутъ. Смертный мигь нашь будеть светель, И подруги шалуновъ Соберуть ихъ легкій пепель Въ урны праздныя пировъ.

СТАНСЫ.

[я. н. толстому].

Философъ ранній, ты бѣжишь Пировъ и наслажденій жизни, На игры младости глядишь Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свёта На грусть и скуку промёняль, И на лампаду Эпиктета Златой Гораціевъ фіаль.

Повърь, мой другъ, она придетъ, Пора унылыхъ сожалъній, Холодной истины заботъ И безполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ, Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки; Надъ сѣдинами не гремятъ Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновы! Зови же сладкое бездълье, И легкокрылую любовь, И легкокрылое похмълье!

До капли наслажденье пей, Живи безпеченъ, равнодушенъ! Мгновенью жизни будь послушенъ, Будь молодъ въ юности твоей! * *

Воспоминаньемъ упоенный, Съ благоговъньемъ и тоской Объемлю грозный мраморъ твой, Кагула намятникъ надменный! Не смълый подвигъ россіянъ, Не слава, даръ Екатеринъ, Не Задунайскій великанъ Меня воспламеняютъ нынъ...

30 мая 1819.

PYCAJIKA.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ, Спасался нѣкогда монахъ, Всегда въ занятіяхъ суровыхъ, Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ Уже лопаткою смиренной Себѣ могилу старецъ рылъ, И лишь о смерти вожделѣнной Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лётомъ у порогу Поникшей хижины своей Анахоретъ молился Богу. Дубровы дёлались чернёй; Туманъ надъ озеромъ дымился, И красный мёсяцъ въ облакахъ Тихонько по небу катился. На воды сталъ глядёть монахъ.

Глядить, невольно страха полный; Не можеть самъ себя понять...

И видить: закипъли волны, И присмиръли вдругъ опять.... И вдругъ.... легка, какъ тънь ночная, Бъла, какъ ранній снътъ холмовъ, Выходитъ женщина нагая И молча съла у бреговъ.

Глядить на стараго монаха, И чешеть влажные власы. Святой монахъ дрожить со страха И смотрить на ея красы. Она манить его рукою, Киваеть быстро головой.... И вдругь падучею звъздою Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спаль старикъ угрюмой И не молился цёлый день: Передъ собой съ невольной думой Все видёль чудной дёвы тёнь. Дубровы вновь одёлись тьмою, Пошла по облакамъ луна, И снова дёва надъ водою Сидитъ, прелестна и блёдна.

Глядить, киваеть головою,
Цёлуеть издали шутя,
Играеть, плещется волною,
Хохочеть, плачеть, какъ дитя,
Зоветь монаха, нѣжно стонеть....
«Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ....
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстной Близь очарованныхъ бреговъ Сидълъ и дъвы ждалъ прекрасной, А тънь ложилась средь дубровъ.... Заря прогнала тьму ночную. Монаха не нашли нигдъ, И только бороду съдую Мальчишки видъли въ водъ.

ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ, Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья, Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ

На лонъ счастья и забвенья! Я твой: я промънялъ порочный дворъ царей, Роскошные пиры, забавы, заблужденья, На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей, На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвътами.
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдъ свътлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездъ передо мной подвижныя картины:
Здъсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдъ парусъ рыбаря бътьетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные, и мельницы крылаты;
Вездѣ с.гѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толиы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ

Злодъя, иль глупца въ величи неправомъ. Оракулы въковъ, здъсь вопрошаю васъ!

Въ уединеньи величавомъ Слышнъе вашъ отрадный гласъ; Онъ гонитъ лъни сонъ угрюмый, Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнъ, И ваши творческія думы Въ душевной зръютъ глубинъ.

Но мысль ужасная здёсь душу омрачаеть: Среди цвётущихъ нивъ и горъ Другъ человёчества печально замёчаетъ Везде невёжества губительный позоръ.

Не видя слезъ, не внемля стона, На пагубу людей избранное судьбой, Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона, Присвоило себѣ насильственной лозой И трудъ, и собственность, и время земледѣльца. Склонясь на чуждый илугъ, покорствуя бичамъ, Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ

Неумолимаго владёльца. сь тягостный яремъ до гроба всі

Здесь тягостный яремъ до гроба всё влекуть; Надеждъ и склонностей въ душё питать не смёя, Здесь дёвы юныя цвётуть

Для прихоти развратнаго злодівя;
Опора милая старіющихь отцовь,
Младые сыновья, товарищи трудовь,
Изъ хажины родной идуть собою множить
Дворовыя толим измученныхь рабовь.
О, если бъ голось мой уміть сердца тревожить!
Иочто въ груди мосй горить безплодный жарь
И не дань мніт въ уділь витійства грозный дарь?
Увижу чь я, друзья, народь неугнетенной
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвіщенной
Взойдеть ли, наконець, прекрасная заря!

домовому.

Помъстья мирнаго незримый покровитель, Тебя молю, мой добрый домовой, Храни селенье, лъсъ и дикій садикъ мой И скромную семьи моей обитель! Да не вредять полямъ опасный хладъ дождей И вътра поздняго осенніе набъги;

Да въ пору благотворны снѣги Покроютъ влажный тукъ полей! Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни, Постигни робостью полуночнаго вора,

И отъ недружескаго взора Счастливый домпкъ охрани! Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ, Люби мой милый садъ, п берегъ сонныхъ водъ,

И сей укромный огородь
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лънью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

недоконченная картина.

Чья мысль восторгомъ угадала. Постигла тайну красоты? Чья кисть, о небо, означала Сіп небесныя черты?

Ты, геній!. Но любви страданья Его сразили. Взоръ нёмой Вперилъ онъ на свое созданье, И гаснетъ пламенной душой.

возрожденіе.

Художникъ-варваръ кистью сонной Картину генія чернитъ И свой рисунокъ беззаконной Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами, Спадаютъ ветхой чешуей; Созданье генія предъ нами Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезають заблужденья Съ измученной души моей, И возникають въ ней видънья Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

кн. а. м. горчакову.

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ, Обычаевъ блестящихъ наблюдатель, Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ, Гдѣ, красоты безпечный обожатель, Я провожу незнаемый досугъ. Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта, Опасною прельщенный суетой, Терялъ я жизнь, и чувства, и покой; Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта И отдохнуть убрался я домой. И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе Младыхъ повѣсъ счастливая семья, Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я, Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе, И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья, —

Чемъ вялое, бездушное собранье, Гдъ умъ хранитъ невольное молчанье, Гдѣ холодомъ сердца поражены, Гдѣ Бутурдинъ невѣждъ законодатель, Гдѣ Шеппингъ царь, а скука предсѣдатель, Гдѣ глупостью единой всѣ равны. Я помню сихъ дътей честолюбивыхъ. Злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ, И, разглядевь тирановь модныхь заль. Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!... Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ Затянутый невѣжда-генераль Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ, Глядя на всёхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ, И всв вокругъ и дремлютъ и молчатъ, Крутять усы, иль шпорами бренчать, Да изръдка съ улыбкою зъваютъ — Тогда, мой другь, забытыхъ шалуновъ Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ. Не слышу я, въ то время острыхъ словъ, Политики смёшнаго лепетанья, Не вижу я украшенныхъ глупцовъ, Святыхъ невъждъ, почетныхъ подледовъ, И мистика придворнаго кривлянья!... И ты, харитъ любовникъ своевольный, Пріятный лжець, язвительный болтунь, По прежнему острякъ небогомольный, По прежнему философъ и шалунъ, И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ — И малый кругъ друзей моихъ умножь.

къ нему же.

[отрывокъ].

Ужъ я не тотъ! мои златые годы, Безумства жаръ, веселость, острота, Любовь стиховъ, любовь моей свободы — Проходитъ все, какъ легкая мечта. Такъ иногда за чашей ликованья Найдешь меня, объятаго тоской, Задумчивымъ, съ поникшей головой — И ты поймешь души моей страданья!...

,

Мить бой знакомъ — люблю языкъ мечей; Отъ первыхъ лётъ поклонникъ бранной славы, Люблю войны кровавыя забавы, И смерти мысль мила душт моей. Во цвётъ лётъ свободы върный воинъ, Передъ собой кто смерти не видалъ, Тотъ полнаго веселья не вкушалъ И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

ОТВѣТЪ

на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы елизаветы алексфевны.

На лиръ скромной, благородной, Земныхъ боговъ я не хвалилъ, И силъ, въ гордости свободной, Кадиломъ лести не кадилъ. Свободу лишь умъя славить,

Стихами жертвуя лишь ей, Я не рожденъ царей забавить Стыдливой музою моей. Но, признаюсь, подъ Геликономъ, Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ, Я, вдохновенный Аполлономъ, Елизавету втайнъ пълъ. Небеснаго земной свидѣтель, Воспламененною душой, Я пълъ на тронъ добродѣтель Съ ея привътливой красой. Любовь и тайная свобода Внушали сердцу гимнъ простой — И неподкупный голосъ мой Былъ эхо русскаго народа.

ЭКСПРОМТЪ Н. И. ГНЪДИЧУ, по поводу его перевода «иліады».

Съ тобою въ споръ я не вступаю, Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю: Я руку наложилъ, Погладилъ — занозилъ.

КЪ Ө. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ имениникъ, Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ! Сегодня, для тебя, пустынникъ Осушитъ пънистый стаканъ.

Здорово, рыцари лихіе Любви, свободы и вина! Для насъ, союзники младые, Надежды лампа зажжена. Здорово, молодость и счастье, Застольный кубокъ... Гдъ съ громкимъ смъхомъ сладострастья Ведутъ насъ пьяныхъ на постель.

* *

Она тогда ко мнѣ придетъ, Когда весь міръ угомонится, Когда все доброе ложится И все недоброе встаетъ.

КЪ Н. С. СЕМЕНОВОЙ.

Желаль бы быть твоимъ покровомъ Или собачкою твоей, Или поручикомъ Барковымъ... Ахъ онъ поручикъ, ахъ злодъй!

на а. м. колосову

[впослъдстви каратыгина].

Все плёняеть нась въ Эсепри: Упоительная рёчь, Поступь важная въ порфирѣ, Кудри черныя до плечъ, Голосъ нёжный, взоръ любови, Набѣленная рука, Размалеванныя брови И огромная нога!

1817 - 1820.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

посвящение,

Для васъ, души моей царицы, Красавицы, для васъ однихъ Временъ минувшихъ небылицы, Въ часы досуговъ золотыхъ, Подъ шопотъ старины болтливой Рукою върной я писалъ; Примите жъ вы мой трудъ игривой! Ни чьихъ не требуя похвалъ, Счастливъ ужъ я надеждой сладкой, Что дъва съ трепетомъ любви Посмотритъ, можетъ быть, украдкой На пъсни гръшныя мои.

прологъ.

У лукоморья дубъ зеленый, Златая цёпь на дубё томъ: И днемъ и ночью котъ ученый Все ходитъ по цёпи кругомъ; Идетъ направо — пёснь заводитъ, Налёво — сказку говоритъ.

Тамъ чулеса: тамъ лѣшій бродитъ, Русалка на вътвяхъ сидитъ; Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ Слѣлы невиланныхъ звѣрей: Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ Стоить безъ оконъ, безъ дверей; Тамъ лъсъ и долъ видъній полны; Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны На брегъ песчаный и пустой, И тридцать витязей прекрасныхъ Чредой изъ водъ выходять ясныхъ И съ ними дядька ихъ морской; Тамъ королевичъ мимохоломъ Пленяеть грознаго царя; Тамъ въ облакахъ передъ народомъ Черезъ лѣса, черезъ моря Колдунъ несетъ богатыря; Въ темницъ тамъ царевна тужитъ, А бурый волкъ ей върно служить; Тамъ ступа съ Бабою-Ягой Илетъ-бредетъ сама собой: Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ; Тамъ русскій духъ.... тамъ Русью пахнеть! И тамъ я былъ, и медъ я пилъ. У моря видёль дубъ зеленый, Подъ нимъ сидёлъ, и котъ ученый Свои мнѣ сказки говорилъ. Одну я помню - сказку эту Пов'вдаю теперь я св'ту....

1828.

ПЪСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней, Преданья старины глубокой.

Въ толив могучихъ сыновей, Съ друзьями, въ гридницв высокой Владиміръ-солнце пировалъ; Меньшую дочь онъ выдавалъ За князя храбраго Руслана, И медъ изъ тяжкаго стакана За ихъ здоровье выпивалъ. Не скоро вли предки наши, Не скоро фли предки наши Съ кипящимъ пивомъ и виномъ. Они веселье въ сердце лили, Шипъла пъна по краямъ, Ихъ важно чашники носили И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный; Жужжитъ гостей веселый кругъ; Но вдругъ раздался гласъ пріятный И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ. Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна: И славитъ сладостный пѣвецъ Людмилу-прелесть и Руслана И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный, Не ъстъ, не пьетъ Русланъ влюбленный, На друга милаго глядитъ, Вздыхаетъ, сердится, горитъ. И, щипля усъ отъ нетерпънья, Считаетъ каждыя миновенья.

Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ, За шумнымъ, свадебнымъ столомъ Силять три витязя младые; Безмольны, за ковшемъ пустымъ, Забыли кубки круговые И брашна непріятны имъ; Не слышать вѣшаго Баяна, Потупили смущенный взглядъ: То три соперника Руслана; Въ лушт несчастные таятъ Любви и ненависти ялъ. Одинъ — Рогдай, воитель смёлый, Мечемъ раздвинувшій предёлы Богатыхъ кіевскихъ полей; **Тругой** — Фарлафъ, крикунъ надменный, Въ пирахъ ни къмъ не побъжденный, Но воинъ скромный средь мечей; Последній, полный страстной думы, Млагой хазарскій ханъ Ратмиръ. Всѣ трое блѣдны и угрюмы, И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами, Смѣшались шумными толпами, И всѣ глядятъ на молодыхъ: Невѣста очи опустила, Какъ будто сердцемъ пріуныла, И свѣтелъ радостный женихъ. Но тѣнь объемлетъ всю природу, Ужъ близко къ полночи глухой; Бояре, задремавъ отъ меду, Съ поклономъ убрались домой. Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи: Ласкаетъ онъ въ воображеньи Стыдливой дѣвы красоту; Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ

Великій князь благословеньемъ Даруетъ юную чету.

И вотъ невъсту молодую Ведутъ на брачную постель: Огни погасли... и ночную Лампаду зажигаеть Лель. Свершились милыя надежды, Любви готовятся дары; Падутъ ревнивыя одежды На пареградскіе ковры.. Вы слышите ль влюбленный шопотъ. И поцёлуевъ сладкій звукъ. И прерывающійся ропотъ Послёдней робости?... Супругъ Восторги чувствуетъ заранъ; И вотъ они настали... Вдругъ Громъ грянулъ, свътъ блеснулъ въ туманъ. Лампада гаснеть, дымь бъжить, Кругомъ все смерклось, все дрожитъ, И замерла душа въ Русланв... Все смолкло. Въ грозной тишинъ Раздался дважды голосъ странной, И кто-то въ дымной глубинъ Взвился чернъе мглы туманной.... И снова теремъ пустъ и тихъ. Встаетъ испуганный женихъ; Съ лица катится подъ остылой; Трепеща, хладною рукой Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой.... О горе, нътъ подруги милой! Хватаетъ воздухъ онъ пустой; Людмилы нътъ во тьмъ густой, Похишена безвъстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви Страдаетъ страстью безнадёжно, Хоть грустно жить, друзья мои, Однако жить еще возможно. Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ Обнять влюбленную подругу, Желаній, слезъ, тоски предметъ, И вдругъ минутную супругу На вѣкъ утратитъ... О друзья, Конечно, лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной. Но что сказалъ великій князь? Сраженный вдругь молвой ужасной, На зятя гиввомъ распалясь, Его и дворъ онъ созываетъ: «Глъ, глъ Людмила?» вопрошаетъ Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ. Русланъ не слышитъ. — «Дъти, други! Я помню прежнія заслуги: О, сжальтесь вы надъ старикомъ! Скажите, кто изъ васъ согласенъ Скакать за дочерью моей? Чей подвигь будеть ненапрасенъ. Тому — терзайся, плачь, злодви! Не могъ сберечь жены своей! ---Тому я дамъ ее въ супруги Съ полцарствомъ прадедовъ моихъ. Кто жъ вызовется, дъти, други?...» — Я! молвилъ горестный женихъ. «Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ Фарлафъ и радостный Ратмиръ: «Сейчасъ коней своихъ съдлаемъ, Мы рады весь изъездить міръ: Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки; Не бойся, вдемъ за княжной!» И съ благодарностью нёмой

Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходять вмѣстѣ:
Руслань уныньемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ....
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое ноле,
И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя спъсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ъхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встръчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!...
Повеселись, мой върный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивой!»

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ Уже Людмилу обнимая, Едва не плящетъ надъ сѣдломъ; Въ немъ кровь играетъ молодая, Огня надежды полонъ взоръ; То скачетъ онъ во весь опоръ, То дразнитъ бѣгуна лихаго, Кружить, подъемлеть на дыбы, Иль дерзко мчить на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ — ни слова.... Страшась невъдомой судьбы И мучась ревностью напрасной, Всъхъ больше безпокоенъ онъ, И часто взоръ его ужасной На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой Всё вмёстё бдуть цёлый день. Днёпра сталь темень брегь отлогой; Съ востока льется ночи тёнь; Туманы надъ Днёпромъ глубокимъ; Пора конямъ ихъ отдохнуть. Вотъ подъ горой путемъ широкимъ Широкій пересёкся путь. «Разъёдемся, пора!» сказали. «Безвёстной ввёримся судьбё.» И каждый конь, не чуя стали, По волё путь избралъ себъ.

Что дёлаешь, Русланъ несчастный, Одинъ въ пустынной тишинъ? Людмилу, свадьбы день ужасный, Все, мнится, видёлъ ты во снъ! На брови мёдный шлемъ надвинувъ, Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ, Ты шагомъ ёдепь межъ полей, И медленно въ душъ твоей Надежда гибнетъ, гаснетъ въра....

Но вдругъ предъ витяземъ пещера; Въ пещеръ свътъ. Онъ прямо къ ней Идетъ подъ дремлющіе своды, Ровесники самой природы. Вошель съ уныньемь, что же зрить? Въ пещеръ старецъ: ясный видъ, Спокойный взоръ, брада съцая: Лампада передъ нимъ горитъ: За древней книгой онъ сидитъ, Ее внимательно читая. «Лобро пожаловать, мой сынь!» Сказаль съ улыбкой онь Руслану: «Ужъ двадцать лътъ я здъсь одинъ Во мракѣ старой жизни вяну: Но наконецъ дождался дня, Давно предвидъннаго мною. Мы вмъсть сведены судьбою; Садись и выслушай меня. Русланъ, лишился ты Людмилы; Твой твердый духъ теряетъ силы; Но зла промчится быстрый мигь: На время рокъ тебя постигъ. Съ надеждой, в рою веселой Иди на все, не унывай; Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Руслань — твой оскорбитель Волшебникъ, страшный Черноморъ, Красавицъ давній похититель, Полнощныхъ обладатель горъ. Еще ни чей въ его обитель Не проникалъ донынѣ взоръ; Но ты, злыхъ козней истребитель, Въ нее ты вступишь, и злодѣй Погибнетъ отъ руки твоей! Тебѣ сказать не долженъ болѣ. Судьба твоихъ грядущихъ дней, Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ, И въ радости лобзаетъ руку. Свътлъетъ міръ его очамъ, И сердце позабыло муку. Вновь ожиль онь, и вдругь опять На вспыхнувшемъ лицъ кручина.... «Ясна тоски твоей причина, Но грусть не трудно разогнать,» Сказалъ старикъ: «тебъ ужасна Любовь съдаго колдуна; Спокойся, знай — она напрасна, И юной дѣвѣ не страшна. Онъ звёзды сводить съ небосилона, Онъ свистнетъ — задрожитъ луна; Но противъ времени закона Его наука не сильна. Ревнивый, трепетный хранитель Замковъ безжалостныхъ дверей, Онъ только немощный мучитель Прелестной плънницы своей: Вокругъ нея онъ молча бродитъ, Клянетъ жестокій жребій свой.... Но. добрый витязь, день проходить, А нуженъ для тебя покой.>

Русланъ на мягкій мохъ ложится Предъ умирающимъ огнемъ; Онъ ищетъ позабыться сномъ, Вздыхаетъ, медленно вертится.... Напрасно! Витязь наконецъ: «Не спится что-то, мой отецъ! Что дѣлать! боленъ я душою, И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить! Позволь мнѣ сердце освѣжить Твоей бесѣдою святою. Прости мнѣ дерзостный вопросъ,

Откройся: кто ты, благодатный, Судьбы наперсникъ непонятный? Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной, Старивъ въ отвътъ: «любезный сынъ, Ужъ я забылъ отчизны дальной Угрюмый край. Природный Финъ, Въ долинахъ, намъ однимъ извъстныхъ, Гоняя стадо селъ окрестныхъ, Въ безпечной юности я зналъ Однъ дремучія дубравы, Ручьи, пещеры нашихъ скалъ, Да дикой бъдности забавы. Но жить въ отрадной тишинъ Дано не долго было мнъ.

Тогла близъ нашего селенья. Какъ милый цвътъ уединенья, Жила Наина. Межъ подругъ Она гремъла красотою. Однажды утренней порою Свои стада на темный лугъ Я гналь, волынку надувая; Передо мной шумълъ потокъ. Олна, красавица младая На берегу плела вѣнокъ. Меня влекла моя судьбина... Ахъ, витязь, то была Наина! Я къ ней — и пламень роковой За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой, И я любовь узналь душой Съ ея небесною отрадой, Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина; Я съ трепетомъ открылся ей,

Сказаль: люблю тебя, Наина! Но робкой горести моей Наина съ гордостью внимала, Лишь прелести свои любя, И равнодушно отвѣчала: Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнъ дико, мрачно стало: Родная куща, тынь дубровь, Веселы игры пастуховъ — Ничто тоски не утвшало. Въ уныньи сердце сохло, вяло; И наконецъ задумалъ я Оставить финскія поля, Морей невфриым пучины Съ дружиной братской переплыть, И бранной славой заслужить Вниманье гордое Наины. Я вызваль смёлыхь рыбаковь Искать опасностей и злата. Впервые тихій край отцовъ Услышаль бранный звукъ булата И шумъ немирныхъ челноковъ. Я вдаль уплыль, надежды полный, Съ толпой безстрашныхъ земляковъ; Мы десять лёть снёга и волны Багрили кровію враговъ. Молва неслась: цари чужбины Страшились дерзости моей. Ихъ горделивия дружины Бъжали съверныхъ мечей. Мы весело, мы грозно бились, Дълили дани и дары, И съ побъжденными садились За дружелюбные пиры. Но сердце, полное Наиной,

Подъ шумомъ битвы и пировъ Томилось тайною кручиной, Искало финскихъ береговъ. Пора домой, сказалъ я, други! Повъсимъ праздныя кольчуги Подъ сънью хижины родной. Сказалъ — и весла зашумъли; И, страхъ оставя за собой, Въ заливъ отчизны дорогой Мы съ гордой радостью влетъли.

Сбылись давнишнія мечты, Сбылися пылкія желанья! Минута сладкаго свиданья, И для меня блеснула ты! Къ ногамъ красавицы надменной Принесъ я мечъ окровавленной, Кораллы, злато и жемчугъ; Предъ нею, страстью упоенный, Безмолвнымъ роемъ окруженный Ея завистливыхъ подругъ, Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ; Но дѣва скрылась отъ меня, Примолвя съ видомъ равнодушнымъ: Герой, я не люблю тебя!

Къ чему разсказывать, мой сынъ, Чего пересказать нѣть силы? Ахъ, и теперь одинъ, одинъ, Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы, Я помню горесть, и порой, Какъ о минувшемъ мысль родится, По бородѣ моей сѣдой Слеза тяжелая катится.

Но слушай: въ родинъ моей, Между пустынныхъ рыбарей Наука дивная таится. Подъ кровомъ въчной тишины, Среди лѣсовъ, въ глуши далекой Живуть сёдые колдуны; Къ предметамъ мудрости высокой Всв мысли ихъ устремлены; Все слышить голось ихъ ужасный, Что было и что будеть вновь, И грозной волъ ихъ подвластны И гробъ, и самая любовь.

И я, любви искатель жадной, Ръшился въ грусти безотрадной Наину чарами привлечь, И въ гордомъ сердић дѣвы хладной Любовь волшебствами зажечь. Спѣшилъ въ объятія свободы, Въ уединенный мракъ лѣсовъ; И тамъ, въ ученьи колдуновъ, Проведъ невидимые годы. Насталь давно желанный мигь, И тайну страшную природы Я свътлой мыслію постигь: Узналъ я силу заклинаньямъ; Вінець любви, вінець желаньямь! Теперь, Наина, ты моя! Побъда наша, думалъ я. Но въ самомъ двлв побъдитель Быль рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой, Въ восторгъ пылкаго желанья, Творю посившео заклинанья, Зову духовъ — и въ тьмъ лъсной Стрела промчалась громовая, Волшебный вихорь подняль вой,

Земля вздрогнула подъ ногой.... И вдругъ сидитъ передо мной Старушка дряхлая, съдая, Глазами вналыми сверкая, Съ горбомъ, съ трясучей головой, Печальной ветхости картина. Ахъ, витязь, то была Напна!... Я ужаснулся и молчаль. Глазами страшный призракть ифриль. Въ сомнъны все еще не върплъ, И вдругъ заплакаль, закричаль: Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли! Наина, гдв твоя краса? Скажи, ужели небеса Тебя такъ страшно измѣнили? Скажи, давно ль, оставя свътъ, Разсталеч я съ душой и съ милой? Лавно ли?... «Ровно сорокъ лътъ!» Выль дівы роковой отвіть; «Сеголня семьлесять мя' било. Что пълать!» мнь пищить она, «Толпою годы пролетьли, Прошла моя, твоя весна — Мы оба постаръть успъли. Но, другъ, послушай: не бъда Нев врной младости утрата. Конечно я теперь съда, Немножко, можетъ быть, горбата, Не то, что встарину была, Не такъ жива, не такъ мила; За то [прибавила болтунья] Открою тайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ. Нъмой, недвижный передъ нею, Я совершенный быль дуракъ Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство Виолив свершилось по несчастью. Мое съдое божество Ко мнѣ пылало новой страстью. Скрививъ улыбкой страшный ротъ, Могильнымъ голосомъ уродъ Бормочетъ мнъ любви признанье. Вообрази мое страданье! Я трепеталь, потупя взорь; Она сквозь кашель протолжала Тяжелый, страстный разговоръ: «Такъ, сердце я теперь узнала; Я вижу, вфрный другъ, оно Для нѣжной страсти рождено; Проснудись чувства, я сгараю, Томлюсь желаньями любви.... Приди въ объятія мои... О милый, милый, умираю!...»

И между тёмъ она, Русланъ, Мигала томными глазами, И между тёмъ за мой кафтанъ Держалась тощими руками; И между тёмъ — я обмиралъ, Отъ ужаса зажмуря очи; И вдругъ терпёть не стало мочи; Я съ крикомъ вырвался, бёжалъ. Она во слёдъ: «о недостойный! Ты возмутилъ мой вёкъ спокойный, Невинной дёвы ясны дни! Добился ты любви Наины, И презираешь — вотъ мужчины! Измёной дышутъ всё они!

Увы, сама себя вини; Онъ обольстилъ меня, несчастной! Я отдалась любови страстной.... Измѣнникъ! извергъ! о позоръ! Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ Живу въ своемъ уединень Съ разочарованной душой; И въ мірѣ старцу утѣшенье Природа, мудрость и покой. Уже зоветъ меня могила; Но чувства прежнія свои Еще старушка не забыла, И пламя позднее любви Съ досады въ злобу превратила. Душою черной зло любя, Колдунья старая конечно Возненавидитъ и тебя, Но горе на землѣ не вѣчно.»

Нашъ витязь съ жадностью внималъ Разсказы старца; ясны очи Дремотой легкой не смыкалъ, И тихаго полета ночи Въ глубокой думѣ не слыхалъ. Но день блистаетъ лучезарный.... Со вздохомъ витязь благодарный Объемлетъ старца-колдуна; Душа надеждою полна; Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ Русланъ заржавшаго коня; Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ: «Отецъ мой, не оставь меня!» И скачетъ по пустому лугу. Сѣдой мудрецъ младому другу

Кричить во слёдъ: «счастливый путь! Прости, люби свою супругу, Совётовъ старца не забудь!»

ПЪСНЬ ВТОРАЛ.

Соперники въ искусствъ брани, Не знайте мира межъ собой; Несите мрачной славъ дани И упивайтеся враждой! Пусть міръ предъ вами цепеньеть, Ливяся грознымъ торжествамъ: Никто о васъ не пожалветъ, Никто не помѣщаетъ вамъ. Соперники другаго рода, Вы, рыцари нарнасскихъ горъ, Старайтесь не смёшить народа Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ; Бранитесь, только осторожно. Но вы, соперники въ любви, Живите дружно, если можно. Поверьте мнъ, друзья мои: Кому судьбою непремённой Дѣвичье сердце суждено, Тотъ будетъ милъ на зло вселенной: Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый, Глухимъ предчувствіемъ томимый, Оставя спутниковъ своихъ, Пустился въ край уединенный, И такать межъ пустынь лъсныхъ, Въ глубоку думу погруженный — Злой духъ тревожилъ и смущалъ Его тоскующую душу, И витязь пасмурный шепталъ: «Убью! ... преграды всъ разрушу....

Русланъ!... узнаешь ты меня.... Теперь-то дъвица поплачетъ... И вдругъ, поворотивъ коня, Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ. Все утро сладко продремавь, Укрывшись огъ лучей полиневнихъ, У ручейка, наединѣ, Для подкръпленья силь душевныхъ, Объдаль въ мирной тишинъ. Какъ вдругъ, онъ видить, кто-то въ полъ, Какь буря, мчится на конв; И, времени не тратя болв, Фарлафъ, покинувъ свой обълъ, Конье, кольчугу, шлемъ, перчатки, Вскочиль въ сѣдло, и безъ оглядки Летить — а тоть за намъ во слъдъ. «Остановись, бъглецъ безчестный!» Кричитъ Фарлафу неизвестный; «Презрѣнный, дай себя догнать! Дай голову съ тебя сорвать!» Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая, Со страха скорчась, обмираль, И върной смерти ожидая, Коня еще быстрве гналь. Такъ точно заянъ торопливой, Прижавши уши боязливо, По кочкамъ, полемъ, сквозь лъса Скачками мчится ото пса. На мъстъ славнаго побъга, Весной растопленнаго сивта, Потоки мутные текли И рыли влажну грудь земли. Ко рву примчался конь ретивой, Взмахнулъ хвостомъ и бълой гривой,

Бразин стальныя закусиль И черезъ ровъ перескочилъ; Но робкій всадникъ вверхъ ногами Свадился тяжко въ грязный ровъ, Земли не взвилѣлъ съ небесами. И смерть принять ужъ былъ готовъ. Роглай къ оврагу подлетаетъ: Жестокій мечь ужь занесень; «Погибни, трусъ! умри!» въщаетъ.... Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ; Глядить, и руки опустились; Досада, изумленье, гнъвъ Въ его чертахъ изобразились; Скрыпя зубами, онъмъвъ, Герой, съ поникшею главою Скорви отъвхавъ ото рва, Бъсился... но елва-елва Самъ не смѣялся налъ собою.

Тогда онъ встрѣтиль подъ горой Старушечку чуть-чуть живую, Горбатую, совсѣмъ сѣдую. Она дорожною клюкой Ему на сѣверъ указала: «Ты тамъ найдешь его», сказала. Рогдай весельемъ закипѣлъ И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался, Дохнуть не смѣя; про себя Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я? Куда соперникъ злой дѣвался? Вдругъ слышитъ прямо надъ собой Старухи голосъ гробовой: «Встанъ, молодецъ, все тихо въ полѣ; Ты нивого не встрѣтишь болѣ;

Я привела тебъ коня; Вставай, послушайся меня.»

Смущенный витязь поневол'в Ползкомъ оставилъ грязный ровъ; Окрестность робко озирая, Вздохнулъ и молвилъ оживая: «Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повъры!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забъжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно разъъзжать по свъту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послъдуй моему совъту,
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Кіевомъ, въ уединеньъ,
Въ своемъ наслъдственномъ селеньъ
Останься лучше безъ заботъ:
Отъ насъ Людмила не уйдетъ.»

Сказавъ, исчезла. Въ нетеривнъв Благоразумный нашъ герой Тотчасъ отправился домой, Сердечно позабывъ о славв И даже о княжнъ младой; И шумъ малъйшій по дубравъ, Полетъ синицы, ропотъ водъ Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тъмъ Русланъ далеко мчится; Въ глуши лъсовъ, въ глуши полей Привычной думою стремится Къ Людмилъ, радости своей, И говоритъ: «найду ли друга? Гдё ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свётлый взоръ?
Услышу ль и жный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародёя
Ты вёчной плённицей была
И, скорбной дёвою старёя,
Въ темницё мрачной отцвёла?
Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?... Нётъ, нётъ, мой другъ безцённый,
Еще при мнё мой вёрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ.»

Однажды, темпою порою, По камнямъ, берегомъ крутымъ Нашъ витязь Вхаль надъ рекою. Все утихало. Вдругъ за нимъ Стрелы мгновенное жужжанье, Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье И топотъ по полю глухой «Стой!» грянуль голось громовой. Онъ оглянулся: въ полв чистомъ, Поднявъ копье, летить со свистомъ Свирѣпый всадникъ — и грозой Помчался князь ему на встрѣчу. «Ага! догналъ тебя! ностой!» Кричить навздникь удалой: «Готовься, другь, на смертну съчу; Теперь ложись средь здёшнихъ мёстъ; А тамъ ищи своихъ невъстъ.» Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнъва; Онъ узнаетъ сей буйный гласъ....

Друзья мои, а наша дѣва? Оставимъ витязей на часъ; О нихъ опять я вспомню вскорѣ. А то давно пора бы мнѣ Подумать о младой княжнь И объ ужасномъ Черноморь.

Моей причудливой мечты Наперсникъ иногда нескромной, Я разсказаль, какъ ночью темной Людмилы нёжной красоты Отъ воспаленнаго Руслана Сокрылись вдругъ среди тумана. Несчастная! когда злодъй. Рукою мощною своей Тебя сорвавъ съ постели брачной, Взвился какъ вихорь къ облакамъ Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной, И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ — Ты чувствъ и памяти лишилась, И въ страшномъ замкъ колдуна, Безмолвна, трепетна, блѣдна, Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей Такъ видёль я, средь летнихъ дней, Когда за курицей трусливой Султанъ курятника спѣсивой, И сладострастными крылами Уже подругу обнималь; Надъ ними хитрыми кругами Цыплять селенья старый ворь, Пріявъ губительныя міры, Носился, плаваль коршунь сфрый, И паль какъ молнія на дворъ. Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ Во тьму разсилинь безопасныхъ Уносить бълную злодъй. Напрасно, горестью своей

И хладнымъ страхомъ пораженный, Зоветъ любовницу пѣтухъ.... Онъ видитъ лишь летучій пухъ, Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна Лежала, тягостнымъ забвеньемъ, Какъ будто страшнымъ сновиденьемъ, Объята — наконецъ она Очнулась, пламеннымъ волненьемъ И смутнымъ ужасомъ полна; Лутой летить за наслажденьемъ, Кого-то ищетъ съ упоеньемъ: Гдѣ жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ? Зоветь — и помертвёла вдругь. Глядить съ боязнію вокругъ.... Людмила, гдъ твоя свътлица? Лежить несчастная дівица Среди подушекъ пуховыхъ, Подъ гордой свнью балдахина; Завѣсы, пышная перина Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ; Повсюду ткани парчевыя; Играютъ яхонты, какъ жаръ; Кругомъ курильницы златыя Подъемлють ароматный парь; Довольно.... благо мив не нало Описывать волшебный помъ: Уже давно Шехеразада Меня предупредила въ томъ. Но свътлый теремъ не отрада, Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной Въ одеждѣ легкой и прелестной Княжнѣ явились, подошли, И поклонились до земли. Тогла неслышными шагами Одна поближе подошла: Княжнъ воздушными перстами Златую косу заплела Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ, И обвила вънцомъ перловымъ Окружность бледнаго чела. За нею, скромно взоръ склоняя. Потомъ приблизилась другая — Лазурный, пышный сарафанъ Одёль Людмилы стройный стань: Покрылись кудри золотыя, И грудь, и плечи молодыя Фатой, прозрачной какъ туманъ. Покровъ завистливый лобзаетъ Красы, достойныя небесъ, И обувь легкая сжимаетъ Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ. Княжив последняя девипа Жемчужный поясь подаеть. Межъ твиъ незриман пвица Веселы пъсни ей поетъ. Увы, ни камни ожерелья, Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ, Ни пъсни лести и веселья Ея луши не веселять: Напрасно зеркало рисуетъ Ея красы, ея нарядъ; Потупя неподвижный взглядъ, Она молчить, она тоскуеть.

Тѣ, кои, правду возлюбя, На темномъ сердца днѣ читали, Конечно знаютъ про себя, Что если женщина въ печали, Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь, На зло привычкѣ и разсудку, Забудетъ въ геркало взглянутъ— То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна... Не зная что начать, она Къ окну решетчату подходитъ, И взоръ ея печально бродитъ Въ пространствъ пасмурной дали. Все мертво. Снёжныя равнины Коврами яркими легли; Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины Въ однообразной бѣлизнѣ, .И дремлють въ въчной тишинъ; Кругомъ не видно дымной кровли, Не видно путника въ сибгахъ, И звонкій рогь веселой ловли Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ: Лишь изрёдка съ унылымъ свистомъ Бунтуетъ вихорь въ полъ чистомъ, И на краю сѣлыхъ небесъ Качаетъ обнаженный лёсъ.

Въ слезахъ отчаннъя, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣнныя дубровы;

Аллен нальмъ и лфсъ лавровый. И благовонныхъ миртовъ рядъ, И кедровъ гордыя вершины, И золотые апельсины Зепцаломъ водъ отражены; Пригорки, рощи и долины Весны огнемъ оживлены; Съ прохладой вьется вътеръ майскій Средь очарованныхъ полей, И свищеть соловей китайскій Во мракъ трепетныхъ вътвей: Летять алмазные фонтаны Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ: Подъ ними блещутъ истуканы, И, минтся, живы; Фидій самъ, Питомецъ Феба и Паллады, Любуясь ими, наконецъ Свой очарованный ръзецъ Изъ рукъ бы вырониль съ досады. Дробясь о мраморны преграды, Жемчужной, огненной дугой Валятся, плещутъ водопады; И ручейки въ тіни лісной Чуть выются сонною волной. Пріють покоя и прохлады, Сквозь вёчну зелень здёсь и тамъ Мелькаютъ свътлыя бесыки: Повсюду розъ живыя вътки Пвътутъ и дышутъ но тропамъ. Но безутьшная Людмила Идетъ, пдетъ и пе глидитъ; Волиебства роскошь ей постыла, Ей грустень нъги свътлый видъ; Куда, сама не зная, бродитъ, Волшебный садъ кругомъ обходитъ, Свободу горькимъ давъ слезамъ,

И взоры мрачные возводить Къ неумолимымъ небесамъ. Вдругъ освётился взоръ прекрасный; Къ устамъ она прижала перстъ; Казалось, умыселъ ужасный Рождался... Страшный путь отверстъ: Высокій мостикъ надъ потокомъ Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ; Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ Она подходитъ — и въ слезахъ На воды шумныя взглянула, Ударила, рыдая, въ грудь, Въ волнахъ рёшилась утонуть — Однако въ воды не прыгнула И далъ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила, По солнцу бъгая съ утра, Устала, слезы осущила, Въ душѣ подумала: пора! На травку свла, оглянулась — И вдругъ надъ нею свиь шатра, Шумя, съ прохладой развернулась; Объдъ роскошный передъ ней; Приборъ изъ яркаго кристалла; И въ тишинъ изъ-за вътвей Незрима арфа заиграла. Ливится пленная княжна: Но втайнъ думаетъ она: «Вдали отъ милаго, въ неволъ, Зачёмъ мнё жить на свётё болё? О ты, чья гибельная страсть Меня терзаетъ и лелветъ, Мив не страшна злодвя власть: Людмила умереть умфетъ! Не нужно мив твоихъ шатровъ,

Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ— Не стану ѣсть, не буду слушать, Умру среди твоихъ садовъ!» Подумала — и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ. И пышной роскоши приборъ, И звуки арфы... все пропало; По-прежнему все тихо стало; Людмила вновь одна въ садахъ Скитается изъ рощи въ рощи; Межъ твмъ въ лазурныхъ небесахъ Плыветъ луна, царица нощи; Находить мгла со всёхъ сторонъ И тихо на холмахъ почила; Княжну невольно клонить сонь; И вдругъ невъдомая сила Нъжнъй, чъмъ вешній вътерокъ, Ее на воздухъ поднимаетъ, Несеть по воздуху въ чертогъ, И осторожно опускаетъ Сквозь фиміамъ вечернихъ розъ На ложе грусти, ложе слезъ. Три дівы вмигь опять явились И вкругъ нея засуетились, Чтобъ на ночь пышный снять уборь; Но ихъ унылый, смутный взоръ И принужденное молчанье Являли втайнъ состраданье И немощный судьбамъ укоръ. Но поспёшимъ: рукой ихъ нёжной Раздъта сонная княжна: Прелестна прелестью небрежной, Въ одной сорочкъ бълосивжной Ложится почивать она. Со вздохомъ дѣви поклонились,

Скоръй какъ можно удалились И тихо притворили дверь. Что жъ наша плънница теперь? Прожитъ какъ листъ, дохнуть не смѣетъ; Хладъють перси, взоръ темиветь; Миновенный сонъ отъ глазъ бъжить; Не спить, удвоила вниманье, Нелвижно въ темноту глядитъ.... Все мрачно, мертвое молчанье! Лишь сердца слышить трепетанье.... И мнится... шепчетъ тишина; Идуть — идуть къ ел постелъ; Въ полушки прячется княжна, И вдругъ.... о страхъ!... и въ самомъ дълъ Раздался шумъ; озарена Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная, Мгновенно дверь отворена; Безмолвно, гордо выступая, Нагими саблями сверкая, Араповъ длинный рядъ идетъ Попарно, чинно, сколь возможно, И на подушкахъ осторожно Сѣдую бороду несетъ; И входить съ важностью за нею, Подъявъ величественно шею, Горбатый карликъ изъ дверей: Его-то головъ обритой. Высокимъ колпакомъ покрытой, Принадлежала борода. Ужъ онъ приближился; тогда Княжна съ постели соскочила, Съдаго карлу за колпакъ Рукою быстрой ухватила, Дрожащій занесла кулакъ, И въ страхв завизжала такъ. Что всёхъ араповъ оглушила.

Трепеща, скорчился бѣднякъ, Княжны испуганной блѣднѣе; Зажавши уши поскорѣе, Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ Запутался, упалъ и бъется; Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ Араповъ черный рой мятется; Шумятъ, толкаются, бѣгутъ, Хватаютъ колдуна въ охапку, И вонъ распутывать несутъ, Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ? Вы помните ль неждану встрвчу? Бери свой быстрый карандашъ, Рисуй, Орловскій, ночь и стуч! При свътъ трепетномъ луны Сразились витязи жестоко; Сердца ихъ гиввомъ ствснены; Ужъ копья брошены далеко, Уже мечи раздроблены, Кольчуги кровію покрыты, Щиты трещатъ, въ куски разбиты... Они схватились на коняхъ: Взрывая къ небу черный прахъ, Полъ ними борзы кони бьются; Борцы, недвижно сплетены, Другъ друга стиснувъ, остаются, Какъ бы къ съдлу пригвождени; Ихъ члены злобой сведены: Переплелись и костенвють; По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ; На вражьей груди грудь дрожить --И вотъ колеблются, слабъютъ — Кому-то пасты... Вдругъ витязь мой, Вскинвы, жельзною рукой

Съ съдла навздника срываетъ, Подъемлетъ, держитъ надъ собой—И въ волны съ берега бросаетъ. «Погибни!» грозно восклицаетъ; «Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель, Съ къмъ бился доблестный Русланъ: То быль кровавыхь битвъ искатель, Роглай, надежда кіевдянъ, Людмилы мрачный обожатель. Онъ вдоль дивпровскихъ береговъ Искаль соперника слёдовь; Нашель, настигь — но прежня сила Питомцу битвы измѣнила, И Руси древній удалецъ Въ пустынъ свой нашелъ конецъ. И слышно было, что Роглая Тъхъ водъ русалка молодая На хладны перси приняла И, жадно витязя лобзая, На дно со смѣхомъ увлекла. И долго послѣ, ночью темной, Бродя близъ тихихъ береговъ, Богатыря призракъ огромной Пугаль пустынныхъ рыбаковъ.

ПФСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились Для мирныхъ, счастливыхъ друзей, Стихи мои! вы не сокрылись Отъ гнѣвныхъ зависти очей. Ужъ бѣдный критикъ, ей въ услугу, Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:

Зачёмъ Русланову подругу, Какъ бы на смёхъ ея супругу, Зову и дівой и княжной? Ты видишь, добрый мой читатель. Туть злобы черную печать! Скажи, зоиль, скажи, предатель. Ну какъ и что мнъ отвъчать? Краснъй, несчастный, Богъ съ тобою! Краснъй, я спорить не хочу; Довольный темь, что правъ душою, Въ смиренной кротости молчу. Но ты поймень меня, Климена, Потупинь томные глаза. Ты, жертва скучнаго Гимена.... Я вижу: тайная слеза Падетъ на стихъ мой, сердцу внятный; Ты покраснъла, взоръ погасъ; Вздохнула молча.... вздохъ понятный! Ревнивецъ, бойся — близокъ часъ! Амуръ съ досадой своенравной Вступили въ смѣлый заговоръ, И для главы твоей безславной Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкъ все молчало.
Въ досадъ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатъ,
Зъвалъ сердито на кровати;
Вокругъ брады его съдой
Рабы толпились молчаливы,
И нъжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тъмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы

Лились восточны ароматы, И кудри хитрые вились; Какъ вдругъ, откуда ни возьмись, Въ окно влетаетъ змій крылатый: Гремя жельзной чешуей, Онъ въ кольца быстрыя согнулся И вдругъ Наиной обернулся Предъ изумленною толной. «Привътствую тебя, сказала, Собратъ, издавна чтимый мной! Досель я Черномора знала Одною громкою молвой; Но тайный рокъ соединяетъ Теперь насъ общею враждой: Тебѣ опасность угрожаетъ, Нависла туча надъ тобой; И голось оскорбленной чести Меня къ отмшенію зоветъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести, Ей карла руку подаетъ, Въшая: «ливная Наина! Мив драгоцвиенъ твой союзъ. Мы посрамимъ коварство Фина; Но мрачныхъ козней не боюсь: Противникъ слабый мнв не страшенъ; Узнай чудесный жребій мой: Сей благодатной бородой Не даромъ Черноморъ укращенъ. Доколь власовъ ея съдыхъ Враждебный мечь не перерубить, Никто изъ витязей лихихъ, Никто изъ смертныхъ не погубитъ Мальйшихъ замысловъ моихъ; Моею будеть въкъ Людмила, Русланъ же гробу обреченъ!»

И мрачно въдьма повторила:
«Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
Потомъ три раза прошипъла,
Три раза топнула ногой,
И чернымъ зміемъ улетъла.

Блистая въ ризъ парчевой, Колдунъ, колдуньей ободренной, Развеселясь, ръшился вновь Нести къ ногамъ лѣвины плѣнной Усы, покорность и любовь. Разряженъ карликъ бородатый, Опять идетъ въ ея палаты; Проходить длинный комнать рядъ: Княжны въ нихъ нътъ. Онъ далъ, въ садъ, Въ лавровый лъсъ, къ рышетив сада, Вдоль озера, вкругъ водопада, Подъ мостики, въ бесъдки.... нътъ! Княжна ушла, пропалъ и слъдъ! Кто выразить его смущенье, И ревъ, и трепетъ изступленья? Съ досады дня не взвидълъ онъ. Раздался карлы дикій стонъ: «Сюда, невольники, бѣгите! Сюда! надъюсь я на васъ! Сейчась Людмилу мив сыщите! Скорве, слышите ль? сейчасъ! Не то — шутите вы со мною — Всвхъ удавлю васъ бородою!>

Читатель, разскажу ль тебѣ, Куда красавица дъвалась? Всю ночь она своей судьбѣ Въ слезахъ дивилась и — смѣялась. Ее пугала борода; Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,

И быль смёшонь, а никогла Со смёхомъ ужасъ несовийстенъ. Навстрёчу утреннимъ лучамъ Постель оставила Людмила, И взоръ невольный обратила Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ; Невольно кудри золотые Съ лилейныхъ плечъ приподняла; Невольно волосы густые Рукой небрежной заплела: Свои вчерашніе наряды Нечаянно въ углу нашла; Вздохнувъ, одблась и съ досады Тихонько плакать начала; Однако съ върнаго стекла, Вздыхая, не сводила взора, И девице пришло на умъ. Въ волненьи своенравныхъ думъ, Примфрить шапку Черномора. Все тихо, никого здёсь нётъ, Никто на дъвушку не взглянетъ.... А дівушкі въ семнадцать літь Какая шанка не пристанетъ! Рядиться никогда не лінь! Людмила шапкой завертвла; На брови, прямо, на бекрень, И задомъ напередъ надъла. И что жъ? О чудо старыхъ дней! Людмила въ зеркалѣ пропала; Перевернула — передъ ней Людмила прежняя предстала; Назадъ надъла — снова нътъ: Сняла — и въ зеркалъ! «Прекрасно! Добро, колдунъ! добро, мой свътъ! Теперь мив здвсь ужъ безопасно, Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!>

И тапку стараго злодѣя Княжна, отъ радости краснѣя, Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою. Не стылно ль заниматься намъ Такъ долго шапкой, бородою, Руслана поруча судьбамъ? Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій, Провхаль онь дремучій люсь; Предъ нимъ открылся долъ широкій При блескъ утреннихъ небесъ. Трепещетъ витязь поневолъ: Онъ видитъ старой битвы поле. Вдали все пусто; здѣсь и тамъ Желтвють кости; но холмамъ Разбросаны колчаны, латы; Гдв збруя, гдв заржавый щить; Въ костяхъ руки здёсь мечъ лежитъ; Травой обросъ тамъ шлемъ косматый И старый черепъ тлѣетъ въ немъ; Богатыря тамъ остовъ цёлый Съ его поверженнымъ конемъ Лежить недвижный; копья, стрвыы Въ сырую землю вонзены, И мирный плющь ихъ обвиваетъ.... Ничто безмольной тишины Пустыни сей не возмущаетъ, И солнце съ ясной вышины Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя Взираетъ грустными очами. «О поле, поле, кто тебя Усѣялъ мертвыми костями? Чей борзый конь тебя топталъ

Въ последній часъ кровавой битви? Кто на тебе со славой паль? Чьи небо слышало молитви? Зачёмъ же, поле, смолкло ты И поросло травой забвенья?... Временъ отъ вечной темноты, Быть можетъ, нётъ и мне спасенья! Быть можетъ, на холме немомъ Поставятъ тихій гробъ Руслановъ, И струны громкія Баяновъ Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорф вспомниль витязь мой, Что добрый мечь герою нужень И даже панцырь; а герой Съ последней битвы безоруженъ. Обходить поле онь вокругь; Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ, Въ громадъ тлъющихъ кольчугъ, Мечей и шлемовъ раздробленныхъ Себъ доспъховъ ищетъ онъ. Проснулись гулъ и степь нѣмая, Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ; Онъ поднялъ щитъ, не выбирая, Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ, Но лишь меча сыскать не могъ. Долину брани объезжая. Онъ видитъ множество мечей, . Но всѣ легки, да слишкомъ малы, А князь красавецъ быль не вялый, Не то, что витязь нашихъ дней. Чтобъ чемъ нибудь играть отъ скуки, Копье стальное взяль онъ въ руки, Кольчугу онъ надёль на грудь, И далье пустился въ путь.

Ужъ последнеть закать румяный Надъ усыпленною землей: Дымятся синіе туманы И всходить мѣсяцъ золотой: Померкла степь. Тропою темной Задумчивъ вдетъ нашъ Русланъ, И видитъ: сквозь ночной туманъ Вдали чернъетъ холмъ огромной, И что-то страшное храпитъ. Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ: Чудесный холмъ какъ будто дышетъ. Русланъ внимаетъ и глядитъ Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ; Но, шевеля пугливымъ ухомъ, Конь упирается, дрожить, Трясетъ упрямой головою, И грива дыбомъ поднялась. Вдругъ холмъ, безоблачной луною Въ туманъ блъдно озарясь, Яснветъ. Смотритъ храбрый внязь — И чудо видитъ предъ собою. Найду ли краски и слова? Предъ нимъ живая голова. Огромны очи сномъ объяты; Хранитъ, качая шлемъ пернатый; И перья въ темной высотъ Какъ тени ходять, развеваясь. Въ своей ужасной красотв Надъ мрачной степью возвышаясь, Безмолвіемъ окружена, Пустыни сторожь безымянной, Руслану предстоить она Громадой грозной и туманной. Въ недоумвные хочетъ онъ Таинственный разрушить сонъ. Вблизи осматривая диво,

Объёхаль голову кругомъ, И ставъ предъ носомъ молчаливо, Шекотить ноздри копіёмь, И, сморщась, голова зѣвнула, Глаза открыла и чихнула.... Поднялся вихорь, степь дрогнула, Взвилася пыль; съ ресницъ, съ усовъ, Съ бровей слетвла стая совъ; Проснулись рощи молчаливы, Чихнуло эхо — конь ретивый Заржаль, запрыгаль, отлетьль, Едва самъ витязь усидёль; И вслёдъ раздался голосъ шумный: «Куда ты, витязь неразумный? Ступай назадъ; я не шучу! Какъ разъ нахала проглочу!» Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся, Браздами удержалъ коня, И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся. «Чего ты хочешь отъ меня?» Нахмурясь, голова вскричала; «Вотъ гостя мнъ судьба послала! Послушай, убирайся прочь! Я спать хочу, теперь ужъ ночь, Прощай!» Но витязь знаменитой, Услыша грубыя слова, Воскликнулъ съ важностью сердитой: «Молчи, пустая голова! Слыхаль я истину бывало: Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало! Я вду, вду, не свищу, А какъ наъду, не спущу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя, Стѣсненной злобой пламенья, Надулась голова; какъ жаръ,

Кровавы очи засверкали; Напѣнясь губы задрожали; Изъ устъ, ушей поднялся паръ: И вдругъ она что было мочи Навстръчу князю стала путь: Напрасно конь, зажмуря очи, Склонивъ главу, натужа грудь, Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи Невърный продолжаетъ путь; Объятый страхомъ, ослёпленный. Онъ мчится вновь изнеможенный Лалече въ полѣ отдохнуть. Вновь обратиться витязь хочеть — Вновь отраженъ, надежды нътъ! А голова ему во слёдъ, Какъ сумасшедшая, хохочетъ, Гремить: «ай, витязь! ай, герой! Куда ты? Тише, тише, стой! Эй, витязь, шею сломишь даромъ; Не трусь, навздникъ, и меня Порадуй хоть однимъ ударомъ, Пока не заморилъ коня.> И между темъ она героя Празнила страшнымъ языкомъ. Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя, Грозить ей молча копіёмъ, Трясеть его рукой свободной, И, задрожавъ, булатъ холодной Вонзился въ дерзостный языкъ. И кровь изъ бѣшенаго зѣва Рѣкою побъжала вмигъ. Отъ удивленья, боли, гивва, Въ минуту дерзости лишась, На князя голова глядела, Жельзо грызла и бльдньла. — Въ спокойномъ духѣ горячась,

Такъ иногда средь нашей сцены Плохой питомець, Мельпомены Внезапнымъ свистомъ оглушенъ, Ужъ ничего не видитъ онъ, Бледнеть, ролю забываеть, Дрожить, поникнувь головой, И заикаясь умолкаетъ Перелъ насмъщливой толной. — Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ, Къ объятой головъ смущеньемъ, Какъ ястребъ, богатырь летитъ Съ подъятой, грозною десницей, И въ щеку тяжкой рукавицей Съ размаха голову разитъ. И степь ударомъ огласилась; Кругомъ росистая трава Кровавой пёной обагрилась, И, зашатавшись, голова Перевернулась, покатилась, И племъ чугунный застучалъ. Тогда на мъстъ опустъломъ Мечь богатырскій засверкаль. Нашъ витязь въ трепетъ веселомъ Его схватиль, и къ головъ По окровавленной травъ Бъмитъ съ намъреньемъ жестокимъ — Ей носъ и уши обрубить; Уже Русланъ готовъ разить, Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ -Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ Главы моляшей жалкій стонъ... И тихо мечь онъ опускаетъ; Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ, И мщенье бурное падетъ Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;

Такъ на долинъ таетъ ледъ, Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумиль меня, герой!» Со вздохомъ годова сказала: «Твоя десница доказала, Что я виновенъ предъ тобой. Отнынъ я тебъ послушенъ: Но, витязь, будь великодушенъ! Достоинъ плача жребій мой. И я быль витязь удалой! Въ кровавыхъ битвахъ супостата Себъ я равнаго не врълъ: Счастливъ, когда бы не имълъ Соперникомъ меньшаго брата! Коварный, злобный Черноморъ, Ты, ты всёхъ бёдъ моихъ виною! Семейства нашего позоръ, Рожденный карлой, съ бородою, Мой дивный рость отъ юныхъ дней Не могь онъ безъ досады видъть, И сталь за то въ душт своей Меня, жестокій, ненавидіть. Я быль всегда немного простъ, Хотя высокъ; а сей несчастной, Имъя самый глупый рость, Уменъ какъ бъсъ — и золъ ужасно. Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ, Въ его чудесной бородъ Таится сила роковая, И, все на свътъ презирая — Доколь борода цела --Измѣнникъ не страшится зла. Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы, — Послушай, хитро мев сказаль, Не откажись отъ важной служби:

Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ, Что за восточными горами, На тихихъ моря берегахъ, Въ глухомъ подвалъ, подъ замками Хранится мечь — и что же? страхъ! Я разобраль во тым' волшебной, Что волею судьбы враждебной Сей мечь извъстень будеть намь; Что насъ обоихъ онъ погубитъ: Мив бороду мою отрубить, Тебъ главу; суди же самъ, Сколь важно намъ пріобрѣтенье Сего созданья злыхъ духовъ! - Ну, что же? гдв туть затрудненье? Сказаль я карль, я готовь; Иду, хоть за предѣлы свѣта. — И сосну на плечо взвалиль, А на другое для совъта Злодъя брата посадиль; Пустился въ дальную дорогу, Шагалъ, шагалъ и, слава Богу, Какъ бы пророчеству на зло, Все счастливо сначала шло. За отдаленными горами Нашли мы роковой подваль; Я разметалъ его руками И потаенный мечь досталь. Но нътъ! судьба того хотъла: Межъ нами ссора закипъла — И было, признаюсь, о чемъ! Вопросъ: кому владъть мечемъ? Я спориль, карла горячился; Бранились долго: наконенъ Уловку выдумалъ хитрецъ, Притихъ и будто бы смягчился. — Оставимъ безполезный споръ,

Сказаль мив важно Черноморъ: Мы темь союзь нашь обезславимь; Разсудокъ въ мирѣ жить велитъ; Судьбъ ръшить мы предоставимъ, Кому сей мечъ принадлежитъ. Къ землъ приникнемъ ухомъ оба ГЧего не выдумаетъ злоба!], И кто услышить первый звонь. Тотъ и владъй мечемъ по гроба. — Сказалъ и дегъ на землю онъ. Я съ-дуру также растянулся; Лежу, не слышу ничего, Смекая: обману его! Но самъ жестоко обманулся. Злодви въ глубокой тишинв. Привставъ, на ципочкахъ ко мнъ Подкрался сзади, размахнулся, Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ. И прежде, чёмъ я оглянулся, Ужъ голова слетъла съ плечъ — И сверхъестественная сила Въ ней жизни духъ остановила. Мой остовъ терніемъ обросъ; Вдали, въ странъ, людьми забвенной, Истлель мой прахъ непогребенной; Но злобный карла перенесъ Меня въ сей край уединенной, Глѣ вѣчно долженъ былъ стеречь Тобой сегодня взятый мечъ. О витязь, ты хранимъ судьбою! Возьми его, и Богъ съ тобою! Быть можетъ на своемъ пути Ты карлу-чародвя встрвтишь — Ахъ, если ты его замѣтишь, Коварству, злобъ отомсти! И наконецъ я счастливъ буду,

Спокойно міръ оставлю сей, И въ благодарности моей Твою пощечину забуду.»

пъснь четвертая.

Я каждый день, возставъ отъ сна, Благодарю сердечно Бога За то, что въ наши времена Волшебниковъ не такъ ужъ много. Къ тому же — честь и слава имъ! — Женитьбы наши безопасны.... Ихъ замыслы не такъ ужасны Мужьямъ, двицамъ молодымъ. Но есть волшебники другіе, Которыхъ ненавижу я: Улыбка, очи голубыя И голосъ милый -- о друзья! Не върьте имъ, они лукавы! Страшитесь, подражая мив, Ихъ упоительной отравы. И почивайте въ тишинъ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель,
И музы вѣтренной моей
Наперсникъ, иѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всв слыхали. Какъ бъсу въ древни дни злолъй Предаль сперва себя съ печали, А тамъ и души дочерей: Какъ после щедрымъ подаяньемъ. Молитвой, в врой и постомъ, И непритворнымъ покаяньемъ Снискаль заступника въ святомъ; Какъ умеръ онъ, и какъ заснули Его двінадцать дочерей — И насъ пленили, ужаснули Картины тайныхъ сихъ ночей, Сіи чудесныя видінья, Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ. Живыя грешника мученья И прелесть непорочныхъ дѣвъ. Мы съ ними плакали, бродили Вокругъ зубчатыхъ замка ствнъ, И сердцемъ тронутымъ любили Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плёнъ: Дущой Вадима призывали, И пробужденье зрёли ихъ, И часто инокинь святыхъ На гробъ отцовскій провожали... И что жъ, возможно ль?... намъ солгали! Но правду возвѣщу ли я?...

Младой Ратмиръ, направя въ югу Нетеривливый бъгъ коня, Ужъ думалъ предъ закатомъ дня Нагнать Русланову супругу. Но день багряный вечервлъ; Напрасно витязь предъ собою Въ туманы дальніе смотрвлъ: Все было пусто надъ рёкою. Зари послёдній лучъ горвлъ

Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ. Нашъ витязь мимо черпыхъ скалъ Тихонько пробзжалъ, и взоромъ Ночлега межъ деревъ искалъ. Онъ на долину выбзжаетъ И видитъ: замокъ на скалахъ Зубчаты стъны возвышаетъ; Чернъютъ башни на углахъ; И дъва по стънъ высокой, Какъ въ моръ лебедь одинокой, Идетъ, зарей освъщена: И дъвы пъснь едва слышна Долины въ тишинъ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной; Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный. Ужъ поздно, путникъ молодой! Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

«Здѣсь ночью нѣга и покой, А днемъ и шумъ и пированье. Приди на дружное призванье, Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой; Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье. Приди на тайное призванье, Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей Наполнимъ кубокъ на прощанье. Приди на мирное призванье, Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ пол'є мракъ ночной; Отъ волнъ поднялся в'єтеръ хладный. Ужъ поздно, путникъ молодой! Укройся въ теремъ нашъ отрадный!>

Она манитъ, она поетъ — И юный ханъ ужъ подъ стѣною: Его встрфчають у вороть Дѣвицы красныя толпою; При шум'в ласковыхъ р'вчей Онъ окруженъ; съ него не сводятъ Онт плънительныхъ очей; Двъ дъвицы коня уводятъ. Въ чертоги входитъ ханъ младой, За нимъ отшельницъ милыхъ рой; Одна снимаеть шлемъ крылатый, Другая кованыя даты, Та мечь береть, та пыльный щить; Одежда нѣги замѣнитъ Жельзные досибхи брани. Но прежде юношу ведутъ Къ великолъпной русской бани. Ужъ волны дымныя текутъ Въ ея серебряные чаны, И брызжуть хладные фонтаны; Разостланъ роскошью коверъ — На немъ усталый ханъ ложится; Прозрачный паръ надъ нимъ клубится. Потупя нёги полный взоръ, Прелестныя, полунагія, Въ заботъ нъжной и нъмой. Вкругъ хана дѣвы молодыя Тѣснятся рѣзвою толпой. Надъ рыцаремъ иная машетъ Вътвями молодыхъ березъ, И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ; Другая сокомъ вешнихъ розъ Усталы члены прохлаждаетъ,

И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забыль Людмилы плънной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Вродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходить онъ изъ бани. Ольтый въ бархатныя ткани, Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ Садится за богатый пиръ. Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ Онъ можетъ воспъвать одинъ Объды греческихъ дружинъ, И звонъ, и пъну чашъ глубокихъ. Милье по следамъ Парни Мив славить лирою небрежной И наготу въ ночной твни, И поцёлуй любови нёжной! Луною замокъ озаренъ; Я вижу теремъ отдаленный, Гдѣ витязь томный, воспаленный Вкушаеть одинокій сонь; Его чело, его ланиты Мгновеннымъ пламенемъ горятъ; Его уста полуоткрыты Лобзанье тайное манять: Онъ страстно, медленно вздыхаетъ, Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снъ Покровы къ сердцу прижимаетъ. Но вотъ въ глубокой тишинъ Дверь отворилась; поль ревнивой Скрипить подъ ножкой торопливой,

И при серебряной лунъ Мелькнула дева. Сны крылаты, Сокройтесь, отлетите прочь! Проснись — твоя настала ночь! Проснися — дорогъ мигъ утраты!... Она подходить, онъ лежить И въ сладострастной нътъ дремлеть; Покровъ его съ одра скользитъ И жаркій пухъ чело объемлеть. Въ молчаньи дъва передъ нимъ Стоитъ недвижно, бездыханна, Какъ лицемфрная Діана Предъ милымъ пастыремъ своимъ; И вотъ она, на ложе хана Кольномъ опершись однимъ, Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ, И сонъ счастливца прерываетъ Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ....

Но други, д'вественная лира Умолкла подъ моей рукой, Слаб'ять робкій голось мой — Оставимь юнаго Ратмира; Не сміжо півсней продолжать: Руслань нась должень занимать, Руслань, сей витязь безпримівный, Въ душів герой, любовникь вівний.

Упорнымъ боемъ утомленъ, Подъ богатырской головою Онъ сладостный вкушаетъ сонъ. Но вотъ ужъ раннею зарею Сіяетъ тихій небосклонъ; Все ясно; утра лучъ игривый Главы косматый лобъ златитъ.

Русланъ встаетъ и конь ретивый Ужъ витязя стрелою мчитъ.

И дни бъгутъ; желтъютъ нивы; Съ деревъ спадаетъ дряхлый листь; Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ Пъвицъ пернатыхъ заглушаетъ; Тяжелый, пасмурный туманъ Нагіе холмы обвиваеть; Зима приближилась — Русланъ Свой путь отважно продолжаетъ На лальный съверъ; съ каждымъ днемъ Преграды новыя встрвчаеть: То быется онъ съ богатыремъ, То съ въдьмою, то съ великаномъ, То лунной ночью видить онъ, Какъ будто сквозь волшебный сонъ, Окружены съдымъ туманомъ, Русалки, тихо на вътвяхъ Качаясь, витязя младова Съ удыбкой хитрой на устахъ Манять, не говоря ни слова... Но тайнымъ промысломъ хранимъ, Безстрашный витязь невредимъ; Въ его душъ желанье дремлетъ; Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ -Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между твмъ, ни квмъ не зрима, Отъ нападеній колдуна Волшебной шапкою хранима, Что двлаетъ моя княжна, Моя прекрасная Людмила? Она, безмолвна и уныла, Одна гуляетъ по садамъ, О другв мыслитъ и вздыхаетъ, Иль, волю давъ своимъ мечтамъ, Къ родимымъ кіевскимъ полямъ Въ забвеньи сердца улетаетъ; Отца и братьевъ обнимаетъ. Подружекъ видитъ молодыхъ И старыхъ мамушекъ своихъ — Забыты плёнь и разлученье! Но вскоръ бъдная княжна Свое теряетъ заблужденье, И вновь уныла и одна. Рабы влюбленнаго злодъя, И день ночь, сидъть не смъя, Межь темь по замку, по садамь Прелестной пленницы искали, Метались, громко призывали, Однако все по пустякамъ. Людмила ими забавлялась: Въ волшебныхъ рощахъ иногда Безъ шанки вдругъ она являлась И кликала: сюда, сюда! И всь бросались къ ней толною, Но въ сторону — незрима вдругъ — Она неслышною стопою Отъ хишныхъ убъгала рукъ. Везлъ всечасно замъчали Ея минутные следы: То позлащенные плоды На шумныхъ вътвяхъ исчезали, То капли ключевой воды На лугъ измятый упадали: Тогла навёрно въ замке знали, Что пьетъ иль кушаетъ княжиа. На вътвяхъ кедра иль березы Скрываясь по ночамъ, она Минутнаго искала сна ---Но только проливала слезы,

Звала супруга и покой. Томилась грустью и зъвотой, И рѣдко-рѣдко предъ зарей, Склонясь ко древу головой, **Дремала** тонкою дремотой. Едва рѣдѣла ночи мгла. Людмила къ водонаду шла Умыться хладною струею: Самъ карла утренней порою Однажды видель изъ палатъ. Какъ подъ невидимой рукою Плескалъ и брызгалъ водопадъ. Съ своей обычною тоскою Ло новой ночи, здёсь и тамъ, Она бродила по садамъ; Нерѣдко подъ вечеръ слыхали Ея пріятный голосокъ; Нервдко въ рощахъ поднимали Иль ею брошенный вѣнокъ, Или клочки персидской шали, Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный, Досадой, злобой омраченный, Колдунъ рѣшился наконецъ Поймать Людмилу непремѣнно. Такъ Лемноса хромой кузнецъ, Пріявъ супружескій вѣнецъ Изъ рукъ прелестной Цитереи, Раскинулъ сѣть ея красамъ, Открывъ насмѣшливымъ богамъ Киприды•нѣжныя затѣи....

Скучая, бѣдная княжна Въ прохладѣ мраморной бесѣдки Сидѣла тихо близъ окна, И сквозь колеблемыя вътки Смотрвла на цвътущій лугь. Вдругъ слышитъ -- кличутъ: «милый другъ!» И видитъ върнаго Руслана. Его черты, походка, станъ; Но блёденъ онъ, въ очахъ туманъ, И на бедръ живая рана --Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ! Русланъ!... онъ точно!» И стрълою Къ супругу пленница летитъ, Въ слезахъ, тренеща, говоритъ: «Ты здёсь.... ты раненъ.... что съ тобою?» Уже достигла, обняла... О ужасъ... призракъ исчезаетъ! Княжна въ сътяхъ; съ ея чела На землю шапка упадаетъ. Хладъя, слышитъ грозный крикъ: «Она моя!» и въ тотъ же мигъ Зритъ колдуна передъ очами. Раздался дъвы жалкій стонъ, Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ Объядъ несчастичю крыдами.

Что будетъ съ бѣдною вняжной!
О страшный видъ: волшебникъ хилый Ласкаетъ дерзостной рукой Младыя прелести Людмилы!
Ужели счастливъ будетъ онъ?
Чу.... вдругъ раздался рога звонъ, И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньи, блѣдный чародѣй На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй! И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ, Закинувъ бороду за плечи.

пъснь пятая.

Ахъ, какъ мила моя княжна! Мнѣ нравъ ея всего дороже: Она чувствительна, скромна, Любви супружеской върна, Немножко вътрена.... такъ что же? Еще милье тымь она. Всечасно прелестію новой Умфетъ насъ она плфнить; Скажите, можно ли сравнить Ее съ Дельфирою суровой? Одной — судьба послала даръ Обворожать сердца и взоры; Ея улыбка, разговоры Во мив любви рождають жаръ. А та - подъ юнкою гусаръ, Лишь дайте ей усы да шпоры! Влаженъ, кого подъ вечерокъ Въ уединенный уголокъ Моя Людмила поджидаетъ И другомъ сердца назоветъ! Но, върьте миъ, блаженъ и тотъ, Кто отъ Дельфиры убъгаетъ И даже съ нею незнакомъ. Да впрочемъ дѣло не о томъ! Но кто трубиль? Кто чароден На сѣчу грозну вызываль? Кто колдуна перепугаль? Русланъ. Онъ, местью пламенѣя, Достигъ обители злодъя. Ужъ витязь подъ горой стоитъ, Призывный рогь какъ буря воетъ, Нетеривливый конь кипить И снътъ копытомъ мощнымъ роетъ. Князь карлу ждеть. Внезапно онъ По шлему крѣпкому, стальному Рукой незримой пораженъ; Ударъ упалъ подобно грому; Русланъ подъемлетъ смутный взоръ И видитъ — прямо надъ главою — Съ подъятой, страшной булавою Летаетъ карла Черноморъ. Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся. Мечемъ потрясъ и замахнулся; Но тотъ взвился полъ облака. На мигъ исчезъ — и свысока Шумя летить на князя снова. Проворный витязь отлетьль, И въ снътъ съ размаха роковаго Колдунъ упалъ — да тамъ и сълъ; Русланъ, не говоря ни слова, Съ коня долой, къ нему спѣшить, Поймаль, за бороду хватаеть; Волшебникъ силится, кряхтитъ, И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ.... Ретивый конь во слёдъ глядить; Уже колдунъ подъ облаками; На бородъ герой висить; Летять надъ мрачными лесами, Летять надъ дикими горами, Летять наль бездною морской; Отъ напряженья костенвя, Русланъ за бороду злодъя Упорной держится рукой. Межъ темъ, на воздухе слабея И силь русской изумясь, Волшебникъ гордому Руслану Коварно молвить: слушай, князь! Тебѣ вредить я перестану; Млалое мужество любя.

Забуду все, прощу тебя, Спущусь — но только съ уговоромъ.... «Молчи, коварный чародъй!» Прерваль нашъ витязь: «съ Черноморомъ, Съ мучителемъ жены своей, Русланъ не знаетъ договора! Сей грозный мечь накажеть вора, Лети хоть до ночной звёзды, А быть теб' безъ бороды!» Боязнь объемлеть Черномора; Въ досадъ, въ горести нѣмой, Напрасно длинной бородой Усталый карла потрясаеть: Русланъ ея не выпускаетъ И шиплетъ волосы порой. Два дня колдунь героя носить, На третій онъ пощады просить: О рыцарь, сжалься надо мной: Едва дышу; нётъ мочи болё; Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ; Скажи — спущусь, куда велишь.... «Теперь ты нашъ; ага, дрожишь! Смирись, покорствуй русской силъ! Неси меня къ моей Людмиль.>

Смиренно внемлетъ Черноморъ; Домой онъ съ витяземъ пустился; Летитъ — и мигомъ очутился Среди своихъ ужасныхъ горъ. Тогда Русланъ одной рукою Взялъ мечъ сраженной головы, И, бороду схвативъ другою, Отсъкъ ее, какъ горсть травы. «Знай нашихъ!» молвилъ онъ жестоко; «Что, хищникъ, гдъ твоя краса? Гдъ сила?» и на шлемъ высокой.

Сѣдые вяжетъ волоса; Свистя, зоветъ коня лихаго: Веселый конь летить и ржеть: Нашъ витязь карлу чуть живаго Въ котомку за съдло кладетъ, А самъ, боясь мгновенья траты, Сившить на верхъ горы крутой, Достигъ, и съ радостной душей Летить въ волшебныя палаты. Вдали завидя шлемъ бралатый. Залогъ побъды роковой, Предъ нимъ араповъ чулный рой. Толиы невольницъ боязливыхъ, Какъ призраки, со всёхъ сторонъ Бътутъ — и скрылись. Ходитъ онъ Одинъ средь храминъ горделивыхъ, Супругу милую зоветь — Лишь эхо своловъ молчаливыхъ Руслану голосъ подаетъ; Въ волненьи чувствъ нетеривливыхъ Онъ отворяетъ двери въ садъ ---Идетъ, идетъ — и не находитъ; Кругомъ смущенный взоръ обводитъ — Все мертво: рощицы молчать, Бесъдки пусты; на стремнинахъ, Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ, Нигдъ Людмилы слъду нътъ, И ухо ничего не внемлетъ. Внезапный князя хладъ объемлетъ, Въ очахъ его темиветъ свътъ, Въ умъ возникли мрачны думы.... «Быть можеть, горесть... плвнъ угрюмый.... Минута.... водны.... Въ сихъ мечтахъ Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою Поникнулъ витязь головою; Его томить невольный страхъ;

Нелвижимъ онъ, какъ мертвий камень; Мрачится разумъ; дикій пламень и вать отчаянной любви Уже текуть въ его крови. Казалось, тень княжны прекрасной Коснулась трепетнымъ устамъ.... И вдругъ, неистовый, ужасной, Стремится витязь по садамъ; Людмилу съ воилемъ призываетъ, Съ холмовъ утесы отрываетъ, Все рушить, все крушить мечемь — Бесвдки. рощи упадають, Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ, Степь обнажается кругомъ! Далеко гулы повторяютъ И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ; Повсюду мечь звенить и свищеть, Прелестный край опустошенъ — Безумный витязь жертвы ищеть, Съ размаха вправо, влѣво онъ Пустынный воздухъ разсѣкаетъ.... И вдругъ — нечаянный ударъ Съ княжны невидимой сбиваетъ Прощальный Черномора даръ.... Волшебства вмигъ исчезла сила: Въ свтяхъ открылася Людмила! Не въря самъ своимъ очамъ, Нежданнымъ счастьемъ упоенной, Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ Подруги върной, незабвенной, Цълуетъ руки, съти рветъ, Любви, восторга слезы льетъ. Зоветъ ее — но дева дремлетъ, Сомкнуты очи и уста, И сладострастная мечта Младую грудь ея подъемлетъ.

Русланъ съ нея не сводитъ глазъ, Его терзаетъ вновь кручина... Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ, Гласъ добродътельнаго Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь Ступай со спящею Людмилой; Наполни сердце новой силой, Любви и чести въренъ будь; Небесный громъ на злобу грянетъ, И воцарится тишина — И въ свътломъ Кіевъ княжна Передъ Владиміромъ возстанетъ Отъ очарованнаго сна.»

Русланъ, симъ гласомъ оживленной, Беретъ въ объятія жену, И тихо съ ношей драгоцѣнной Онъ оставляетъ вышину, И сходитъ въ долъ уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ, Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила, Свѣжа какъ вешняя заря, И на плечо богатыря Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо, Пустынный вѣтерокъ играетъ; Какъ часто грудь ее вздыхаетъ! Какъ часто тихое лицо Мгновенной розою пылаетъ! Любовь и тайная мечта Руслановъ образъ ей приносятъ, И съ томнымъ шопотомъ уста Супруга имя произносятъ...

Въ забвеньи сладкомъ ловитъ онъ Ея волшебное дыханье, Улыбку, слезы, нъжный стонъ И сонныхъ персей волнованье...

Межъ темъ по доламъ, по горамъ, И въ бѣлый день, и по ночамъ, Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно. Еще далекъ предълъ желанной, А дѣва спить. Но юный князь, Безплоднымъ пламенемъ томясь, Ужель, страдалецъ постоянной, Супругу только сторожилъ, И въ цёломудренномъ мечтаньё, Смиривъ нескромное желанье, Свое блаженство находилъ? Монахъ, который сохранилъ Потомству върное преданье О славномъ витязъ моемъ. Насъ увъряетъ смъло въ томъ. И върю я! безъ раздъленья Унылы, грубы наслажденья: Мы прямо счастливы вдвоемъ. Пастушки, сонъ княжны прелестной Не походиль на ваши сны, Порой томительной весны, На муравѣ, въ тѣни древесной. Я помню маленькій лужовъ Среди березовой дубравы, Я помню темний вечерокъ, Я помню Лиды сонъ лукавый... Ахъ! первый поцълуй любви Дрожащій, легкій, торопливой Не разогналъ, друзья мои, Ея дремоты терпѣливой... Но полно, я болтаю взиоры!

Къ чему любви воспоминанье? Ея утъха и страданье Забыты мною съ давнихъ поръ; Теперь влекутъ мое вниманье Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина, Гдѣ ели изрѣдка взошли; И грознаго ходма влади Чернветь круглая вершина Небесъ на яркой синевъ. Русланъ глядитъ — и догадался, Что подъёзжаеть къ годовѣ. Быстре борзый конь помчался; Ужъ видно чудо изъ чудесъ; Она глидить недвижнымь окомъ: Власы ел какъ черный лѣсъ, Поросшій на чель высокомь: Ланиты жизни лишены; Свинцовой блёдностью покрыты. Уста огромныя открыты, Огромны зубы стъснены... Надъ полумертвой головою Последній день ужъ тяготель. Къ ней храбрый витязь прилетвлъ Съ Людмилой, съ карлой за спиною. Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова! Я здёсь! наказанъ твой измённикъ! Гляди: вотъ онъ, злодей нашъ — пленникъ!> И князя гордыя слова Ее внезапно оживили, На мигъ въ ней чувство разбудили, Очнулась будто ото сна, Взглянула, страшно застонала... Узнала витязя она, И брата съ ужасомъ узнала.

Надулись ноздри; на щекахъ Багровый огнь еще родился, И въ умирающихъ глазахъ Посланній гивьь изобразился. Въ смятеньи, въ бъщенствъ нъмомъ Она зубами скрежетала, И брату хладнымъ языкомъ Укоръ невнятный лепетала... Уже ея въ тотъ самый часъ Кончалось лолгое страланье: Чела мгновенный пламень гасъ, Слабъло тяжкое дыханье, Огромный закатился взоръ, И вскорѣ князь и Черноморъ Узрѣли смерти содроганье... Она почила въчнымъ сномъ. Въ молчаньи витязь удалился: Дрожащій карликъ за сѣдломъ Не смъль дышать, не шевелился, И чернокнижнымъ языкомъ Усердно демонамъ молился.

На склонъ темныхъ береговъ Какой-то ръчки безымянной, Въ прохладномъ сумракъ лъсовъ, Стоялъ поникшей хаты кровъ, Густыми соснами вънчанной. Въ теченьи медленномъ ръка Вблизи плетень изъ тростника Волною сонной омывала, И вкругъ него едва журчала При легкомъ шумъ вътерка. Долина въ сихъ мъстахъ таилась, Уединенна и темна; И тамъ, казалось, тишина Съ начала міра воцарилась.

Русланъ остановилъ коня. Все было тихо, безмятежно; Отъ разсвътающаго дня Долина съ рощею прибрежной Сквозь утренній сіяла дымъ. Русланъ на лугъ жену слагаетъ. Садится близъ нея, вздыхаетъ Съ уныньемъ сладкимъ и нъмымъ: И вдругъ онъ видитъ предъ собою Смиренный парусь челнока, И слышить песню рыбака Надъ тихоструйною рекою. Раскинувъ неводъ по волнамъ, Рыбакъ, на весла наклоненной, Плыветь къ лесистымъ берегамъ, Къ порогу хижины смиренной. И видить добрый князь Русланъ: Челнокъ ко брегу приплываетъ; Изъ темной хаты выбѣгаетъ Младая діва; стройный стань, Власы небрежно распущены, Улыбка, тихій взоръ очей, И грудь, и плечи обнажены, Все мило, все плъняетъ въ ней. И вотъ они, обнявъ другъ друга, Садятся у прохладныхъ водъ, И часъ безпечнаго досуга Для нихъ съ любовью настаетъ. Но въ изумленьи молчаливомъ Кого же въ рыбакъ счастливомъ Нашъ юный витязь узнаеть? Хазарскій ханъ, избранный славой, Ратмиръ, въ любви, въ войнъ кровавой Его соперникъ молодой, Ратмиръ въ пустынъ безмятежной Людмилу, славу позабыль,

И имъ на вѣки измѣнилъ Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблежился, и вмигъ Отшельникъ узнаетъ Руслана, Встаетъ. летитъ. Раздался крикъ... И обнядъ князь младаго хана. «Что вижу я?» спросиль герой, «Зачёмъ ты злёсь? зачёмъ оставилъ Тревоги жизни боевой. И мечь, который ты прославиль?> «Мой другь», отвътствоваль рыбакъ, «Душѣ наскучилъ бранной славы Пустой и гибельный призракъ. Повърь, невинныя забавы, Любовь и мирныя дубравы Милье сердцу во сто кратъ. Теперь, утративъ жажду брани, Престалъ платить безумству дани, И, върнымъ счастіемъ богатъ, Я все забыль, товарищь милый, Все, даже прелести Людмилы.» «Любезный ханъ, я очень радъ!» Сказалъ Русланъ: «она со мною.» ∢Возможно ли, какой судьбою? Что слышу? Русская княжна... Она съ тобою, гдѣ жъ она? Позволь ... но нѣтъ, боюсь измѣны: Моя подруга мнѣ мила: Моей счастливой перемѣны Она виновницей была; Она мив жизнь, она мив радость! Она мив возвратила вновь Мою утраченную младость, И миръ, и чистую любовь. Напрасно счастье ми сулили

Уста волшебницъ молодыхъ; Двѣнадцать дѣвъ меня любили: Я для нея покинулъ ихъ; Оставилъ теремъ ихъ веселый, Въ тѣни хранительныхъ дубровъ; Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый, Забылъ и славу, и враговъ. Отшельникъ мпрный и безвѣстный, Остался въ счастливой глуши, Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный, Съ тобою, свѣтъ моей души!>

Пастушка милая внимала Друзей открытый разговоръ, И устремивъ на хана взоръ, И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на брегахъ До темной ночи просидъли Съ душой и сердцемъ на устахъ. Часы невилимо летѣли. Чернветь лвсь, темна гора; Встаетъ луна — все тихо стало; Герою въ путь давно пора. Накинувъ тихо покрывало На деву спящую, Русланъ Идетъ и на коня садится; Задумчиво безмольный ханъ Лушой во следь ему стремится, Руслану счастія, побъдъ, И славы, и любви желаетъ... И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ Невольной грустью оживляетъ.

Зачёмъ судьбой не суждено Моей непостоянной лиръ

Геройство восиввать одно,
И съ нимъ [незнаемыя въ мірѣ]
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни въроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный, Охоту къ славѣ потерявъ, Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ Въ пустынѣ дальной и спокойной Скрывался и Наины ждалъ. И часъ торжественный насталъ. Къ нему волшебница явилась, Вѣщая: «знаешь ли меня? Ступай за мной, сѣдлай коня!» И вѣдьма кошкой обратилась. Осѣдланъ конь; она пустилась; Тропами мрачными дубравъ За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одътая туманъ,
Луна во мглъ перебъгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидълъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летъли за мечтами,
И непримътно въялъ сонъ
Надъ нимъ колодными крыдами.
На дъву смутными очами

Въ дремотъ томной онъ взглянулъ, И, утомленною главою Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится въщій сонъ герою: Онъ видитъ, будто бы княжна Надъ страшной бездны глубиною Стоитъ недвижна и бледна... И варугъ Людмила исчезаетъ. Стоитъ одинъ надъ бездной онъ... Знакомый гласъ, призывный стонъ Изъ тихой бездны вылетаетъ... Русланъ стремится за женой; Стремглавъ летитъ во тьмъ глубокой... И видитъ вдругъ передъ собой: Владимірь въ гридниць высокой, Въ кругу съдыхъ богатырей, Между двънадцатью сынами, Съ толпою названныхъ гостей, Сидитъ за бранными столами. И также гиввенъ старый князь, Какъ въ день ужасный разставанья; И всъ сидять не шевелясь, Не смѣя перервать молчанья. Утихъ веселый шумъ гостей, Не ходить чаша круговая... И видить онъ среди гостей Въ бою сраженнаго Рогдая; Убитый, какъ живой, сидить; Изъ опфиеннаго стакана Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ На изумленнаго Руслана. Князь видить и младаго хана, Друзей и недруговъ... и вдругъ Раздался гуслей бёглый звукъ И голосъ въщаго Баяна,

Пъвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мъста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу;
Князья, бояре — всъ молчатъ,
Душевныя движенья кроя.
И все исчезло — смертный кладъ
Объемлетъ сиящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слези,
Въ волненьи мыслитъ: «это сонъ!»
Томится, но зловъщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свётить надъ горою; Объяты рощи темнотою; Долина въ мертвой тишин Е... Измённикъ ёдетъ на кон Е.

Предъ нимъ открылася поляна; Онъ видитъ сумрачный курганъ; У ногъ Людмилы спитъ Русланъ, И ходить конь кругомъ кургана. Фарлафъ съ боязнію глядить; Въ туманъ въдьма исчезаетъ; Въ немъ сердце замерло, дрожитъ; Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ, Тихонько обнажаетъ мечъ. Готовясь витязя безъ боя Съ размаха на двое разсвчъ... Къ нему подъбхалъ. Конь героя. Врага почуя, закипѣлъ, Заржаль и топнуль. Знакъ напрасный! Русланъ не внемлетъ -- сонъ ужасный, Какъ грузъ, надъ нимъ отяготълъ!...

Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный, Герою въ грудь рукой презрѣнной Вонзаетъ трижды хладну сталь... И мчится боязливо въ даль Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ Лежалъ во мракѣ подъ горою. Часы летѣли. Кровь рѣкою Текла изъ воспаленныхъ ранъ. Поутру взоръ открывъ туманной, Пуская тяжкій, слабый стонъ, Съ усильемъ приподнялся онъ, Взглянулъ, поникъ главою бранной — И палъ недвижный, бездыханной.

ПЪСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мет велишь, о другъ мой етъжной, На лиръ легкой и небрежной Старинны были напъвать, И музь върной посвящать Часы безцённаго досуга... Ты знаешь, милая подруга: Поссорясь съ вътреной молвой, Твой другъ, блаженствомъ упоенный, Забыль и трудь уединенный, И звуки лиры дорогой. Отъ гармонической забавы Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ... Дышу тобой — и гордой славы Невнятенъ мнѣ призывный кликъ! Меня покинуль тайный геній И вымысловъ и сладкихъ думъ; Любовь и жажда наслажденій

Однъ преслъдуютъ мой умъ. Но ты велишь, но ты любила Разсказы прежніе мои, Преданья славы и любви; Мой богатырь, моя Людмила, Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ И Финна върныя печали Твое мечтанье занимали: Ты, слушая мой легкій вздоръ, Съ улыбкой иногда дремала, Но иногда свой нёжный взоръ Нъжнъе на пъвна бросада.... Рѣшусь; влюбленный говорунь, Касаюсь вновь лёнивыхъ струнъ; Сажусь у ногъ твоихъ, и снова Бренчу про витязя младова.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ? Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ; Ужъ кровь его не льется болѣ, Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ; Безгласенъ рогъ, недвижны латы, Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь, Поникнувъ гордой головою, Въ его глазахъ исчезъ огонь. Не машетъ гривой золотою, Не тъшится, не скачетъ онъ И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ... Но князя кръпокъ хладный сонъ, И долго щитъ его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ, Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый, Еще не знаетъ ни о чемъ. Усталый, сонный и сердитый, Княжну, героя моего Браниль оть скуки молчаливо. Не слыша долго ничего, Волшебникь выглянуль—о диво! Онь видить: богатырь убить, Въ крови потопленный лежить; Людмилы нёть, все пусто въ полѣ; Злодѣй отъ радости дрожить И мнить: свершилось, я на волѣ! Но старый карла быль не правъ.

Межъ тъмъ, Наиной осъненный Съ Людмилой, тихо усыпленной, Стремится къ Кіеву Фарлафъ; Летитъ, надежды, страха полный; Предъ нимъ уже днъпровски волны Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ; Ужъ видитъ златоверхій градъ; Уже Фарлафъ по граду мчится, И шумъ на стогнахъ возстаетъ; Въ волненъи радостномъ народъ Валитъ за всадникомъ, тъснится; Бъгутъ обрадовать отца—И вотъ измънникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ, передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,

И впругъ смутились, зашумъли: «Люлмила здёсь! Фарлафъ... ужели?» Въ липъ печальномъ измънясь, Встаетъ со стула старый князь, Спѣшитъ тяжелыми шагами Къ несчастной дочери своей, Подходитъ, отчими руками Онъ хочетъ прикоснуться къ ней; Но лѣва милая не внемлетъ, И очарованная дремлетъ Въ рукахъ убійцы. Всв глядятъ На князя въ смутномъ ожиданьи; И старецъ безпокойный взглядъ Вперилъ на витязя въ молчаньи. Но хитро перстъ къ устамъ прижавъ, «Людмила спить!» сказаль Фарлафъ; «Я такъ нашелъ ее недавно Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ У злаго лешаго въ рукахъ; Тамъ совершилось дёло славно. Три дня мы билися: луна Надъ боемъ трижды подымалась; Онъ цалъ, а юная княжна Мнъ въ руки сонною досталась; И кто прерветъ сей дивный сонъ? Когда настанеть пробужденье? Не знаю-скрыть сульбы законъ! А намъ надежда и терпънье Однъ остались въ утъшенье.»

И вскоръ съ въстью роковой Молва по граду полетъла; Народа пестрою толпой Градская площадь закипъла; Печальный теремъ всъмъ открытъ; Толпа волнуется, валитъ

Туда, гдё на одрё высокомъ, На одёялё парчевомъ Княжна лежитъ во снё глубокомъ; Князья и витязи кругомъ Стоятъ унылы; гласы трубны, Рога, тимпаны, гусли, бубны Гремятъ надъ нею. Старый князь, Тоской тяжелой изнурясь, Къ ногамъ Людмилы сёдинами Приникъ съ безмолвными слезами; И блёдный близъ него Фарлафъ Въ нёмомъ раскаяньи, въ досадё, Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градъ Очей безсонныхъ не смыкалъ; Шумя, тёснились всё другъ къ другу; О чудѣ всякій толковаль; Младой супругъ свою супругу Въ свътлицъ скромной забывалъ. Но только свёть луны двурогой Исчезъ предъ утренней зарей, Весь Кіевъ новою тревогой Смутился. Клики, шумъ и вой Возникли всюду. Кіевляне Толпятся на стана градской... И видять: въ утреннемъ туманъ Шатры быльють за рыкой, Шиты какъ зарево блистаютъ, Въ поляхъ навздники мелькаютъ, Влали полъемля черный прахъ, Идутъ походныя телеги, Костры пылають на холмахъ. Бъда, возстали печенъги!

Но въ это время вѣщій Финъ, Духовъ могучій властелинъ, Въ своей пустынѣ безмятежной, Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ, Чтобъ день судьбины неизбѣжной, Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ, За дальней цёнью дикихъ горъ, Жилища вътровъ, бурь гремучихъ, Кула и вёльмы смёлый взоръ Проникнуть въ поздній часъ боится, Долина чудная таится, И въ той долинъ два ключа: Олинъ течетъ волной живою, По камнямъ весело журча; Тотъ льется мертвою водою. Кругомъ все тихо, вътры сиять, Прохлада вешняя не въетъ, Стольтни сосны не шумять, Не вьются итицы, лань не смфетъ Въ жаръ лътній пить изъ тайныхъ водъ; Чета духовъ съ начала міра, Безмолвная на лонъ мира, Дремучій берегъ стережетъ... Съ двумя кувшинами пустыми Предсталь отшельникъ передъ ними; Прервали духи дивный сонъ И удалились страха полны. Склонившись, погружаеть онъ Сосуды въ девственныя волны; Наполниль, въ воздухв пропаль, И очутился въ два мгновенья Въ долинъ, гдъ Русланъ лежалъ Въ крови, безгласный, безъ движенья; И сталь надъ рыцаремъ старикъ, И вспрыснулъ мертвою водоюИ раны засіяли вмигъ. И трупъ чудесной красотою Процвёль; тогда водой живою Героя старецъ окропилъ, И бодрый, полный новыхъ силъ. Трепеща жизнью молодою Встаетъ Русланъ, на ясный день Очами жадными взираеть: Какъ безобразный сонъ, какъ твнь, Предъ нимъ минувшее мелькаетъ. Но гдв Людмила? Онъ одинъ! Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ. Вдругъ витязь всирянулъ. Въщій Финнъ Его зоветъ и обнимаетъ: «Судьба свершилась, о мой сынъ! Тебя блаженство ожидаеть; Тебя зоветь кровавый пиръ, Твой грозный мечь бёдою грянеть: На Кіевъ снидеть кроткій миръ. И тамъ она тебъ предстанетъ. Возьми зав'ятное кольцо, Коснися имъ чела Людмилы. И тайныхъ чаръ исчезнуть силы; Враговъ смутитъ твое лицо; Настанетъ миръ, погибнетъ злоба. Достойны счастья будьте оба. Прости на долго, витязь мой! Пай руку.... тамъ, за дверью гроба— Не прежде — свидимся съ тобой!» Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ, Русланъ, для жизни пробужденный, Подъемлетъ руки вслёдъ за нимъ... Но ничего не слышно болъ! Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ; Запрыгавъ, съ карлой за съдломъ,

Руслановъ конь нетерпѣливой Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой; Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ, Ужъ онъ летитъ, живой и здравый, Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тёмъ какой позоръ Являетъ Кіевъ осажденный! Тамъ, устремивъ на нивы взоръ, Народъ, уныньемъ пораженный, Стоитъ на башняхъ и стёнахъ И въ страхё ждетъ небесной казни; Стенанья робкія въ домахъ, На стогнахъ тишина боязни. Одинъ, близъ дочери своей, Владиміръ въ горестной молитвѣ; И храбрый сонмъ богатырей Съ дружиной вѣрною князей Готовится къ кровавой битъъ.

И день насталъ. Толиы враговъ Съ зарею двинулись съ холмовъ; Неукротимыя дружины, Волнуясь, хлынули съ равнины И потекли въ ствив градской: Во градѣ трубы загремѣли, Бойцы сомкнулись, полетёли На встрвчу рати удалой, Сошлись — и заварился бой. Почуя смерть, взыграли кони, Пошли стучать мечи о брони. Со свистомъ туча стрелъ взвилась: Равнина кровью залилась; Стремглавъ навздники помчались; Дружины конныя смёшались; Сомкнутой, дружною ствной Тамъ рубится со строемъ строй;

Со всадникомъ тамъ пъщій бьется: Тамъ конь испуганный несется; Тамъ русскій палъ, тамъ печенътъ, Тамъ клики битвы, тамъ побъгъ; Тотъ опрокинутъ будавою. Тотъ легкой пораженъ стрелою; Другой, придавленный шитомъ. Растоптанъ бъщенымъ конемъ... И длился бой до темной ночи; Ни врагъ, ни нашъ не одолълъ. За грудами кровавыхъ тёлъ Бойцы сомкнули томны очи, И врёпокъ быль ихъ бранный сонъ; Лишь изръдка на полъ битвы Быль слышень падшихь скорбный стонь И русскихъ витязей молитвы.

Блёднёла утренняя тёнь, Волна сребрилася въ потокъ, Сомнительный рождался день На отуманенномъ востокъ. Яснъли холмы и лъса, И просыпались небеса. Еще въ бездейственномъ покож Премало поле боевое; Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ Съ тревогой шумною воспрянуль, Внезапный крикъ сраженій грянуль; Смутилось сердце кіевлянъ; Бътутъ нестройными толпами И видять: въ поль, межь врагами, Блистая въ датахъ какъ въ огив, Чудесный воинь на конъ Грозой несется, колеть, рубить, Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ... То быль Русланъ. Какъ Божій громъ

Нашъ витязь палъ на басурмана: Онъ рыщеть съ карлой за съдломъ Среди испуганнаго стана. Гив ни просвищетъ грозный мечъ, Гдѣ конь сердитый ни промчится, Везпъ главы слетають съ плечъ, И съ воплемъ строй на строй валится; Въ олно мгновенье бранный лугъ Покрыть ходмами тёдъ кровавыхъ, Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ, Громадой коній, стрізь, кольчугъ. На трубный звукъ, на голосъ боя Пружины конныя славянъ Помчались по слёдамъ героя, Сразились... гибни, басурманъ! Объемлетъ ужасъ печенъговъ: Питомпы бурные набѣговъ Зовуть разсвянныхъ коней; Противиться не смёють боль, И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ Бътуть отъ кіевскихъ мечей, Обречены на жертву аду; Ихъ сонмы русскій мечъ казнить; Ликуетъ Кіевъ... Но по граду Могучій богатырь летить; Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной; Копье сіяеть какъ звѣзла: Струится кровь съ кольчуги мѣдной; На шлемѣ вьется борода; Летить, надеждой окрыленный, По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ. Народъ, восторгомъ упоенный, Толпился съ кликами кругомъ, И внязя радость оживила. Въ безмолвный теремъ входитъ онъ, Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;

Владиміръ, въ думу погруженъ, У ногъ ея стояль унылый. Онъ быль одинъ. Его друзей Война влекла въ поля кровавы. Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы, Вдали отъ вражескихъ мечей. Въ душъ презръвъ тревоги стана. Стояль на стражь у дверей. Едва злодъй узналъ Руслана, Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ. Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ, И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна... Постойной казни жлеть измёна! Но, помня тайный даръ кольца, Русланъ летить къ Людмилъ сиящей, Ея спокойнаго липа Касается рукой дрожащей... И чуло — юная княжна, Вздохнувъ, открыла свътлы очи!.. Казалось, будто бы она Дивилася столь долгой ночи; Казалось, что какой-то сонъ Ее томилъ мечтой неясной; И вдругъ узнала — это онъ! И князь въ объятіяхъ прекрасной. Воскреснувъ пламенной душой, Русланъ не видитъ, не внимаетъ, И старецъ въ радости нѣмой, Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чёмъ кончу длинный мой разсказъ? Ты угадаещь, другъ мой милой! Неправый старца гнёвъ погасъ; Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой У ногъ Руслана объявилъ Свой стыдъ и мрачное злодейство;

Счастливый князь ему простиль; Лишенный силы чародёйства, Былъ принятъ карла во дворецъ; И, бёдствій празднуя конецъ, Владиміръ въ гридницё высокой Запироваль въ семьё своей.

Дъла давно минувшихъ дней, Преданья старины глубокой. [1819].

эпилогъ.

Такъ міра житель равнодушной, На лонъ праздной тишины, Я славиль лирою послушной Преданья темной старины. Я пълъ -- и забывалъ обилы Слепаго счастья и враговъ, Измѣны вѣтреной Дориды, •И сплетни шумныя глупцовъ. На крыльяхъ вымысла носимой, Ужъ улеталъ за край земной; И между темъ грозы незримой Сбиралась туча надо мной!... Я погибалъ... Святой хранитель Первоначальныхъ, бурныхъ дней. О дружба, нёжный утёшитель Бользненной души моей! Ты умолила непоголу: Ты сердну возвратила миръ; Ты сохранила мнѣ свободу, Кипящей младости кумиръ! Забытый свётомъ и молвою,

Далече отъ бреговъ Невы, Теперь я вижу предъ собою Кавказа горлыя главы. Надъ ихъ вершинами крутыми. На скатъ каменныхъ стремнинъ. Питаюсь чувствами намыми И чудной прелестью картинъ Природы дикой и угрюмой; Луша, какъ прежде, каждый часъ Полна томительною думой ---Но огнь поэзіи погасъ. Ишу: напрасно впечатльній! Она прошла, пора стиховъ, Пора любви, веселыхъ сновъ, Пора сердечныхъ вдохновеній! Восторговъ враткій день протекъ — И скрылась отъ меня на въкъ Богиня тихихъ пфснопфній...

26 Іюня 1820. Кавказъ.

1820.

дорида.

Въ Доридъ нравятся и локоны златые, И блъдное лицо, и очи голубыя. Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной, Въ ея объятіяхъ я нъгу пилъ душой; Восторги быстрые восторгами смънялись, Желанья гасли вдругъ и снова разгорались, Я таялъ: но среди невърной темноты Другія милыя мнъ видълись черты, И весь я полонъ былъ таинственной печали, И имя чуждое уста мои шептали.

доридъ.

[подражание а. шенье].

Я върю: я любимъ; для сердца нужно въритъ. Нътъ, милая моя не можетъ лицемъритъ; Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ, Стыдливость робкая — харитъ безцънный даръ, Нарядовъ и ръчей пріятная небрежность, И ласковыхъ именъ младенческая нъжность.

ОЛИНЬКЪ МАССОНЪ.

Ольга, крестница Киприды, Ольга, чудо красоты, Какъ же ласки и обиды Расточать привыкла ты! Поцёлуемъ сладострастья— Соблазнительнаго счастья Назначаешь тайный чась; Мы съ горячкою любовной Прибъгаемъ въ часъ условной — Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ Слышимъ твой коварный шопотъ, И служанки сонный ропотъ, И насмъщливый отказъ. Ради ръзваго разврата, Пріапическихъ затій, Ради нъги, ради злата, Ради прелести твоей, Ольга, жрица наслажденья, Внемли нашъ влюбленный плачъ — День восторговъ, день забвенья Намъ навърное назначь.

платонизмъ.

Я знаю, Лидинька, мой другь, Кому въ задумчивости сладкой Ты посвящаешь свой досугь, Кому ты жертвуешь украдкой Отъ подозрительныхъ подругъ. Тебя страшитъ проказникъ милый, Очарователь легкокрылый; И хладной важностью своей Тебъ несносенъ Гименей; Ты молишься другому богу — Своей покорствуя судьбъ, Восторги пылкіе къ тебъ

Нашли пустынную дорогу. Я поняль слабый жарь очей, Я поняль взоръ полуоткрытый, И поблёднёвшія даниты, И томность поступи твоей. Твой богъ не полною отрадой Своихъ поклонниковъ даритъ, Его таинственной наградой Младая скромность дорожить. Онъ любитъ сны воображенья, Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ, Онъ другъ стыдливый наслажденья, Онъ братъ любви — но одинокъ. Когла безсонницей унылой Во тымѣ ночной томишься ты, Онъ оживляетъ тайной силой Твои неясныя мечты: Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой. И гонить тихою рукой И сны, внушенные Кипридой, И сладкій, дівственный покой. Въ уединенномъ упоеньъ Ты мыслишь обмануть любовы! Напрасно — въ самомъ наслажленьъ Томишься и вздыхаешь вновы! Амуръ ужели не заглянетъ Въ неосвященный твой пріють? Твоя краса какъ роза вянетъ, Минуты юности бъгутъ... Ужель мольба моя напрасна? Забудь преступныя мечты — Не вѣчно будешь ты прекрасна, Не для себя прекрасна ты!

СИРОТКА.

Миъ стала извъстна И какъ интересна Сиротка одна! Неловко признаться, Легко погалаться Гдѣ встрѣтилъ. Она Чертами нъжна. На свътъ создана Порой заблужденья; На алыхъ устахъ, На бѣлыхъ плечахъ Сулитъ восхищенье. Задумчивый цвёть Къ ненастью привывшій, Съ головкой поникшей, Шестнадцати лѣтъ, Дитя наслажденья, Въ ней все восхишенье [Въ томъ шлюсь на иныхъ], И ножка, и очи-Задатокъ для ночи Восторговъ прямыхъ!

отрывокъ.

[смерть людовика ху1].

Восходить къ смерти Людовикъ Въ виду безмолвнаго потомства; Челомъ развѣнчаннымъ приникъ Къ кровавой плахѣ вѣроломства. Молчитъ законъ, народъ молчитъ, Падетъ преступная сѣкира—

И самовластная порфира На галлахъ скованныхъ лежитъ.

НА АРАКЧЕЕВА.

I.

...Полонъ злобы, полонъ мести, Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести, Кто жъ онъ «преданный безъ лести»? * Просто фрунтовой солдатъ.

II.

…Благодари свою судьбу: Ты стоишь лавровъ Герострата, Иль смерти нъмца Коцебу...

первая мысль Кавказскаго плънника.

Одинъ въ глуши кавказскихъ горъ, Нокрытый буркой боевою, Черкесъ надъ шумною рѣкою Въ кустахъ таился. Жадный взоръ Онъ устремлялъ на путь далекой, Булатной шашкою сверкалъ, И грозно, въ тишинѣ глубокой, Своей добычи ожидалъ. Товарищъ вѣрный, териѣливый, Цитомецъ горныхъ табуновъ, Стоялъ недвижно конь ретивый, Въ тѣни древесъ у береговъ.

Прохлада вѣетъ надъ водами; Одѣлся тѣнью небосклонъ...

^{*} Девизъ Аракчеева: «Безъ лести преданъ».

И вдругъ пустыни мертвый сонъ Прервался... Пыль взвилась клубами; Гремятъ колесы. Конь кипитъ — Черкесъ верхомъ, черкесъ летитъ.

Зачвив, о юноша несчастной. Зачёмъ на гибель ты спётить? Порывомъ смѣлости напрасной Своей главы не защитищь. Его настигнуль врагь летучій; Несчастный паль на чуждый брегь --И слабаго питомца нътъ Къ горамъ повлекъ арканъ могучій. Помчался конь межъ дикихъ горъ На крыльяхъ огненной отваги: Все путь ему — болота, боръ, Кусты, утесы и овраги. Кровавый слёдь за нимь бёжить И гуль пустынный раздается: Съдой потокъ предъ нимъ шумитъ — Онъ въ глубь кипящую несется.

На темной синевѣ небесъ Луна вечерняя блеснула; Вотъ кущи дальняго аула [Уже] бѣлѣютъ межъ древесъ...

1820. Августа 21. [Кавказъ].

* *

Погасло дневное свѣтило; На море синее вечерній паль тумань. Шуми, шуми, послушное вѣтрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океань!

Я вижу берегъ отдаленный, Земли полуденной волшебные края: Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я, Воспоминаньемъ упоенный....

И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь; Душа кипитъ и замираетъ;

душа кипить и замираеть,
Мечта знакомая вокругь меня летаеть;
Я вспомниль прежнихь льть безумную любовь,
И все, чьмъ я страдаль, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обмань...

Шуми, шуми, послушное вътрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, неси меня къ предъламъ дальнымъ По грозной прихоти обманчивыхъ морей,

Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость

И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,

Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной.... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...

†. Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной; угрюмый океанъ!...

Черное Море. 1820. Сентябрь.

ЭЛЕГІЯ.

Увы, зачёмъ она блистаетъ Минутной, нѣжной красотой! Она примътно увядаетъ Во пвътъ юности живой... Увянетъ! Жизнью молодою Недолго наслаждаться ей. Недолго радовать собою Счастливый кругъ семьи своей. Безпечной, милой остротою Беседы наши оживлять, И тихой, ясною душою Страдальца душу услаждать. Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ, Сокрывъ уныніе мое. Наслушаться річей веселыхъ И наглядъться на нее. Смотрю на всѣ ея движенья, Внимаю каждый звукъ рѣчей, И мигъ единый разлученья Ужасенъ для души моей.

[Юрзуфъ].

* *

О дѣва-роза, я въ оковахъ; Но не стыжусь твоихъ оковъ: Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ, Пернатый царь лѣсныхъ иѣвцовъ, Близъ розы гордой и прекрасной Въ неволѣ сладостной живетъ, И нѣжно иѣсни ей поетъ Во мракѣ ночи сладострастной.

ЧААЛАЕВУ.

Къ чему холодныя сомнънья? Я върю: здъсь быль грозный храмь, Глъ крови жаждущимъ богамъ Лымились жертвоприношенья; Здесь успокоена была Вражда свирвной Эвмениды: Злёсь провозвёстница Тавриды На брата руку зачесла! На сихъ развалинахъ свершилось Святое дружбы торжество, И душъ великихъ божество Своимъ созданьемъ возгордилось....

Чадаевъ, помнишь ли былое? Давно ль съ восторгомъ молодымъ Я мыслиль имя роковое Предать развалинамъ инымъ? Но въ сердцъ, бурями смиренномъ, Теперь и лѣнь, и тишина, И, въ умиленьи вдохновенномъ, На камив, дружбой освященномъ, Ппшу я наши имена.

[Съ морскаго берега Тавриды]

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой! Принесъ я въ даръ тебъ двъ розы. Люблю немолчный говоръ твой И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль Меня кропить росою хладной: Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной! Журчи, журчи свою мнъ быль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной! И я твой мраморъ вопрошалъ: Хвалу странъ прочелъ я дальной; Но о Маріи ты молчалъ....

Свътило блъдное гарема! И здъсь ужель забвенно ты? Или Марія и Зарема Олнъ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья Вь пустынной мглѣ нарисовалъ Свои минутныя видѣнья, Дуппи неясный идеалъ?

нереида.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду, На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду. Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть: Надъ ясной влагою полубогиня грудь Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

* *

Ръдъеть облаковъ летучая гряда. Звъзда печальная, вечерняя звъзда! Твой лучь осеребриль увядшія равнины, И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины. Люблю твой слабый свъть въ небесной вышинъ; Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнъ.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило, Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило, Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись, Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ, И сладостно шумятъ таврическія волны. Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный, Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь, Когда на хижины сходила ночи тѣнь И дѣва юная во мглѣ тебя искала И именемъ своимъ — подругамъ называла.

Каменка.

виноградъ.

Не стану я жалёть о розахъ, Увядшихъ съ легкою весной; Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ, Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой, Краса моей долины злачной, Отрада осени златой, Продолговатый и прозрачной, Какъ персти дѣвы молодой.

* *

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой, За ланью быстрой и пугливой Стремится дикій Актеонъ. Уже на чистый небосклонъ Восходить блѣдная Діана — И въ сумракѣ пускаетъ онъ Стрѣлу послѣднюю колчана...

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

молдавская пъсня.

Гляжу какъ безумный на черную шаль, И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковъренъ и молодъ я былъ, Младую гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня; Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей: Ко мнъ постучался презрънный еврей.

Съ тобою пируютъ [шепнулъ онъ] друзья; Тебъ жъ измънила гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его, И върнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ, И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидёль гречанки порогь, Глаза потемнёли, я весь изнемогь...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ... Невърную дъву лобзалъ армянинъ.

He взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ... Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тёло я долго топталь, И молча на дёву, блёднёя, взираль.

Я помню моленья, текущую кровь... Погибла гречанка, погибла любовь. Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль, Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла, Въ дунайскія волны ихъ бросиль тъла.

Съ тъхъ поръ не цълую прелестныхъ очей, Съ тъхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль, И хладную душу терзаетъ печаль.

(Въ началѣ ноября).

дочери карагеоргія.

Гроза луны, свободы воинъ, Поврытый кровію святой, Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой, И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.

Тебя младенца онъ ласкалъ

На пламенной груди рукой окровавленной;

Твоей игрушкой былъ кинжалъ,

Братоубійствомъ изощренной.

Какъ часто, возбудивъ свирѣной мести жаръ,
Онъ молча, надъ твоей невинной колыбелью,
Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила:

Съ могилы грозной къ небесамъ Она, какъ сладкій еиміамъ, Какъ чистая любви молитва восходила.

ЗАПИСКА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Сегодня я поутру дома И жду тебя, любезный мой. Приди ко мив на рюмку рома,
Приди — тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, * любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ, и обокралъ,
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги...

ЭПИГРАММЫ.

1.

Хавроніосъ! ругатель закоснёлый, Во тьм'в, въ пыли, въ презр'вны пос'ядёлый, Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ И пасквилей томительная тупость? «Зат'вйникъ золъ!» съ улыбкой скажетъ глупость; «Нев'вжда глупъ!» з'ввая, скажетъ умъ.

2.

Когда бъ писать ты началь съ-дуру, Тогда бъ навърно ты пролъзъ Сквозь нашу тъсную цензуру, Какъ внидешь въ царствіе небесъ.

3.

Въ жизни мрачной и презрѣнной Былъ онъ долго погруженъ;

^{*} Тардифъ, прежде извъстный въ Петербургъ кухмистеръ, въ то время жилъ въ Кишиневъ.

Долго всё концы вселенной Оскверняль развратомъ онъ. Но исправясь понемногу, Онъ загладилъ свой позоръ, И теперь онъ, слава Богу, Только что картежный воръ.

отрывки.

T.

На берегу, гдъ дремлетъ лъсъ священный,
Твое я имя повторялъ;
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И въ даль глядълъ... и милой встръчи ждалъ.

II.

....И чувствую, душа [моя] Твоей любви, тебя достойна; Зачёмъ же не всегда [она] Чиста, печальна и покойна?...

III.

Счастливъ, кто близъ тебя, любовью упоенный, Безъ томной робости твой ловитъ свътлый взоръ, Движенья милыя, игривый разговоръ И слъдъ улыбки незабвенной.

1821.

земля и море.

идиллін моска.

Когда по синевъ морей Зефиръ скользитъ и тихо въетъ Въ вътрила гордыхъ кораблей И челны на волнахъ лелветъ; Заботъ и думъ слагая грузъ. Тогла лёнюсь я веселёе И забываю пѣсни музъ: Мив моря сладкій шумъ милве. Когда же волны по брегамъ Ревутъ, кипятъ и пъной плешутъ. И громъ гремить по небесамъ. И молніи во мракѣ блещутъ, Я удаляюсь отъ морей Въ гостепріимныя дубровы: Земля мнѣ кажется вѣрнѣй, И жалокъ мнъ рыбакъ суровый: Живетъ на утломъ онъ челив, Игралищъ слъпой пучины, А я въ надежной тишинъ Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля 1821. Кіевъ.

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы Оживлены дубровы и луга, Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды И пышные ласкаютъ берега, Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды, Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга? Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный, Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предёль, любимый край Эльвины! Туда летять желанія мои. Я помню горь высокія вершины, Прозрачныхь водь веселыя струи, И тёнь, и шумь, и красныя долины, Гдё бёдныя простыхь татарь семьи, Среди заботь и съ дружбою взаимной, Подъ кровлею живуть гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной, Все путника плъняетъ и манитт, Какъ въ ясный день дорогою прибрежной Привычный конь по склону горъ бѣжитъ. Повсюду трудъ веселый и прилежный Сады татаръ и нивы богатитъ, Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ: и тополей прохлада, Въ тѣни оливъ уснувшія стада, Вокругъ домовъ рѣшотки винограда, Монастыри, селенья, города, И моря шумъ, и говоръ водопада, И средь валовъ бѣгущія суда, И яркіе лучи златаго Феба, И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира, Забывъ молву и свъта суеты, На берегахъ веселаго Салгира Воспоминать души моей мечты? Въ моихъ рукахъ Овидіева лира, Счастливая пѣвица красоты, Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки, Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной, Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса, И своды скалъ, и моря блескъ лазурной, И ясныя, какъ радость, небеса? Утихнутъ ли волненья жизни бурной? Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса? Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

примъты.

Старайся наблюдать различныя примъты. Пастухъ и земледълъ въ младенческія лѣты, Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь, Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день, И майскіе дожди, младыхъ полей отраду, И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду. Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ, Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи, Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождъ ревучій, Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ, Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ, Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

ДЪВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой! Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой. Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней Иную замъчать, иныхъ искать очей. Надежду потерявъ, забывъ измъны сладость, Пылаетъ близъ нея задумчивая младость; Любимцы счастія, наперсники судьбы Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы: Но дъва гордая ихъ чувства ненавидитъ И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

лионея.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ Украдкою вдвоемъ мы замъчали васъ; Ты слушаешь его, въ безмолвін краснъя; Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ, И долго послъ, Діонея, Улыбку нъжную лицо твое хранитъ.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ, Играетъ локономъ, и вѣрное стекло Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

МУЗА.

Въ младенчествъ моемъ она меня любила И семиствольную цъвницу мнъ вручила; Она внимала мнъ съ улыбкой, и слегка По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника Уже наигрывалъ я слабыми перстами И гимны важные, внушенные богами, И пъсни мирныя фригійскихъ пастуховъ. Съ утра до вечера въ нъмой тъни дубовъ

Прилежно я внималь урокамь дѣвы тайной; И, радуя меня награлою случайной, Откинувъ локоны отъ милаго чела, Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала: Тростникъ быль оживленъ божественнымъ дыханьемъ И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

1821 г. февраля 14.

* *

Я пережилъ свои желанья, Я разлюбилъ свои мечты! Остались мнѣ одни страданья, Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой Увялъ цвътущій мой вънецъ! Живу печальный, одинокой, И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной, Какъ бури слышенъ зимній свисть, Одинъ на въткъ обнаженной Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 февраля.

КАВКАЗСКІЙ ПЛЪННИКЪ.

Подъ бурей рока — твердый камень, Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ.

посвящение.

николаю николаевичу раевскому.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебъ я посвятилъ изгнанной лиры пънье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всъхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измъны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили —
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свиръпость утомили —
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки

Мои задумчивые звуки Напоминали мнъ Кавказъ, Гдъ пасмурный Бешту, ¹ пустынникъ величавый, Ауловъ ² и полей властитель пятиглавый,

Былъ новый для меня Парнасъ.

Забуду ли кремнистыя вершины, Гремучіе ключи, увядшія равнины, Пустыни знойныя, края, гдё ты со мной

¹ Бешту, или правильне Бештау, кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Известна въ нашей исторіи.

² Ауль. Такъ называются деревни кавказскихъ народовъ.

Дёлилъ души младыя впечатлёнья; Гдё рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,

И дикій геній вдохновенья
Тантся въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можеть, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,

Мечты знакомыя, знакомыя страданья И тайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя, Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ, Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ; Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ, Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ. Я рано скорбъ узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ, Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ; Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,

> Я ждаль безпечно лучшихь дней, И счастіе моихь друзей Мн'я было сладкимь ут'яшеньемь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ, Черкесы праздные сидятъ. Сыны Кавказа говорятъ О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ, О красотѣ своихъ коней, О наслажденьяхъ дикой нѣги; Воспоминаютъ прежнихъ дней Неотразимые набѣги, Обманы хитрыхъ узденей, З

^в Уздень, начальникъ или князь. — ⁴ Шашка, черкесская сабля.

И мъткость неизбъжныхъ стрълъ, И пепелъ раззоренныхъ селъ, И ласки плънницъ черноокихъ.

Текутъ бесёды въ тишинъ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плённика влачилъ.
«Вотъ русскій!» хищникъ возопплъ.
Аулъ на крикъ его сбёжался
Ожесточенною толпой;
Но плённикъ хладный и нёмой,
Съ обезображенной главой.
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летворнымъ дышетъ.

И долго пленникъ молодой Лежаль въ забвеніи тяжеломъ. Ужъ полдень надъ его главой Пылаль въ сіяніи веселомъ; И жизни духъ проснулся въ немъ. Невнятный стонъ въ устахъ раздался; Согрѣтый солнечнымъ лучемъ, Несчастный тихо приподнялся; Кругомъ обводить слабый взоръ... И видить: неприступныхъ горъ Надъ нимъ воздвигнулась громада, Гетадо разбойничьихъ племенъ. Черкесской вольности ограда. Воспомниль юноша свой плень, Какъ сна ужаснаго тревоги, И слышить, загремели варугь Его запованныя ноги...

Все, все сказалъ ужасный звукъ! Затмилась передъ нимъ природа. Прости, священная свободя! Онъ рабъ.

За саклями 5 лежитъ Онъ у колючаго забора. Черкесы въ полъ, нътъ надзора, Въ пустомъ аулъ все молчитъ. Предъ нимъ пустынныя равнины Лежатъ зеленой пеленой; Тамъ холмовъ тянутся грядой Однообразныя вершины; Межъ нихъ уединенный путь Вдали теряется угрюмой... И плънника младаго грудь Тяжелой взволновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведеть, Въ страну, гдѣ пламенную младость Онъ гордо началъ безъ заботь, Гдѣ первую позналъ онъ радость, Гдѣ много милаго любилъ, Гдѣ обпялъ грозное страданье, Гдѣ бурной жизнью погубилъ Надежду, радость и желанье, И лучшихъ дней воспоминанье Въ увядшемъ сердпѣ заключилъ.*

Людей и свътъ извъдалъ онъ, И зналъ невърной жизни цъну.

⁵ Сакля, хижина. — * Въ рукописи быто еще добавлено:

Когда роскошныхъ дѣвь веселья Младыми розами вѣнчалъ, II жаръ безумнаго похмѣлья Минутной страсти посвящалъ.

Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну, Въ мечтахъ любви — безумный сонъ, Наскучивъ жертвой быть привычной Давно презрѣнной суеты, И непріязни двуязычной, И простодушной клеветы, Отступникъ свѣта, другъ природы, Покинулъ онъ родной предѣлъ, И въ край далекій полетѣлъ Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердца погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цёлью упованья Не зрить онъ въ мірѣ ничего. И вы, послёднія мечтанья, И вы сокрылись отъ него. Онъ рабъ. Склонясь главой на камень, Онъ ждеть, чтобъ съ сумрачной зарей Погасъ печальной жизни пламень, И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами; Вдали раздался шумный гулъ, Съ полей народъ идетъ въ аулъ, Сверкая свътлыми косами. Пришли; въ домахъ зажглись огни, И постепенно шумъ нестройной Умолкнулъ; все въ ночной тъни Объято нъгою спокойной; Вдали сверкаетъ горный ключъ,

Сбѣгая съ каменной стремнины; Одълись пеленою тучъ Кавказа спящія вершины.... Но кто, въ сіяніи луны, Среди глубокой тишины Идетъ, украдкою ступая? Очнулся русскій. Передъ нимъ, Съ привътомъ нъжнымъ и нъмымъ. Стоитъ черкешенка младая. На деву молча смотрить онъ И мыслить: это лживый сонь, Усталыхъ чувствъ игра пустая... Луною чуть озарена, Съ улыбкой жалости отрадной, Колвна преклонивъ, она Къ его устамъ кумысъ 6 прохладной Подносить тихою рукой. Но онъ забылъ сосудъ цёлебный, Онъ ловитъ жадною душой Пріятной річи звукь волшебный И взоры дівы молодой. Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ... Но взоръ умильный, жаръ ланитъ, Но голось нѣжный говорить: Живи! и павнникъ оживаетъ. И онъ, собравъ остатокъ силъ, Вельню милому покорной, Привсталь и чашей благотворной Томленье жажды утолиль. Потомъ на камень вновь склонился Отягощенною главой, Но все къ черкешенкъ младой Угасшій взоръ его стремился.

⁶ Кумысь дізлается изъ кобыльяго молока; напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всёми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ и почитается весьма здоровымъ.

И долго, долго передъ нимъ Она, задумчива, сидъла, Какъ бы участіемъ нѣмымъ Утѣшить плѣнника хотѣла; Уста невольно каждый часъ Съ начатой рѣчью открывались, Она вздыхала, и не разъ Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ твнь. Въ горахъ, окованный, у стада Проводить пленникъ каждый день. Пещеры влажная прохлада Его скрываеть въ лѣтній зной. Когна же рогъ луны сребристой Блеснетъ за мрачною горой, Черкешенка, тропой тѣнистой, Приносить пленнику вино, Кумысь и ульевъ соть душистой, И бълосивжное пшено; Съ нимъ тайный ужинъ раздёляетъ, На немъ покоитъ нѣжный взоръ, Съ неясной рѣчію сливаетъ Очей и знаковъ разговоръ; Поетъ ему и цѣсни горъ, И пъсни Грузіи счастливой, И памяти нетерпъливой Передаеть языкъ чужой. 7 Впервые девственной душой Она любила, знала счастье; Но русскій жизни молодой

⁷ Счастивый климать Грузіи не вознаграждаеть сей прекрасной страны за всё бёдствім, вічно ею претерпіваемыя. Пісни грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Оні славять минутние успітки кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевь Бакунина и Циціанова; изміны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

Давно утратилъ сладострастье: Не могъ онъ сердцемъ отвъчать Любви младенческой, открытой — Быть можетъ, сонъ любви забытой Боялся онъ воспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость, Не вдругъ восторги бросятъ насъ, И неожиданную радость Еще обнимемъ мы не разъ; Но вы, живыя впечатлѣнья, Первоначальная любовь, О, первый пламень упоенья, Не прилетаете вы вновь.

Казалось, пленникь безналежный Къ унылой жизни привыкалъ. Тоску неволи, жаръ мятежный, Въ душъ глубоко онъ скрывалъ. Влачася межъ угрюмыхъ скалъ, Въ часъ ранней утренней прохлады, Вперяль онь неподвижный взорь На отдаленныя громады Съдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ. Великолъпныя картины! Престолы вѣчные снѣговъ, Очамъ казались ихъ вершины Недвижной цёнью облаковъ, И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый, Въ вънцъ блистая ледяномъ, Эльбрусь огромный, величавый, Вълълъ на неоъ голубомъ. 8

⁸ Въ 1-хъ изданіяхъ, въ примѣчанія, находились двѣ обширныя выписки стиховъ, относящихся къ Кавказу, изъ Державина и Жуковскаго, съ замѣткою Пушкина: «Державинъ въ превосходной своей одѣ графу Зубову первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа:

Когла, съ глухимъ сливаясь гуломъ, Предтеча бури, громъ гремвлъ, Какъ часто плънникъ предъ ауломъ Нелвижимъ на горъ сидълъ. У ногъ его дымились тучи, Въ степи взвивался паръ летучій; Уже пріюта между скалъ Елень испуганный искаль; Оряы съ утесовъ подымались И въ небесахъ перекликались; Шумъ табуновъ, мычанье стадъ Ужъ гласомъ бури заглушались... И вдругъ на долы — дождь и градъ Изъ тучъ сквозь молній извергались: Волнами роя крутизны, Сдвигая камни въковые, Текли потоки дождевые --А плённикъ, съ горной вышины, Одинъ, за тучей громовою, Возврата солнечнаго ждалъ, Недосягаемый грозою, И бури немощному вою Съ какой-то радостью внималь.

Но европейца все вниманье Народъ сей чудный привлекалъ. Межъ горцевъ плънникъ наблюдалъ Ихъ въру, правы, воспитанье, Любилъ ихъ жизни простоту, Гостепріимство, жажду брани, Движеній вольныхъ быстроту, И легкость ногъ, и силу длани;

О выни вождь и пр. — Жуковскій въ своемъ посланіи къ г. Воейкову также посвящаеть нъсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа: Ты зрыль, какъ Терекъ и пр.>

Смотрёль по цёлымь онь часамь, Какъ иногда черкесъ проворной, Широкой степью, по горамъ, Въ косматой шапкъ, въ буркъ черной, Къ лукъ склонясь, на стремена Ногою стройной опираясь. Леталь по волъ скакуна, Къ войнъ заранъ пріучаясь. Онъ любовался красотой Одежды бранной и простой. Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ, Онъ имъ гордится, имъ утъщенъ: На немъ броня, пищаль, колчанъ, Кубанскій лукъ, кинжаль, арканъ, И шашка, въчная подруга Его трудовъ, его досуга. Ничто его не тяготить, Ничто не брякнетъ: пъшій, конный — Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ Непобъдимый, непреклонный. Гроза безпечныхъ казаковъ, Его богатство — конь ретивый, Питомецъ горскихъ табуновъ, Товарищъ върный, терпъливый. Въ пещеръ иль въ травъ глухой Коварный хишникъ съ нимъ таится, И вдругъ, внезапною стрелой, Завидя путника, стремится; Въ одно мтновенье в рный бой Рѣшитъ ударъ его могучій, И странника въ ущелья горъ Уже влечеть аркань летучій. Стремится конь во весь опоръ, Исполненъ огненной отваги, Все путь ему — болото, боръ, Кусты, утесы и овраги;

Кровавый слёдъ за нимъ бёжитъ, Въ пустынё топотъ раздается; Сёдой потокъ предъ нимъ шумитъ — Онъ въ глубь кипящую несется, И путникъ, брошенный ко дну, Глотаетъ мутную волну, Изнемогая смерти проситъ И зритъ ее передъ собой... Но мощный конь — его стрёлой На берегъ пёнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень, Въ рѣку назверженный грозою, Когда на холмахъ пеленою Лежить бездунной ночи тынь, Черкесъ на корни вѣковые, На вътви въшаетъ кругомъ Свои доспъхи боевые, Щить, бурку, панцырь и шеломъ, Колчанъ и лукъ — и въ быстры водны За нимъ бросается потомъ, Неутомимый и безмолвный. Глухая ночь. Рѣка реветъ, Могучій токъ его несетъ Вдоль береговъ уединенныхъ, Гдв на курганахъ возвышенныхъ, Склонясь на копья, казаки Глядять на темный бёгь реки — И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя, Плыветъ оружіе злодья... О чемъ ты думаеть, казакъ? Воспоминаешь прежни битвы, У ствиъ Парижа свой бивакъ, Полковъ хвалебныя молитвы И родину?... Коварный сонъ! Простите, вольныя станицы,

И домъ отцовъ, и тихій Домъ, Война и красныя дѣвицы! Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ, Стрѣла выходитъ изъ колчана, Взвилась — и падаетъ казакъ Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей Черкесъ въ отеческомъ жилищъ Сидить ненастною порой, И тлѣютъ угли въ пепелищѣ; И спрянувъ съ върнаго коня, Въ горахъ пустынныхъ запоздалый. Къ нему войдетъ приплецъ усталый И робко сядеть у огня-Тогда хозяинъ благосклонной Съ привътомъ, ласково, встаетъ И гостю въ чапіт благовонной Чихирь 9 отрадный подаетъ. Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной, Вкушаетъ путникъ мирный сонъ, И утромъ оставляетъ онъ Ночлега кровъ гостепримной. 10

Бывало въ свётлый Баиранъ 11 Сберутся юноши толпою; Игра смёняется игрою: То полный разобравъ колчанъ,

⁹ Чихирь - красное грузинское вино.

¹⁰ Черкесы, какъ и всё дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. Кунакъ [т. е. пріятель, знакомець] отвёчаетъ жизнію за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину кабардинскихъ горъ.

¹¹ Байранъ или Байрамъ — праздникъ розговенья. — Рамазанъ — мусульманскій постъ.

Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетериѣливыми рядами
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной Сердцамъ, рожденнымъ для войны, И часто игры воли праздной Игрой жестокой смущены. Неръдко шашки грозно блещутъ Въ безумной ръзвости пировъ, И въ прахъ летятъ главы рабовъ, И въ радости младенцы плещутъ.

Но русскій равнодушно зрыль Сіи кровавыя забавы. Любиль онъ прежде игры славы И жаждой гибели горыль. Невольникъ чести безпощадной, Вблизи видаль онъ свой конецъ, На поединкахъ твердый, хладной, Встрѣчая гибельный свинецъ. Быть можеть, въ думу погруженный, Онъ время то воспоминаль, Когда, друзьями окруженный, Онъ съ ними шумно пировалъ... Жальть ли онь о дняхь минувшихъ, О дняхъ надежду обманувшихъ, Иль, любопытный, созерцаль Суровой простоты забавы. И дикаго народа нравы Въ семъ върномъ зеркалъ читалъ —

Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ Движенья сердца своего, И на челѣ его высокомъ Не измѣнялось ничего. Безпечной смѣлости его Черкесы грозные дивились, Щадили вѣкъ его младой, И шопотомъ между собой Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ, Восторги сердца, жизни сладость; Твой огненный, невинный взоръ Высказываль любовь и радость. Когда твой другъ во тьмѣ ночной Тебя лобзаль нёмымь лобзаньемь, Сторая нѣгой и желаньемъ, Ты забывала міръ земной, Ты говорила: «плѣнникъ милый, Развесели свой взоръ унылый, Склонись главой ко мий на грудь. Свободу, родину забудь. Скрываться рада я въ пустынъ Съ тобою, царь души моей! Люби меня: никто донынъ Не пъловалъ моихъ очей; Къ моей постелѣ одинокой Черкесъ младой и черноокой Не крался въ тишинъ ночной; Слыву я дівою жестокой, Неумолимой красотой. Я знаю жребій мнв готовый: Меня отецъ и братъ суровый Немилому продать хотятъ

Въ чужой аулъ цёною злата: Но умолю отца и брата, Не то — найду кинжалъ иль ядъ!... Непостижимой, чудной силой Къ тебъ я вся привлечена, Люблю тебя, невольникъ милой, Душа тобой упоена...»

Но онъ съ безмолвимъ сожалѣньемъ На дѣву страстную взиралъ, И полный тяжкимъ размышленьемъ Словамъ любви ея внималъ. Онъ забывался: въ немъ тѣснились Воспоминанья прошлыхъ дней, И даже слезы изъ очей Однажды градомъ покатились. Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ Тоска любви безъ упованья. Предъ юной дѣвой наконецъ Онъ изліялъ свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви, Твоихъ восторговъ я не стою; Безцѣнныхъ дней не трать со мною; Другаго юношу зови. Его любовь тебъ замънить Моей души печальный хладъ; Онъ будетъ въренъ, онъ оцънитъ Твою красу, твой милый взглядъ, И жаръ младенческихъ лобзаній, И нъжность пламенныхъ ръчей; Безъ упованья, безъ желаній Я вяну жертвою страстей. Ты видишь слёдъ любви несчастной, Душевной бури слёдъ ужасной; Оставь меня, но пожальй О скорбной участи моей!

Несчастный другь, зачёмъ не прежде Явилась ты моимъ очамъ, Въ тё дни, какъ вёрилъ я надеждё И упоительнымъ мечтамъ! * Но поздно! умеръ я для счастья, Надежды призракъ улетёлъ; Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья, Для нёжныхъ чувствъ окаменёлъ...

«Какъ тяжко мертвыми устами Живымъ лобзаньямъ отвъчать, И очи, полныя слезами, Улыбкой хладною встръчать! Измучась ревностью напрасной, Уснувъ безчувственной душой, Въ объятіяхъ подруги страстной, Какъ тяжко мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно, Ты пьешь лобзанія мои, И для тебя часы любви Проходять быстро, безмятежно; Снѣдая слезы въ тишинѣ, Тогда, разсѣянный, унылый, Передъ собою, какъ во снѣ, Я вижу образъ вѣчно милый; Его зову, къ нему стремлюсь, Молчу, не вижу, не внимаю. Тебѣ въ забвеньи предаюсь И тайный призракъ обнимаю; О немъ въ пустынѣ слезы лью;

^{*} Въ рукописи было прибавлено:

Въ тъ дни, когда луна, дубравы, Морей и бури вольный шумъ, Дъвичій голосъ, гимны славы Еще плъняли жадный умъ.

Повсюду онъ со мною бродитъ, И мрачную тоску наводитъ На душу сирую мою.

«Оставь же мий мои желйзы, Уединенныя мечты, Воспоминанья, грусть и слезы — Ихъ раздёлить не можешь ты. Ты сердца слышала признанье; Прости!... дай руку на прощанье. Недолго женскую лобовь Печалить кладная разлука — Пройдеть любовь, настанеть скука, Красавица полюбить вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая, Сидъла дъва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ Безмолвный выражалъ укоръ. Блъдна какъ тънь, она дрожала; Въ рукахъ любовника лежала Ея колодная рука, И наконецъ любви тоска Въ печальной ръчи излилася.

«Ахъ, русскій, русскій, для чего, Не зная сердца твоего, Тебѣ навѣкъ я предалася! Недолго на груди твоей Въ забвенъи дѣва отдыхала, Немного радостныхъ ночей Судьба на долю ей послала! Придутъ ли вновь когда нибудь? Ужель на вѣкъ погибла радость?... Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть Мою неопытную младость, Хотя бъ изъ жалости одной,

Молчаньемъ, ласкою притворной; Я услаждала бъ жребій твой Заботой нёжной и покорной; Я стерегла бъ минуты сна, Покой тоскующаго друга; Ты не хотълъ... Но кто жъ она, Твоя прекрасная подруга? Ты любишь, русскій? ты любишь?... Понятны мнё твои страданья... Прости жъ и ты мои рыданья, Не смёйся горестямъ моимъ.»

Умолкла. Слезы и стенанья Стёснили бёдной дёвы грудь. Уста безъ словъ роптали пени; Безъ чувствъ, обиявъ его колвии, Она едва могла дохнуть. И пленникъ, тихою рукою Поднявъ несчастную, сказалъ: «Не плачь! и я гонимъ судьбою, И муки сердца испыталъ. Нътъ, я не зналъ любви взаимной, Любилъ одинъ, страдалъ одинъ, И гасну я, какъ пламень дымной, Забытый средь пустыхъ долинъ. Умру вдали бреговъ желанныхъ; Мив будеть гробомь эта степь; Здёсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ, Заржавить тягостная цёпь...>

Свётила ночи затмёвались; Въ дали прозрачной означались Громады свётлоснёжныхъ горъ; Главу склонивъ, потупя взоръ, Они въ безмолвіи разстались.

Унылый пленникъ съ этихъ поръ Одинъ окрестъ аула бродитъ. Заря на знойный небосклонь За днями новы дни возводить; За ночью ночь во слёдъ уходить; Вотще свободы жаждеть онь. Мелькнеть ли серна межъ кустами, Проскачеть ли во мглё сайгакъ, Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цёпями, Онъ ждеть, не крадется ль казакъ, Ночной ауловъ разоритель, Рабовъ отважный избавитель, Зоветъ.... но все кругомъ молчитъ; Лишь волны плещутся, бушуя, И человёка звёрь почуя Въ пустыню темную бёжитъ.

Однажды слышить русскій плѣнный, Въ горахъ раздался кликъ военный: «Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ; Уздечки мѣдныя гремятъ, Чернѣютъ бурки, блещутъ брони, Кипятъ осѣдланные кони; Къ набѣгу весь аулъ готовъ, И дикіе питомцы брани Рѣкою хлынули съ холмовъ, И скачутъ по брегамъ Кубани Сбирать насильственныя дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ У саклей псы сторожевые. Младенцы смуглые, нагіе, Въ свободной рѣзвости шумятъ; Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ; Изъ трубокъ дымъ, віясь, синѣетъ. Они безмолвно юныхъ дѣвъ Знакомый слушаютъ припѣвъ — И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПЪСНЯ.

1.

Въ ръкъ бъжитъ гремучій валъ; Въ горахъ безмолвіе ночное; Казакъ усталий задремалъ, Склонясь на коніе стальное. Не сии, казакъ: во тьмъ ночной Чеченецъ ходитъ за ръкой.

 $\mathbf{2}$

Казакъ плыветъ на челнокъ, Влача по дну ръчному съти; Казакъ, утонешь ты въ ръкъ, Какъ тонутъ маленькія дъти, Купаясь жаркою порой: Чеченецъ ходитъ за ръкой.

3.

На берегу завътныхъ водъ Цвътутъ богатыя станицы; Веселый пляшетъ хороводъ; Бъгите, русскія пъвицы, Спъшите, красныя, домой: Чеченецъ ходитъ за ръкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ, Мечтаетъ русскій о побѣгѣ; Но цѣпь невольника тяжка, Быстра глубокая рѣка... Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула, Вершины скалъ омрачены. По бѣлымъ хижинамъ аула Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны; Елени дремлютъ надъ водами,

Умолкнуль поздній крикь орловь, И глухо вторится горами Далекій топоть табуновь.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дёвы покрывало,
И воть — печальна и блёдна,
Къ нему приближилась она.
Уста прекрасной ищутъ рёчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукё блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дёва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ, «Бѣги! сказала дѣва горъ: Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ. Спѣши, не трать ночныхъ часовъ; Возьми кинжалъ — твоихъ слѣдовъ Никто во мракѣ не замѣтитъ.»

Пилу дрожащей взявъ рукой, Къ его ногамъ она склонилась: Визжитъ желъзо подъ пилой, Слеза невольная скатилась — И пъпь распалась и гремитъ. «Ты воленъ! дъва говоритъ, Бъти!» Но взглядъ ея безумный Любви порывъ изобразилъ. Она страдала. Вътеръ шумный, Свистя покровъ ея клубилъ. «О другъ мой! русскій возопилъ: Я твой на въкъ, я твой до гроба.

Ужасный край оставимь оба, Бъти со мной...» — Нъть, русскій, нъть! Она исчезла, жизни сладость — Я знала все, я знала радость, И все прошло, пропаль и слъдъ. Возможно ль? ты любиль другую!... Найди ее, люби ее; О чемь же я еще тоскую, О чемь уныніе мое?... Прости! любви благословенья Съ тобою будуть каждый часъ. Прости — забудь мои мученья, Дай руку мнъ... въ послъдній разъ. —

Къ черкешенкъ простеръ онъ руки, Воскресшимъ сердцемъ къ ней летълъ, И долгій поцёлуй разлуки Союзъ любви запечатлѣлъ. Рука съ рукой, унынья полны, Сошли ко брегу въ тишинъ — И русскій въ шумной глубинъ Уже плыветь и пънить волны. Уже противныхъ скалъ достигъ, Уже хватается за нихъ.... Вдругъ волны глухо зашумъли, И слышень отдаленный стонъ.... На дикій брегъ выходить онъ. Глядить назадъ.... брега яснъли И опъненные бълъли. Но нътъ черкешенки младой Ни у бреговъ, ни подъ горой.... Все мертво.... на брегахъ уснувшихъ Лишь вътра слышенъ легкій звукъ, И при лунъ въ водахъ плеснувшихъ Струистый исчезаеть кругъ....

Все поняль онъ.... Прощальнымъ взоромъ Объемлетъ онъ въ послъдній разъ Пустой ауль съ его заборомъ, Поля, гдъ плънный стадо пасъ, Стремнины, гдъ влачиль оковы, Ручей, гдъ въ полдень отдыхалъ, Когда въ горахъ черкесъ суровый Своболы пъсню запъвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой, Ложился день на темный долъ, Взошла заря. Тропой далекой Освобожденный плѣнникъ шелъ, И передъ нимъ уже въ туманахъ Сверкали русскіе штыки, И окликались на курганахъ Сторожевые казаки.

20 февраля 1921. Каменка.

эпилогъ.

Такъ муза, легкій другъ мечты, Къ предёламъ Азіи летала И для вёнка себё срывала Кавказа дикіе цвёты. Ее плёнялъ нарядъ суровой Племенъ, возросшихъ на войнё, И часто въ сей одеждё новой Волшебница являлась мнё; Вокругъ ауловъ опустёлыхъ Одна бродила по скаламъ, И къ пёснямъ дёвъ осиротёлыхъ Она прислушивалась тамъ; Любила бранныя станицы, Тревоги смёлыхъ казаковъ, Курганы, тихія гробницы,

И шумъ, и ржанье табуновъ. Богиня пъсенъ и разсказа, Воспоминанія полна, Выть можеть, повторить она Преданья грознаго Кавказа; Разскажеть повёсть дальнихъ странъ, Мстислава древній поединокъ, 12 Измѣны, гибель россіянъ На лонъ мстительныхъ грузинокъ. И восною тотъ славный часъ, Когда, почуя бой кровавый, На негодующій Кавказъ Подъялся нашъ орелъ двуглавый; Когда на Терекъ съдомъ Впервые грянуль битвы громъ И грохотъ русскихъ барабановъ, И въ съчъ, съ дерзостнымъ челомъ, Явился пылкій Циціановъ. Тебя я воспою, герой, О Котляревскій, бичъ Кавказа! Куда ни мчался ты грозой — Твой ходъ, какъ черная зараза, Губиль, ничтожиль племена.... Ты днесь покинуль саблю мести, Тебя не радуетъ война; Скучая миромъ, въ язвахъ чести, Вкушаеть праздный ты покой И тишину домашнихъ доловъ.... Но се — Востокъ подъемлетъ вой!.... Поникни снѣжною главой, Смирись, Кавказъ — идетъ Ермоловъ!

¹² Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалымъ, удёльный князь Тмутаракани [островъ Тамань]. Онъ воеваль съ косогами по всей вёроятности, нынёшними черкесами] и въ единоборстве одолёлъ князя ихъ Редедю. — Ист. Гос. Росс., томъ II.

И смолкнуль ярый крикь войны: Все русскому мечу подвластно. Кавказа гордые сыны, Сражались, гибли вы ужасно; Но не спасла васъ ваша кровь, Ни очарованныя брони, Ни горы, ни лихіе кони, Ни дикой вольности любовь! Подобно племени Батыя, Изменить прадедамь Кавказь, Забудеть алчной брани глась, Оставить стрѣлы боевыя. Къ ущельямъ, гдъ гнъздились вы, Подъёдеть путникъ безъ боязни, И возвъстять о вашей казни Преданья темныя молвы.

Одесса 1821. 15-е мая,

приписки

КЪ КАВКАЗСКОМУ ПЛЪННИКУ.

1.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, дѣвицы:
Не веселѣе ль вамъ читать
Игривой музы небылицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высоконарныя страницы,
Иль усыпительный журналъ,
Который вретъ, не зная цѣли,
Который такъ тяжелъ и грубъ—
И ровно каждыхъ двѣ недѣли
Быть хочетъ золъ, а только глупъ.

2.

О вы, которыя любили
Парнаса тайныя мечты,
И вольной младости цвёты
Вниманьемъ сладкимъ наградили—
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невъжества слъпова,
Отъ взоровъ зависти косой...

КЪ АГЛАВ.

И вы повёрить мнё могли. Какъ семилътняя Агнеса? Въ какомъ романъ вы нашли, Чтобъ умеръ отъ любви повъса? Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ, Да, тридцать льть — не многимъ боль; Мив за двадцать. Я видель светь, Кружился долго въ немъ на волѣ: Ужъ клятвы, слезы мев смешны, Проказы утомить успѣли; Вамъ также съ вашей стороны Тревоги сердна надовля Умы давно въ насъ охладели, Не кстати намъ учиться вновы! Мы знаемъ: въчная любовь Живетъ едва ли три недѣли! Я вами точно быль плинень. Къ тому же скука — мужъ ревнивый.... Я притворился, что влюбленъ, Вы притворились, что стыдливы.... Мы поклялись... потомъ... увы! Потомъ забыли клятву нашу:

Себѣ гусара взяли вы, А я наперсиицу Наташу. Мы разошлись. До этихъ поръ Все хорошо, благопристойно: Могли бы мы безъ глупыхъ ссоръ Жить мирно, дружно и спокойно; Но нътъ! въ трагическомъ жару Вы мив сегодия поутру Сѣдую воскресили древность: Вы проповъдуете вновь Покойныхъ рыдарей любовь, Учтивый жаръ, и грусть, и ревность.... Оставимъ юный пыль страстей, Когда мы клонимся къ закату, Вы — старшей дочери своей, Я — своему меньшому брату. Имъ можно съ жизнію шалить И слезы впредь себъ готовить; Еще пристало имъ любить, А намъ уже пора злословить!

изъ письма

КЪ БАРОНУ А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ, Твоей я прозой былъ утёшенъ; Но признаюсь, баронъ, я грёшенъ: Стихамъ я больше былъ бы радъ... Ты знаешь: я въ минувши годы, У береговъ кастальскихъ водъ, Любилъ марать поэмы, оды; Ревнивый зрёлъ меня народъ На кукольномъ театрё моды; Поклонникъ правды и свободы, Бывало, что ни напишу,

Все для иныхъ не Русью пахнетъ: О чемъ цензуру ни прошу, Ото всего Тимковскій ахнеть: Теперь я, право, чуть дышу, Отъ воздержанья муза чахнетъ, И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу. Къ молвъ болтливой я хлалью. И изъ учтивости одной Лонынъ волочусь за нею, Какъ мужъ ленивый за женой. Наскуча музъ безплодной службой, Другой богиней, тихой дружбой Я славы замениль кумирь. Но все люблю, мои поэты, Фантазіи волшебный міръ, И чуждымъ пламенемъ согрътый, Внимаю звуки вашихъ лиръ.... Такъ точно, позабывъ сегодня, Проказы, игры прежнихъ дней, Глядить съ лежанки ваша..... На шашни молодыхъ людей.

Кишиневъ, 23 марта.

изъ письма Къ николаю иван. гнъдичу.

Въ странъ, гдъ Юліей вънчанный И хитрымъ Августомъ изгнанный Овидій мрачны дни влачилъ; Гдъ элегическую лиру Глухому своему кумиру Онъ малодушно посвятилъ, Далече съверной столицы Забылъ я въчный вашъ туманъ, И вольный гласъ моей цъвницы

Тревожить сонныхъ молдаванъ. Все тотъ же я, какъ былъ и прежде: Съ поклономъ не хожу къ невъждъ. Съ Орловымъ 1 спорю, мало пью, Октавію — въ сліной належий — Молебновъ лести не пою, И дружбѣ легкія посланья Пишу безъ строгаго старанья. Ты, коему судьба дала И смёлый умъ, и духъ высокой, И важнымъ пъснямъ обрекла. Отрадѣ жизни одинокой; О ты, который воскресиль Ахилла призракъ величавый, Гомера музу намъ явилъ, И смёлую пёвицу славы Отъ звонкихъ узъ освободилъ, 2 Твой гласъ достигъ уединенья. Глѣ я сокрылся стъ гоненья Ханжи и гордаго глупца — И вновь онъ оживидъ пѣвца, Какъ сладкій голось вдохновенья. Избранникъ Феба! твой привътъ, Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны; Для музъ и дружбы живъ поэтъ. Его враги ему презрѣнны: Онъ музу битвой площадной Не унижаетъ предъ народомъ, И поучительной лозой Зоила хлещетъ мимоходомъ.

1821. Марта 24. Кишиневъ.

¹ Михаиломъ Өедоровичемъ. — ² Т. е. Иліаду Гомера началъ переводить стихами безъ рифмъ — гекзаметрами.

КЪ ВАС. ЛЬВ. ДАВЫДОВУ.

[отрывокъ].

Межъ тѣмъ какъ генералъ Орловъ, 1 Обритый рекрутъ Гименея, Подъ мѣрку подойти готовъ, Священной страстью пламенѣя; Межъ тѣмъ какъ ты, проказникъ умной, За ужиномъ съ бутылками аи Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной, Раевскіе мои:

Когда вездѣ весна младая Съ улыбкой распустила грязь, И съ горя на брегахъ Дуная Бушуетъ нашъ безрукій князь 2— Тебя, Раевскихъ и Орлова И память Каменки любя, 3 Хочу сказать тебѣ два слова Про Кишиневъ и про себя....

Говъетъ Инзовъ и намедни Я промънялъ Вольтера бредни И лиру, гръшный даръ судьбы, На часословъ и на объдни Да на сушеные грибы...

[Апръль 1821].

ПАВЛУ АЛЕКСАНДР. КАТЕНИНУ.

Кто мив пришлеть ея портреть, * Черты волшебницы прекрасной?

¹ Миханлъ Өедоровичъ, командовавшій, дивизією въ Кишиневѣ.—
² Александръ Инсиланти, глава гетеристовъ, сражавшійся тогда на Дунаѣ съ турками. — ³ Имѣнье Раевскихъ подъ Кієвомъ.

^{*} А. М. Колосовой, вносавдствін Каратыгиной [см. выше, стр. 228].

Талантовъ обожатель страстной, Я прежде былъ ен поэтъ. Съ досады, можетъ быть, неправой, Когда одна въ дыму кадилъ Красавица блистала славой, Я свистомъ гимны заглушилъ. Погибни, злобы мигъ единой, Погибни, лиры ложный звукъ: Она виновна, милый другъ, Предъ Селименой и Моиной. Такъ легкомысленной душой, О боги, смертный васъ поноситъ; Но вскоръ трепетной рукой Вамъ жертвы новыя приноситъ.

5 априля.

,

Наперсициа волшебной старины, Пругъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ — Тебя я зналъ во дни моей весны, Во дни утвхъ и сновъ первоначальныхъ! Я ждаль тебя. Въ вечерней тишинъ Являлась ты веселою старушкой. И надо мной сидёла въ шушунё, Въ большихъ очкахъ и съ ръзвою гремушкой. Ты, детскую качая колыбель, Мой юный слухъ напъвами плънила, И межъ пеленъ оставила свиръль, Которую сама заворожила! Младенчество прошло какъ легкій сонъ; Ты отрока безпечнаго любила — Средь важныхъ музъ тебя лишь помниль онъ, И ты его тихонько посттила. Но тотъ ли быль твой образъ, твой уборъ?

Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась! Какимъ огнемъ улыбка оживилась! Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ! Покровъ, клубясь волною непослушной, Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной; Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ, Прелестная глава благоухала; Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ Румянилась и тихо трепетала....

CTOBAHIE.

[д. в. давыдову].

Недавно я, въ часы свободы, Уставъ Навздника читалъ, И даже ясно понималъ Его искусные доводы; Узналъ я ръзкія черты Неподражаемаго слога, И перевертывалъ листы,

И думаль: вътреный пъвець!
Перебъсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И сердцемъ охладъвъ на въкъ,
Ты видно сталъ въ угоду міра
Влагоразумный человъкъ!
О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совътъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вънчанный музою поэтъ,
Презръвъ и славу прежнихъ лътъ,
И тъни Бурцова угрозы?

ЧААДАЕВУ.

Въ странъ, гдъ я забылъ тревоги прежнихъ лътъ. Глѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ, Гив сдава иля меня предметь заботы малой, Тебя недостаеть душв моей усталой. Врагу стёснительных условій и оковъ, Нетрудно было мив отвыкнуть отъ пировъ, Гий праздный умъ блестить, тогда какъ сердце дремлетъ И правду пылкую приличій хладъ объемлеть. Оставя шумный кругь безумцевь молодыхъ, Въ изгнаніи моемъ я не жалёль о нихъ; Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья, Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья. И, съти разорвавъ, гдъ бился я въ плъну. Для сердца новую вкушаю тишину. Въ уединеніи мой своенравный геній Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій. Владъю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ; Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ; Ищу вознаградить въ объятіяхъ своболы Мятежной младостью утраченные годы, И въ просвещени стать съ векомъ наравне. Богини мира, вновь явились музы мнъ И независимымъ досугамъ улыбнулись: Цъвницы брошенной уста мои коснулись; Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь Пою мои мечты, природу и любовь, И дружбу върную, и милые предметы, Планявшіе меня въ младенческія латы, Въ тъ дни, когда еще незнаемый никъмъ, Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ, Я пѣньемъ оглашалъ пріють забавъ и лѣни И царскосельскія хранительныя сфии. Но дружбы нътъ со мной: печальный вижу я

Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края; Ничто не замѣнитъ единственнаго друга: Ни музы, ни труды, ни радости досуга. Ты быль ивлителемь моихь душевныхь силь; О неизмінный другь, тебі я посвятиль И краткій въкъ, уже испытанный судьбою, И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою! Ты сердце зналь мое во цвётё юныхъ дней; Ты видълъ, какъ потомъ въ волнении страстей Я тайно изнываль, страдалець утомленной: Въ минуту гибели надъ бездной потаенной Ты поддержаль меня недремлющей рукой; Ты другу замвниль надежду и покой: Во глубину души вникая строгимъ взоромъ. Ты оживляль ее совътомь иль укоромь: Твой жаръ воспламеняль къ высокому любовь; Терпънье смълое во мнъ рождалось вновы; Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обилъть: Умъть я презирать, умъя ненавидъть. Что нужды было мнв въ торжественномъ судв Холопа знатнаго, невъжды при звъздъ, Или философа, который въ прежни лъта Развратомъ изумилъ четыре части свъта, Но просвётивъ себя, загладилъ свой позоръ, Отвыкнуль отъ вина и сталь картежный ворь? Ораторъ Лужниковъ, ни въмъ не замъчаемъ, Мнъ мало посаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мит ль было стовать о толкахъ шалуновъ, О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ, И сплетней разбирать игривую заттю, Когда гордиться могъ я дружбою твоею? Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь; Печали раннія мою ттенили грудь: Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою, И жизнь перенесу стоической душою.

Олно желаніе: останься ты со мной! Небесь я не томиль молитвою другой. О. скоро ди, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки? Когла соединимъ слова любви и руки? Когда услышу я сердечный твой привътъ? Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ. Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель, И вътреной толпы безстрастный наблюдатель; Приду, приду я вновь, мой милый домосёдъ, Съ тобою вспоминать бесёды прежнихъ лётъ. Младые вечера, пророческие споры, Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры; Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ, Вольнолюбивыя надежды оживимъ, И счастливъ буду я; но только, ради Бога, Гони ты Шеппинга отъ нашего порога.

Кишиневъ 6 апреля 1821 г.

* *

Всегда такъ будетъ и бывало, Таковъ издревле бѣлый свѣтъ: Ученыхъ много, умныхъ мало, Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.*

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЪ.

Подруга думы праздной, Чернильница моя! Мой вёкъ однообразной Тобой украсиль я. Какъ часто другъ веселья Съ тобою забывалъ

^{*} Этимъ четверостишіемъ мы замёнили другое, уже отпечатанное, но оказавшееся не принадлежащимъ Пушкину. П. Е.

Условный часъ похмёлья
И праздничный бокаль!
Подъ сёнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебъ я прибъгаль,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья....

Сокровища мои На див твоемъ таятся

Прозрачный легкій дымъ Носился надъ тобою, И съ трепетомъ живымъ Въ немъ быстрой чередою

Тебя я посвятиль Занятіямъ досуга, И съ лвнью примирилъ: Она твоя подруга! Съ тобой успёхъ узналъ Отшельникъ неизвъстной.... Завѣтный твой кристалъ Хранитъ огонь небесной; И подъ вечеръ, когда Перо по книжкъ бродитъ, Безъ всякаго труда Оно въ тебѣ находитъ Концы моихъ стиховъ И върность выраженья, То звуковъ или словъ Нежданное стеченье. То ѣдкой шутки соль,

То странность рифмы новой, Неслыханной дотоль Цензурою суровой... Съ глупцовъ сорвавъ одежду, Я весело клеймилъ Зоила и невъжду Пятномъ твоихъ чернилъ.... Но ихъ не разводилъ Ни тайной злости пъной, Ни ядомъ клеветы — И сердца простоты Ни лестью, ни измъной Не замарала ты.

Безпечный сынъ природы, Пока златые годы Въ забвеньи трачу я, Со мною неразлучно Живи благополучно, Наперсиица моя! Но здёсь, на лонё лёни Я слышу нѣжны пени Заботливыхъ друзей.... Ужели ихъ забуду, Друзей души моей, И имъ невѣренъ буду? Оставь, оставь порой Привычныя затыи, И дактиль, и хореи, Для прозы почтовой. Минуты хладной скуки, Сердечной пустоты, Уныніе разлуки, Всегдашнія мечты, Мои надежды, чувства Везъ лести, безъ искусства

Бумагѣ передай.... Болтливостью небрежной И вътреной, и нъжной Ихъ сердце утъпай....

Когда же берегъ ада Навът меня возьметъ, Когда со мной заснеть Перо, моя отрада, И ты, въ углу пустомъ Осиротввъ, остынешь И навсегда покинешь Поэта тихій домъ---Тебя возьметь унылой Чадаевъ, другъ мой милой: Последній будь приветь Любимцу праздныхъ лѣтъ; Взыскательнаго свъта Очей не привлекай, Но върнаго поэта Друзьямъ напоминай.

Кишиневъ, 11 апръля 1821 г.

ЕВРЕЙКЪ.

Христосъ воскресъ, моя Ревекка! И нынѣ, слѣдуя душой Закону богочеловѣка, Тебя цѣлую, ангелъ мой. А завтра къ вѣрѣ Моисея За поцѣлуй твой, не робѣя, Готовъ, еврейка, приступить!.... Чѣмъ можно вѣрнаго еврея Отъ православныхъ отличить?

кинжалъ.

Лемносскій богъ тебя сковаль Для рукъ безсмертной Немезиды, Свободы тайный стражъ, карающій кинжаль, Последній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона, Свершитель ты проклятій и надеждъ; Ты кроешься подъ сѣнью трона, Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ, Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ, И, озираясь, онъ трепещетъ Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой: На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами, За потаенными замками, На ложѣ сна, въ семъѣ родной.

Шумить подъ Кесаремъ завътный Рубиконъ, Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ, Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ — и мертвъ объемлетъ онъ Помпея мраморъ горделивый.

Исчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ. Презрѣнный, мрачный и кровавый Надъ трупомъ вольности безглавой Палачъ уродливый возникъ.*

Апостолъ гибели, усталому аиду Перстомъ онъ жертву назначалъ; Но высшій судъ ему послалъ Тебя и дъву-Эвмениду... **

^{*} Маратъ. — ** Шарлотта Кордэ.

О юный праведникь, избранникь роковой, О Зандь, твой въкь угась на плахъ; Но добродътели святой Остался глась въ казненномъ прахъ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталь, Грозя бѣдой преступной силѣ—
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

наполеонъ.

Чудесный жребій совершился: Угасъ великій челов'ять. Въ невол'я мрачной закатился Наполеона грозный в'ять. Исчезъ властитель осужденный, Могучій баловень поб'ядь: И для изгнанника вселенной Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой Міръ долго, долго будеть полнъ, Пріосѣненъ твоею славой, Почій среди пустынныхъ волнъ! Великолѣпная могила... Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежить, Народовъ ненависть почила, И лучъ безсмертія горить.

Давно ль орлы твои летали Надъ обезславленной землей? Давно ли царства упадали При громахъ силы роковой? Послушны волъ своенравной, Бъдой шумъли знамена,

И налагалъ яремъ державной Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный, Отъ рабства пробудился міръ, И галлъ десницей разъяренной Низвергнулъ ветхій свой кумиръ; Когда на площади мятежной Во прахѣ царскій трупъ лежалъ, И день великій, неизбѣжный Свободы свѣтлый день насталъ:

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ, Предвидя чудный свой удёлъ, Въ его надеждахъ благородныхъ Ты человёчество презрёлъ. Въ свое погибельное счастье Ты дерзкой вёровалъ душой; Тебя плёнило самовластье Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смириль;
Едва рожденная свобода,
Вдругь онёмёвь, лишилась силь.
Среди рабовь, до упоенья
Ты жажду власти утолиль,
Помчаль въ боямь ихъ ополченья,
Ихъ цёпи лаврами обвиль.

И Франція, добыча славы, Плёненный устремила взоръ, Забывъ надежды величавы, На свой блистательный позоръ. Ты велъ мечи на пиръ обильный; Все пало съ шумомъ предъ тобой: Европа гибла; сонъ могильный Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величіи постыдномъ Ступилъ на грудь ея колоссь! Тильзитъ — при звукъ семъ обидномъ Теперь не поблъднъетъ россъ — Тильзитъ надменнаго героя Послъдней славою вънчалъ, Но скучный миръ, но хладъ покоя Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнуль? Кто обуяль твой дивный умь? Какъ сердца русскихъ не постигнуль Ты съ высоты отважныхъ думъ? Великодушнаго пожара Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ, Что мира вновь мы ждемъ какъ дара; Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица, Воспомни древнія права! Померкни, солнце Австерлица! Пылай, великая Москва! Настали времена другія: Исчезни, краткій нашъ позоръ! Влагослови Москву, Россія! Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцъпенълыми руками Схвативъ желъзный свой вънецъ, Онъ бездну видитъ предъ очами, Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ. Бъжатъ Европы ополченъя; Окровавленные снъга Провозгласили ихъ паденье, И таетъ съ ними слъдъ врага.

И все какъ буря закипѣло; Европа свой расторгла плѣнъ; Во слѣдъ тирану полетѣло, Какъ громъ, проклятіе племенъ. И длань народной Немезиды Подъяту-видитъ великанъ: И до послѣдней всѣ обиды Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья И зло воинственных чудесь Тоскою душнаго изгнанья, Подъ сѣнью чуждою небесъ. И знойный островъ заточенья Полнощный парусъ посѣтить, И путникъ слово примиренья На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи, Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей, И льдистый ужасъ полуночи, И небо Франціи своей, Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ Забывъ войну, потомство, тронъ, Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будеть омрачень позоромъ
Тоть малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развънчанную тънь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указаль,

И міру вѣчную свободу Изъ мрака ссылки завѣщалъ. _{1юль. 1821}.

НАБРОСКИ

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ САТИРЫ.

1.

Во тьмѣ кромѣшной.... Откуда изгнаны навѣки Надежда, миръ, любовь и сонъ, Гдѣ море адское клокочетъ, Гдѣ, грѣшника внимал стонъ, Ужасный Сатана хохочегъ....

2.

Одинъ въ своихъ чертогахъ Онъ; Свободнъй грудь его вздыхаетъ, Живъе мрачное чело Волненье сердца выражаетъ, Какъ моря зыбкое стекло....

3.

«Такъ вотъ дѣтей земнихъ изгнанье? Какой порядокъ и молчанье! Какой огромный сводовъ рядъ! Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ [И жарятъ]?» — Тамъ, гораздо далѣ. «Гдѣ мы теперь?» — Въ парадной залѣ.

4.

«Сегодня балъ у Сатаны.... На именины всъ званы.... Смотри, какъ эти два бъсенка На кухню тащатъ поросенка.... А этотъ бъсъ — какъ важенъ онъ! Какъ чинно выметаетъ вонъ Опилки, съру, пыль и кости.... Скажи мнъ, скоро ль будутъ гости?>

5.

....«Кто тамъ?»

— Привелъ я гостя. «Ахъ, создатель!
Вотъ докторъ Фрикенъ, * нашъ пріятель!
Живой!» — Онъ живъ, да нашъ давно:
Сегодня ль, завтра ль — все равно!
«Объ этомъ думаютъ двояко;
Обычай требовалъ однако
Соизволенья моего....

6.

«Что козырь?» — Черви. «Мнѣ ходить.» — Я бью. «Нельзя ли погодить?» — Беру. «Кругомъ насъ обыграла! Эй, смерть! ты право сплутовала.» — Молчи! ты глупъ и молоденекъ: Ужъ не тебѣ меня ловить! Вѣдь мы играемъ не для денегъ, А только вѣчность проводить!

* *

Добра чужаго не желать Ты, Боже, миъ повелъваешь;

^{*} Кишиневскій врачь.

Но мфру силъ моихъ ты знаешь — Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять? Обидъть друга не желаю И не хочу его села, Не нужно мнѣ его вола: На все спокойно я взираю. Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ-Не лестна мнъ вся благостиня Но ежели его рабыня Прелестна... Господи, я слабъ! Но ежели его подруга Мила какъ ангелъ во-плоти ---О Боже праведный, прости Мив зависть ко блаженству друга! Кто сердцемъ могъ повелъвать, Кто рабъ усилій безполезныхъ? Какъ можно не любить прелестнихъ? Какъ райскихъ благъ не пожелать? Смотрю, томлюся и вздыхаю, Но строгій долгъ умію чтить: Страшусь желаньямъ сердца льстить, Молчу.... и втайнъ я страдаю.

Г-ЖЪ ЭЛЬФРЕКТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья Не могутъ васъ обворожить; Одни двоюродные братья Узнали тайну васъ плёнить. Лишили вы меня покоя, Но вы не любите меня; Одна моя надежда — Зоя: Женюсь — и буду вамъ родня....

Н. Н.

Могу ль забыть то сладкое мгновенье, Когда я вами жиль и видёль только вась, И вальса въ бёшеномъ круженьи Завидовалъ свободё дерзкихъ глазъ? Я умоляль: постой, чудесное мгновенье! Вели, чтобъ быстрый вальсъ вертёлся не вертясь. Чтобъ я не опускалъ съ прелестной вёчно глазъ И чтобъ забвеніе крыломъ одёло насъ....

НИКОЛАЮ СТЕП. АЛЕКСЪЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы Твои ревнивыя мечты: Я позабыль любви призывы И плвиъ опасной красоты: Свободы другь миролюбивый, Въ толиъ красавицъ молодихъ, Я, равнодушный и лінивый, Своихъ боговъ не вижу въ нихъ. Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ Уже не властны надо мной. Забыло сердце нъжный трепетъ И пламя юности живой. Теперь ужъ мив влюбиться трудно, Вздыхать неловко и смѣшно, Надеждѣ вѣрить безразсудно, Мужей обманцвать грѣшно. Прошель веселой жизни праздникъ. Какъ мой задумчивый проказникъ, Какъ Баратынскій, я твержу: «Нельзя ль найти подруги нѣжной? Нельзя ль найти любви надежной?>

И ничего не нахожу. Оставя счастья призракъ ложный, Безъ упоительныхъ страстей, Я сталь наперсникь осторожный Моихъ неопытныхъ друзей. Когда любовникъ изступленной, Тоскуя, плачетъ предо мной, И для красавицы надменной Клянется жертвовать собой: Когда въ жару своихъ желаній Съ восторгомъ изъясняетъ онъ Неясныхъ, темныхъ ожиданій Обманчивый, но сладкій сонъ. И, крѣпко руку сжавъ у друга, Клянеть ревниваго супруга. Или докучливую мать: Его безумнымъ увъреньямъ диканы повтореньями N Люблю съ участіемъ внимать; Я льшу слепой его надежде, Я молодъ юностью чужой. И говорю: такъ было прежде Во время оно и со мной.

..

[откинутый конецъ посланія].

И что жъ? Измѣной хладнокровной Я ль стану дружеству вредить, И снова тактики любовной Уроки хитрые твердить? Люби, ласкай твои желанья, Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь. Увы! пройдутъ любви мечтанья И будешь то, чѣмъ я теперь.

КЪ ***.

Зачёмь безвременную скуку
Зловёщей думою питать
И неизбёжную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дёвы милой,
Хоть легкій шумъ ел шаговъ.

КЪ ***.

Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрълъ Дары природы благосклонной; Я зналъ досугъ — безпечныхъ музъ удълъ, И наслажленье лънью сонной.

Я дружбу зналь, и жизни молодой Ей отдаль вътреные годы, Я въриль ей за чашей круговой Въ часы веселій и свободы.

Младыхъ бесёдъ оставя блескъ и шумъ, Я зналъ и трудъ, и вдохновенье, И сладостно мнё было жаркихъ думъ Уединенное волненье!

Но все пропало!... рѣзвый нравъ.... Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ. Въ ней чувства нѣтъ̀. Такъ легкій листъ дубравъ Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

гровъ юноши.

Сокрылся онъ, Любви, забавъ питомецъ нѣжной; Кругомъ него глубокій сонъ И хладъ могилы безмятежной....

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ, Когда весной въ тѣни деревъ Онѣ кружились на свободѣ: Но ныньче въ рѣзвомъ хороводѣ Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались Его веселостью живой, Полупечально улыбались И говорили межъ собой: «И мы любили хороводы, Блистали также въ насъ умы: Но погоди, приспъють годы, И будешь то, что нынъ мы. Какъ намъ, о міра гость игривый, Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ; Теперь играй.... Но старцы живы, А онъ увяль во цвётё лёть. И безъ него друзья пирують, Другихъ ужъ полюбить успъвъ; Ужъ редко, редко именуютъ Его въ бесълъ юныхъ лъвъ. Изъ милыхъ женъ, его любившихъ, Одна, быть можеть, слезы льеть, И память радостей почившихъ Привычной думою зоветъ.... Къ чему?

Надъ ясными водами Гробницы мирною семьей, Подъ наклоненными крестами, Таятся въ рощѣ вѣковой. Тамъ на краю большой дороги, Гдѣ липа старая шумитъ, Забывъ сердечныя тревоги, Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещеть лучь денницы, Иль ходить мёсяцъ средь небесъ, И вкругь безчувственной гробницы Ручей журчить и шепчеть лёсъ; Напрасно утромъ за малиной Къ ручью красавица съ корзиной Идетъ и въ холодъ ключевой Пугливо ногу опускаетъ: Ничто его не вызываетъ Изъ мирной сёни гробовой....

элегія.

[къ м. а. г — ой].

Умолкну скоро я. Но если въ день печали Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали; Но если юноши, внимая молча мнѣ, Дивились долгому любви моей мученью; Но если ты сама, предавшись умиленью, Печальные стихи твердила въ тишинѣ И сердца моего языкъ любила страстной; Но если я любимъ: позволь, о милый другъ, Позволь одушевить прощальный лиры звукъ Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной. Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ, Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ: «Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.» 28 августа 1821.

* *

Не бойся вътреныхъ невъждъ, Не бойся клеветы ревнивой, Не обмани моихъ надеждъ Своею скромностью пугливой.

КЪ ***.

Мой другъ, забыты мной слёды минувшихъ лётъ И младости моей мятежное теченье. Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нётъ, Что было мнё дано въ печаль и въ наслажденье,

Что я любилъ, что измѣнило мнѣ; Пускай я радости вкушаю не вполнѣ; Но ты, невинная, ты рождена для счастья, Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови: Душа твоя жива для дружбы, для любви,

Для поцёлуевъ сладострастья. Душа твоя чиста: унынье чуждо ей; Свётла, какъ ясный день, младенческая совёсть. Къ чему тебё внимать безумства и страстей

Незанимательную повъсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутить.
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься; Довърчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можеть, ужаснешься.
Быть можетъ навсегда.... Нътъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послъднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!
24 — 25 августа.

война.

Война!... Подъяты наконецъ, Шумятъ знамена бранной чести! Увижу кровь, увижу праздникъ мести; Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!

И сколько сильныхъ впечатлѣній Для жаждущей души моей: Стремленье бурныхъ ополченій, Тревоги стана, звукъ мечей, И въ роковомъ огнѣ сраженій Паденье ратныхъ и вождей! Предметы гордыхъ пѣснопѣній Разбудятъ мой уснувшій геній.

Все ново будеть мнѣ: простая сѣнь шатра, Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье, Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра

И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мив, слвиая славы страсть, Ты, жажда гибели, свирвийй жаръ героевъ? Ввнокъ ли мив двойной достанется на часть, Кончину ль темную судиль мив жребій боевъ, И все умреть со мной: надежды юныхъ дней, Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье, Воспоминаніе и брата, и друзей, И мыслей творческихъ напрасное волненье, И ты, и ты, любовь?... Ужель ни бранный шумъ, Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы — Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы: Покой бъжить меня; нъть власти надъ собой, И тягостная лънь душою овладъла....

Что жъ медлитъ ужасъ боевой? Что жъ битва первая еще не закипъла?... 29 воября 1821.

къ овидію.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ. Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ Ты нъкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ. Твой безотрадный плачъ мъста сім прославиль: И лиры нъжный гласъ еще не онъмълъ: Еще твоей молвой наполнень сей предъль. Ты живо впечатлёль въ моемъ воображень в Пустыню мрачную — поэта заточенье, Туманный сводъ небесъ, обычные снъта И краткой теплотой согрѣтые луга. Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою. Я сердцемъ следоваль, Овидій, за тобою: Я видёль твой корабль игралищемъ валовъ, И якорь, верженный близь дикихъ береговъ, Гав ждетъ пвица любви жестокая награла. Тамъ нивы безъ теней, ходмы безъ винограда; Рожденные въ снёгахъ для ужасовъ войны, Тамъ хладной Скиейи свирвиме сыны, За Истромъ утаясь, добычи ожидають, И селамъ каждый мигь набъгомъ угрожають. Преграды нётъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ. И по льду звучному безтрепетно идутъ. Ты самъ [дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!], Ты, съ юныхъ лётъ презрёвъ волненье жизни ратной, Привыкнувъ розами вънчать свои власы И въ нътъ провождать безпечные часы, Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой, И грозный мечь хранить близь лиры оробълой. Ни дочерь, ни жена, ни върный сонмъ друзей, Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней, Изгнаннаго пъвца не усладять печали. Напрасно градіи стихи твои вѣнчали, Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:

Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть, Ни пъсни робкія Октавія не тронуть; Іни старости твоей въ забвеніи потонутъ. Златой Италіи роскошный гражданинь, Въ отчизнъ варваровъ безвъстенъ и одинъ. Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь; Ты въ тяжкой горести далекой дружбъ пишешь: «О, возвратите мнъ священный градъ отцовъ И тъни мирныя наслъдственныхъ садовъ! О други, Августу мольбы мои несите! Карающую длань слезами отклоните! Но если гивный богь досель неумолимь, И въкъ мит не видать тебя, великій Римъ — Последнею мольбой смягчая рокъ ужасной, Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!» Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ, Твое уныніе и слезы укорить? Кто въ грубой гордости прочтеть безъ умиленья Сій элегій — послёднія творенья. Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинь, я слезь не проливаль, Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный, И свётомъ, и собой, и жизнью недовольный, Съ душой задумчивой, я нынё посётилъ Страну, гдё грустный вёкъ ты нёкогда влачилъ. Здёсь, ожививъ тобой мечты воображенья, Я повторилъ твои, Овидій, пёснопёнья, И ихъ печальныя картины повёрялъ; Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измёнялъ. Изгнаніе твое плёняло втайнё очи, Привыкшія къ снёгамъ угрюмой полуночи. Здёсь долго свётится небесная лазурь; Здёсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь. На скинскихъ берегахъ переселенецъ новый, Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.

Ужъ пасмурный декабрь на русскіе дуга Слоями разстилаль пушистые снъга; Зима дышала тамъ; а съ вешней теплотою Здёсь солнце ясное катилось надо мною; Младою зеленью пестрёль увядшій лугь; Свободныя поля взрываль ужь ранній плугь; чть вёниь вётерокъ, подъ вечеръ холодёя; Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускивя, Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи. Я всиомниль опыты несмёдые твои. Сей день, заміченный крылатымь вдохновеньемь, Когда ты въ первый разъ ввёрялъ съ недоумёньемъ Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой: И по льду новому, казалось, предо мной Скользила тень твоя, и жалобные звуки Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утъщься: не увяль Овидіевъ вънецъ! Увы, среди толпы затерянный пъвепъ, Безвъстенъ буду я для новыхъ покольній, И, жертва темная, умреть мой слабый геній Съ печальной жизнію, съ минутною модвой!... Но если обо мнъ потомокъ поздній мой Узнавъ, придетъ искать въ странъ сей отдаленной Близъ праха славнаго мой следъ уединенной — Бреговъ забвенія оставя хладну свиь, Къ нему слетитъ моя признательная твнь, И будетъ мило мнѣ его воспоминанье. Ла сохранится же завътное преданье: Какъ ты, враждующей покорствуя судьбъ, Не славой, участью я равень быль тебъ. Здёсь, лирой сёверной пустыни оглашая, Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная Великодушный грекъ свободу вызывалъ: И ни единый другь мнв въ мірв не внималь; Но не унизиль ввъкъ измъной беззаконной Ни гордой совъсти, ни лиры непреклонной.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ, Въ счастливомъ балови соединивъ ошибкой Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ. И простолушіе съ язвительной улыбкой.

ПАВЛУ СЕРГ. ПУШИНУ.

[SECHPOMTE].

И скоро, скоро смодинетъ брань Средь рабскаго народа — Ты молотокъ возьмешь во длань * И воззовещь: «свобола!» Хвалю тебя, о върный брать, О каменшикъ почтенный! О Кишиневъ, о темный градъ! Ликуй, имъ просвѣщенный.

Иной имълъ мою Аглаю За свой мундиръ и черный усъ, Другой за деньги — понимаю, Другой за то, что быль французь: Клеонъ - умомъ ее стращая, Дамисъ за то, что нѣжно пѣлъ... Скажи теперь, моя Аглая, За что твой мужъ тебя имълъ?

^{*} Бригадный генераль Пущинь быль масонь. Вь стихотвореніи говорится о греческомъ возстаніи.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

Клеветникъ безъ дарованъя, Палокъ ищетъ онъ чутьемъ, А дневнаго пропитанья Ежемъсячнымъ враньемъ.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая вороновъ слеталась На груды тлівющихъ костей, За Волгой, ночью, вкругъ огней Удалыхъ шайка собиралась. Какая смёсь олежить и липъ. Племенъ, нарвчій, состояній! Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ Они стеклися иля стяжаній! Здёсь цёль одна для всёхъ сердецъ — Живуть безь власти, безь закона. Межъ ними зрится и бѣглепъ Съ бреговъ воинственнаго Дона, И въ черныхъ локонахъ еврей, И ликіе сыны степей, Калмыкъ, башкирецъ безобразной, И рыжій финъ, и съ лічью праздной Вездъ кочующій пыганъ. Опасность, кровь, разврать, обманъ Суть узы страшнаго семейства; Тотъ ихъ, кто съ каменной душой Прошелъ всв степени злодвиства; Кто режеть кладною рукой

Вдовицу съ бѣдной сиротой, Кому смѣшно дѣтей стенанье, Кто не прощаетъ, не щадитъ, Кого убійство веселитъ, Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой блёдный свёть на нихь наводить,
И чарка пённаго вина
Изь рукь въ другія переходить.
Простерты на землё сырой
Иные чутко засыпають:
И сны зловёщіе летають
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ разсказы сокращають
Угрюмой ночи праздный чась;
Умолкли всё — ихъ занимаеть
Пришельца новаго разсказь,
И все вокругъ его внимаеть.

«Насъ было двое: братъ и я. Росли мы вмёсть; нашу младость Вскормила чуждая семья. Намъ, дътямъ, жизнь была не въ радость: Уже мы знали нужды гласъ, Сносили горькое презрѣнье, И рано волновало насъ Жестокой зависти мученье. Не оставалось у сиротъ Ни бъдной хижинки, ни поля; Мы жили въ горъ, средь заботъ. Наскучила намъ эта доля, И согласились межъ собой Мы жребій испытать иной: Въ товарищи себѣ мы взяли Булатный ножъ, да темну ночь;

Забыли робость и печали, А совъсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая! Житье въ то время было намъ, Когда погибель презирая. Мы все лёдили пополамъ. Бывало, только мфсяпъ ясный Взойдеть и станеть средь небесь, Изъ подземелія мы въ лёсъ Идемъ на промыселъ опасный. За деревомъ сидимъ и ждемъ: Идеть ли позднею дорогой Богатый жидъ иль попъ убогой — Все наше, все себъ беремъ! Зимой, бывало, въ ночь глухую Заложимъ тройку удалую, Поемъ и свищемъ, и стрвлой Летимъ надъ снъжной глубиной. Кто не боялся нашей встречи? Завидъли въ карчевиъ свъчи — Туда! къ воротамъ! и стучимъ, Хозяйку громко вызываемъ, Вошли — все даромъ: пьемъ, вдимъ, И красныхъ дъвущекъ ласкаемъ!

«И что жъ? попались молодцы; Недолго братья пировали: Поймали насъ — и кузнецы Насъ другъ ко другу приковали, И стража отвела въ острогъ. Я старше былъ пятью годами И вынесть больше брата могъ. Въ цёпяхъ, за душными стёнами Я уцёлёль — онъ изнемогъ. Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,

Въ забвеньи, жаркой головою Склоняясь къ моему плечу, Онъ умиралъ, твердя всечасно: «Миф лушно здъсь.... я въ лъсъ хочу.... Воды, воды!.... Но я напрасно Страдальцу воду подавалъ: Онъ снова жаждою томился, И градомъ потъ по немъ катился. Въ немъ кровь и мысли волновалъ Жаръ ядовитаго недуга; Ужъ онъ меня не узнавалъ, И поминутно призывалъ Къ себъ товарища и друга. Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты? Куда свой тайный путь направиль? Зачёмъ мой братъ меня оставилъ Средь этой смрадной темноты? Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ, И ночью тамъ, могущъ и страшенъ, Убійству первый научиль? Теперь онъ безъ меня на волъ Одинъ гуляетъ въ чистомъ полъ, Тяжелымъ машетъ кистенемъ И позабыль въ завидной долъ Онъ о товарищъ своемъ!...> То снова разгорались въ немъ Докучной совъсти мученья: Предъ нимъ толпились привиденья, Грозя перстомъ издалека. Всвхъ чаще образъ старика, Давно заръзаннаго нами, Ему на мысли приходиль; Больной, зажавъ глаза руками, За старца такъ меня молилъ: «Братъ! сжалься надъ его слезами!

Не ръжь его на старость лътъ.... Мит дряхлый крикъ его ужасенъ.... Пусти его — онъ не опасенъ; Въ немъ крови капли теплой нѣтъ.... Не смейся, брать, надъ сединами, Не мучь его.... авось мольбами Смятчить за насъ онъ Божій гнівъ... Я слушаль, ужась одолвьь, Хотель унять больнаго слезы И удалить пустыя грезы. Онъ видель иляски мертвеновъ, Въ тюрьму пришедшихъ изъ лёсовъ; То слышаль ихъ ужасный шопотъ, То вдругъ погони близкій топотъ, И дико взглядъ его сверкалъ, Стояли волосы горою, И весь какъ листь онъ трепеталъ. То мниль ужъ видъть предъ собою На площадяхъ толны людей, И страшный ходъ до мъста казни, И кнуть, и грозныхъ палачей.... Безъ чувствъ, исполненный боязни, Братъ упадалъ ко мив на грудь. Такъ проводилъ я дни и ночи, Не могъ минуты отдохнуть, И сна не знали наши очи.

«Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Бользнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнъй
Взяла тоска по прежней доль;
Душа рвалась къ льсамъ и къ воль,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,

И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы, И стражи кликъ, и звонъ цѣпей, И легкій шумъ залетной птицы.

«По улицамъ однажды мы, Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы Сбирали вмѣстѣ подаянье, И согласились въ тишинъ Исполнить давнее желанье. Рѣка шумѣла въ сторонѣ, Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ. Причи общими гремимъ Бьемъ волны дружными ногами, Песчаный видимъ островокъ, И разсвкая быстрый токъ, Туда стремимся. Вслёдъ за нами Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!» Лва стража издали плывуть. Но ужъ на островъ мы ступаемъ, Оковы камнемъ разбиваемъ, Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ, Отягощенные водою.... Погоню видимъ за собою, Но смѣло, полные надеждъ, Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ, То захлебнется, то застонетъ — И какъ свиненъ пошелъ ко ину. Другой проплыль ужь глубину, Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо, Не внемля крику моему, Идетъ, но въ голову ему Два камня полетёли прямо — И хлынула на волны кровь: Онъ утонулъ — мы въ воду вновь. За нами гнаться не посмѣли,

Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ....
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломнлъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ —
И на груди моей уснулъ.

«Надъ хладнымъ тёломъ я остался, Три ночи съ нимъ не разставался, Все ждаль, очнется ли мертвець? И горько плакаль. Наконець Взяль заступь; грешную молитву Надъ братней ямой совершилъ, И твло въ землю схоронилъ.... Потомъ на прежнюю ловитву Пошель одинь... Но прежнихъ лътъ Ужъ не дождусь — ихъ нътъ, какъ нътъ! Пиры, веселые ночлеги И наши буйные набъги — Могила брата все взяла. Влачусь угрюмый, одинокой; Окаментль мой духь жестокой И въ сердцъ жалость умерла. Но иногда щажу морщины: Мив страшно резать старика, На беззащитныя съдины Не подымается рука.

Я помню, какъ въ тюрьмъ жестокой Больной, въ цъпяхъ, лишенный силъ, Безъ памяти, въ тоскъ глубокой За старца братъ меня молилъ.»

Умолкъ и буйной головою Разбойникъ въ горести поникъ. И слезъ горючею рѣкою Свиръпый оросился ликъ. Смѣясь, товариши сказали: «Ты плачешь! полно, брось печали; Зачёмъ о мертвыхъ вспоминать? Мы живы: станемъ пировать; Ну, подчивай сосёдъ сосёда!» И кружка вновь пошла кругомъ; На мигъ утихшая бесъда Вновь оживляется виномъ; У всякаго своя есть повъсть; Всякъ хвалить мѣткій свой кистень. Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совъсть: Она проснется въ черный день.

1822.

Люблю вашъ сумравъ неизвъстной И ваши тайные цвъты, О вы, поэзін прелестной Благословенныя мечты! Вы насъ увѣрили, поэты, Что твии легкою толпой, Отъ береговъ холодной Леты, Слетаются на брегъ земной И невидимо навѣщаютъ Мѣста, гдѣ было все милѣй, И въ сновидъньяхъ утъщаютъ Сердца покинутыхъ друзей: Онъ, безсмертіе вкушая, Ихъ поджидають въ Элизей, Какъ ждетъ на пиръ семья родная Своихъ замедлившихъ гостей.... Но, можеть быть, мечты пустыя — Выть можеть, съ ризой гробовой Всв чувства брошу я земныя, И чуждъ мнъ будеть міръ земной; Быть можеть, тамь, гдв все блистаеть Нетлѣнной славой и красой, Гдъ чистый пламень пожираетъ Несовершенство бытія, Минутныхъ жизни впечатленій Не сохранить душа моя: Не буду въдать сожальній, Тоску любви забуду я....

друзьямъ.

[на отъездъ в. т. кека изъ кишинева].

Вчера быль день разлуки шумной, Вчера быль Вакха буйный пирь, При кликахъ юности безумной, При громъ чашъ, при звукъ лиръ.

Такъ, музы васъ благословили, Вънками свыше осъня, Когда вы, други, отличили Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой Не ослёпляя нашихъ глазъ, Она не суетной работой, Не рёзьбою плёняла насъ;

Но твиъ однимъ лишь отличалась, Что, жажду скиескую поя, Бутылка полная вливалась Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и думою сердечной Во дни минувшіе леталъ, И горе жизни скоротечной, И сны любви воспоминалъ.

Меня смёшила ихъ измёна: И скорбь исчезла предо мной, Какъ исчезаетъ въ чашахъ пёна Подъ зашипёвшею струей.

ПТИЧКА.

Въ чужбинъ свято наблюдаю Родной обычай старины:

На волю птичку выпускаю При свётломъ праздникѣ весны. Я сталь доступенъ утѣшенью; За что на Бога мнѣ роптать, Когда хоть одному творенью Я могъ свободу даровать?
[18 мая 1822].

отрывокъ изъ комедіи.

— Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ! Откланяюсь пока; она мнѣ надоѣла; Къ тому жъ и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла: Я отыскалъ за Каменнымъ Мостомъ Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья. Ахъ!... матушка!... Предвижу увѣщанья!... А, здравствуйте, maman!

«Куда же ты? Постой! Я шла къ тебъ, мой другъ. Мнъ надобно съ тобой О дълъ говорить..»

— Я зналъ.

«Имъй терпънье,

Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье...>
— А въ чемъ же?

«Да во всемъ. Во первыхъ, ты жены Не видишь никогда — точь въ точь разведены: Адель всегда одна, все дома; ты въ каретъ, На скачкъ, въ оперъ, на балахъ, въчно въ свътъ; Или нельзя никакъ съ женою посидъть?....

ОТРЫВКИ

изъ неоконченныхъ: драмы и поэмы

ВАДИМЪ.

T.

[изъ драмы].

Валимъ.

Ты вид'влъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа: Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода? Иль князя чуждаго покорные рабы Ръшились оправдать гоненіе судьбы?

Роглай.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый, Старинной вольности питомецъ горделивый, Досадуя влачитъ позорный свой яремъ. Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ, Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ; Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ. Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ, Умы встревожены — и пламя тлѣетъ въ нихъ. Младые граждане кипятъ и негодуютъ...

Вадимъ.

Безумные! давно ль они въ глазахъ монхъ Встръчали съ торжествомъ властителей чужихъ И вольныя главы подъ иго преклоняли? Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь.... Невърна ихъ вражда, невърна ихъ любовь....

Π.

[изъ поэмы].

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столиомъ неровнымъ отразился.
Качансь, лебедь на волнѣ
Заснулъ, и все кругомъ почило....
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный, Одинъ, смиренный житель волнъ, Гребетъ и къ югу правитъ челнъ; Другой, какъ волхвомъ пораженный, Стоитъ недвижимъ; на брега Глаза вперивъ, не молвитъ слова, И черезъ челнъ его нога Перешагнуть уже готова. Плывутъ....

«Причаливай, старивъ! Къ утесу правь!» — и въ волны вмигъ Прыгнулъ пловецъ нетериъливой, И береговъ уже достигъ. Межъ тъмъ, рукой неторопливой Другой вътрило опустивъ, Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,

Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ, И всходить медленной стопой На берегъ дикій и крутой. Кремень звучить, и пламя вскоръ Лалеко освѣтило море. Суровый край! Громады скаль На берегу стоятъ угрюмомъ; Объ нихъ мятежный бьется валъ И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ Качають старыя главы Надъ зыбкой пеленой пучины; Кругомъ ни цвѣта, ни травы, Песокъ да мохъ; скалы, стремнины Вездѣ хранятъ клеймо громовъ И слёдъ потоковъ истощенныхъ, И тлъютъ кости — пиръ волковъ Въ разселинахъ окровавленныхъ. Къ огню заботливый старикъ Простеръ нѣмѣющія руки. Примъты долголътней муки: Согбенны кости, тошій дикъ. На коемъ время углубляло Свои послѣдніе слѣды, Одежда, обувь — все являло Въ немъ дикость, нужду и труды. Но кто же тоть? Блистаеть млалость Въ его лицъ; какъ вешній цвътъ Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость Его не знала съ дътскихъ лътъ: Въ глазахъ потупленныхъ кручина: На немъ одежда славянина, И на бедръ славянскій мечъ. Славянъ вотъ очи голубые, Вотъ ихъ и волосы златые, Волнами падшіе до плечъ....

Косматымъ рубищемъ одётый, Огнемъ живительнымъ согрётый, Старикъ забылся крёпкимъ сномъ. Но юноща, на перси руки Задумчиво сложивъ крестомъ, Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ....

Проходить ночь; огонь погасъ, Остыль и пепель; водъ пучина Бълъетъ; близокъ утра часъ; Нисходитъ сонъ на славянина.

Видаль онъ дальныя страны. По сушв, по морю носидся, Во дни былые, дни войны, На западъ, на югъ бился, Дѣля добычу и труды Съ суровымъ племенемъ Одена, И передъ нимъ враговъ ряды Бѣжали, какъ морская пѣна Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ. Внималь онъ радостнымъ хваламъ И арфамъ скальдовъ изступленныхъ, Въ жилище сильныхъ пировалъ, И очи дівь иноплеменныхъ Красою чуждой привлекаль. Но сладкій сонъ не переносить Теперь героя въ край чужой, Въ поля, гдъ мчится бурный бой, Гдъ мечъ главы героевъ коситъ; Не видить онъ знакомыхъ скалъ Киріаландіи печальной, Ни Альбіона, гдв искаль Кровавыхъ съчъ и славы дальной; Ему не снится шумъ валовъ;

Онъ позабылъ морскія битвы, И пламя яркое костровъ, И трубный звукъ, и лай ловитвы; Другія грезы и мечты Волнуютъ сердце славянина: Предъ нимъ славянская дружина; Онъ узнаетъ ея щиты, Онъ снова простираетъ руки Товарищамъ минувшихъ лѣтъ, Забытымъ въ долги дни разлуки, Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ....

Онъ видитъ Новгородъ великой, Знакомый теремъ съ давнихъ поръ; Но тынъ обросъ крапивой дикой, Обвиты окна повиликой, Въ травъ заглохъ широкій дворъ. Онъ быстро храминъ опустелыхъ Проходить молчаливый рядъ: Все мертво.... нътъ гостей веселыхъ, Застольны чаши не гремять.... И вотъ веселая свътлипа. Въ немъ сердие бъется: злёсь иль нётъ Любовь очей, душа-дъвица? Цвътетъ ли здъсь мой милый цвътъ? Найду ль ее?.... И съ этимъ словомъ Онъ входитъ.... Что же? Страшный вилъ ---Въ постелъ хладной, подъ покровомъ Двица мертвая лежить!... Въ немъ замеръ духъ и взволновался. Покровъ приподнимаетъ онъ, Глядить, глядить — и слабый стонь Сквозь тяжкій сонь его раздался. Она, она! ея черты!... На персяхъ рану обнажаетъ;

Она погибла! восклицаетъ; Кто могъ?... И слышитъ голосъ: ты!...

Межъ темъ привычныя заботы Средь усладительной дремоты Тревожать душу старика: Во сив онъ парусъ развиваетъ, Плыветь по волѣ вѣтерка: Его тихонько увлекаетъ Къ заливу свътлая ръка, И рыба сонная впадаетъ Въ тяжелый неводъ старика; Все тихо: море почиваетъ, Но туча виснеть; дальній громъ Надъ звучной бездною грохочетъ, И вотъ пучина надъ челномъ Кипитъ, подъемлется, клокочетъ; Напрасно къ върнымъ берегамъ Несчастный возвратиться хочеть, Челновъ трещитъ — и пополамъ! Рыбакъ идетъ на дно морское.... И пробудясь, трепещеть онъ, Глядить окресть — брега въ поков, На полусвътлый небосклонъ Восходить утро золотое; Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ, На встрѣчу радостной денницы, Щебеча, полетвли птицы, И разсвъло....

узникъ.

Сижу за рёшоткой въ темницё сырой. Вскормлённый на волё орель молодой,

Мой грустный товарищъ, махая крыломъ, Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ овно, Какъ будто со мною задумалъ одно. Зоветъ меня взглядомъ и врикомъ своимъ, И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, брать, пора! Туда, гдв за тучей бёлветь гора, Туда, гдв синвють морскіе края, Туда, гдв гуляемь... лишь вётерь да я!...>

ИВСНЬ О ВЪЩЕМЪ ОЛЕГЪ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и ниви, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ пареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ, Что сбудется въ жизни со мною? И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ, Могильной засыплюсь землею? Открой мнѣ всю правду, не бойся меня: Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ, А княжескій даръ имъ не нуженъ; Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ И съ волей небесною друженъ. Грядущіе годы таятся во мглѣ; Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:

Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;

Твой щить на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуеть недругъ столь дивной судьбѣ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоптъ подъ стрълами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и съча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмъхнулся; однаво чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на съдло,
Съ коня онъ слъзаетъ угрюмой;
И върнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шев крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой върный слуга, Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утъщайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возъмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....
Они помпнаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубплись они.

«А гдё мой товарыщь, промолвиль Олегь;
 Скажите, гдё конь мой ретивый?
 Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бёгъ?
 Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?>
 И внемлеть отвёту: на холмё крутомъ
 Давно ужъ почиль непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ

И думаетъ: «что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!

Презръть бы твое предсказанье!

Мой конь и донынъ носилъ бы менл.»

И хочетъ увидъть онъ кости коня.

Вотъ *Вдетъ могучій Олегъ со двора, Съ нимъ Игорь и старые гости, И видять, на холмѣ, у брега Днѣпра, Лежать благородныя кости; Ихъ моють дожди, засыпаеть ихъ пыль, И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступплъ И молвилъ: «спи, другъ одинокой! Твой старый хозяинъ тебя пережилъ: На тризнѣ, уже недалекой, Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипять На тризнѣ плачевной Олега: Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидять; Дружина пируетъ у брега; Бойцы поминаютъ минувшіе дни И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

уединеніе.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни, Вдали взыскательныхъ невѣждъ, Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни, Воспоминаній и надеждъ; Кому судьба друзей послала,

Кто скрыть, по милости Творца, Оть усыпителя глупца, Оть пробудителя нахала.

пріятелю.

Не притворяйся, милый другъ, Соперникъ мой широкоплечій: Тебъ не страшенъ лиры звукъ, Ни элегическія рѣчи. Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ, Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ, Твоя красавица не дура; Я вижу все и не сержусь: Она прелестная Лаура, Да я въ Петрарки не гожусь.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго;
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

ЕМУ ЖЕ.

Я жду объщанной тетради: Что жъ медлишь, милый трубадурь! Пришли ее мнъ, Феба ради, И награди тебя Амуръ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ЯК. НИКОЛ. ТОЛСТОМУ.

Горишь ли ты, лампада наша, Подруга бдіній и пировь? Кипишь ли ты, златая чаша, Въ рукахъ веселыхъ острявовъ? Все тѣ же ль вы, друзья веселья, Друзья Киприды и стиховъ? Часы любви, часы похмёлья По прежнему ль летять на зовъ Свободы, лёни и бездёлья? Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ, Горя завистливымъ желаньемъ, Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ, Воображаю, вижу васъ. Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной, Пріють любви и вольныхъ музъ, Гдъ съ ними клятвою взаимной Скрѣпили вѣчный мы союзъ, Гдъ дружбы знали мы блаженство, Гдъ въ колпакъ за круглый столъ Садилось милое равенство; Гдѣ своенравный произволъ Мѣняль бутылки, разговоры, Разсказы, пъсни шалуна, И разгорались наши споры Отъ искръ и шутокъ, и вина.

Я слышу, вёрные поэты, Вашъ очарованный языкъ.... Налейте мнъ вина кометы! Желай мнъ здравія калмыкъ!

Кишиневъ, 26 септября 1822.

ГРЕЧАНКЪ.

[KAJHUCO].

Ты рождена воспламенять Воображение поэтовъ, Его тревожить и плёнять Любезной живостью приветовъ, Восточной странностью ръчей, Блистаньемъ зеркальныхъ очей И этой ножкою нескромной; Ты рождена для нъги томной, Для упоенія страстей. Скажи: когда пъвецъ Ленлы Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ Свой неизмѣнный идеаль, Ужъ не тебя ль изображалъ Поэтъ мучительный и милый? Быть можеть, въ дальней сторонъ, Подъ небомъ Греціи священной, Тебя страдалецъ вдохновенной Узналъ иль видёлъ какъ во снё, И скрылся образъ незабвенной Въ его сердечной глубинъ. Быть можеть, лирою счастливой Тебя волшебникъ искушалъ; Невольный трепетъ возникалъ Въ твоей груди самолюбивой: И ты, склонясь къ его плечу.... Нёть, иёть, мой другь, мечты ревнивой Питать я пламя не хочу: Мнѣ долго счастье чуждо было, Мнѣ ново наслаждаться имъ, И, тайной грустію томимъ, Боюсь: невѣрно все, что мило.

АДЕЛИ.

[А. В. ДАВЫДОВОЙ].

Играй, Адель, Не знай печали. Хариты, Лель Тебя вѣнчали И колыбель Твою качали. Твоя весна Тиха, ясна: Для наслажденья Ты рождена. Часъ упоенья Лови, лови! Млалыя лъта Отдай любви. И въ шумъ свъта Люби, Адель, Мою свиръль.

[Ноябръ 1823. Каменка].

жалоба.

Вашъ дёдъ портной, вашъ дядя поваръ, А вы, вы знатный господинъ: Таковъ объ васъ народный говоръ, Высокородный Сёверинъ. Потомокъ предковъ благородныхъ, Увы, никто въ моей родив Не шьетъ мив даромъ фраковъ модныхъ И не варитъ объда мив.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

[в. и. панаеву].

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ;
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустеръ-клубѣ
Или на Красномъ-кабачкѣ?

* *

Невъдомскій поэть, невъдомый ни къмъ, Печатаетъ стихи, невъдомо зачъмъ.

* *

У Кларисы денегъ мало, Ты богатъ; иди къ вѣнцу: И богатство ей пристало, И рога тебѣ къ лицу.

_

Нътъ ни въ чемъ вамъ благодати; Съ счастіемъ у васъ разладъ: И прекрасны вы не кстати, И умны вы не впопадъ. * *

Лизъ страшно полюбить — Полно, нътъ ли тутъ обмана? Берегитесь: можетъ быть, Эта новая Діана Притаила нъжну страсть И стыдливыми глазами Ищетъ робко между вами: Кто бы ей помогъ упасть.

ЛЬВУ СЕРГ. ПУШКИНУ.

[OTPHBORE].

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной; Въ разлукъ протекли медлительные годи: Теперь ты юноша и полною душой Цвътешь для радостей, для свъта, для свободы. Какое поприще отверзлось предъ тобой! Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій, И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій....

наброски.

* *

Печаленъ будетъ мой разсказъ! Давно, когда мнё въ первый разъ Любви повёдали преданье, Я въ шумё радостномъ унылъ — И на минуту позабылъ Роскошныхъ оргій ликованье. Но быстрой, быстрой чередой

Тогда смѣнялись впечатлѣнья! Веселье — тихою тоской, Печаль — восторгомъ упоенья....

* *

Блеститъ луна, недвижно море спитъ, Молчатъ сады роскошные Гассана; Но кто же тамъ во тьмѣ сидитъ На мраморѣ печальнаго фонтана? Арапъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой, И съ нимъ его товарищъ молодой. «Недугъ любви, недугъ тоски душевной Не отъ меня сокроешь ты. Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный; Твои свирѣпыя мечты Уже давно мнѣ все сказали....»

* *

...Въ голубомъ эеира полѣ Блещетъ мѣсяцъ золотой; Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ Съ догарессой молодой.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Многіе, также какъ и я, посъщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нътъ, другіе странствуютъ далече.

Сади.

Гирей сидёль, потупя взорь; Янтарь въ устахъ его дымился; Безмолвно раболённый дворъ Вкругъ кана грознаго тёснился. Все было тихо во дворцё; Благоговёя всё читали Примёты гнёва и печали На сумрачномъ его лицё. Но повелитель горделивой Махнулъ рукой нетерпёливой — И всё, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ; Свободнъй грудь его вздыхаетъ; Живъе строгое чело Волненье сердца выражаетъ: Такъ бурны тучи отражаетъ Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою? Какою мыслью занятъ онъ? На Русь ли вновь идетъ войною, Несетъ ли Польшъ свой законъ, Горитъ ли местію кровавой, Открылъ ли въ войскъ заговоръ, Страшится ли народовъ горъ, Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой, Устала грозная рука; Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна Стезей преступною вошла, И дочь неволи, нѣгъ и плѣна Гяуру сердце отдала?

Нътъ, жены робкія Гирея, Ни думать, ни желать не смъя, Пвётуть въ унылой тишинв; Подъ стражей бдительной и хладной, На лонъ скуки безотрадной Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ; Въ тѣни хранительной темницы Утаены ихъ красоты: Такъ аравійскіе цвѣты Живутъ за стеклами теплицы. Для нихъ унылой чередой Дни, мъсяцы, лъта проходятъ, И непримѣтно за собой И младость, и любовь уводять. Однообразенъ каждый день, И мелленно часовъ теченье. Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь; Мелькаетъ рѣдко наслажденье. Младыя жены, какъ-нибудь Желая сердце обмануть, Мѣняютъ пышные уборы, Заводять игры, разговоры, Или при шумѣ водъ живыхъ, Надъ ихъ прозрачными струями,

Въ прохладъ яворовъ густыхъ Гуляютъ легкими роями. Межъ ними ходитъ злой евнухъ, И убъгать его напрасно: Его ревнивый взоръ и слухъ За всеми следуетъ всечасно. Его стараньемъ заведенъ Порядокъ вѣчный. Воля хана Ему единственный законъ: Святую заповѣдь Корана Не строже наблюдаетъ онъ. Его душа любви не просить; Какъ истуканъ, онъ переноситъ Насмъшки, ненависть, укоръ, Обиды шалости нескромной, Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ, И тихій вздохъ, и ропотъ томной. Ему извъстенъ женскій нравъ; Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ И на свободъ и въ неволъ; Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой Не властны надъ его душой: Онъ имъ уже не въритъ болъ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плънницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тьмѣ ночной
Неслышными шагами бродитъ:
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,

Оть ложа къ ложу переходить;
Въ заботъ въчной, ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малъйшій трепетъ,
Все жадно примъчаетъ онъ:
И горе той, чей шопотъ сонный
Чужое имя призывалъ,
Или подругъ благосклонной
Порочны мысли довърялъ!

Что жъ полонъ грусти умъ Гирея? Чубукъ въ рукахъ его потухъ; Недвижимъ и дохнуть не смѣя, У двери знака ждетъ евнухъ. Встаетъ задумчивый властитель; Предъ нимъ дверь настежъ. Молча онъ Идетъ въ завѣтную обитель Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
Шербетъ носили ароматной,
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПВСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ: Влаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная Своею смертью освятитъ: Къ нему на встръчу дъва рая Съ улыбкой страстной полетитъ.

3.

«Но тотъ блаженнѣй, о Зарема, Кто, миръ и нѣгу возлюбя, Какъ розу, въ тишинѣ гарема Лелѣетъ, милая, тебя.»

Онъ поютъ. Но гдъ Зарема, Звъзда любви, краса гарема? Увы, печальна и блъдна, Похвалъ не слушаетъ она; Какъ пальма, смятая грозою, Поникла юной головою; Ничто, ничто не мило ей: Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!... Но вто съ тобою, Грузинка, равенъ красотою? Вокругъ лилейнаго чела Ты косу дважды обвила; Твои плѣнительныя очи

Яснѣе дня, чернѣе ночи. Чей голосъ выразитъ сильнѣй Порывы пламенныхъ желаній? Чей страстный поцѣлуй живѣй Твоихъ язвительныхъ лобзаній? Какъ сердце, полное тобой, Забьется для красы чужой? Но равнодушный и жестокій, Гирей презрѣлъ твои красы, И ночи хладные часы Проводитъ мрачный, одинокій Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія Узрѣла небеса чужія; Недавно милою красой Она цвъла въ странъ родной; Сълой отепъ гордился ею И звалъ отрадою своею. Для старика была законъ Ея млаленческая воля. Одну заботу въдалъ онъ, Чтобъ дочери любимой доля Была, какъ вешній день, ясна, Чтобъ и минутныя печали Ея души не помрачали; Чтобъ даже замужемъ она Воспоминала съ умиленьемъ Дъвичье время, дни забавъ, Мелькнувшихъ легкимъ сновиденьемъ. Все въ ней пленяло: тихій нравъ, Движенья стройныя, живыя, И очи томно-голубыя. Природы милые дары Она искусствомъ украшала;

Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толиы вельможь и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страдань тайномъ изнывали.
Но въ тишин души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкъ межъ подругъ
Однъмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы татаръ На Польшу клынули ръкою: Не съ столь ужасной быстротою По жатвъ стелется пожаръ. Обезображенный войною, Цвътущій край осиротълъ: Исчезли мирныя забавы: Уныли села и дубравы. И пышный замокъ опустель. Тиха Маріина свѣтлица.... Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ Почіють мощи хладнымь сномь, Съ короной, съ княжескимъ гербомъ, Воздвиглась новая гробница.... Отецъ въ могилъ, дочь въ плъну. Скупой наследникь въ замке править, И тягостнымъ ярмомъ безславитъ Опустошенную страну.

Увы! дворецъ Бахчисарая Скрываетъ юную княжну: Въ неволъ тихой увядая, Марія плачетъ и груститъ. Гирей несчастную щадитъ:

Ея унынье, слезы, стоны Тревожать хана краткій сонь, И пля нея смягчаетъ онъ Гарема строгіе законы. Угрюмый сторожь ханскихъ женъ Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ; Рукой заботливой не онъ На ложе сна ее возводить; Не смѣетъ устремиться къ ней Обидный взоръ его очей; Она въ купальнъ потаенной Олна съ невольнипей своей: Самъ ханъ боится лѣвы плѣнной Печальный возмущать покой; Гарема въ дальнемъ отделень в Позволено ей жить одной: И, мнится, въ томъ уединень в Сокрылся нікто неземной. Тамъ день и ночь горитъ лампада Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой; Души тоскующей отрада, Тамъ упованье въ тишинъ Съ смиренной върой обитаетъ, И сердцу все напоминаетъ О близкой, лучшей сторонъ.... Тамъ дѣва слезы проливаетъ Вдали завистливыхъ подругъ; И между твмъ, какъ все вокругъ Въ безумной нътъ утопаетъ, Святыню строгую скрываетъ Спасенный чудомъ уголокъ. Такъ сердце, жертва заблужденій. Среди порочныхъ упоеній, Хранитъ одинъ святой залогъ. Одно божественное чувство.

Настала ночь; покрылись тѣнью Тавриды сладостной поля; Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью Я слышу пёнье соловья; За хоромъ звёздъ луна восходить: Она съ безоблачныхъ небесъ На долы, на холмы, на лъсъ Сіянье томное наводить. Покрыты білой пеленой, Какъ тъни легкія, мелькая, По улицамъ Бахчисарая. Изъ дома въ домъ, одна къ другой, Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги Дълить вечерніе досуги. Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ, Объятый нёгой безмятежной: Не прерывается ни чёмъ Спокойство ночи. Стражъ надежной, Дозоромъ обощелъ евнухъ. Теперь онъ спить; но страхъ прилежной Тревожить въ немъ и спящій духъ. Измѣнъ всечасныхъ ожиданье Покоя не даетъ уму. То чей-то шорохъ, то шептанье, То крики чудятся ему; Обманутый невфриымъ слухомъ, Онъ пробуждается, дрожитъ, Напуганнымъ приникнувъ ухомъ.... Но все кругомъ его молчитъ; Одни фонтаны сладкозвучны Изъ мраморной темницы быютъ, И съ милой розой неразлучны Во мракѣ соловья поютъ; Евнухъ еще имъ долго внемлетъ, И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нъга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдъ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спять. Не спить одна. Едва дыша, встаеть она; Идеть; рукою торопливой Открыла дверь; во тьмѣ ночной Ступаеть легкою ногой.... Въ дремотѣ чуткой и пугливой Предъ ней лежить евнухъ сѣдой. Ахъ, сердце въ немъ неумолимо: Обманчивъ сна его покой!... Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумъньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась върнаго замка....
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ....
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свътъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дъвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный....
Грузинка, все въ душъ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,

И жаромъ дъвственнаго сна Ея ланиты оживлялись, И, слезъ являя свёжій слёдъ. Улыбкой томной озарялись: Такъ озаряетъ лунный свътъ Дождемъ отягощенный цвътъ: Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема, Казалось, ангелъ почивалъ. И сонный слезы проливалъ О бъдной плънницъ гарема.... Увы, Зарема, что съ тобой? Стёснилась грудь ея тоской, Невольно клонятся кольни, И молить: «сжалься надо мной, Не отвергай моихъ моленій!...> Ея слова, движенье, стонъ Прервали девы тихій сонъ. Княжна со страхомъ предъ собою Младую незнакомку зрить; Въ смятеньв, трепетной рукою Ее подъемля, говорить: -- Кто ты?.. Одна, порой ночною, Зачёмъ ты здёсь? «Я щла къ тебе: Спаси меня, въ моей судьбъ Одна надежда мив осталась.... Я долго счастьемъ наслаждалась, Была безпечнъй день отъ дня.... И тънь блаженства миновалась! **И гибну. Выслушай меня.**

«Родилась я не здёсь, далеко, Далеко.... но минувшихъ дней Предметы въ памяти моей Донынъ връзаны глубоко. Я помню горы въ небесахъ, Потоки жаркіе въ горахъ, Непроходимыя дубравы, Другой законъ, другіе нравы; Но почему, какой судьбой Я край оставила родной, Не знаю; помню только море, И человъка въ вышинъ Надъ парусами....

Страхъ и горе Донынъ чужды были мнъ; Я въ безмятежной тишинъ, Въ твни гарема разцветала, И первыхъ опытовъ любви Послушнымъ сердцемъ ожидала. Желанья тайныя мои Сбылись. Гирей для мирной нъги Войну кровавую презрѣлъ, Пресвиъ ужасные набыти, И свой гаремъ опять узрѣлъ. Предъ хана въ смутномъ ожиданьъ Предстали мы. Онъ свётлый взоръ Остановиль на мнв въ молчаньв. Позвалъ меня... и съ этихъ поръ Мы въ безпрерывномъ упоеньъ Дышали счастьемъ; и ни разъ Ни клевета, ни подозрѣнье, Ни злобной ревности мученье, Ни скука не смущали насъ. Марія, ты предъ нимъ явилась.... Увы, съ тъхъ поръ его душа Преступной думой омрачилась! Гирей, измѣною дыша, Моихъ не слушаетъ укоровъ; Ему докученъ сердца стонъ; Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ Со мною не находить онъ. Ты преступленью не причастна,

Я знаю, не твоя вина.... И такъ послушай: я прекрасна; Во всемъ гаремѣ ты одна Могла бъ еще миъ быть опасна: Но я для страсти рождена, Но ты любить, какъ я, не можешь. Зачёмы же хладной красотой Ты сердце слабое тревожишь? Оставь Гирея мнъ: онъ мой: На мив горять его лобзанья; Онъ клятвы страшныя мнѣ даль; Давно всѣ думы, всѣ желанья Гирей съ моими сочеталъ; Меня убъетъ его измѣна.... Я плачу! видишь, я кольна Теперь склоняю предъ тобой, Молю, винить тебя не смъя, Отдай мев радость и покой, Отдай мив прежняго Гирея... Не возражай мив ничего; Онъ мой; онъ ослѣиленъ тобою. Презрѣньемъ, просьбою, тоскою, Чѣмъ хочешь, отврати его; Клянись... Гхоть я для Алькорана, Между невольницами хана, Забыла въру прежнихъ дней, Но въра матери моей Была твоя] клянись мев ею Зарему возвратить Гирею.... Но слупай: если я должна Тебъ... кинжаломъ я владъю, Я близъ Кавказа рождена!»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею Не смъетъ слъдовать княжна. Невинной дъвъ непонятенъ

Языкъ мучительныхъ страстей; Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ, Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей. Какія слезы и моленья Ее спасуть оть посрамленья? Что ждеть ее? Ужели ей Остатокъ горькихъ, юныхъ дней Провесть наложницей презрѣнной? О Боже! если бы Гирей Въ ея темнипъ отлаленной Забыль несчастную навѣкъ, Или кончиной ускоренной Унылы дни ея пресъкъ, Съ какою бъ радостью Марія Оставила печальный свътъ! Мгновенья жизни дорогія Давно прошли, давно ихъ нътъ! Что дёлать ей въ пустынё міра? Ужъ ей пора, Марію ждутъ, И въ небеса на лоно мира Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни; Маріи нѣтъ. Мгновенно сирота почила, Она давно-желанный свѣтъ Какъ новый ангелъ озарила, Но что же въ гробъ ее свело? Тоска ль неволи безнадежной, Болѣзнь, или другое зло. Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!... Дворецъ угрюмый опустѣлъ; Его Гирей опять оставилъ; Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ Онъ злой набѣгъ опять направилъ; Онъ снова въ буряхъ боевыхъ Несется мрачный, кровожадный;

Но въ сердив хана чувствъ иныхъ Таится пламень безотрадный. Онъ часто въ свчахъ роковыхъ Подъемлетъ саблю, и съ размаха Недвижимъ остается вдругъ, Глядитъ съ безуміемъ вокругъ, Блёднветъ, будто полный страха, И что-то шепчетъ, и порой Горючи слезы льетъ ръкой.

Забытый, преданный презрѣнью, Гаремъ не зритъ его лица; Тамъ обреченныя мученью, Подъ стражей хладнаго скопца Старѣютъ жены. Между ними Давно грузинки нѣтъ; она Гарема стражами нѣмыми Въ пучину водъ опущена. Въ ту ночь, какъ умерла княжна, Свершилось и ея страданье. Какая бъ ни была вина, Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны Кавказу близкія страны И села мирныя Россіи, Въ Тавриду возвратился ханъ И, въ память горестной Маріи, Воздвигнулъ мраморный фонтанъ Въ углу дворца уедипенный. Надъ нимъ крестомъ осѣнена Магометанская луна [Символъ, конечно, дерзновенный, Незнанья жалкая вина]. Есть надпись: ѣдкими годами Еще не сгладплась она.

За чуждыми ея чертами Журчить во мраморѣ вода И каплеть хладными слезами, Не умолкая никогда. Такъ плачеть мать во дни печали О сынѣ, падшемъ на войнѣ. Младыя дѣвы въ той странѣ Преданье старины узнали, И мрачный памятникъ онѣ Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ, Пиры надолго забывая, Я посвтиль Бахчисарая Въ забвеньи дремлющій дворецъ; Среди безмолвныхъ переходовъ, Бродилъ я тамъ, гдв бичъ народовъ, Татаринъ буйный пировалъ, И послъ ужасовъ набъга Въ роскошной лени утопалъ. Еще по нынъ лышетъ нъта Въ пустыхъ покояхъ и садахъ; Играють воды, рдвють розы, И выотся виноградны лозы, И злато блещетъ на стънахъ. Я видёль ветхія рёшетки, За коими, въ своей веснѣ, Янтарны разбирая четки. Вздыхали жены въ тишинъ. Я видълъ ханское кладбище, Владыкъ последнее жилище. Сіи надгробные столбы; Вънчанны мраморной чалмою, Казалось мнь, завыть судьбы Гласили внятною молвою. Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?

Кругомъ все тихо, все унило, Все измѣнилось!... Но не тѣмъ Въ то время сердце полно было: Дыханье розъ, фонтановъ шумъ Влекли къ невольному забвенью, Невольно предавался умъ Неизъяснимому волненью, И по дворцу летучей тѣнью Мелькала дѣва предо мной!...

Чью твнь, о други, видвль я? Скажите мив, чей образь нвжный Тогда преследоваль меня Неотразимый, неизбёжный? Маріи ль чистая душа Являлась мив, или Зарема Носилась, ревностью дыша, Средь опустёлаго гарсма?

Я помню столь же милый взглядъ И врасоту еще земную; Всъ думы сердца къ ней летятъ; Объ ней въ изгнаніи тоскую.... Безумецъ! полно, перестань, Не растравляй тоски напрасной! Мятежнымъ снамъ любви несчастной Заплачена тобою дань — Опомнись! долго ль, узникъ томной, Тебъ оковы лобызать, И въ свътъ лирою нескромной Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира, Забывъ и славу, и любовь, О, скоро васъ увижу вновь, Брега веселые Салгира!

Прилу на склонъ приморскихъ горъ, Воспоминаній тайныхъ полный, И вновь таврическія волны Обрадують мой жадный взоръ. Волшебный край, очей отрада! Все живо тамъ: холмы, лѣса, Янтарь и яхонтъ винограда, Лолинъ пріютная краса, И струй, и тополей прохлада — Все чувство путника манить, Когда, въ часъ утра безмятежной, Въ горахъ, дорогою прибрежной, Привычный конь его бёжить. И зеленъющая влага Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ Вокругъ утесовъ Аю-дага....

1823.

КЪ ӨЕД. НИКОЛ. ГЛИНКЪ.

Когда средь оргій жизни шумной Меня постигнуль остракизмь, Увиділь я толиы безумной Презрівный, робкій эгоизмь; Безь слезь оставиль я съ досадой Візнки пировь и блескь Авинь, Но голось твой мні быль отрадой, Великодушный гражданинь! Пускай судьба опредівлила Гоненья грозныя мні вновь, Пускай мні дружба измінила,

Какъ измѣнила мнѣ любовь, Въ моемъ изгнаньи позабуду Несправедливость ихъ обидъ: Онѣ ничтожны, если буду Тобой оправданъ, Аристидъ! кишиневъ. январь 1823.

ИЗЪ ЗАПИСКИ В. П. ГОРЧАКОВУ.

Зима мнѣ рыхлою стѣною Къ воротамъ заградила путь; Пока тропинки предъ собою Не протопчу я какъ нибудь, Сижу я дома, какъ бездѣльникъ; Но ты, душа души моей, Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ, Что скажетъ нашъ Вареоломей и проч.... Кишиневъ. январь 1823.

телега жизни.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя, Телега на ходу легка; Ямщикъ лихой, съдое время Везетъ, не слъзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу; Мы рады голову сломать, И, презирая лѣнь и нѣгу, Кричимъ: пошолъ!.....

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги — Порастрясло насъ, намъ страшнѣй И косогоры и овраги; Кричимъ: полегче, дуралей! Катитъ по прежнему телега. Подъ вечеръ мы привыкли къ ней, И дремля ъдемъ до ночлега, А время гонитъ лошадей.

ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

1.

Поговоримъ о странностяхъ любви: Не смыслю я другаго разговора! Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора Мы чувствуемъ волнение въ крови, Когла тоска обманчивыхъ желаній Объемлетъ насъ и душу тяготитъ, И, всюду насъ преследуя, томить Предметъ одинъ и думы и страданій — Не правда ли — въ толић младыхъ друзей Наперсника мы ищемъ и находимъ; Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ. Когда же мы поймали на-лету Крылатый мигь небесныхь упоеній И къ радостямъ на ложе наслажденій Стыдливую склонили красоту, Когда любви забыли мы страданье И нечего намъ болъе желать -Чтобъ оживить о ней воспоминанье, Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

2.

О милый другъ! кому я посвятилъ Мой первый сонъ, надежды и желанья, Красавица, которой я былъ милъ, Простишь ли мив мои воспоминанья, Мои гръхи, забавы юныхъ дней? Тъ вечера, когда въ семъъ твоей, При матери докучливой и строгой, Тебя томилъ я тайною тревогой И просвътилъ невинныя красы? Я научилъ послушливую руку Обманывать печальную разлуку И услаждать безмолвные часы Безсонницы, дъвическую муку. Но молодость утрачена твоя: Оть блъдныхъ устъ улыбка отлетъла, Твоя краса во цвътъ номертвъла.... Простишь ли ты, о милая моя?...

3.

Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды прекраснаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Беретъ урокъ стыдливости покорной,
И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль
Но поутру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ — такъ томна;
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: слава Богу!
А старый другъ стучится у окна...

4.

Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ Усердное, внимательное иѣнье! Храни меня, внемли мое моленье: Досель я былъ еретикомъ въ любви, Млалыхъ богинь безумный обожатель, Лругъ лемона, повъса и предатель... Раскаянье мое благослови: Пріемлю я намітренья благія — Перемѣнюсь — Елену видѣлъ я... Полвластна ей навъкъ душа моя. Моимъ рѣчамъ придай очарованье, Понравиться поведай тайну мне, Въ ея груди зажги любви желанье-Не то пойду молиться сатанъ. Но дни бъгутъ, и время съдиною Мою главу тишкомъ посеребритъ, И важный бракъ съ любезною женою Предъ алтаремъ меня соединитъ... Даруй ты мив блаженное терпвиье, Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь Спокойный сонь, въ супругѣ увѣренье, Въ семействъ миръ и къ ближнему любовь.

5.

Не правда ли, вы помните то поле, Друзья мои, гдв въ прежни дви весной, Оставя классъ, мы бъгали на волъ И тъшились отважною борьбой?...Сплетенные, кружась, идутъ по лугу, На вражью грудь опершись бородой, Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки, То силою, то хитростью науки Хотятъ увлечь другъ друга за собой...

элегія.

[г-жъ ризничъ].

Простишь ли миѣ ревнивыя мечты, Моей любви безумное волненье?

Ты мив вврна: зачвмъ же любишь ты Всегда пугать мое воображенье? Окружена поклонниковъ толной. Зачёмъ для всёхъ казаться хочешь милой, И всёхъ дарить надеждою пустой Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой? Мной овладывь, мнь разумь омрачивь. Увърена въ любви моей несчастной, Не видишь ты, когда въ толив ихъ страстной, Бесъды чуждъ, одинъ и молчаливъ, Терзаюсь я досадой одинокой; Ни слова мнѣ, ни взгляда.... другъ жестокой! Хочу ль бъжать, съ боязнью и модьбой Твои глаза не следують за мной. Заводить ли красавица другая Двусмысленный со мною разговоръ, Спокойна ты; веседый твой укоръ Меня мертвить, любви не выражая. Скажи еще: соперникъ въчный мой, Наединъ заставъ меня съ тобой, Зачёмъ тебя привётствуетъ лукаво?... Что жъ онъ тебъ? Скажи, какое право Имъетъ онъ блъднъть и ревновать?... Въ нескромный часъ межъ вечера и свъта, Безъ матери, одна, полуодъта, Зачёмъ его должна ты принимать?... Но я любимъ!... Наединъ со мною Ты такъ нъжна! Лобзанія твои Такъ пламенны! Слова твоей любви Такъ искренно полны твоей душою! Тебъ смъшны мученія мои; Но я любимъ, тебя я понимаю. Мой милый другъ, не мучь меня, молю: Не знаешь ты, какъ сильно я люблю; Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю!

* *

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла По небу стелется одеждою свинцовой; Какъ привидъніе, за рощею сосновой

Луна туманная взошла....
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводить.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходить;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами....

Вотъ время: по горъ теперь идетъ она Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завътными скалами, Теперь она сидитъ печальна и одна.... Одна.... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ; Никто ел колънъ въ забвеньи не цълуетъ; Одна.... ни чьимъ устамъ она не предаетъ Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бълосиъжныхъ.

Никто ея любви небесной не достоинъ. Не правда ль: ты одна.... ты плачешь.... я спокоенъ;

Но есля.

ночь.

Мой голосъ для тебя, и ласковый и томной, Тревожитъ позднее молчанье ночи темной. Влизъ ложа моего печальная свъча Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча, Текутъ, ручьи любви, текутъ, полны тобою. Во тьмъ твои глаза блистаютъ предо мною, Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я: Мой другъ, мой нѣжный другъ.... люблю.... твоя... 26 октября.

ДЕМОНЪ.

[AJ. HUK. PAEBCKOMY].

Въ тв дни, когда мнъ были новы Всв впечатленья бытія И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы, И вочью пенье соловья; Когда возвышенныя чувства, Свобода, слава и любовь, И вдохновенныя искусства Такъ сильно волновали кровь: Часы надеждъ и наслажденій Тоской внезапной освня. Тогда какой-то злобный геній Сталъ тайно навъщать меня. Печальны были наши встрвчи: Его улыбка, чудный взглядъ, Его язвительныя рѣчи Вливали въ душу хладный ядъ. Неистошимой клеветою Онъ провидънье искушалъ; Онъ зваль прекрасное мечтою, Онъ вдохновенье презираль; Не върилъ онъ любви, свободъ; На жизнь насмъщливо глядълъ: И ничего во всей природъ Благословить онъ не хотвлъ.

изыде съятель съяти съмена своя.

Свободы сѣятель пустынный, Я вышелъ рано, до звѣзды; Рукою чистой и безвинной Въ порабощенныя бразды Бросалъ живительное съмя; Но потерялъ я только время, Влагіе мысли и труды... Паситесь, мирные народы, Васъ не пробудитъ чести кличъ! Къ чему стадамъ дары свободы? Ихъ должно ръзать или стричь; Наслъдство ихъ изъ рода въ роды Ярмо съ гремушками да бичъ.

[1 декабря 1823].

княгинъ голицыной.

Лавно объ ней воспоминанье Ношу въ сердечной глубинъ; Ея минутное вниманье Отрадой долго было мив. Твердиль я стихь обвороженный, Мой стихъ, унынья звукъ живой, Такъ мило ею повторенный, Замъченный ея душой. Вновь лирѣ слезъ и тайной муки Она съ участіемъ вняла — И нынъ ей передала Свои плѣнительные звуки.... Довольно! Въ гордости моей Я мыслить буду съ умиленьемъ: Я славой быль обязань ей, А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

1823. Одесса.

отрывокъ.

Недвижный стражь дремаль на царственномъ порогѣ; Владыка Съвера одинъ въ своемъ чертогъ Безмольно бодрствоваль — и жребім земли Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали, Чредою выпадали И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дёлу своему владыка самъ дивился.

«Се благо!» думалъ онъ — и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара —
Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.

«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно ль народы міра Паденье славили великаго кумира?

«Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла, Надеждой новою Германія кипѣла, Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ? За Пиринеями давно ль судьбой народа Ужъ правила свобода, И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

«Давно ль? — и гдѣ же вы, зиждители свободы? Ну, что жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы, Волнуйте, мудрецы, безумную толпу! Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи, Цѣлуйте жезлъ Россіи И васъ поправшую желѣзную стопу!>

Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невидимо, Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо. Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ. На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи.... Раздался бой полночи — И се, внезанный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То быль сей чудный мужь, посланникь провидёнья, Свершитель роковой безвёстнаго велёнья, Сей всадникь, передъ кёмъ склонялися цари, Мятежной вольници наслёдникъ и убійца, Сей хладный кровопійца, Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тёнь зари.

Ни тучной праздности лёнивыя морщины, Ни поступь тяжкая, ни раннія сёдины, Ни пламень гаснущій нахмуренных очей Не обличали въ немъ изгнаннаго героя, Мученіемъ покоя

Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нътъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый, То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый, Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ; Во цвътъ здравія, и мужества, и мощи,

Владыкѣ Полунощи Владыка Запада грозящій предстояль.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица Дружины Съвера гнала его десница, И русскій въ первый разъ предъ гибелью бъжалъ; Таковъ онъ былъ, когда съ побъднымъ договоромъ И съ миромъ иль позоромъ

и съ миромъ иль позоромъ Предъ юношей-царемъ въ Тильзитъ предстоялъ....

* *

Возстань, о Греція, возстань! Не даромъ напрягаеть силы, Не даромъ потрясаеть брань Олимпъ, и Пиндъ, и Өермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ Свобода древняя возникла. Святые мраморы Анинъ, Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ, Росторгни рабскія вериги, При пъньи пламенныхъ стиховъ Тиртея, Байрона и Риги!

* *

Сказали разъ царю, что наконецъ Мятежний вождь Ріэго былъ удавленъ. «Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ; «Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.» Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ — Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ. Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ, Согласенъ я — но онъ за то повѣшенъ. Пристойно ли, скажите, сгоряча Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача? Самъ государь такого доброхотства Не захотѣлъ своей улыбкой одобрить. Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить И въ самой подлости оттѣнокъ благородства.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ. *

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился, И радость райскую принесъ съ собою къ намъ; Но житель горнихъ мъстъ, ты міромъ не прельстился, И снова отлетълъ въ отчизну къ небесамъ.

^{*} Сынъ кн. Някол. Борис. и кн. Елены Александровны [рожденной кы-Солтыковой], родился 1822, апр. 22, умеръ 1823 мая 18.

на а. с. стурдзу.

Я вкругъ Стурдзы хожу, Вкругъ библическаго; Я на Стурдзу гляжу Монархическаго.

1824.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ ДАВЫДОВУ.

[на приглашение ъхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ крыма].

Нельзя, мой толстый Аристипъ: Хоть я люблю твои бесёды, Твой милый нравъ, твой милый хрипъ, Твой вкусь и жирные объды; Но не могу съ тобою плыть Къ брегамъ полуденной Тавриды. Прошу меня не позабыть, Любимецъ Вакха и Киприды! Когда чахоточный отецъ Немного тошей Энемлы Пускался въ море наконецъ, Ему Горацій, умный льстецъ. Прислалъ торжественную оду, Гдъ другу Августовъ пъвецъ Сулитъ хорошую погоду: Но льстивыхъ одъ я не пишу; Ты не въ чахоткъ, слава Богу: У неба и тебѣ прошу Лишь аппетита на дорогу.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю вечерній пиръ, Гдё веселье предсёдатель, А свобода, мой кумиръ, За столомъ законодатель, Гдё до утра слово «пей» Заглушаетъ крики п'ёсенъ, Гдё просторенъ кругъ гостей, А кружокъ бутылокъ т'ёсенъ!

городъ кишиневъ.

[изъ письма къ Ф. Ф. вигелю].

Проклятый городъ Кишиневъ, Тебя бранить языкъ устанетъ! Когда нибудь на грѣшный кровъ Твоихъ запачканныхъ домовъ Небесный громъ конечно грянетъ, И не найду твоихъ слѣдовъ! Падутъ, погибнутъ пламенѣя, И пестрый домъ Вареоломея, * И лавки грязныя жидовъ! Такъ, если вѣрить Моисею, Погибъ несчастливый Содомъ; Но съ этимъ милымъ городкомъ Я Кишиневъ равнять не смѣю...

Содомъ, ты знаешь, быль извъстенъ И просвъщеньемъ, и умомъ, Красою женщинъ и садами, Великолъпными пирами И прародительскимъ гръхомъ;

^{*} Богатый молдаванскій бояринъ.

А здёсь, какъ бы на зло судьбѣ, Ни свахи, ни книгопродавца, И развѣ вечеромъ къ тебѣ Придутъ два милые красавца.

[Мартъ 1824].

иностранкъ.

[въ альбомъ].

На языкъ, тебъ невнятномъ, Стихи прощальные пишу; Но въ заблужденіи пріятномъ Вниманья твоего прошу: Мой другъ, доколъ не увяну Въ разлукъ, чувство погубя, Боготворить не перестану Тебя, мой другъ, одну тебя! На чуждыя черты взирая, Върь только сердцу моему, Какъ прежде върила ему, Его страстей не понимая.

19 max 1824. Veux-tu m'aimer! Point de D.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ Струнтъ эфиръ. Шумитъ, Бъжитъ Гвадалививиръ.

Вотъ взошла луна златая, Тише... чу.... гитары звонъ... Вотъ испанка молодая Оперлася на балконъ. Ночной зефиръ Струитъ эфиръ. Шумитъ. Бъжитъ Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, -ангель милый, И явись какъ яркій день! Сквозь чугунныя перилы Ножку дивную прод'йнь!

> Ночной зефиръ Струитъ эфиръ. Шумитъ, Бъжитъ Гвадалквивиръ.

ОДА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ,

съ примъчаніями автора.

Султанъ ярится. ¹ Кровь Эллады И ръзво скачетъ, ² и кипитъ. Открылись грекамъ древни клады, ³ Трепещетъ въ Стиксъ лютый Питтъ. ⁴ И се — летитъ продержко судно И мещетъ громы обоюдно: Се Бейронъ, Феба образецъ,

¹ Подражаніе г. Петрову, знаменитому вашему лирику. — ² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмъ въ г. Грибоъдову. — ³ Подъ словомъ клады должно разумъть правдивую ненависть имнъшнихъ Леонидовъ, Акилесовъ и Мильтіадовъ въ жестокимъ чалмоносцамъ. — ⁴ Питтъ, знаменитый англійскій министръ и извъстный противникъ свободы.

Притекъ — но недугъ быстропарный, ¹ Строптивый и неблагодарный, Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пъвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесь зоветъ
На мъсто тъни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесь реветъ!
Какъ здъсь ты будешь тамъ сенаторъ,
Какъ здъсь — почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдъ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Өемистокла!
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба. Гремѣла и правдива лесть.
Онъ лордъ — графъ ты! коэты оба! Се, мнится, явно сходство есть — Никакъ! Ты съ вѣрною супругой ² Подъ бременемъ судьбы упругой Живешь въ любви — и наконецъ Глубокъ онъ, но единобразенъ! А ты глубокъ, игривъ и разенъ — И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ.

А я — невѣдомый піита — Въ восторгѣ новомъ воспою Во слѣдъ піита знаменита Правдиву похвалу свою, Моляся кораблю бѣгущу, Да Бейрона онъ узритъ кущу з

¹ Горячка. — ² Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою. [См. послѣднее замѣч. къ одѣ: Заздравный кубокъ]. — ³ Подражаніе И. И. Дмитріеву:

Къ тебѣ я руки простираль, Уже изъ отческія кущи Взирая на суда бѣгущи.

И да блюдутъ твой мирный сонъ ¹ Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея, Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея, Фебъ, Игры, Смъ́хи, Вакхъ, Харонъ.

* *

Тимковскій * царствоваль — и всё твердили вслухь, Что врядъ ли гдё ословъ найдешь подобныхъ двухъ. Явился Бируковъ, за нимъ во слёдъ Красовскій: Ну, право, ихъ умнёй покойный былъ Тимковскій.

ЭКСПРОМТЪ

на канцелярскомъ лъль.

Саранча летѣла, летѣла И сѣла. Сидѣла, сидѣла — все съѣла, И вновь улетѣла.

¹ Здёсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго намего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѐть того, кто ниспошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея [Венера] осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подъемлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликустъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толною слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго пінты.

^{*} Цензоръ.

HA B-BA.

Полумилордъ, полукупецъ, Полумудрецъ, полуневѣжда, Полуподлецъ, но есть надежда, Что будетъ полнымъ наконецъ. [Тонь 1824].

къ морю.

Прощай, свободная стихія! Въ послъдній разъ передо мной Ты катишь волны голубыя И блещещь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный, Какъ зовъ его въ прощальный часъ, Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный Услышалъ я въ послъдній разъ.

Моей души предёлъ желанный! Какъ часто по брегамъ твоимъ Бродилъ я тихій и туманный, Завётнымъ умысломъ томимъ.

Какъ я любилъ твои отзывы, Глухіе звуки, бездны гласъ, И тишину въ вечерній часъ, И своенравные порывы.

Смиренный парусь рыбарей, Твоею прихотью хранимый, Скользить отважно средь зыбей: Но ты взыграль, неодолимый—И стая тонеть кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить Мнѣ скучный, неподвижный брегъ, Тебя восторгами поздравить И по хребтамъ твоимъ направить Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ; Вотще рвалась душа моя: Могучей страстью счарованъ, У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ Я путь безпечный устремиль? Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы.... Тамъ погружались въ хладный сонъ Воспоминанья величавы: Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій. И вслёдъ за нимъ, какъ бури шумъ, Другой отъ насъ умчался геній. Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой, Оставя міру свой вѣнецъ. Шуми, взволнуйся непогодой: Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ быль на немъ означенъ; Онъ духомъ созданъ быль твоимъ: Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ, Какъ ты, ничъмъ неукротимъ. Міръ опустёль.... Теперь куда же Меня бъ ты вынесь, океанъ? Судьба людей повсюду та же: Гдё капля блага, тамъ на стражё Иль самовластье, иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду Твоей торжественной красы, И долго, долго слышать буду Твой гуль въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы Перенесу, тобою полнъ, Твои скалы, твои заливы, И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ. [Одесса].

АКВИЛОНЪ.

Зачёмъ ты, грозный аквилонъ, Тростникъ болотный долу клонишь? Зачёмъ на дальній небосклонъ Ты облако столь гнёвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой Сводъ неба глухо облекался; Недавно дубъ надъ высотой Въ красъ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыграль, Ты прошумъль грозой и славой — И бурны тучи разогналь, И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ Отнын' радостью блистаетъ. И облакомъ зефиръ играетъ, И тихо зыблется тростникъ.

ПРОЗЕРПИНА.

[подражание парни].

Плещутъ волны Флегетона. Своды тартара дрожать: Кони блёднаго Плутона Быстро къ нимфамъ Пеліона Изъ апла бога мчатъ. Вдоль пустыннаго залива Прозерпина вслёдъ за нимъ, Равнодушна и ревнива, Потекла путемъ однимъ. Предъ богинею колѣна Робко юноша склонилъ. И богинямъ льститъ измѣна: Прозерпинъ смертный милъ. Ада гордая царица Взоромъ юношу зоветъ, Обняла, и колесница Ужъ къ аиду ихъ несетъ. Мчатся, облакомъ одъты; Видять въчные луга, Элизей и томной Леты Усыпленные брега. Тамъ безсмертье, тамъ забвенье, Тамъ утвхамъ нвтъ конца. Прозерпина въ упоеньв, Безъ порфиры и вѣнца, Повинуется желаньямъ, Предаетъ его лобзаньямъ Сокровенныя красы,

Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ, И молчитъ и томно стонетъ.... Но бѣгутъ любви часы.... Плещутъ волны Флегетона, Своды тартара дрожатъ: Кони блѣднаго Плутона Быстро мчатъ его назадъ, И Кереры дочь уходитъ, И счастливца за собой Изъ элизія выводитъ Потаенною тропой; И счастливецъ отпираетъ Осторожною рукой Дверь, откуда вылетаетъ Сновидѣній ложный рой.

23 августа 1824.

къ А. Н. Вульфу.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Прівзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой —
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета!
Лайонъ, мой курчавый братъ
[Не михайловскій прикащикъ],
Привезетъ намъ, право, кладъ!...
Что?... Бутылокъ полный ящикъ!
Запируемъ ужъ, модчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта,
Дни любви посвящены,

Ночью царствують стаканы; Мы же — то смертельно пьяны, То мертвецки влюблены.

къ языкову.

Издревле сладостный союзъ Поэтовъ межъ собой связуеть -Они жрецы единыхъ музъ, Единый пламень ихъ волнуетъ: Другъ другу чужды по судьбъ, Они родня по вдохновенью. Клянусь Овидіевой тёнью: Языковъ, близокъ я тебф! Давно бъ на деритскую дорогу Я вышелъ утренней порой, И къ благосклонному порогу Понесъ тяжелый посохъ мой. И возвратился бъ оживленный Картиной беззаботныхъ дней, Бесвдой вольно-вдохновенной И звучной лирою твоей. Но злобно мной играетъ счастье: Давно безъ крова и ношусь, Куда подуеть самовластье: Уснувъ, не знаю, гдъ проснусь. Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньъ, Влачу закованные дни. Услышь, поэтъ, мое призванье, Моихъ надеждъ не обмани: Въ деревив, гдв Петра питомецъ, Царей; царицъ любимый рабъ И ихъ забытый однодомецъ, Скрывался прадёдъ мой, арапъ, Гдь, позабывъ Елизаветы

И дворъ, и пышные объты, Полъ свнью липовыхъ аллей Онъ думаль въ охлажденны лъты О лальней Африкъ своей, Я жду тебя. Тебя со мною Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ Мой брать по крови, по душь, Шалунъ, замъченный тобою; И музъ возвышенный пророкъ, Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ, И наша троица прославить Изгнанья темный уголокъ. Надзоръ обманемъ караульной, Восхвалимъ вольности дары II нашей юности разгульной Пробудимъ шумные пиры, Вниманье дружное преклонимъ Ко звону рюмокъ и стиховъ, И скуку зимнихъ вечеровъ Виномъ и пъснями прогонимъ.

Михайловское, 20 сентября 1824.

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

книгопродавецъ.

Стишки для васъ одна забава, Немножко стоитъ вамъ присъсть. Ужъ разгласить успъла слава Вездъ пріятнъйшую въсть: Поэма, говорятъ, готова, Плодъ новыхъ умственныхъ затъй. И такъ ръшите, жду я слова: Назначьте сами цъну ей. Стишки любимца музъ и грацій Мы вмигъ рублями замънимъ,

И въ пукъ наличныхъ ассигнацій Листочки ваши обратимъ. О чемъ вздохнули такъ глубоко, Нельзя ль узнать?

поэтъ.

Я быль далеко:

Я время то воспоминаль, Когда, надеждами богатый, Поэтъ безпечный, я писалъ Изъ вдохновенья, не изъ платы. И видълъ вновъ пріюты скалъ, И темный кровъ уединенья, Гдѣ я на пиръ воображенья. Вывало, музу призывалъ. Тамъ слаще голосъ мой звучалъ; Тамъ доль яркія видынья. Съ неизъяснимою красой, Вились, летали надо мной Въ часы ночнаго вдохновенья. Все волновало нъжный умъ: Цвътущій лугь, луны блистанье, Въ часовив ветхой бури шумъ, Старушки чудное преданье. Какой-то демонъ обладалъ Моими играми, досугомъ; За мной повсюду онъ леталъ, Миъ звуки дивные шепталъ, И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ Выла полна моя глава; Въ ней грезы чудныя рождались; Въ размвры стройные стекались Мои послушныя слова И звонкой рифмой замывались. Въ гармоніи соперникъ мой Быль шумь лёсовь, иль вихорь буйной, Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толною пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрной.

книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ Мечтанья тайнаго отрады; Вы разошлися по рукамъ, Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады Лежалой прозы и стиховъ Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ И вѣтреной ея награды.

поэтъ.

Блаженъ, кто про себя таилъ Души высокія созданья, И отъ людей, какъ отъ могилъ, Не ждалъ за чувство воздаянья! Блаженъ, кто молча былъ поэтъ И, терномъ славы неувитый, Презрънной чернію забытый, Безъ имени покинулъ свътъ! Обманчивъй и сновъ надежды, Что слава? Шопотъ ли чтеца? Гоненье ль низкаго невъжды? Иль восхищеніе глупца?

книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ быль того же мнёнья; Жуковскій то же говориль: Но свътъ узналъ и раскупилъ Ихъ сладкозвучныя творенья. И впрямъ, завиденъ вашъ удълъ: Поэть казнить, поэть вънчаеть; Злодвевъ громомъ ввчныхъ стрвлъ Въ потомствъ дальнемъ поражаетъ; Героевъ утвшаетъ онъ; Съ Коринной на кинерскій тронъ Свою любовницу возноситъ. Хвала для васъ докучный звонъ; Но сердце женщинь славы просить: Для нихъ пишите, ихъ ушамъ Пріятна лесть Анакреона: Въ младыя льта розы намъ Дороже лавровъ Геликона.

поэтъ.

Самолюбивыя мечты. Утѣхи юности безумной! И я, средь бури жизни шумной, Искалъ вниманья красоты, Мои слова, мои напъвы, Коварной силой иногда Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы Волненье страха и стида; Глаза прелестные читали Меня съ улыбкою любви; Уста волшебныя шептали Мнъ звуки сладкіе мои! Но полно; въ жертву имъ свободы Мечтатель ужъ не принесеть; Пускай ихъ юноша поетъ, Любезный баловень природы.

Что мив до нихъ? Теперь въ глуши Безмолвно жизнь моя несется; Стонъ лиры върной не коснется Ихъ легкой, вътреной души; Нечисто въ нихъ воображенье, Не понимаетъ насъ оно, И, признакъ Бога, вдохновенье Для нихъ и чуждо, и смѣшно. Когла на память мив невольно Придетъ внушенный ими стихъ, Я содрогаюсь, сердцу больно, Миъ стыдно идоловъ моихъ. Къ чему несчастный я стремился? Предъ къмъ унизилъ гордый умъ? Кого восторгомъ чистыхъ думъ Боготворить не устыдился? Ахъ, лира, лира! что же ты Мое безумство разгласила? Ахъ, если бъ Лета поглотила Мои летучія мечты!

книгопродавецъ.

Люблю вашъ гиввъ. Таковъ поэтъ! Причины вашихъ огорченій Мив знать нельзя; но исключеній Для милыхъ дамъ ужели ивтъ? Ужели ни одна не стоитъ Ни вдохновенья, ни страстей, И вашихъ ивсень не присвоитъ Всесильной красотъ своей? Молчите вы?

поэтъ.

Зачёмъ поэту Тревожить сердца тяжкій сонъ? Безплодно память мучить онъ. И что жъ, какое дёло свёту? Я всёмъ чужой. Душа моя Хранитъ ли образъ незабвенный? Любви блаженство зналъ ли я? Тоскою ль долгой изнуренный, Таплъ я слезы въ тишинъ? Гдё та была, которой очи, Какъ небо, улыбались мнъ? Вся жизнь, одна ли, двё ли ночи?

И что жъ? Докучный стонъ любви. Слова покажутся мои Безумца дикимъ лепетаньемъ. Тамъ сердце ихъ пойметъ одно, И то съ печальнымъ содроганьемъ. Судьбою такъ ужъ рѣшено. Съ къмъ подълюсь я вдохновеньемъ? Одна была — предъ ней одной Лышаль я чистымь упоеньемь Любви поэзіи святой. Тамъ, тамъ, гдф тфнь. гдф листъ чудесный, Глѣ льются вѣчныя струи, Я находиль огонь небесный, Сгорая жаждою любви. Ахъ, мысль о той душѣ завялой Могла бы юность оживить. И сны поэзіи бывалой Толпою снова возмутить! Она одна бы разумъла Стихи неясные мои; Одна бы въ сердцъ пламенъла Лампадой чистою любви. Увы, напрасныя желанья! Она отвергла заклинанья, Мольбы, тоску души моей: Земныхъ восторговъ изліянья, Какъ божеству, не нужно ей.

книгопродавецъ.

И такъ, любовью утомленный, Наскуча лепетомъ молвы, Заранъ отказались вы Отъ вашей лиры вдохновенной. Теперь, оставя шумный свътъ, И музъ, и вътреную моду, Что жъ изберете вы?

поэтъ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совътъ; Внемлите истинъ полезной: Нашъ въвъ торгашъ; въ сей въкъ жельзной Безъ денегъ и свободы нътъ. Что слава? Яркая заплата На ветхомъ рубищъ пъвца. Намъ нужно здата, здата, здата; Копите злато по конца! Предвижу ваше возраженье; Но васъ я знаю, господа: Вамъ ваше дорого творенье, Пока на пламени труда Кипить, бурлить воображенье; Оно застынеть, и тогда Постыло вамъ и сочиненье. Позвольте просто вамъ сказать: Не продается вдохновенье. Но можно рукопись продать. Что жъ медлить? Ужъ ко мий заходять Нетерпъливые чтепы: Вкругъ лавки журналисты бродятъ, За ними тошіе пѣвцы: Кто просить нищи для сатиры,

Кто для души, кто для пера, И, признаюсь, отъ вашей лиры Предвижу много я добра.

поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

26 сентября, въ Михайловскомъ.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожь музь, гонитель давній мой. Сегодня разсуждать задумаль я съ тобой. Не бойся, не хочу прельщенный мыслыю ложной Цензуру поносить хулой неосторожной — Что нужно Лондону, то рано для Москви. У насъ писатели я знаю каковы; Ихъ мыслей не тъснить цензурная расправа, И чистая душа передъ тобою права. Вопервыхъ, искренно я признаюсь тебъ, Нервдко о твоей жалью я судьбы: Людской безсмыслицы присяжный толкователь, Хвостова, Буниной единственный читатель, Ты въчно разбирать обязанъ за гръхи То прозу глупую, то глупые стихи. Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожить: Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложить, Тотъ оду сочинить, потвя да врехтя, Иной трагедію напишеть намъ шутя — До нихъ намъ дела нетъ, а ты читай, бесися, Зъвай, сто разъ засни, а послъ подпишися. Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ Умъ чтеньемъ освъжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ, Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье ---А долженъ посвятить безплодное вниманье На бредни новыя какого-то враля,

Которому досугъ пъть рощи, да поля.... Да связь утратя въ нихъ ищи ее сначала, Или вымарывай изъ тощаго журнала Насмъшки грубыя и площадную брань: Учтивыхъ остряковъ затъйливую дань.

Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный! Онъ долженъ умъ имъть прямой и просвъщенный; Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ; Но мивнья не твснить и разумь терпить онъ. Блюститель тишины, приличія и нравовъ Не преступаеть самь начертанных уставовь; Закону преданный, отечество любя, Принять отвётственность умёнть на себя; Полезной истинъ путей не заграждаетъ, Живой поэзіи развиться не мішаеть; Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ, Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ. А ты, глупецъ и трусъ! что дълаешь ты съ нами? Гдъ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами, Не понимая насъ, мараешь и дерепіь; Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь, Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ, Гласъ правды — мятежемъ, Куницына — Маратомъ, Ръшилъ — а тамъ поди, хоть на тебя проси! Скажи, не стыдно ди, что на святой Руси, Благодаря тебя, не видимъ книгъ досель? И если говорить задумаеть о дълъ, То, славу русскую и здравый умъ любя, Самъ государь велить печатать безъ тебя. Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты, Баллады, басенки, элегіи, куплеты, Досуговъ и любви невинныя мечты, Воображенія минутные цвёты.... О, варваръ! кто изъ насъ, владелецъ русской диры, Не проклиналь твоей губительной съкиры?

Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ: Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ, Ни слогъ пъвца «Пировъ», столь чистый, благородный — Ничто не трогаетъ души твоей холодной! На все кидаеть ты косой, невёрный взглядъ, Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видищь ядъ. Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный: Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный. И право никогда искусный коновалъ Излишней пылкости Пегаса не лишалъ. Чего бопшься ты? Повёрь мнв, чьи забавы — Осмѣивать законъ, правительство и нравы, Тотъ не подвергнется взысканью твоему. Тотъ не знавалъ тебя — мы знаемъ почему — И рукопись его, не погибая въ Летъ. Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свътъ. Барковъ шутливыхъ одъ къ тебъ не посылалъ, Радищевъ, рабства врагъ, цензуры пзбѣжалъ, И Пушкина стихи въ печати не бывали — Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали. Но ты свое несешь — и въ нашъ премудрый въкъ Едва ли Шаликовъ не вредный человъкъ. Зачёмъ себя и насъ терзаешь безъ причины? Скажи, читаль ли ты «Наказь» Екатерины? Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ; Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный Невъжество казниль въ комедіи народной, Хоть въ узкой головъ придворнаго глупца Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица. Державинъ, бичъ вельможъ, при звукъ грозной лиры Ихъ горделивие разоблачилъ кумиры. Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ. Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ. Киприду иногда являль безъ покрывала — II пикому изъ нихъ цензура не мѣщала.

Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни Съ тобой не такъ легко бъ раздълались они. Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало ---Іней Александровыхъ прекрасное начало: Провъдай, что въ тъ дни произвела печать! На поприщъ ума нельзя намъ отступать.... Старинной глупости мы праведно стыдимся, Ужели къ темъ годамъ мы снова обратимся. Когда никто не смёль отечества назвать, И въ рабствъ ползали и люди, и печать! Нътъ, нътъ! оно прошло, губительное время, Когла невъжества несла Россія бремя; Гдъ славный Карамзинъ снискалъ себъ вънецъ, Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ. Исправься жъ, будь умнъй и примирися съ нами. «Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами; Но можно ль цензору по совъсти судить? Я долженъ то того, то этого щадить. Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу, Читаю, да крещусь — мараю наудачу.... На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримъръ, У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ, А ныньче и Миллотъ попался въ наши съти. Я бёдный человёкъ; къ тому жъ жена и дёти....> Жена и дъти, другъ, повърь — большое зло: Отъ нихъ все скверное у насъ произошло! Но дълать нечего! такъ если невозможно Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно И службою своей ты нуженъ для паря. Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ, Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ! Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ, Послёднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ. Со всею братіей гонимый совокупно, Я, вспыхнувъ, говорилъ тебъ немного крупно; Потешиль языка бранчивую свербежь; Но извини меня, мит было невтериежъ. Теперь въ моей глуши журналы раздирая, И бъдной братіи стишонки разбирая [Теперь же мий читать охота и досугь], Обрадовался я, по нимъ замътя вдругъ Въ тебъ и правила, и мыслей образъ новый. Ура! ты заслужиль вёновь себё давровый И твердостью души, и смёлостью ума. Какъ изумилася поэзія сама, Когда ты разрёшиль, по милости чудесной, Завътния слова: божественный, небесный -И ими назвалась [для риемы] красота, Не оскорбляя тымь ужь Господа-Христа. Но что же вдругъ тебя, скажи, перемънило И нрава твоего кичливость усмирило? Свои посланія хоть очень я люблю, Хоть знаю, что прочель ты жалобу мою; Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею Пріятно изумленъ, гордиться не посм'єю. Отнесся я къ тебъ по долгу своему; Но мнв ль исправить вась? Нвть, ввдаю, кому Сей важной новостью обязана Россія: Обдумавъ наконецъ намфренья благія, Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ. Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ. Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа Священной памятью двінадцатаго года; Одинъ въ толив вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ: Ихъ, незамъченныхъ, созвалъ, соединилъ; Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый Осиротълаго вънца Екатерины.

Онъ съ нами сътоваль, когда святой отецъ, Омара да Гали пріявъ за образецъ, Въ угодность Господу, себъ во утъщенье, Усердно заглушить старался просвъщенье. Благочестивая, смиренная душа Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша, И помогаль ему Магницкій благородный, Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою превосходной, И даже бъдный мой Кавелинъ-дурачекъ, Креститель Галича, Магинцкаго дьячекъ. И вотъ, за всв грви, въ чьи пакостныя руки Вы были преданы, печальныя науки! Цензура, вотъ кому подвластна ты была! Но полно! мрачная година протекла, И ярче ужъ горитъ свътильникъ просвъщенья. Я, съ перемъною несчастнаго правленья. Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ; Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ. И такъ я поспъшиль пріятелей поздравить, А между тъмъ совъть на память имъ оставить: Будь строгъ, но будь уменъ. Не просять у тебя, Чтобъ всв законныя преграды истребя, Все мыслить, говорить, печатать безопасно, Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно. Права свои храни по долгу своему; Но скромной истинъ, но мирному уму. И даже глупости, невинной и довольной, Не заграждай пути заставой своевольной. И если ты въ плодахъ досужнаго пера Порою не найдешь великаго добра, Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата, Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата, То славы автору желая отъ души, Махни, мой другъ, рукой и смъло подпиши.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другь на глась твоихъ речей Отвътствуетъ язвительнымъ молчаньемъ; Когда свою онъ отъ руки твоей. Какъ отъ змъи, отдернетъ съ содроганьемъ; Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя, Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою; Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя, Онъ мучится безумною тоскою;> Не говори: «неблагодаренъ онъ: Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ; Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ....> Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ? Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть, Чтобъ вымолить у друга примиренье. Но если ты святую дружбы власть Употребляль на злобное гоненье: Но если ты затъйливо язвилъ Пугливое его воображенье, И гордую забаву находилъ Въ его тоскъ, рыданьяхъ, униженьъ; Но если самъ презрѣнной клеветы Ты про него невидимымъ былъ эхомъ: Но если цёпь ему накинуль ты И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ, И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ: Тогда ступай, не трать пустыхъ ръчей — Ты осужденъ последнимъ приговоромъ.

¹⁸ октября 1824. Михайловское.

цыганы.

Цыганы шумною толпой По Бессарабіи кочуютъ. Они сегодня надъ рѣкой Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ. Какъ вольность веселъ ихъ ночлегъ И мирный сонъ полъ небесами. Между колесами телегъ, Полузавъщенныхъ коврами, Горитъ огонь; семья кругомъ Готовить ужинь; въ чистомъ пол'в Пасутся кони; за шатромъ Ручной медвёдь лежить на волё. Все живо посреди степей: Заботы мирныя семей. Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній, И пъсни женъ, и крикъ дътей, И звонъ похолной наковальни. Но вотъ на таборъ кочевой Нисходить сонное молчанье, И слышно въ типинъ степной Лишь лай собакъ, да коней ржанье. Огни вездѣ погашены, Спокойно все, луна сіяетъ Одна съ небесной вышины И тихій таборъ озаряетъ. Въ шатръ одномъ старикъ не спитъ: Онъ передъ углями сидитъ, Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ. И въ поле дальное глядитъ, Ночнымъ подернутое паромъ. Его молоденькая дочь Пошла гулять въ пустынномъ полв. Она привыкла къ ръзвой волъ,

Она придеть; но воть ужь ночь, И скоро мѣсяць ужь покинеть Небесь далекихь облака; Земфиры нѣть какъ нѣть, и стынеть Убогій ужинь старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть какъ мы цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.»

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровъ.
Будь нашъ, привыкни въ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телегѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

AJERO.

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА.

Олъ будетъ мой:
Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно мъсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ....

Свътло. Старикъ тихонько бродитъ Вокругъ безмолвнаго шатра. «Вставай, Земфира, солнце всходить; Проснись, мой гость, пора, пора! Оставьте, дъти, ложе нъги.» И съ шумомъ высыпалъ народъ; Шатры разобраны: телеги Готовы двинуться въ походъ; Все вмѣстѣ тронулось — и вотъ Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ. Ослы въ перекидныхъ корзинахъ Дътей играющихъ несутъ; Мужья и братья, жены, дівы, И старъ и младъ во следъ идуть; Крикъ, шумъ, цыганскіе принфвы, Медвѣдя ревъ, его цѣпей Нетерпъливое бряцанье, Лохмотьевъ яркихъ нестрота, Дътей и старцевъ нагота, Собакъ и лай и завыванье, Волынки говоръ, скрипъ телегъ, Все скудно, дико, все нестройно, Но все такъ живо-непокойно, Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ, Такъ чуждо этой жизни праздной, Какъ пъснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что жъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ Ни заботы, ни труда: Хлопотливо не свиваетъ Лолговъчнаго гивзиа: Въ долгу ночь на въткъ дремлетъ; Солнце красное взойдеть ---Птичка гласу Бога внемлетъ, Встрепенется и поетъ. За весной, красой природы, Лъто знойное пройдетъ — И туманъ, и непогоды Осень поздняя несеть: Людямъ скучно, людямъ горе; Птичка въ дальнія страны, Въ теплый край, за сине море Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной, И онъ, изгнанникъ перелетной, Гнѣзда надежнаго не зналъ И ни къ чему не привыкалъ. Ему вездѣ была дорога, Вездѣ была ночлега сѣнь; Проснувшись поутру, свой день Онъ отдавалъ на волю Бога, И жизни не могла тревога

Смутить его сердечну лівнь. Его, порой, волшебной славы Манила лальняя звъзда, Нежданно роскошь и забавы Къ нему являлись иногда; Налъ одинокой головою И громъ нерѣдко грохоталъ; Но онъ безпечно подъ грозою И въ ведро ясное дремалъ, И жилъ, не признавая власти Сульбы коварной и слѣной: Но, Боже, какъ играли страсти Его послушною душой! Съ какимъ волненіемъ кипѣли Въ его измученной груди! Давно ль, на долго ль усмирѣли? Онъ проснутся: погоди.

ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь О томъ, что бросилъ навсегда?

АЛЕКО.

Что жъ бросилъ я?

ЗЕМФИРА.

Ты разумвешь:

Людей отчизны, города.

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала, Когда бы ты воображала Неволю душныхъ городовъ! Тамъ люди въ кучахъ, за оградой Не дышатъ утренней прохладой, Ни вешнимъ запахомъ луговъ; Любви стыдятся, мысли гонять, Торгують волею своей, Главы предъ идолами клонять И просять денегь да цёпей. Что бросиль я? Измёнь волненье, Предразсужденій приговорь, Толпы безумное гоненье Или блистательный позоръ.

ЗЕМФИРА.

Но тамъ огромныя палаты, Тамъ разноцейтные ковры, Тамъ игры, шумные пиры, Уборы дёвъ тамъ такъ богаты!

АЛЕКО.

Что шумъ веселій городскихъ? Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій; А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ И безъ нарядовъ дорогихъ, Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій! Не измѣнись, мой нѣжный другъ! А я.... одно мое желанье — Съ тобой дѣлить любовь, досугъ И добровольное изгнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хоть и рожденъ Среди богатаго народа; Но не всегда мила свобода Тому, кто къ нътъ пріученъ. Межъ нами есть одно преданье: Царемъ когда-то сосланъ былъ Полудня житель къ намъ въ изгнанье [Я прежде зналъ, но позабылъ Его мудреное прозванье].

Онъ быль уже льтами старъ, Но младъ и живъ душой незлобной; Имълъ онъ пъсенъ дивный даръ И голосъ, шуму водъ подобной. И полюбили всѣ его, И жиль онь на брегахъ Дуная, Не обижая никого, Людей разсказами плъняя. Не разумълъ онъ ничего, И слабъ и робокъ былъ какъ дъти; Чужіе люди за него Звърей и рыбъ ловили въ съти; Какъ мерзла быстрая ръка И зимни вихри бушевали, Пушистой кожей покрывали Они святаго старика; Но онъ къ заботамъ жизни бедной Привыкнуть никогда не могъ; Скитался онъ изсохшій, блёдной, Онъ говориль, что гивный Богъ Его каралъ за преступленье, Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье. И все несчастный тосковаль, Бродя по берегамъ Дуная, Да горьки слезы проливаль, Свой дальный градъ воспоминая. И завъщалъ онъ, умирая, Чтобы на югъ перенесли Его тоскующія кости, И смертью -- чуждой сей земли Неуспокоенные гости.

AJEKO.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ. О Римъ, о громкая держава! Пъвецъ любви, пъвецъ боговъ, Скажи мив, что такое слава? Могильный гуль, хвалебный глась, Изъ рода въ роды звукъ бъгущій. Или подъ свнью дымной кущи Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два л'вта. Также бродятъ Пыганы мирною толиой; Вездъ, пс-прежнему, находять Гестепріимство и покой. Презрѣвъ оковы просвѣщенья, Алеко воленъ, какъ они: Онъ безъ заботъ и сожалѣнья Ведетъ кочующіе дин. Все тотъ же онъ, семья все та же; Онъ прежнихъ лътъ не помня лаже, Къ бытью цыганскому привыкъ; Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни. И упоенье вычной лини, И бъдный, звучный ихъ языкъ. Медведь, бетлецъ родной берлоги, Косматый гость его шатра, Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги, Близъ молдаванскаго двора Передъ толпою осторожной И тяжко плящеть и реветь, И цёпь докучную грызетъ. На посохъ опершись дорожной, Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ, Алеко съ пѣньемъ звѣря водитъ, Земфира поселянъ обходитъ И дань ихъ вольную берегъ; Настанетъ ночь; они всъ трое Варятъ нежатое пшено;

Старикъ уснулъ — и все въ покоъ Въ шатръ и тихо, и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцъ гръетъ Ужъ остывающую вровь; У люльки дочь поетъ любовь. Алеко внемлетъ и блъднъетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ, Ръжъ меня, жги меня: Я тверда, не боюсь Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя, Презираю тебя; Я другаго люблю, Умираю любя.

АЛЕКО.

Молчи. Мит птиве надотло, Я дикихъ птенъ не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло! Я пѣсню для себя пою.

> Рѣжъ меня, жги меня; Не скажу ничего; Старый мужъ, грозный мужъ, Не узнаешь его.

Онъ свъжъе весны, Жарче лътняго дня; Какъ онъ молодъ и смълъ! Какъ онъ любитъ меня! Какъ ласкала его Я въ ночной тишинъ! Какъ смъялись тогда Мы твоей съдинъ!

АЛЕКО.

Молчи, Земфира, я доволенъ....

ЗЕМФИРА.

Такъ поняль ифсию ты мою?

АЛЕКО.

Земфира!...

ЗЕМФИРА.

Ты сердиться волень, Я пъсню про тебя пою.

[Уходитъ и поеть: «Старый мужъ», и проч.]

СТАРИКЪ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта Во время наше сложена; Уже давно въ забаву свѣта Поется межъ людей она. Кочуя на степяхъ Кагула, Ее, бывало, въ зимню ночь Моя пѣвала Маріула, Передъ огнемъ качая дочь. Въ умѣ моемъ минувши лѣта Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй; но заронилась пѣсня эта Глубоко въ памяти моей.

Все тихо, ночь; луной украшенъ Лазурный юга небосклонъ. Старикъ Земфирой пробужденъ: «О, мой отецъ! Алеко страшенъ, Послушай, сквозъ тяжелый сонъ И стонетъ, рыдаетъ и онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье. Слыхаль я русское преданье: Теперь, полуночной порой, У спящаго тёснить дыханье Домашній духь; передъ зарей Уходить онь. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ— Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мий; Мий скучно, сердце воли просить, Ужъ я... Но тише! слышишь? онъ Другое имя произносить.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый стонъ И скрежетъ ярый!... Какъ ужасно! Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно, Ночнаго духа не гони; Уйдетъ и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся; Привсталъ; зоветъ меня; проснулся. Иду къ нему. — Прощай, усни.

AJEKO.

Гдв ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцемъ сидъла. Какой-то духъ тебя томилъ, Во снъ душа твоя терпъла Мученья. Ты меня страшилъ: Ты сонный скрежеталъ зубами И звалъ меня.

ATERO.

Мит снилась ты. Я видълъ, будто между нами.... Я видълъ страшныя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не върь лукавимъ сновиденьямъ.

AJERO.

Ахъ, я не върю ничему: Ни снамъ, ни сладкимъ увъреньямъ, Ни даже сердцу твоему.

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой, О чемъ вздыхаешь ты всечасно? Здъсь люди вольны, небо ясно, И жены славятся красой. Не плачь, тоска тебя погубитъ.

АЛЕКО.

Отецъ! она меня не любитъ.

старикъ.

Утѣшься, другь; она дитя; Твое унынье безразсудно: Ты любишь горестно и трудно, А сердце женское шутя. Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ Гуляетъ вольная луна: На всю природу мимоходомъ Равно сіянье льеть она; Заглянетъ въ облако любое, Его такъ пышно озаритъ, И вотъ ужъ перешла въ другое, И то не лолго посътитъ. Кто мъсто въ небъ ей укажетъ, Примолвя: тамъ остановись! Кто сердцу юной дёвы скажеть: Люби одно, не измѣнись! YTEURCE!...

АЛЕКО.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

СТАРИКЪ.

Послушай, разскажу тебѣ Я повѣсть о самомъ себѣ. Давно, давно, когда Дунаю Не угрожаль еще москаль—
[Вотъ видищь, я припоминаю, Алеко, старую печаль],
Тогда боялись мы султана,
А правилъ Буджакомъ паша
Съ высокихъ башенъ Акермана—
Я молодъ быль, моя душа
Въ то время радостно кипъла
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще съдинка не бълъла.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была.... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконепъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя Звъздой падучею мелькнула! Но ты, пора любви, минула Еще быстръе: только годъ Меня любила Маріула.

Однажды, близъ кагульскихъ водъ Мы чуждый таборъ повстрвчали; Цыганы тв, свои шатры Разбивъ близъ нашихъ, у горы, Двв ночи вмвств ночевали. Они ушли на третью ночь, И, брося маленькую дочь, Ушла за ними Маріула. Я мирно спалъ; заря блеснула; Проснулся я — подруги нвтъ! Ищу, зову — пропалъ и слвдъ. Тоскуя, плакала Земфира, И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ Постыли мнв всв двви міра; Межъ ними никогда мой взоръ

Не выбираль себѣ подруги, И одинокіе досуги Уже ни съ кѣмъ я не лѣлилъ.

АЛЕКО.

Да какъ же ты не поспѣшилъ Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной, И хищнику и ей коварной Кинжала въ сердце не вонзилъ?

СТАРИКЪ.

Къ чему? Вольнъе птицы младость. Кто въ силахъ удержать любовь? Чредою всъмъ дается радость; Что было, то не будетъ вновь.

АЛЕКО.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хотъ мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

молодой цыганъ. Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.

цыганъ.

Одно.... но долъ - на прощанье!

ЗЕМФИРА.

Прощай, покамъстъ не пришелъ.

цыганъ.

Скажи — когда жъ опять свиданье?

ЗЕМФИРА.

Сегодня, вавъ зайдетъ луна, Тамъ, за курганомъ надъ могилой...

цыганъ.

Обманетъ! не придетъ она.

ЗЕМФИРА.

Бъти — вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ Виденье смутное играетъ: Онъ съ крикомъ пробудясь во тьмѣ, Ревниво руку простираетъ: Но оробълая рука Покровы хладные хватаетъ — Его подруга далека.... Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ... Все тихо! страхъ его объемлетъ, По немъ текутъ и жаръ, и хладъ; Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ, Вокругъ телегъ ужасенъ бродитъ; Спокойно все: поля молчать; Темно: луна зашла въ туманы; Чуть брежжетъ звъздъ невърный свътъ; Чуть по росв примътный следъ

Ведетъ за дальніе курганы: Нетеривливо онъ идетъ, Куда зловвщій слвдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
Вдали бълъетъ передъ нимъ,
Туда слабъющія ноги
Влачитъ, предчувствіемъ томимъ;
Дрожатъ уста, дрожатъ колъни....
Идетъ...: и вдругъ.... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двъ тъни,
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

первый голосъ.

Пора!...

второй голосъ.

Постой!

первый голосъ. Пора, мой милый.

второй голосъ. Нътъ, нътъ! постой, дождемся дня.

первый голосъ.

Ужъ поздно.

второй голосъ. Какъ ты робко любишь.

Минуту!

первый голосъ. Ты меня погубить.

второй голосъ.

Минуту!

первый голосъ.

Если безъ меня

Проснется мужъ....

AJERO.

Проснулся я.

Куда вы? Не спѣшите оба — Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

ЗЕМФИРА.

Мой другъ, бъти, бъти!

АЛЕКО.

Постой!

Куда, красавецъ молодой? Лежи!

[Вонзаетъ въ него ножъ].

ЗЕМФИРА.

Алеко!

цыганъ.

. Умираю!

ЗЕМФИРА.

Алеко, ты убъешь ero! Взгляни, ты весь обрызганъ кровью! О, что ты сдёлаль?

АЛЕКО.

Ничего.

Теперь дыши его любовью....

ЗЕМФИРА.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя, Твои угрозы презираю, Твое убійство проклинаю. AJEKO.

Умри жъ и ты! [Поражаеть ее].

ЗЕМФИРА.

Умру любя!

Востокъ денницей озаренный Сіяль. Алеко за холмомъ, Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный Сильль на камив гробовомъ. Два трупа передъ нимъ лежали; Убійпа страшень быль лицомь: Цыганы робко окружали Его встревоженной толпой; Могилу всторонъ копали, Шли жены скорбной чередой И въ очи мертвыхъ цёловали. Старикъ отецъ одинъ сидълъ, И на погибшую глядълъ Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали: Подняли трупы, понесли, И въ лоно хладное земли. Чету младую положили. Алеко издали смотрѣлъ На все. Когда же ихъ зарыли Последней горстію земной. Онъ молча, медленно склонился, И съ камия на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ: «Оставь насъ, гордый человъкъ! Мы дики, нътъ у насъ законовъ, Мы не терзаемъ, не казнимъ, Не нужно крови намъ и стоновъ; Но жить съ убійцей не хотимъ. Ты не рожденъ для дикой доли,

Ты для себя лишь хочешь воли; Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ: Мы робки, и добры душою, Ты золъ и смёлъ — оставь же насъ; Прости! да будетъ миръ съ тобою.>

Сказалъ — и шумною толною Поднялся таборъ кочевой Съ долины страшнаго ночлега. И скоро все въ дали степной Сокрылось. Лишь одна телега, Убогимъ крытая ковромъ, Стояла въ полъ роковомъ. Такъ иногда передъ зимою, Туманной утренней порою Когда подъмлется съ полей Станица позднихъ журавлей И съ крикомъ вдаль на югъ несется, Произенный гибельнымъ свинцомъ, Одинъ печально остается, Повиснувъ раненымъ крыломъ. Настала ночь: въ телегъ темной Огня никто не разложилъ, Никто подъ крышею подъемной До утра сномъ не опочилъ.

эпилогъ.

Волшебной силой пѣснопѣнья Въ туманной памяти моей Такъ оживляются видѣнья То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней. Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани Ужасный гулъ не умолкалъ, Гдѣ повелительныя грани Стамбулу русскій указалъ,

Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавой Еще шумитъ минувшей славой, Встрѣчалъ я посреди степей, Надъ рубежами древнихъ становъ, Телеги мирныя цыгановъ, Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Но счастья нётъ и между вами, Природы бёдные сыны! И подъ издранными шатрами Живутъ мучительные сны; И ваши сёни кочевыя Въ пустыняхъ не спаслись отъ бёдъ, И всюду страсти роковыя, И отъ судебъ защиты нётъ.

невошедшие въ поэму стихи. *

Блѣдна, слаба — Земфира дремлетъ; Алеко съ радостью въ очахъ Младенца держитъ на рукахъ И крику жизни жадно внемлетъ:

«Прими привътъ сердечный мой, Дитя любви, дитя природы,

^{*} По всей въроятности сцена эта должна бъ была слъдовать за оканчивающейся на страницъ 480, къ стиху 2-му.

И съ даромъ жизни дорогой Неоцъненный даръ свободы.

«Останься посреди степей: Безмольны здѣсь предразсужденья— И нътъ ихъ ранняго гоненья Надъ дикой люлькою твоей.

«Рости на волѣ безъ уроковъ; Не знай стѣснительныхъ палатъ, И не мѣняй простыхъ пороковъ На образованный развратъ.

«Подъ свнью мирнаго забвенья Пускай цыгана бёдный внукъ Не знаетъ нъгъ и пресыщенья И пышной суеты наукъ....

«Нътъ, не преклонишь ты колънъ Предъ идоломъ безумной чести, Не будешь жертвой злыхъ измънъ, Трепеща тайно жаждой мести.

«О Боже! если бъ мать моя Меня родила въ чащъ лъса, Или подъ юртой остяка Въ глухой разсълинъ утёса....»

подражание а. шенье.

[Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire....].

Ты вянешь и молчяшь; печаль тебя снёдаеть; На дёвственныхъ устахъ улыбка замираетъ. Давно твоей иглой узоры и цвёты Не оживлялися. Безмолвно любишь ты

Грустить. О, я знатокъ въ девической печали; Лавно глаза мои въ душъ твоей читали. Любви не утаншь: мы любимъ, и какъ насъ, Пъвины нъжныя, любовь волнуетъ васъ. Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними, Красавецъ молодой съ очами голубыми, Съ кудрями черными?... Краснвешь? Я молчу, Но знаю, знаю все; и если захочу, То назову его. Не онъ ли въчно бродитъ Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ? Ты втайнъ ждешь его. Идетъ, и ты бъжишь, И долго вслёдъ за нимъ незримая глядишь. Никто на праздникъ блистательнаго мая, Межъ колесницами роскошными летая, Никто изъ юношей свободнъй и смълъй Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

ПРИЗНАНІЕ.

[АЛЕКСАНДРВ ИВАН. ОСИПОВОЙ].

Я васъ люблю, коть я бѣшусь, Хоть это трудъ и стыдъ напрасной: И въ этой глупости несчастной У вашихъ ногъ я признаюсь! Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ.... Пора, пора мнѣ быть умнѣй! Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ Болѣзнь любви въ душѣ моей: Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю; При васъ мнѣ грустно, я терплю; И мочи нѣтъ, сказать желаю, Мой ангелъ, какъ я васъ люблю! Когда я слышу изъ гостиной Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ, Иль голосъ дѣвственный, невинной, Я вдругъ теряю весь свой умъ. Вы улыбнетесь — мн отрада; Вы отвернетесь - мит тоска. За день мученія — награда Мић ваша бледная рука. Когда за пяльцами прилежно Сидите вы, склонясь небрежно. Глаза и кудри опустя, Я въ умиленьи, молча, нѣжно, Любуюсь вами какъ дитя!... Сказать ли вамъ мое несчастье, Мою ревнивую печаль, Когда гулять, порой, въ ненастье, Вы собираетеся въ даль? И ваши слезы въ одиночку, И рѣчи въ уголку вдвоемъ, И путешествіе въ Опочку, И фортельяно вечеркомъ... Алина. сжальтесь нало мною! Не смъю требовать любви: Быть можетъ, за грѣхи мои, Мой ангель, я любви не стою! Но притворитесь: этотъ взглядъ Все можетъ выразить такъ чудно! Ахъ, обмануть меня не трудно: Я самъ обманываться радъ!...

подражанія корану. 1

[посвящено прасковью александр. осиповой].

T.

Клянусь четой и нечетой, Клянусь мечемъ и правой битвой,

^{1 «}Нечестивые, пишетъ Магометъ [глава Награды], думають, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мивніе сихъ нечести-

Клянуся утренней звѣздой, Клянусь вечернею молитвой: ²

Нѣтъ, не покинулъ я тебя. Кого же въ сѣнь успокоенья Я ввелъ, главу его любя, И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ Тебя пустынными водами? Не я ль языкъ твой одарилъ Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ, Стезею правды бодро слѣдуй, Люби сиротъ, и мой коранъ Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

*О, жены чистыя пророка,
Отъ всёхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тёнь порока.
Подъ сладкой сёнью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дёвы покрывало.
Храните вёрныя сердца

выхъ конечно справедливо; но, не смотря на сіє, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ. — [Примѣчаніе Пушкина, какъ и всѣ прочія].

² Въ другихъ мъстахъ корача, Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродътелью и порокомъ, ангелами и человъкомъ, и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранъ поминутно.

Для пътъ законныхъ и стыдливыхъ, Да взоръ лукавый нечестивыхъ Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета! Стекаясь къ вечери его, Врегитесь суетами свъта Смутить пророка моего. Въ пареньи думъ благочестивыхъ Не любить онъ велеръчивыхъ, П словъ нескромныхъ и пустыхъ; Почтите пиръ его смиреньемъ. И цъломудреннымъ склоненьемъ Его невольницъ молодыхъ. 1

TIT.

Смутясь нахмурился пророкъ, Слъпца послышавъ приближенье; Бъжитъ, да не дерзнетъ порокъ Ему являть недоумънье.

Съ небесной книги списокъ данъ Тебъ, пророкъ, не для строитивыхъ; Спокойно возвъщай коранъ, Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человѣкъ? За то ль, что нагъ на свѣтъ явился, Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ, Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

[«]Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имъю нужды съ вами чиниться.» и проч. Ревность араба такъ и дышетъ въ сихъ заповъдяжъ.

² Изь кинги: Слѣпецъ.

За то ль, что Богь и умертвить, И воскресить его по воль? Что съ неба дни его хранить И въ радостяхъ, и въ горькой доль?

За то ль, что далъ ему плоды, И хлъбъ, и финикъ, и оливу, Влагословивъ его труды И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубить; На землю громъ небесный грянеть: И брать отъ брата побъжить, И сынъ отъ матери отпрянеть.

И всѣ предъ Бога притекутъ, Обсзображенные страхомъ: И нечестивые падутъ Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV

Съ тобою древле, о всесильный, Могучій состязаться мниль, Безумной гордостью обильный; Но ты, Господь, его смириль. Ты рекъ: я міру жизнь дарую, Я смертью землю наказую, На все подъята длань моя. Я также, рекъ онъ, жизнь дарую, И также смертью наказую: Съ тобою, Боже, равенъ я. Но смолкла похвальба порока Отъ слова гнѣва твоего: Подъмлю солнце я съ востока; Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды, Творецъ, поддержаны тобой, Да не падутъ на сушь и воды И не подавятъ насъ собой. 1

Зажегъ ты солнце во вселенной, Да свътитъ небу и землъ, Какъ ленъ, елеемъ напоенной, Въ лампадномъ свътитъ хрусталъ.

Творцу молитесь; онъ могучій: Онъ править вѣтромъ; въ знойный день На небо насылаетъ тучи; Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: онъ Магомету Открылъ сіяющій коранъ, Да притечемъ и мы ко свъту, И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ Въ бою съ обритыми главами, Съ окровавленными мечами, Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному вличу, О дёти пламенныхъ пустынь! Ведите въ плёнъ младыхъ рабынь, Дёлите бранную добычу!

Вы побъдили: слава вамъ,

¹ Плохая физика, но за то какая смѣлая поэзія.

А малодушнымъ посмѣянье. Они на бранное призванье Не шли, не въря дивнымъ снамъ.

ВПрельстясь добычей боевою, Теперь въ раскаяньи своемъ Рекутъ: возьмите насъ съ собою; Но вы скажите: не возьмемъ.

Влаженны падшіе въ сраженьй: Теперь они вошли въ эдемъ, И потонули въ наслажденьи Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый: Въ пещеръ твоей Святая лампада До утра горитъ. Сердечной молитвой, Пророкъ, удали Печальныя мысли, Лукавые сны! До утра молитву Смиренно твори; Небесную книгу До утра читай!

VIII.

Торгуя совъстью предъ блёдной нищетою, Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою: Щедрота полная угодна небесамъ. Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной, О съятель благополучной, Сторицею воздасть она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья, Вручая нищему скупое подаянье, Сжимаешь ты свою завистливую длань; Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной, Что съ камня моетъ дождь обильной, Исчезнутъ — Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ, Онъ жаждой томился и тъни алкалъ. Въ пустынъ блуждая три дня и три ночи, И зноемъ и пылью тягчимыя очи Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ, И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремиль, И жадно холодной струей освѣжилъ Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы, И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы: И многіе годы надъ нимъ протекли, По волѣ владыки небесъ и земли.

Насталь пробужденья для путника чась; Встаеть онъ и слышить невѣдомый глась: «Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?» И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко На утреннемъ небѣ сіяло вчера; Съ утра я глубоко проспаль до утра.

Но голосъ: «о путнивъ, ты долѣе спалъ; Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ; Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодной Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной, Давно занесенный песками степей; И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.>

И горемъ объятый мгновенный старикъ. Рыдая, дрожащей главою поникъ....
И чудо въ пустынъ тогда совершилось:
Минувшее въ новой грасъ оживилось;
Вновь зыблется пальма тънистой главой;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И веткія кости ослицы встають, И тіломъ оділись, и ревъ издають; И чувствуєть путникъ и силу, и радость; Въ крови заиграла воскресшая младость; Святые восторги наполнили грудь; И съ Богомъ онъ далъ пускается въ путь.

ЖЪ А. И. О — Й.

Мий ийть ни въ чемъ отъ васъ потачки; жестоки вы, Богъ вамъ судья! Вы говорите: я въ горячкй, Вы говорите: брежу я. За что же гийвъ такой? Не знаю! Вёдь я въ бреду, въ горячки злой — И потому я повторяю Вамъ безпрестанно, что страдаю, что я люблю васъ, ангелъ мой!

НА ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАВОДНЕНІЕ.

Напрасно ахнула Европа: Не унивайте, не бѣда! Отъ петербургскаго потопа Спаслась «Полярная Звъзда». Бестужевъ, твой ковчегъ на брегъ! Парнаса блещутъ высоты — И въ благодътельномъ ковчегъ Спаслись и люди, и скоты.

ЭПИГРАММА НА 3**.

Воспитанный подъ барабаномъ, Нашъ 3** лихимъ былъ капитаномъ: Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ, Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ, За то былъ фрунтовой профессоръ! Но фрунтъ герою надоѣлъ—
Теперь коллежскій онъ ассесоръ По части иностранныхъ дѣлъ.

* *

Дёдушка — игуменъ Былъ ли намъ пріятенъ? Жилъ ли онъ межъ гуменъ Иль межъ голубятенъ? Дёвушкамъ красоткамъ Онъ ли строилъ кури? Бабушкамъ devot'камъ Говорилъ ли: куры Отчего несутся?....

навроски.

1.

Въ пещеръ тайной, въ день гоненья, Читалъ я сладостный коранъ; Внезапно ангелъ утвшенья Влетввъ принесъ мнв талисманъ.

2.

Надо мной въ лазури ясной Свётитъ звёдочка одна; Справа западъ темнокрасный, Слёва блёдная луна.

3.

Стою печально на кладбищѣ, Гляжу — кругомъ обнажено Святое смерти пепелище И степью лишь окружено. И мимо въчнаго ночлега Дорога сельская лежитъ:

телега стучить.

4.

Два чувства дивло близки къ намъ, Въ нихъ обрътаетъ сердце пищу: Любовь къ годному пепелищу, Любовь къ отеческимъ гробамъ.

5

Забывъ и рощу и свободу Невольникъ-чижикъ падо мной Зерео клюстъ и брызжетъ воду, И пъснью тішител живей.

конецъ церваго тома.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМЪЧАНІЯ.

Собранія сочиненій А. С. Пушкина были напечатаны въ сл'ядующихъ изданіяхъ:

- 1. Стихотворенія Александра Пушкина. Сиб. Въ тип. Деп. Нар. Пр. 1826. XII и 192 стр. При этомъ изданія приложено «Предисловіе издателей»: «Собранныя здісь стихотворенія не составляють полнаго поданія всёхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помёщены будуть современемь, въ особенной книжкь. Мы теперь предлагаемь только то. что не могло войти въ собрание собственно-называемыхъ поэмъ. - Въ короткое время авторъ нашъ усиблъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правъ ожидать особеннаго вниманія и списхожденія публики къ нынфшнему изданію его стихотвореній. Любопитно, даже поучительно будеть для занимающихся словесностью, сравнить четырнадцатильтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрали, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое десятилътіе авторской жизни. - Многіе изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежле въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, быть можетъ, нами и пропущены. При всемъ томъ, это первое, въ накоторомъ порядкъ, собрание небольшихъ стихотворений такого автора, котораго всф читають съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и передъ публикою извиняемся особенно вь томъ, что, по недосмотрению корректора, остались въ нашей книжке значительныя типографскія ошибки. > — Въ книжку вошли: 1] Элегіп [числомъ 17]; 2] Разныя стихотворенія [24]; 3] Эпиграммы и надписи [21]; 4] Подражанія древнимъ [12]; 5] Посланія [16]: Подражанія Корану [9].
- 2. Стихотворенія Александра Пушкина. 2 части. Спб. Вътип. Деп. Нар. Просв. 1829. 224 и 176 стр. Въ этомъ изіаніи, сдъланномъ самимъ Пушкинымь, стихотворенія размёщены въ хронологи-

ческомъ порядкѣ, а не по родамъ и видамъ поэзіи, какъ въ предъидущемъ. Именно:

Въ 1-й ч. пьесы 1815—1824 и подражанія Корану; во 2-й пьесы 1825—1829 и разныхъ годовъ. 3-я часть вышла 1832 г., въ 208 стр. и заключаетъ пьесы 1829—1831 и разныхъ годовъ [всего 53], 4-я часть вышла въ 1835 г. въ 189 стр.

- 3. Поэмы и повъсти Александра Пушкина. 2 ч. Спб. 1835. 232 и 221 стр.
- 4. Сочиненія Александра Пушкина, 8 ч. Спб. Вътип. Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ. 1838.—Съ потретомъ и факсимиле и статьею Жуковскаго о смерти Пушкина. Въ І томъ Евгеній Онъгинъ и драматическія произведенія. Во ІІ—поэмы. Въ ІІІ и ІУ—стихотворенія. Въ V и VI—Исторія Пугачевскаго бунта. Въ VII и VIII—проза.—Въ 1841 г. вышли: Дополнительные томы: ІХ, Х и ХІ. Пэданіе И. Глазунова и М. Заикина.
- 5. Сочиненія Пушкина, съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и съ его рясунковъ и проч. Изданіе П. В. Анненкова. 6 т. Спб. 1855. Въ военной тпп. 8 д. л. Седьмой дополнительный томъ. Спб. 1857. Т. І. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина, съ приложеніями и 7 снимками. Т. ІІ. Стихотворенія 1814—1830 и неизвёстныхъ годовъ. Т. ІІІ. Стихотворенія 1831—1836, поэмы, сказки, пёсни славянъ. Т. ІV. Евгеній Онёгинъ и драматическія произведенія. Т. V и VІ. Произведенія въ прозё и Исторія Пугачевскаго бунта. Т. VІІ. Дополненія къ 6 томамъ: ненапечатанныя въ нихъ произведенія, алфавитный указатель ко всёмъ томамъ и оглавленіе къ І тому.
- 6. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Я. А. Исакова. Съ портретомъ автора и факсимиле. 6 томовъ, съ приложеніемъ: библіографическаго указателя сочиненій Пушкина, состав. Г. Н. Геннади, и брошюры «Посл'ядніе дни и кончина А. С. Пушкина».
- 7. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Изданіе 2-е, Я. А. Исакова, подъ ред. Г. Н. Геннади. Спб. 1870. Съ 2 портретами автора и факсимиле. 6 томовъ.

1811.

Эпиграмма [стр. 1]. Еще десятильтнимъ ребенкомъ Пушкинъ перечиталъ почги всю французскую библіотеку своего отца и, подражан прочитанному, началъ писать французскіе стихи, особенно же любилъ им-

провизировать комедійки. Онъ устроиль даже нѣчто вродѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ быль самъ, а публикой — его сестра Ольга Сергѣевна. Однажды эта публика освистала его пьесу «l'Escamoteur». По этому случаю и написана «Эпиграмма», впервые сообщенная въ «Матеріалахъ» г. Анненкова [т. І, Спб. 1855, стр. 14].

La Tolyade [стр. 1]. Начитавшись Генріады, Пушкинъ задумалъ шуточную поэму, въ 6 пъсняхъ, о войнъ между карлами и карлицами во времена Дагобера, котораго карло, по имени Toly, былъ ея героемъ. Гувернеръ Пушкина гасхохотался при первыхъ стихахъ поэмы, такъ что авторъ тотчасъ же бросилъ ее въ печку.

1812.

Къ Деліи [стр. 1]. Это стихотвореніе первый опыть подражательныхъ стиховъ Пушкина, написанный вскорѣ по поступленій въ Царскосельскій лицей. Пушкинъ написаль окончательно только первую строфу, а съ двуми остальными не могъ сладить. Они докончены и поправлены его товарищемъ Илличевскимъ. [«Пушкинъ въ лицев», В. П. Гаевскаго. Современникъ 1863 г., № 5, стр. 158]. Это и слъдующее за нимъ стих. Делія— впервые были напечатаны въ посмертномъ изд. сочиненій Пушкина, 1838 г.

Измѣны [стр. 3]. Напечатано въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 12, почему и относилось къ 1815 году. В. П. Гаевскій указаль на 1812 годъ, потому что конецъ этого стихотворенія, названный «Посланіемъ къ С. Г. Чирикову», сохранился въ рукописи гувернера Иконникова, котораго съ 1812 года въ лицей уже не было. Стихотвореніе это относится къ прівзжавшей въ лицей гр. Наталь в Викторови в Кочубей, бывшей впоследствіи замужемъ за гр. А. Г. Строгановымъ. По замѣчанію гр. Корфа, едвали не она [а не Бакупина] была первымъ предметомъ увлеченій Пушкина.

Въ журналѣ «Свёточъ» [1861 г. № 3] было напечатано съ вменемъ А. С. Пушкина стихотвореніе «Воспитанняца мувъ, прелестна Катерина», написанное въ 1813 году, но оно принадлежитъ Алексѣю Михайловичу Пушкину, равно какъ и стихотворенія: «Страшный судъ», «На смерть Кутузова» и «Цѣль нашей жизни», тоже приписывавшіяся нѣкоторыми біографами Александру Сергѣевичу.

1814.

Къ сестръ [стр. 5]---въ первый разъ напечатано въ изданіи г. Анненкова, безъ 5 заключительныхъ стиховъ, сообщенныхъ потомъ въ Библ. Запискахъ 1858 г., № 10. Подражаніе стих. Батюшкова: «Мои пенаты».

Къ другу стихотворцу [стр. 9]. Перепечатано нами въ первый разъ вполнѣ изъ «Вѣстника Евроиы» 1814 г., № 13. Во всѣхъ промежуточныхъ изданіяхъ оно являлось сь небольшими пропусками и измѣненіями. Это первое явившееся въ печати стих. Пушкина представляетъ подражаніе двумъ посланіямъ В. Л. Пушкина [дяди поэта]: «Къ Жуковскому» и «Кн. Вяземскому». Указанныя на стр. 10: Риоматовъ, Графовъ и Бибрусъ — кн. Шихматовъ, гр. Хвостовъ и Бобровъ, плохіе тогдашніе стихотворцы.

Кольна [стр. 12]. Напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1814, № 13, и представляетъ переложеніе въ стихи прозаическаго перевода Кострова Макферсоновыхъ поэмъ, вышедшаго подъ заглавіемъ: «Оссіанъ, сынъФингаловъ», и сдѣланнаго Костровымъ съ французской передѣлки Летурнера. — Ошибки послѣднихъ изданій исправлены нами по тексту Вѣст. Европы, но пропуски не могли быть возстановлены, ибо рукописи не сохранилось.

Эвлега и Остаръ [стр. 16 и 18] наисчатаны въ ІХ т. посмертнаго изданія; а годъ, къ которому они относятся, указанъ г. Гаевскимъ. * Г. Анненковъ, имъвшій въ рукахъ всѣ рукописи поэта, не досмотрѣлъ пропуска посмертнымъ изданіемъ заключительнаго стиха 8-й строфы Остара, почему онъ остался невозстановленнымъ и въ иниѣшнемъ изданіи, лишенномъ помощи рукописей. Сба стихотворенія представляютъ подражаніе Парни и служатъ какъ бы посредствующимъ звѣномъ для перехода отъ Оссіана къ подражаніямъ чисто-эротическимъ произведеніямъ французскаго поэта, которсе сильно отразилось на послѣдующихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, одно изъ которыхъ и представляетъ помѣщенное всяѣдъ за «Осгаромъ» стихотвореніе Леда [стр. 21].

Венер в отъ Лаисы [стр. 23] помъщено въ «Въстник в Европы» 1814 г. № 18, въ переведенной И.И.Пущинымъ прозаической стать в въ Лагарпа: «Объ эпиграмы и надписи древнихъ».

Красавицъ, которая нюхала табакъ [стр 23] написано къ сестръ лицейскаго товарища поэта, княжнъ Еленъ Михайловнъ Горчаковой, вышедшей впослъдствіи за кн. Кантакузена; впервые напечатано въ посмертномъ изданіи съ двумя пропусками.— Считаемъ умъстнымъ за-

^{*} Подобное этимъ стихотвореніе: Гараль и Гальвина, приписанное г. Гербелемъ Пушкину, въ рукописяхъ всегда встрѣчается въ именемъ А. Шидловскаго.

мътить здёсь, что г. Аниенковъ, котораго изданіе сочиненій Пушкина считалось безупречнымъ, не имфетъ основанія обижаться на замічаніе г. Бартенева, по поводу одного произведенія Пушкина, напечатаннаго въ поданіи 1855 г. съ искаженіями. Г. Бартеневъ замітиль по этому поводу: «Бумаги Пушкина требують точнь й шаго разсмотренія». Печатая нын вшнее изданіе, мы убъдились, что это совершенная правда и что г. Анненковъ крайне небрежно относился къ драгоцвинымъ рукописямъ поэта, бывшимъ въ его распоряжении. Повидимому, свърка печатнаго текста производилась только поверхностно, а не построчно, доказательствомъ чему служитъ то, что стихи, пропущенные посмертнымъ изданіемъ чисто по недосмотру, и потому не означенные точками, остались невозстановленными и г. Анненковымъ. Для примъра можно указать на настоящее стихотвореніе, при которомъ г. Анненковъ заметиль, что конецъ 34-го стиха пропущенъ посмертнымъ изданіемъ, но просмотрівль другой прои у скъ, именно педостатокъ стиха, рифмующаго съ напечатаннымъ: «У коей держится вся прелесть на подставив. Между тимъ заметить это ему было легко, потому что именно этотъ-то, оставшійся безъ рифмы стихъ Пушкинъ исправилъ въ рукописи, имъвшейся у г. Анненкова, который и выписаль поправку: «У грацій въ отнуску и у любви въ отставкі»; рифмующій же стихъ, оставшійся въроятно неисправленнымъ Пушкинымъ, и не обозначенный точками въ посмертномъ изданіи, такъ и проскользпуль предъ глазами почтеннаго издателя *. — Кромъ того г. Анненковъ, повидимому, плохо читаль или плохо переписиваль рукописи поэта для изданія, потому что нередко одно и тоже неизданное стихотворсніе воспроизводилось имъ въ разныхъ мъстахъ изганія въ разныхъ же вигахъ. Напр. изъ прекраснаго стихотворенія: «Паперсница волшебной старины», сохранившагося только въ одномъ, а не въ двухъ разныхъ спискахъ, г. Анненковъ выписываетъ 4 стиха на стр. 35 тома 1, изъ которыхъ 2-й читается: «Мой юный умъ напрвами пленила», а на стр. 41 тоть же стихь является въ подномъ тексть стихотворенія: «Мой юный слухъ напъвами плънила». Такихъ примъровъ множество, не говоря ужь о томъ, что есть безграмотно прочитанные издателемъ стихи говоримь прочитанные, потому что безграмотно написать Пушкинь не могъ] и что Пушкинскія обозначенія времени, въ которое написано стихотвореніе, въ разныхъ містахъ указываются г. Анненковымъ иначе, такъ напр. окончание «Мъднаго Всадника» 31 Октября 1833 г. [т. I, стр. 373] и 31 Ноября [т. III, стр. 552], «Клеветникамъ Россіи» — 5-го

^{*} Можетъ быть, г. Анненковъ принялъ за поправку именно принисанный, недостававшій стихъ. Въ таксмъ случав слудовало бы читать:

Пускай красавица шестидесяти льгъ

У грацій въ отпуску и у любви въ отставкъ,

У коей держится вся прелесть на подставки и пр.

Августа [т. І, стр. 318] и 2 Августа [т. ІІІ, стр. 19], «Письмо къ Толстому» 1823 г. [т. І, стр. 186] и 26 Сентября 1822 г. [т. VII, стр. 185], помъта о «Полтавъ» 27 и 29 Октября [т. І, стр. 212 и т. ІІІ, стр. 517], «Критонъ роскошный гражданинъ» — 14 Іюня въ Арзерумъ [т. І, стр. 222], а взятіе Арзерума 27 Іюня [ів, стр. 217], «Когда за городомъ» — 14 Марта 1836 и 14 Августа [т. І, стр. 422 и т. VII, стр. 38] и мн. др. Какъ же провърить такія разнорѣчія безъ пересмотра рукописей?

Стансы [стр. 24] написаны съ упомянутой же кн. Горчаковой.

Къ Наталь в и Къ молодой актрис [стр. 25 и 27] даны посмертнымъ изданіемъ въ крайне небрежномъ видь, первое даже безъ окончанія. Они относятся къ актрис изъ крыпостныхъ гр. Вареоломея Васильевича Толстого, игравшей на его домашнемъ театръ въ Царскомъ Сель.

Опытность и Блаженство [стр. 29 и 30] напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1814, №№ 19 и 20; въ нихъ Пушкинъ подражалъ анакреонтическимъ поэтамъ Франціи и нашему Батюшкову.

Пирую щіе студенты [стр. 33] напечатано въ посмертномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Пирую щіе друзья». Дополненія и поправки 2-й строфы, впервые вошедшія въ текстъ нынёшняго изданія, были даны въ Библіогр. Запискахъ 1858 г. № 10 и потомъ въ статьё г. Гаевскаго, въ Современникѣ 1863 г. № 5. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мы сдѣлали указанія на тѣ лица, къ которымъ относятся разныя мѣста этого стихотворенія.

Къ Батю шкову [стр. 36] напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815, № 1, а добавочные первоначально пропущенные посмертнымъ изданіемъ 21 стихъ [Скажи, по милости и пр., стр. 38] сообщены въ VII томѣ изданія г. Анненкова; незначительные варіанты помѣщены были въ Библіогр. Запискахъ 1858 г. № 10, но одинъ изъ нихъ кажется вѣрнѣе передаетъ 10-й стихъ на стр. 38: «Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ. Г. Анненковъ напечаталъ конецъ стиховъ такъ: «Играй: тебя младой Назонъ, Эротъ и Граціи вѣнчали», тогда какъ вѣнчали только Эротъ съ Граціями, а самого Батюшкова Пушкинъ называетъ младымъ Назономъ.

Къ Н. Г. Ломоносову [стр. 39], брату лицейскаго товарища Пушкина, напечатано въ «Рос. Музеумі», № 3, а въ посмертномъ изданіи было перепечатано только въ отрывкі подъ заглавіемъ «Путешественнику», и съ выноскою: «авторъ писаль это 14-ти літь».

Романсъ [стр. 40] впервые быль напечатант, помимо воли ав-

тора, и безъ пятаго куплета, въ альманахъ «Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827 годъ. Пушкинъ началь было нереправлять этотъ «Романсъ» для изданія своихъ стихотвореній 1826 г., но не кончиль, и вычеркнуль вмъсть съ 7-ю лицейскими же стихотвореніями, внесенными въ тетрадь: Подражаніе, Къ ней, Уныніе, Воспоминанія въ Царскомъ Сель, Навздникь, Мьсяць и Усы. Г. Анненковь говорить, что вычеркнуто было 9 пьесъ, но по перечету приведенныхъ имъ заглавій оказывается только 8 [т. І, стр. 32]. Замъчаніе же его, будто первый издатель «просмотрыть въ последнемъ куплеть одинъ стихъ, необходимый для рифиы — съ волненьемъ сына ухватила», который г. Анненковъ и внесъ въ текстъ — вполнъ неосновательно, потому что этотъ стихъ принадлежитъ именно къ неоконченнымъ поправкамъ автора и въ текств является лишнимъ, давая куплетъ въ 9 стиховъ, тогда какъ въ остальныхъ по 8-ми. Напротивъ г. Анненковъ не поправилъ и даже не упомянулъ, что въ 5 куплетъ 3-й стихъ измъненъ посмертнымъ изданіемъ противъ рукописи, по которой онъ и былъ возстановленъ въ Библіогр. Запискахъ [1858 г. № 10], откуда перенесенъ нами въ нынешній тексть.

Моп portrait [стр. 41] — стихи посвящены лицейскому товарищу поэта, бар. Павлу Өедоровичу Гревеницу, и были напечатаны въ «Мая-къ» 1840 г. ч. 3, съ переводомъ П. Корсакова. Поправка въ 4-мъ куплетъ взята нами изъ статьи г. Гаевскаго: «Пушкинъ въ лицеъ».

Городокъ [стр. 42] напечатанъ съ пропусками въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 7, и еще съ большими пропусками перешелъ въ посмертное и слѣдующім изданія. Теперь возстановленъ полный текстъ по Библіогр. Занискамъ 1861 г. № 9. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сдѣланы нами необхолимыя поясненія.

Тънь Баркова [стр. 55] — отрывки впервые напечатаны вь статът г. Гасвскаго «Пушкинъ въ лицев». Авторъ говоритъ, между прочимъ, что въ первые годы лицейской жизни Пушкинъ писалъ и въ прозъ [романъ: Цыганъ, комедію: Такъ водится въ свътъ и др.], но что этихъ општовъ не сохранилось. Послъ этого началъ комедію въ стихахъ: Философъ, но остановился на 2 дъйствіяхъ, которыя и уничтожилъ, равно какъ и поэму Монахъ, написанную въ подражаніе Баркову. Въ «Тъни Баркова» онъ подражалъ «Опасному сосъду» своего дяди Василія Львовича, и сначала выдавалъ свою балладу за стихи кн. Вяземскаго. — Послъ этого Пушкинъ написаль въ прозъ, тоже не сохранившуюся, восточную сказку: «Фатама или разумъ человъческій»: супруги просили у судьбы сына самаго разумнаго, но какъ въ природъ все развивается въ ту или другую сторону, то имъ и было объщано рожденіе необыкновенно умнаго сына, съ условіемъ, что съ лѣтами будетъ терять способности и обра-

титься наконецъ въ дътство. Дъйствительно родившійся, едва выглянулъ на свъть, уже спросиль по-латыни: ubi sum? и т. д. — Въ тексть «бал-лады» мы замънили неудобныя къ печати слова другими, набранными разборкой въ шрифтъ.

Эпиграммы [стр. 57]—первыя двё были напечатаны въ «Росс. Музеумѣ» 181€, № 1, при следующихъ въ указанной выше статъе г. Гаевскаго, а 6-я сообщена лицейскимъ товарищемъ поэта Ө. Ө. Матюшиннымъ, который удостоверялъ несомиенность принадлежности сл Пушкину.

1815.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ [стр. 59] напечат. въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 4, при чемъ въ первый разъ явилась полная поднись: «Александръ Пушкинъ», до того замѣнявшаяся заглавными буквами или цифрами. При стихахъ была выноска издателя Музея: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, котораго талантъ такъ много объщаетъ». Другая выноска поясняла стихъ: вознесся памятникъ — «въ честь графу А. Г. Орлову». О чтеніи этого стихотворенія на лицейскомъ экзаменѣ, въ присутствіи Державина, сохранились замѣтки самого Пушкина, помѣщенныя въ отцѣлъ «прози» настоящаго изданія.

Казакъ [стр. 64] нанеч. въ «Росс. Музеумь» 1815, № 3, съ подписью: «1 14—16», а въ Библіогр. Зап. 1858, № 10, была сообщена первоначальная редакція по рукописи, сохранившейся у Пущина, гдъ при заглавін была приписка: «Подражаніе малороссійскому», а въ концъ характерная подпись: «А... Аннибаль-Пушкинъ, Любезному II ва ну Ивановичу Пущину». Указаніе на эти стихи находится въ письмъ Илличевскаго къ Фуссу [Р. Архивъ 1864, № 10]. Измѣненія въ рукописи Пущина начинаются послѣ 2-го куплета съ пропущеннаго 3-го:

> Мъткаго копья луною Свътится конецъ; Въ грудь упершись бородою, Задремалъ донецъ.

Послѣ 4-го печатнаго:

Добрый конь сстановился, Мордой траву рветь; Храбрый воинъ пробудился, Вмигъ узду береть.

За тымь 5-й печатный куплеть поставлень послы 6-го, и есть еще кое-как'е варіанты, которыхь мы не приводимь по ихъ незначительности.

513

Вишня [стр. 66] — впервые напечатано было 13 куплетовъ въ VII томъ изданія г. Анненкова, а дополненіе помъщено въ Библіогр. Запискахъ 1861 г., откуда и взято въ нынъшнее изданіе, но всетаки стихотвореніе это напечатано еще не вполнъ.

Бова [стр. 69] напечатано въ посмертномъ изданіи съ пропусками, необозначенными даже точками. Два изъ нихъ, пополненные въ текстъ нинтышняго изданія, были даны первоначально въ особомъ изданіи «Сказокъ Пушкина», вышедшемъ въ 1873 году.

Наполеонъ на Эльбѣ [стр. 77]. Напечатано было въ «Сынѣ Отечества» 1815 года, №№ 25—26, и отсюда въ посмертномъ, гдѣ была сдѣлана безсмысленная опечатка: «И троны въ прахъ низвергну я горамы», вмѣсто громами. Это не было усмотрѣно г. Анненковымъ, да не исправлено и послѣдующими изданіями, не смотря на указаніе Библіогр. Записокъ 1858 г. Въ статъѣ своей г. Гаевскій относитъ это стихотвореніе къ 1814 году, тогда какъ по указанію на бѣгство Наполеона съ Эльбы оно не могло быть написано раньше февраля 1815 г.

Лицинію [стр. 79] напечатано въ «Росс. Музеумв» 1815, № 5, а отсюда перешло въ изданіе 1826 г. и во всв последующія, съ значительными поправками. Въ журналь следующіе стихи читались такъ: Ст. 1: Увенчанъ... Ст. 6: Какъ ликторовъ полки...

- 8—16: Съ покорностью ему умильный мещутъ взглядъ,
 Ждутъ въ тайномъ трепетћ улибки, глазъ движенья,
 Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
 И дѣти малыя, и старцы съ сѣдиной
 Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ и душой,
 И даже слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
 Какъ нѣкій памятникъ имъ кажется священны.
 О Ромуловъ народъ! предъ кѣмъ ты палъ во прахъ?
 Предъ кѣмъ возчувствовалъ въ душѣ столь низкій страхъ?
- 25—36: Но кто подъ портикомъ съ руками за спиною, Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою, Поникнувъ головой, нахмурившись идетъ? Не ошибаюсь я, философъ то Даметъ. Даметъ! куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой, Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой? «Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу, Среди разврата жить ужъ больше не кочу, Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу, Навѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу.> Лициній, добрый другъ! не лучше ли и намъ,

Отдавъ поклонъ мечтѣ, фортунѣ, суетамъ, Сѣдаго старика примѣромъ научиться, Не лучше ли скорѣй со градомъ распроститься, Гдѣ все на откупѣ: законы, правота, И жены, и мужья, и честь, и красота?

- 39—44: Другихъ неопытныхъ въ любовну ловятъ сёть!

 Намъ стыдно слабости съ морщинами имёть;

 Летитъ отъ старика любовь въ толив веселій.

 Пускай безстыдный Клитъ, вельможей рабъ Корнелій,

 Оставя ложе сна, съ запівшимъ пітухомъ

 Отъ знатныхъ къ богачамъ бітутъ изъ дома въ ломъ.
- 48—52: Докучных риторовь, парнасских Геростратовь. Въ деревню принесемъ отеческих пенатовъ. Въ тенистой рощице, на берегу морскомъ, Найти не трудно намъ красивый, свътлый домъ.
- 58—59: Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ, Въ гремящей сатирѣ порокъ изображу.
 - 66: Войны ужасный мечъ пріяль въ кровавы длани.
 - 71: Речетъ задумавшись, въ мечтаньяхъ углубленъ.

Кром'в того поправлено въ ст. 23: о срамъ; 54: въ тиши, и 65: дикіе.

Къ А. И. Галичу [стр. 82] напечатано въ «Росс. Музеумѣ», 1815, № 8, подъ заглавіемъ «Къ Г—у». Лицейскій профессоръ, конечно, и не подозрѣваль, какія посланія пишутся ему его слушателями. Текстъ вошелъ безъ измѣненій въ посмертное изд. и г. Анненкова, который сдѣлалъ только курьезное примѣчаніе: «Поэтъ "писалъ Фебъ и въ позднѣйшее свое время», какъ будто можно писать иначе. Въ «Библ. Запискахъ», 1858, № 10, напечатанъ одинъ стихъ, пропущенный г. Анненковымъ [стр. 82, ст. 5 снизу], и на стр. 83 еще три стиха, которые внести въ текстъ мы не рѣшились, потому что въ такомъ случаѣ недоставало бы стиха, рифмующаго съ напечатаннымъ 18-мъ:

Покину кельи кровъ пустынной. Забывъ волшебный свой Парнасъ, Златой досугъ в міръ невинной...

Слеза [стр. 84] явилось въ посмертномъ изданіи. Указаніе именъ Бакуниной и Зубова находится въ стать г. Гаевскаго [стр. 573].

Старикъ [стр. 84] передълано поэтомъ для изданія 1826 г., первоначально же было напечатано въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 5, въ такомъ вилъ: Ужь я не тоть философъ страстной, Что прежде такъ любить умѣль, Моя весна и лѣто красно Ушли за тридевять земель! Амуръ, свѣтъ возраста златова! Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ; Ахъ, если бъ я родился снова, Ужъ такъ ли бы тебѣ служилъ!

Къ Пущину [стр. 85] напочатано въ «Росс. Музеумі» 1815, № 8. Подробности объ этомъ и другихъ стихахъ къ Пущину сообщены имъ въ интересныхъ его «Запискахъ», напечатанныхъ въ «Атенев» 1859 г. № 8, откуда мы взяли и исправление одного стиха.

Къ Батюшкову [стр. 87] это второе посланіе къ В. напечатано въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 6, и представляеть подражаніе стихамъ самого Батюшкова, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляеть какъ будто отвѣтъ на какоето предложеніе съ его стороны. Въ 1815 г. Пушкинъ дѣйствительно видѣлся съ Б—мъ, какъ видно изъ письма его къ ки. Вяземскому, отъ 27 марта 1816 г.: «обнимите Батюшкова за того больнаго, у котораго онъ годъ тому назадъ завосвалъ Вову-королевича» [«Р. Архивъ», 1874, № 1]. Неправильной пунктуаціей г. Анненковъ испортилъ З-й отъ конца стихъ: у Пушкина говорится: «недаромъ бреду своимъ путемъ», а у издателя явилось, что поэтъ «недаромъ страшится летать съ Пкаромъ». — Послѣдні. стихъ посланія взятъ Пушкинымъ изъ стихотворенія Жуковскаго, обращеннаго къ Батюшкову же.

Вода и вино [стр. 88]—въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 6, а Погребъ и Восноминаніе [стр. 88, 89] впервые явились въ посмертномъ изданіи. По разсказу Пущина, за одинъ изъ пировъ, упоминаемихъ въ «Восноминаніи», всё участники должны были двё недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвъ, были смѣщены на послѣднія мѣста за столомъ и записаны въ «черную книгу», которая была впослѣдствіи, при выпускѣ, предъявлена конференціи и тольк благодаря директору Энгельгардту не повліяла на будущность юпошей. Дядька Өома, покунавшій ромъ, былъ тотчасъ же уволенъ и Пушкинъ написаль тогда, въ подражаніе Д. Давыдову, стихотвореніе [отъ имени Малиновскаго, потому что его фамилія не укладывалась въ стихъ], изь котораго Пущинъ запомнилъ только одинъ куплетъ:

Мы недавно от печали Пущинъ, Пушкинъ, я. баронъ. По бокалу осушали, И Өому прогнали вонъ. Мечтатель [стр. 90] — въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 9. По мнѣнію г. Анненкова оно представляеть первое проявленіе самостоятельнаго таланта и манеры Пушкина въ средѣ самаго подражанія.

Къкн. А. М. Горчакову [стр. 93]. Это стихотвореніе, обращенное кълицейскому товарищу поэта [нынѣ государственный канцлеръ], впервые напечатано посмертнымъ изданіемъ и оттуда перешло въ прочія.

Къ Галичу [стр. 94] — въ «Росс. Музеумѣ» 1815, №№ 10—11, съ искаженіемъ 22-го стиха, возстановленнаго только въ нынѣшнемъ изданіи. Г. Анненковъ, сверхъ невыправки этого стиха, во многихъ мѣстахъ неправильностію знаковъ препинанія измѣнилъ смыслъ посланія, отнеся напр. къ Галичу эпитетъ: «другъ мудрости прямой», тогда какъ у Пушкина говорится, что «другъ мудрости прямой — правдивъ и благороденъ, онъ любитъ тишину» и пр.

Къ Дельвигу [стр. 99] — въ посмертномъ изданіи. У г. Анненкова остался невыправленнымъ одинъ стихъ, искаженный посмертнымъ изданіемъ—16-й на стр. 100, а предшествующій ему испорченъ уже имъ самимъ: онъ напечаталъ «вечерочикъ», вмѣсто «вѣтерочекъ» посмертнаго изданія и рукописи.

Разсудовъ и любовь, Сраженный рыцарь и Мое завъщаніе [стр. 101—103]—въ посмертномъ изданія, гдѣ пропущенъ въ послъднемъ стихотвореніи одинъ стихъ [стр. 104], оставшійся невнесеннымъ и у г. Анненкова, должно быть потому, что не быль означенъ точками, такъ какъ пропускъ вѣроятно случился отъ небрежности издателей, а не отъ цензурныхъ условій. Анненковъ хотя имѣлъ рукопись, исправленную Пушкинымъ для изданія 1826 г., но обратилъ вниманіе только на поправки поэта, а не прочелъ всего стихотворенія. Изъ этихъ поправокъ онъ приводить къ стиху 9:

Устройте завтра шумный ходъ, Несите радостныя чаши На темный берегъ сонныхъ водъ, Гдё мы вели бесёды наши.

и къ стиху 36:

И брякнуть перстни золотые Въ завъть любви въ послъдній разъ; Гдѣ вы, подруги молодыя, Летите — дорогь смертный часъ.

Кром' того изм'нены стихи: 6— «Безпечной жизни и любви», 18 — «Семелы радостнаго сына».

Бакуниной [стр. 105]—напечатано въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, безъ имени лица, къ которому относится.

Къ живописцу [стр. 105]—въ альманахѣ 1827 г. «Памятникъ отечеств. музъ». По словамъ Пущина поэтъ проситъ живописца изобразить черты той же Бакуниной; лиценстъ М. Л. Яковлевъ положилъ стихи на музыку и они часто расиѣвались въ лицеѣ. — Пушкинъ исключилъ это стихотвореніе изъ рукописи изданія 1826 г., предварительно написавъ: «передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу». Передѣлки эти и были имъ начаты; первый стихъ измѣненъ такъ: «Дитя харитъ и вдохновенья», а 2-й куплетъ совсѣмъ переиначенъ:

Красу невинности прелестной, Надежды милыя черты, Улыбку радости небесной, И взоры самой красоты.

Роза [стр. 106]—впервые напечатано въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 12, а не въ изд. 1826 г., какъ указываетъ Анненковъ. Пушкинъ внесъ въ это изданіе только 4 лицейскихъ стихотворенія, значительно передѣлавъ ихъ: Роза, Старикъ, Лицинію и Гробъ Анакреона. ј Въ рукописи съ 5-го стиха было:

Вотъ жизни младость, Не повтори: Такъ вянетъ радость, Въ душт скажи... и пр.

Гробъ Анакреона [стр. 106] напечатано въ «Трудахъ общества любителей росс. словесности при моск. унив.» 1818, ч. Х, и предварительно было читано въ засъданіи общества дядею поэта. Для изданія 1826 г. Пушкинъ исключилъ 9 стиховъ, начиная съ 5-го:

Темныхъ миртовъ занавѣса Наклонилася къ водамъ; Въ ихъ сѣни, у края лѣса, Чью гробницу вижу тамъ? Розы юныя алѣютъ На покрытомъ камнѣ мхомъ; Лавры цвътъ любви лелѣютъ. И зефиры ихъ не смѣютъ Свъять трепетнымъ крыломъ.

12-15 стихи были напечатаны:

Други, други! въ сладкомъ мирѣ Здъсь теоскій синтъ мудрецъ. Посмотрите: на гробницѣ Сынъ отрадъ изображенъ; Здѣсь на вѣтреной цѣвницѣ Рѣзвый нашъ Анакреонъ Красотой очарованный Нѣжно гимны ей поетъ, Виноградомъ увѣнчанный Въ чашу сокъ его лістъ.

Въ концъ измънены два стиха:

Вотъ и музы и хариты Пригорюнившись сидятъ, Плющемъ, розами повиты, Кажется, въ слезахъ твердятъ... и пр.

Кром'я того поправлены стихи: 20— «Здёсь на лиру кинувъ длани», 28—«Вкругъ любовника седаго», 37—«Какъ невинный сонъ любви», и 38—«Смертный, в'юкъ твой сновид'янье».

На возвращеніе государя [стр. 108] напечано въ тѣхъ же «Трудахъ» 1817, ч. ІХ и оттуда въ изданіи г. Анненкова. Оно написано въ самомъ концѣ 1815 г., потому что государь возвратился изъ заграницы въ Истербургъ только 1 депабря.

Къ баронессѣ Дельвигъ [стр. 110], сестрѣ лицейскаго товарища поэта. Напечатано въ VII т. изданія г. Анненкова и хотя подъ стихами написано время ихъ сочиненія, но вѣроятно или поэтъ ошибся, или годъ прочитанъ невѣрно, потому что въ первомъ же стихѣ говорится: «вамъ 8 лѣтъ, а миѣ 17 било». Пушкинъ родился 26 мая 1799 г., слѣд. 17 лѣтъ ему пробило не раньше мая 1816 г.

Эпиграммы [стр. 111—112]. Первая напечатана въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 6, съ подписью 1...17—14. Г. Анненковъ приписываетъ Пушкину еще двъ эпиграммы съ подписью 16—17, напечатанныя въ «Невскомъ Зрителъ» 1820 г., но едва ли это върно.—Вторая эпиграмма въ отрывкъ сообщена Пущиныть въ «Атенеъ» 1859 г., а вполнъ напечатана только въ 1876 г., № 10 «Русскато Архива». Нами она поправлена по рукописи Ө. Ө. Матюшкина; но одинъ стихъ въ концъ измъненъ. Пушкинъ написалъ эти стихи Пущину по поводу видъннаго ими изъ лицея спора двухъ женщинъ, вышедшихъ отъ всенощной.—Двъ посавднія эпиграммы явились въ изданіи 1870 г., по сообщенію кн. Н. А. Долгорукаго.

Моя эпитафія [стр. 113] — въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 10 и въ «Сѣв. Звѣздѣ» на 1829 г., съ подписью $1\dots 16$ — 14 и Ап., и безъ означенія полнаго имени въ первомъ стихѣ.

1816.

Фавнъ и пастушка [стр. 113]. Это подражаніе пьесѣ Парни: Les déguisements de Vénus> впервые напечатано въ «Памятникѣ отеч. Музъ 1827 г., но только въ отрывкахъ, и отнесено къ 1818 г. Въ тетради гр. М. А. Корфа оно отмѣчено 1816 годомъ, и въ настоящемъ изніи напечатано по тексту этой тетради, а пѣкоторыя изъ нынѣшнихъ дополненій еще прежде были помѣщены въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 10.

Къ Морфею [стр. 121] — эта пьеса, напечатанная въ «Полярной Звёздё» 1824 г., представляетъ передёлку слёдующаго стихотворенія, помёщеннаго въ посмертномъ изданіи:

CHV.

Знакомецъ милый и старинный, О сонъ, хранитель върный мой! Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной Мив ложе стелеть ужь покой. Въ безмолвной тишинъ ночной Приди, задуй мою лампаду, Мои мечты благослови, До утра только дай отралу Моей мучительной любви! Сокрой отъ памяти унылой Разлуки грустный приговоръ: Пускай увижу милый взоръ, Пускай услышу голось милый. Когда жъ умчится ночи мгла И ты мои покинешь очи. О, если бы душа могла Забыть дюбовь по новой ночи!

Къ Машѣ, сестрѣ бар. Дельвига [стр. 121] — въ посмертномь изданіи. Годъ указанъ Пущинымъ.

Пуншевая пѣсня [стр. 122] — въ VII т. изданія г. Анненкова взята съ подлинной рукописи, сохранившейся въ бумагахъ брата поэта. Г. Гаевскій указываетъ, что эта пѣсня переведена въ 1816 г. и представдяетъ единственное заимствованіе изъ нѣмецкой литературы, которую Пушкинъ по какому-то предубѣжденію не любилъ [Пушкинъ въ лицеѣ, стр. 373 — 4]. Этотъ переводъ далъ поводъ поэту написать и свой:

Заздравный кубокъ [стр. 123] — стихотвореніе это напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, а въ нынёшнемъ исправлено по руко-

писи, согласно стать в г. Гаевскаго. Глинка, уже въ последнюю пору своей деятельности, написаль на эти стихи прелестную музыку.

Усы [стр. 124]—напечатано въ посмертномъ изданіи; а г. Анненковъотнесъ его къ 1817 г., прочитавъ въ рукописи Пушкина помѣту: «писано 8 марта 1817 г.»; но по обычаю своему прочиталъ не вѣрно, потому что въ письмѣ лицеиста Илличевскаго къ Фуссу, отъ 30 марта 1816 г., ужъ названы эти стихи [«Р. Архивъ» 1874, № 10], чего Илличевскій не могъ бы сдѣлать за годъ до ихъ сочиненія.

Изъ письма къ кн. Вяземскому [стр. 126]—напеч. вь «Р. Архивъ» 1874 г.. № 1. и оттуда внесено въ нынѣшнее изданіе.

Къ Юмкову [стр. 126] — отрывки эти даны въ изданіи г. Анненкова. Сходное съ предъидущимъ стихотвореніемъ содержаніе заставило насъ поставить ихъ рядомъ. Сельцо Захарьино, къ которому относятся эти восноминанія, находится верстахъ въ 40 отъ Москвы по смоленской дорогѣ. Оно было куплено бабушкой поэта, Марьей Алексѣевной Ганнибалъ, и продано въ 1811 г., когда Пушкина повезли еъ лицей.

Желаніе [стр. 125]—папеч. вт. VII т. изданія г. Анненкова безъ начала и съ пропускомъ двухъ стиховъ. Дополненія даны въ «Библ. Запискахъ», 1858, № 10., Время, когда написаны эти стихи, указывается письмомъ Вас. Льв. Пушкина изъ Москвы, отъ 17 апрѣля 1816 г. [См. Складчина, 1874, стр. 366].

Къ ней [стр. 129]—напеч. въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817, № 11, а оттуда въ посмертномъ изданіи. Въ «С. Набл.». 4 стихъ читается: «Я рокомъ осужденъ». Нензвъстно Пушкинъ или посмертные издатели измѣнили его.

Посланіе Лид'в [стр. 130] — въ томъ же журналѣ № 23, а оттуда въ изданіи г. Анненкова съ пропускомъ 4 стиховъ, приведенныхъ потомъ въ «Библ. Запискахъ» и впослѣдствіи внесенныхъ въ текстъ стихотворенія.

Слово милой и Лиль [стр. 132] — напечатаны: первое въ посмертномъ, а 2-е въ изданіи 1826 г. и оба относится въ одному лицу, какъ и помъщенное на стр. 150 стихотвореніе: Къ молодой вдовъ. Г. Гаевскій указаль, что въ семьъ директора лицея жила овдовъвшая не задолго передъ тъмъ Марія Смитъ, урожденная Сharon-Larose, вышедшая впослъдствіи замужъ за Паскаля. Миловидная, любезная и остроумная, она умъла оживлять собиравшееся у Энгельгардта общество, а Пушъвить немедленно началь укаживать за нею. За стихотвореніе его «Къ

молодой вдовъ она обидълась и показала стихи Энгельгардту, что и было началомъ непріязненныхъ отношеніи между ними, продолжавшихся до конца курса.

Амуръ и Гименей [стр. 133] — въ изд. 1826 г., гдъ въ оглавленім стихотвореніе названо было «сказкою».

Истина [стр. 134]—въ посмертномъ изданіи, а поправки по рукописи сообщены въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 10.

Фіалъ Анакреона [стр. 135]—дано также посмертнымъ изданіемъ. Въ рукописи для изд. 1826 г. Пушкинъ отмѣтилъ надъ двумя послѣдними стихотвореніями: «не надо». Это его первое стихотвореніе, написанное бѣлыми стихами.

Найздникъ [стр. 136]—дано тёмъ же изданіемъ, а въ 1826 г. поэтъ началь передёлывать, но не окончилъ и исключилъ вовсе. Пьеса названа была въ передёлкё: «Найздники»; 16 первыхъ и 8 послёднихъ стиховъ зачеркнуты, и стихотвореніе начиналося съ 17-го, исправленнаго такъ: «Ужъ полемъ всадники спёшатъ»; 19-й поправленъ: «Коней ласкаютъ и смирятъ»; стихи 38—41 и 46—49 вычеркнуты; а ст. 55—62 [стр. 138] изменени такъ:

Расторгну цёнь судьбы жестокой, Влечу я съ братьями въ огонь; Ударъ падетъ... и одинокой Въ долину выбъжитъ мой конь.

Предпоследня строфа также переделана:

О вы, хранимые судьбами Для сладостныхъ любви наградъ! Любви безцѣнными слезами Благословится вашъ возвратъ. Въ минуты сладкаго спасенья, О други, вспомните пѣвца!

Затъмъ г. Анненковъ по обыкновенію не упоминаетъ: находилось ли въ рукописи не напечатанное начало 3-го стиха послъдней строфы.

Кн. Горчакову [стр. 138]—напечатано въ «Современникѣ» 1856 г., № 11, и оттуда въ VII томъ г. Анненкова съ одбавкой одного стиха.

Старица-пророчица [стр. 141] — напечатано въ «Литературной Газетъ» 1830, № 24, безъ имени автора, но принадлежность Пушки ну указана г. Греномъ [«Общезанимат. Въстникъ», 1857, № 6]; котя должно замътить, что другое, имъ же указанное стих. «Лилія», оказалось при-

надлежащимъ кн. Вяземскому. Кажется, что 7-й стихъ на стр. 142 правильнъе читается въ одномъ изъ имъющихся у насъ списковъ: «Спасъ не слыхалъ».

Сонъ [стр. 142] — въроятно этотъ готрывовъ, впервые напечатанный посмертнымъ изданіемъ, составляетъ часть не сохранившагося посланія: «Оправданная лѣнь», о которомъ упоминаетъ г. Гаевскій [П. въ лицев, стр. 147]. Въ 6-й строфъ поэтъ говоритъ о своей нянъ, Аринъ Родіоновнъ, и объ ея сказкахъ.

Къ принцу Оранскому [стр. 148]. За это стихотвореніе, впервые папечатанное посм. изданіемъ, Пушкинъ получиль золотые часы съ цівночкой отъ императрицы Марін Өеодоровны. Оно написано по случайо одного изъ торжествъ бракосочетанія принца сь великою княгинею Анною Павловною. Праздникъ быль данъ въ Цавловскі, въ Розовомъ павильоні, незадолго передъ отъйздомъ новобрачныхъ за грапицу, послівовавшимъ 10 іюня 18 6 г. Стихи, написанные Пушкинымь по поручечію Нелединскаго-Мелецкаго и Карамзина, пілись на празднестві во время ужина. [См. Пушкинъ въ лицей, стр. 372].

Къ молодой вдовѣ [стр. 150] — напеч. посмертнымъ изданіемъ и отнесено г. Анненковымъ къ 1817 г., но судя по «Запискамъ» Пущина, написано въ 1816 г. О «вдовь» эгой сказано выше, въ примъч. къ стр. 132. Для изданія 1826 г. Пушкинъ началъ передълку, но исправивъ 2 стиха, исключилъ все стихотвореніе. Вотъ эти стихи: «Встрътилъ смертный часъ» и «На груди твоей угасъ» [стр. 150 три послъднихъ стиха].

Къ Наташѣ [стр. 151]—въ посм. изданіи. По указанію г. Гаевскаго написано осенью 1816 г., по поводу перевзда Наташи въ Петербургъ. У Пущина разсказано, какъ Пушкинъ въ темномъ корридорѣ вмѣсто Паташи поцѣловалъ ел госпожу, по жалобѣ которой было произведено цѣлое слѣдствіе. Госпожѣ за ен жалобу Пушкинъ отплатилъ колкой эпиграммой. [См. «Вѣстникъ Европы» 1871, № 7, стр. 192].

Желаніе и слідующій за нимъ рядь стихотворен й [стр. 154—160], по замічанію г. Анненкова, порождены чувствомъ юношеской привязанности поэга, появившейся нісколько раніве этой эпохи, и представляютъ первое проявленіе самостоятельности въ Пушкинів, первыя попытки къ выходу изъ французскаго анакреонтическаго направленія. Желаніе впервые напечатано въ «Памятникі» Огечеств. Музъ 1827 г., а остальныя въ посмертномъ изданіи.

Осеннее утро [стр. 152]—написано подъ вліяніемъ разлуки съ Бакуниной, переёхавшей изь Царскаго Села въ Петербургъ. Разлука [стр. 153]—это стихотвореніе было совершенно передѣлано для изданія 1826 г., но вычеркнуто потомъ изъ рукописи. Вотъ эта передѣлка, впервые сообщенная г. Анненковымъ [т. 2, стр. 138]:

УНЫНІЕ.

Мой милый другь, разстался я съ тобою; Душой уснувь, безмольно я грущу. Влеснеть ли день за синею горою, Взойдеть ли ночь съ осеннею луною, Я все тебя, далекій другь, ищу: Одну тебя вездѣ воспоминаю, Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ; Задумаюсь — невольно призываю, Заслушаюсь — твой голосъ слишенъ мнѣ.

И ты со мной, о лира, пріуныла, Наперсинца души моей больной! Твоей струны печаленъ звонъ глухой, И лишь тоски ты голосъ не забыла... О върная, грусти, грусти со мной! Пускай твои небрежные напъвы Изобразятъ уныніе любви, И, слушая бряцанія твои, Пускай вздохнуть задумчивыя дъвы.

Окно [стр. 155]. Г. Анненковъ предполагаетъ, что посмертное изд. составило это стихотвореніе изъ двукъ различныхъ. Въ рукописи онъ нашелъ только вторую половину съ стиха: «Недавно темною порою».

Мѣсяцъ [стр. 156]. Онъ же указываетъ, что въ рукописи 1826 г. измѣненъ 17-й стихъ такъ: «Красу воздюбленной моей» и исключено слѣдовавшее за нимъ четверостишіе, дѣйствительно неумѣстное и попавшее вѣроятно изъ другой пьесы:

Что вы, восторги сладострастья, Предъ тайной прелестью отрадъ, Прямой любви, прямаго счастья? Примчатся ль радости назадъ?

Подражаніе [стр. 160]. Впервые напечатано г. Анненковымъ [т. 2, стр. 139] изъ тетради для изданія 1826 г. Въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 10, быль сообщенъ другой списокъ этого стихотворенія, въроятно первой редакціи:

Я видълъ смерть; она безмолвно съла У мирнаго порога моего.

Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
Душа, померкнувъ, охладѣла...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ;
Послѣдній взоръ моихъ очей
Луча безсмертія не встрѣтитъ.

И погасающій свётильникъ юныхъ дней Ничтожества спокойный мракъ освётитъ. Прости печальный міръ, гдё темная стезя

Надъ бездной для меня лежала, Гдъ въра тихая меня пе угътала,

Гдѣ я любиль, гдѣ мнѣ любиль нельзя! Прости свѣтило дня, прости небесъ завѣса, Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ, Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,

Безмолвіе таннственнаго ліса,

И все прости въ послѣдній разъ! А ты, которая была миѣ въ мірѣ богомъ, Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ, Прости! минуло все, ужъ гаснетъ пламень мой,

Схожу я въ хладную могилу
И смерти сумракъ роковой
Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!
А вы, друзья, когда лишенный силъ,
Едва дыша въ болъзненномъ бореньи,
Скажу я вамъ: «о други, я любилъ!»
И тихій духъ умретъ въ изнеможеньи,
Друзья мои, тогда, тогда подите къ ней;

Скажите: взять онъ вѣчной тьмою; И можеть быть, объ участи моей Она вздожнеть надь урной гробовою!

Въ сборнике стихотвореній, принадлежавшемъ А. В. Шереметеву (начала дваддатыхъ годовъ), элегія эта называется «Прощаніе». Стихи съ 3-го по 11-й заменены тамъ следующими:

Къ нему душа съ надеждой полетѣла...
Протекшей младости моей
Никто, никто слѣдовъ пустынныхъ не примѣтитъ
И взора милаго не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ моихъ очей

Прости, печальный міръ и т. д.

Окончаніе, начиная съ 16 стиха, замінено такъ:

Прости родныхъ небесъ спокойная завъса! Прости: ночная тънь и сладкій утра часъ, Любимые холмы, ручья знакомый гласъ, Вы, съни мирныя таинственнаго лъса!...

И все прости въ последній разъ! А ты, которая была мит въ мірт богомъ, Предметомъ вечныхъ слезъ и горестей залогомъ, Прости, все кончилось! безумный пламень мой Теряетъ наконецъ мучительную силу: Я быстро нисхожу въ отверстую могилу, Съ последней радостью, съ последнею тоской.

Друзьямъ [стр. 160] — въ изданіи 1826 г., а въ посмертномъ была напечатана первоначальная редакція:

Къ чему, веселые друзья, Мое тревожитъ васъ молчанье? Запъвъ послъднее прощанье, Ужъ муза смолкнула моя. Напрасно лиру взялъ я въ руки Бряцать веселье на пирахъ, И на ослабленныхъ струнахъ Искалъ потерянные звуки. Богами вамъ еще даны Златые дни, златыя ночи, И на любовъ устремлены Огнемъ исполненныя очи! Играйте, пойте, о друзья! и проч.

Кромѣ того стихотвореніе это сохранилось еще въ одной редакціи, помѣщенной нами въ «Библ. Запискахъ» 1861, № 19:

Среди бесёды вашей шумной Одинъ унылъ и мраченъ я... На пиръ раздольный и безумный Не призывайте вы меня. Любилъ и я когда-то съ вами Подъ звонъ бокаловъ пировать И гармонически стихами Пировъ веселье восиёвать; Но пролетёлъ мигъ упоеній, Я радость свётлую забылъ, Меня печали мрачный геній Крылами черными покрылъ...

На кличьте жъ вы меня съ собою Подъ звонъ бокаловъ пировать: Я не хочу своей тоскою Веселье ваше отравлять! Богами вамъ.... и пр., какъ на 160 стр.

Пробуждение и Пѣвецъ [стр. 161]— взяты изъ изданія 1826 г., а первоначально были напечатаны въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817, №№ 1 и 25. Варіантовъ, по ихъ незначительности, мы не приводимъ. Послѣдняя пьеса была еще перепечатана въ «Денницѣ» 1831 г., съ приложеніемъ музыки Верстовскаго. Еще есть музыка Христіановича.

Шишкову [стр. 162]. Напечатано въ изд. 1826 г., подъ заглавіемъ: «Ш—ву». Неизвъстно почему г. Анненковъ отнесъ это посланіе къ «Кн. Шаликову» [т. 2, стр. 155] и съ тъхъ поръ оно печаталось съ этимъ именемъ. Между тъмъ по содержанію своему оно никакъ не могло относиться къ Шаликову, надъ которымъ Пушкинъ постоянно подсмъивался въ своихъ стихахъ, да и не могъ называть почти 50-лътняго писателя [Шаликовъ р. 1769, ум. 1853] «Шалупомъ увънчаннымъ Венерой» и говорить ему: «И нынъ въ юности прекрасной». Стихотвореніе дъйствительно относится къ молодому царскосельскому знакомцу поэта А. А. Шишкову, племяннику адмирала и министра просвъщенія, тому самому, которому Пушкинъ написалъ прелестное письмо, помъщенное Анненковымъ же въ т. І, на стр. 165. Шишковъ перевелъ стихами много нъмецкихъ драмъ и издалъ книжку своихъ стихотвореній.

Въ «Библ. Запискахъ» 1853, № 10, приведены изъ черновой рукописи 13 стиховъ, исключениме Пушкинымъ въ изданіи 1826 г., почему они и нами откинуты изъ текста стихотворенія, куда были вставлены г-мъ Геннади. Эти стихи слъдуютъ послѣ 8-го печатнаго:

И нынт въ юпости прекрасной
Съ тобою върныя сопутницы твои.
Вряцай, о трубадуръ, на арфт сладострастной
Ты гимны счастивой любви,
Пой сердца юнаго кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покровъ,
Стыдливости послёднее роптанье
И страсти торжество на ложт изъ цвётовъ.
Пой, въ нете устремивъ на друга томны очи,
Тебт подвластныя красы,
Въ ея объятіяхъ исчезнувшія ночи —
Любви безцённые часы.
Но я — друвей любить открытою душою... и проч.

Боже, царя храни [стр. 163] — напечатано въ посмертномъ изд., а написано было въ 1816 г. къ празднованію дня основанія лицея [19 октября], и было пропёто на праздникѣ воспитанниками лицея. Первая строфа принадлежитъ Жуковскому. воторая только одна и была напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1815, № 48, подъ заглавіемъ «Молитва русскихъ»; въ полномъ же своемъ объемѣ «Гимнъ» Жуковскажо явился въ печати въ 1818 году.

Письмо въ В. Л. Пушкину [стр. 164] напеч. въ «Смив Отечества» 1821, № 11, а въ посмертномъ пзданіи была перепечатана только 2-я строфа [5 стиховъ], подъ заглавіемъ: «Дядв, назвавшему сочинителя братомъ». Поздравленіе съ новымъ годомъ указываетъ, что письмо писано въ конців декабря 1816 г. или вначалів января 1817 г., что согласно съ фразой о «девятимѣсячной беременности отвітомъ», потому что Пушкинъ отвітаетъ на письмо дяди отъ 17 апрвіля [см. «Складчину» 1874, стр. 361], гдв В. Л. говоретт: «ты братъ мив по Аполлону». —Вотъ было прозвище Василья Львовича въ «Арзамасскомъ Обществъ», въ которое въ слідующемъ году быль принятъ и племянникъ, но былъ тамъ только одинъ разъ, при чемъ по обычаю общества произнесъ вступительную річь александрійскими стихами. Г. Бартеневъ сообщаетъ сохранившееся въ памяти кн. Вяземскаго начало этой річи [А. С. Пушкинъ гл. 3, стр. 14]:

Вћнецъ желаніямъ! и такъ я вижу васъ, О други свѣтлыхъ музъ, о дивный Арзамасъ!

Гдѣ славилъ нашъ Тиртей «кисель» и Александра, Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Тиртеемъ названъ Жуковскій и указано его стихотвореніе «Овсяный кисель». Цослідній стихъ поясняется обикновеніемъ Арзамаса говорить надгробныя похвальныя слова мнимымъ мертвецамъ изъ членовъ враждебнаго ему общества «Бесіды любителей росс. слова». Случилось, что черезъ нісколько дней послів подобной річи Кассандры [призвище гр. Блудова] мнамый покойникъ Захаровъ дійствительно умеръ.

Молитва дейбъ-гусарскихъ офицеровъ [стр. 166] напечатана въ статъъ г. Гаевскаго [П. въ лицеъ, «Соврем.», 1863, № 8]. Стихи эти были написаны на дежурствъ гр. А. П. Завадовскаго и послъ найдены Пашковымъ, который хотълъ побить Пушкина за обиду. Завадовскій принялъ ихъ на себя и дѣло угрожало кончиться дуэлью. Пэт письма ки И. В. Васильчикова къ кн. П. М. Волкопскому [«Р. Архивъ» 1875, № 12] видно, что онъ успѣлъ помирить офицеровъ съ гр. Завадовскимъ, котораго считалъ авторомъ этихъ стиховъ. Письмо это могло бы указать время сочиненія стихотворенія, но къ сожальнію оно напечатано

г. Бартеневымъ безъ помѣты и помѣщено даже послѣ писемъ князя, относящихся къ 1821 году. Фраза письма: «я возвратился изъ Ладоги, гдѣ смотрѣлъ кирасирскій государя полкъ» — побудила насъ обратиться къ «Исторіи» этого полка [Спб. 1872], но и тамъ мы не нашли указанія на время смотра. Судя же по тому, что полкъ прибылъ изъ заграничнаго похода въ Новую Ладогу и оставался тамъ съ 14 сентября 1816 по 7 іюня 1817 г. и что кн. Васильчиковъ говоритъ въ письмѣ: о «будущей веснѣ» — можно считать поѣздку его относящеюся къ осени 1816 г., т. е. ко времени возвращенія полка изъ заграницы. — Послѣдній стихъ напечатанъ нами по 3 спискамъ совершенно сходнымъ, тогда какъ г. Гаевскій передаль его иначе.

Эпиграммы [стр. 167 — 170]. Семь первых сохранились въ уцфлёвших листках одного из рукописных лицейских сборников — и четы ре были напечатаны въ посмертном изданіи, а три остальных впервые сообщены въ стать г. Гаевскаго [«Соврем.» 1863, № 7]. Въ посмертномъ же изд. были напечатаны: «Она» и «Къ письму». Затъмъ «Эпитафія» была помъщена въ «Съверномъ Наблюдателъ 1817, № 2, подъ заглавіемъ: «Эпиграмма на смерть стихотворца». Эпиграмма «на княжну В—ю» — явилась въ «Въстник Европы» 1871, № 7, стр. 192, а эпиграмма «на лицейскаго дядьку» въ «Русскомъ Инвалидъ» 1857, № 277, и въ болъе точномъ текстъ вошла въ статью г. Гаевскаго. — Лицейскій дядька Сазоновъ дъйствительно быль уличенъ въ смертоубійствъ. Замътимъ, что Н. Гербель помъстиль въ числъ Пушкинских эпиграмъ въ «Р. Архивъ» 1876 г. «Грядетъ съ заката царь пригоды», тогда какъ еще въ 1863 г. въ статъъ г. Гаевскаго сдѣлано положительное указаніе на ея автора — Илличевскаго.

1817.

Моему Аристарху [стр. 170] — напечатано впервые въ изданіи 1855 г., гдё г. Анненковъ на неизвёстныхъ соображеніяхъ отнесъ его къ Дельвигу и къ 1816 году, не смотря на помёту «переписано 10 марта 1817 г.). По указанію г. Гаевскаго посланіе это, написанное въ началі 1817 г., относится къ лицейскому професору словесности Николаю Оедоровичу Кошанскому. Онъ сначала поощряль Пушкина, но по мёрё проявленія его таланта, самъ будучи стихокропателемъ, охладёваль къ поэту, а въ послёдніе два года даже преслёдоваль его.

Couplets [стр. 173]—два первыхъ куплета помѣщены въ изд. 1855 г., а вполиъ стихотворение напечатано въ «Библ. Запискахъ» 1858 г. по копіи, сохранившейся у С. Д. Полторацкаго.

Съ позволенія сказать [стр. 174] — въ стать в г. Гаевскаго, въ

«Современникѣ» 1863, № 8. Эта пьеска вмѣстѣ съ предыдущей набросаны для литературныхъ бесѣдъ, бывшихъ въ Ц. Селѣ у барона Тепперъ де Фергюсона. Вторая въ рукописи не сохраниласъ и записана со словъ лицейскаго товарища поэта.

Къ Жуковскому [стр. 175] впервые напеч. въ «Сынъ Отсч.» 1840, ч. 2, и замъчательно по указаніямъ на отношенія къ поэту Карамзина, Дмитріева, Державина и самого Жуковскаго. — Около этого времени В. А. Озеровъ, авторъ Эдина, Дмитрія Донскаго и пр., отъ служебныхъ и литературныхъ огорченій помъшался и умеръ въ 1816 г. Послъдняя его трагедія «Поликсена» была принята крайне неблагопріятно. Посланіе объ Озеровъ самого Жуковскаго см. въ изд. его сочиненій 1878, т. 1, стр. 335 и 506. — Въ рукописи посланіе Пушкина подписано: Арзамасецъ.

Дельвигу [стр. 179]—напеч. въ изданіи 1826 г., а въ посмертномъ изд. быль сообщенъ и первоначальный текстъ этого стихотворенія, съ пропусками, возстановленными въ «Библ. Запискахъ» 1858 г., откуда и перепечатываемъ:

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою Извивы темные двухолмной высоты, Кто жизни въ тайный путь, съ невинною душою, Пустился плѣнникомъ мечты! Наперснику боговъ безвѣстны бурн злыя! Надъ нимъ пхъ промыселъ: безмолвною порой Его баюкаютъ камены молодыя, И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой. Стыдливой граціи внимаетъ овъ совѣты И, чувствуя въ груди огонь еще младой, Восторженный, поетъ на лирѣ золотой:

О Дельвигъ, счастливы поэты!

Пъвецъ! въ безвъстности глукой Живи подъ дружественной съвью; Страшись увидъть свътъ; неопытной душой Не жертвуй ослъпленью! Воспитанный въ тиши, не зная грозныхъ бъдъ, Съ любовью, дружествомъ и лънью Въ уединеніи ты счастливъ—ты поэтъ!

Но для меня прошли, увяли наслажденья! Мой другь, и я пѣвець! И мой смиренный путь Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣпья, И миѣ въ младую боги грудь Вліяли пламень вдохновенья,
Ребеновъ — лирный звукъ я чувствовать умѣлъ;
Все жизнью вкругъ меня дышало,
Все рѣзвый умъ обворожало,
И первую черту я быстро пролетѣлъ.
Сіяя тихою красою
Минуты дѣтства протекли!
Хвала, о боги, вамъ! вы мощною рукою
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ вевинность отвели,
Н были ини мои посвящены покою.

Но все прошло навѣкъ — и скрылись въ темну даль Свобода, радость, восхищенье!
Другимъ и юность — наслажденье:
Она мнѣ — мрачная печаль!
Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ вражды кровавой, И низкой клеветы во мглѣ сокрытий ядъ!
Нѣть, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ На край погибели любимцевъ обольщенныхъ!

Исчезъ священный жаръ;
Забвенью сладкихъ пёсней даръ,
И голосъ струнъ одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру, и вёнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нёкогда пёвецъ
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погибъ на утрё вешнихъ лётъ,
Какъ ранній на полянё цвётъ,
Косой безвременно сраженный!
Что нужды? проживу въ безвёстной тишинё,
Потомство грозное не вспомнитъ обо мей—
И памятникъ пёвца, въ пустынё мрачной, дикой,
Забытый поростеть ползущей повиликой!

Наслажденіе, Стансы и Сновидініе [стр. 179—182] — впервые напеч. посмертными изд. «Стансы» представляють переводь Вольтеровихь стиховь: «А madame Duchatelet», а «Сновидініе» — его же стиховь къ принцессь Луизь Ульрихь, впослідствій шведской королевь. Незначительные варіанты «Стансовь» приведены въ «Библ. Зап.» 1858 г.

Письмо въ Лидъ [стр. 182]—во 2-мъ томъ изданія 1855 г. съ пропускомъ 9 послъднихъ стиховъ, которые явились уже въ 7-мъ томъ. Это переводъ пьесы Парни: «Billet».

Именины [стр. 183] — въ изданіи 1826 г., а написано по поводу посёщеній Энгельгардтовой семьи.

Везвъріе [стр. 183] — въ «Трудахъ Общества любит. Росс. словесности» 1817, ч. 10, съ полною подписью. Оно было читано на лицейскомъ актѣ самимъ поэтомъ. Изъ сохранившейся рукописи этого стихотворенія, поправленнаго для печатанія въ «Трудахъ», приведенъ былъ Библ. Записками 1858 г. варіантъ, замѣняющій 5 и 6 стихи:

Смирите гордости жестовой изступленье, Имжеть онъ права на ваше снисхожденье, На слезы жалости. Внемлите брата стонъ, Несчастный — не злодъй, собою страждеть онъ. Кто въ мірѣ усладить души его мученья? Увы, онъ перваго лишился утѣшенья.

Тамъ же напечатано следующее окончательное двустише:

И что зоветь его къ пустын'я гробовой, Кто в'ядаеть? Но тамъ лишь видить онъ покой.

Къ Каверину [стр. 185]. Павелъ Петровичъ Каверинъ былъ тогда лейбъ-гусарскимъ офицеромъ и Пушкинъ извиняется передъ нимъ за «Молитву», помѣщенную выше, на стр. 166. — Впервые напечатано въ «Моск. Вѣстникъ» 1828 г. № 17, а первоначальная редакція, безъ согласія автора и съ подписью Ап., появилась въ «Сѣверной Звѣздѣ» 1829 г., изданной М. Бестужевымъ-Рюминымъ. Эта редакція, съ незначительными измѣненіями противъ текста альманаха, приведена по рукописи въ Библ. Запискахъ 1858 г.

Прости, любезный мой Каверинъ,
Минутной ръзвости нескромные стихи;
Люблю я первый, будь увъренъ,
Твои гусарскіе гръхи.
Прослыть апостоломъ Зенонова ученья
Быть можетъ хорошо, но ни тебъ, ни мнъ.
Я знаю, что страстей волненье
И шалостей, и заблужденья
Приличны нашихъ дней блистательной мечтъ;

Пускай умно, котя неосторожно, Дурачиться мы будемъ иногда, Пока безъ мишняго труда Дурачиться намъ будетъ можна; Всему пора, всему свой мигъ, Все чередой идетъ опредъленной: Смъшонъ и вътреный старикъ, Смьшонъ и юнома степенной.

Насытясь жизнію у юных дней въ гостяхъ, Простились мы навёкъ съ веселіемъ шумливымъ, Съ Венерой пылкою и Вакхомъ прихотливымъ.

Вздохнемъ объ нихъ какъ объ друзьяхъ, И старость посётимъ съ поклономъ молчаливымъ.

Теперь въ безпечности живи,
Люби друзей, храни о нихъ воспоминанье,
Молись и Вакху, и Любви,
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не въдаеть что дружно можно жить
Съ стихами, съ картами, съ Платономъ и бокаломъ,
Что ръзвихъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ

И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Небольшія поправки въ текстё мы внесли съ подлинной рукописи, исправленной поэтомъ и хранящейся ныне у гр. И. Капниста.

Посланіе къ В. Л. Пушкину [стр. 186] — только небольшой отрывокъ былъ напечатанъ въ «Полярной Звёздё» 1824 г. Начало и конецъ послапія даны Библ. Записками 1858 г., № 11.

Добрый совёть [стр. 189]—переводь стих. Парни: «А mes amis», данный посмертнымь изданіемь.

Кътоварищамъ [стр. 189] — дано посмертнымъ изданіемъ, а въ Библ. Зап. 1858 г. сообщенъ варіантъ къ 19—22 стихамъ [стр. 190]:

Лишь я судьбѣ во всемъ послушный, Безпечной лѣни вѣрный сынъ, Къ честямъ ничтожнымъ равнодушный, Я тихо задремалъ одинъ.

Въ альбомъ Илличевскому и Пущину [стр. 190—191] — даны посмертнымъ изданіемъ, а ко второму посланію въ Библ. Запискахъ 1858 г. были сообщены по рукописи Пущина мелкіе варіанты, которые по ихъничтожности мы не приводимъ, и въ текстъ не внесли, потому что самъ Пущинъ въ «Атенев» 1859 г. привель это посланіе въ настоящемъ, исправленномъ видѣ. Тамъ же онъ сообщилъ четверостишіе, написанное Пушкинымъ надъ его кроватью во время болѣзни. — Мы не внесли въ текстъ книги, какъ непонятную безъ объясненій, эпиграмму на другаго товарища, Есакова, тоже указанную Пущинимъ. Пушкинъподемѣивался надъ ухаживаніями Есакова за дочерьми царскосельскаго коменданта бар. Вельо, выходившими на прогулку съ гувернанткой Шрёдеръ; часто случалось, что Есаковъ ждаль на морозѣ цѣлые часы, а прогулка отлагалась. Пушкинъ послѣ одной изъ такихъ неудачъ замътилъ ему:

И останешься съ вопросомъ На брегу замерзшихъ водъ: Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомь Милихъ Вельо не ведетъ?

Гауэншильдъ и пр. [стр. 192] — сообщено въ статъъ г. Гаевскаго: «Пушкинъ въ лицев».

Разлука [стр. 192] — въ апръльской книжив «Невскаго Эрителя» 1820 г., подъ заглавіемъ: «Кюжельбекеру». Для изд. 1826 г. оно слегка исправлено и названо «Разлукою».

Въ альбомъ Зубову [стр. 193] — напечатано по рукописи въ «Москвитянинъ» 1846 г., а въ изданіи 1855 г. была приведена первоначальная редакція:

Пройдеть любовь, умруть желанья, Разлучить наст холодний свёть; Кто вспомнить тайныя свиданья, Мечты, восторги прежнихъ лёть? Позволь въ листкахъ воспоминанья Оставить имъ свой легкій слёль.

Г. Анненковъ считалъ Зубова товарищемъ Пушкина по лицею, а между тѣмъ это быль его царскосельскій знакомець, гусарскій офицерь, о которомъ упомянуто выше. Къ двумъ другимъ гусарскимъ офицерамъ написаны слѣдующія 4-стишія:

Къ портрету Чаадаева и Каверина [стр. 193], изъ которыхъ первое наисчатано вполиъ только въ 1871 г. въ «Въстникъ Европы» № 7, стр. 198, въ статьъ Жихарева о Чаадаевъ, а затъмъ въ «Р. Архивъ» 1876 г. № 10 съ вар. живетъ, вм. «рожденъ». — Надпись же къ портр. Каверина дана посмертнымъ изд., безъ означенія имени.

Вакуниной [стр. 194] — въ изд. 1826 г., куда предназначалось и следующее стихотвореніе: «Къ ней», исключенное однако поэтомъ изъ рукописи. Оба написаны вскоре по выходе изъ лицея. Г. Анненковъ полагаетъ, что стихотвореніе «Къ ней» воспроизведено Пушкинымъ черезъ 8 летъ въ пьесе: «Я помню чудное мгновенье». Между темъ «Къ ней» составляетъ прощаніе съ Бакуниной, а последнее припоминаетъ встречу съ А. П. Кернъ.

Торжество Вакха [стр. 195] — впервые напечатано въ изданіи 1826 г.

А. А. Олениной [стр. 198] — напечатано въ «Библ. Запискахъ» 1858,

№ 11, и въ «Р. Архивъ» 1876, № 10, причемъ въ послѣднемъ искажено начало и стихотвореніе отнесено къ 1828 г., тогда какъ написано несомнѣнно въ 1817 г. Вѣроятно ввело въ сомнѣніе заглавіе, потому что ухаживанія Пушкина за Олениной относятся дѣйствительно въ 1827—28 г., но это заглавіе оказывается неточнымъ, хотя ошибочно удержано и нами. По однимъ указаніямъ, эти стихи написаны въ Еленѣ Сергѣевнѣ Огаревой, а по другимъ — къ Елизаветѣ Михайловнѣ Хитровой, но никакъ не къ Олениной.

Прощаніе съ Тригорскимъ [стр. 197] — напечатано въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1866, № 170, въ статът М. И. Семевскаго.

Къ ** [стр. 198] — въ изданіи 1826 г.

Кн. Голицыной [стр. 199]—въ «Молвѣ» 1857 г., № 3. Стихотвореніе относится въ женѣ извѣстнаго кн. Сергія Мих. Голицына, дочери тенераль-аншефа Пзмайлова.

Эпиграммы [199—200]—всё напечатаны впервые въ изданіи 1826 г. Дві изъ нихъ мы видёли въ подлинной рукописи Пушкина у гр. П. И. Капниста: «Какъ брань...» и «Хоть впрочемъ...», причемъ во 2-й послёдній стихь былъ написанъ: «Ты полонъ глупости большой», и затъмъ поставлено: «Пли — Ты полонъ дряни, милый мой.»

1818.

Юрьеву [стр. 201]. Оедоръ Филиповичъ Юрьевъ, тогда уланскій офицеръ, впослёдствін занималь должность управляющаго заемнимъ бапкомъ. Уже по отпечатанін тома мы получили сохранившійся въ бумагахъ Юрьева печатный листокъ съ этими стихами: 4 страницы въ четвертку, на ватманской бумагѣ съ водянымъ знакомъ «1819». Двѣ стр. заняты стихами безъ цензуры и безъ малѣйшихъ варіантовъ съ напечатаннымъ у насъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «Ю—у», и безъ печатной подписи, которая написана самимъ Юрьевымъ: «А. Пушкинъ 1821 года». Впрочемъ въ означенін года едва ли Юрьеву не измѣнила памятъ потому что Пушкинъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что эти стихи написаны имъ на 19-мъ году. Въ обычной печати стихи явились, помимо воли автора и съ подписью «Ап», въ «Сѣверной Звѣздѣ» 1829 г.

Щербинину [стр. 202]—напеч. въ «Москвитянинѣ» 1841 г., № 4, съ значительными пропусками, возстановленными въ «Библ. Занискахъ» 1858, № 11.

Орлову [стр. 203] — въ «Стверной Звезде» 1829 г. съ пропусками

и искаженіями, возстановленными въ «Библ. Запискахъ» 1858 г., № 11, а вполнѣ напечатано въ «Р. Архивѣ» 1876 г., № 10, только съ измѣненіемъ одного стиха, сохраненнымъ и нами.

Кривцову [стр. 204]—въ посмертномъ изданіи, съ небольшимъ пропускомъ и перемѣнами, пополненными въ «Библ. Запискахъ» 1861 г. О Кривцовѣ см. въ «Р. Архивѣ» 1864, № 10. Онъ тогда отправлялся къ лондонскому посольству и получилъ отъ Пушкина на дорогу «Pucelle d'Orléans» Вольтера.

Сказки [стр. 205] — стихотвореніе написано въ подражаніе сказкамъ въ рождественскіе вечера, потому въ рукописи им'єсть еще заглавіе: «Noël».

Чаадаеву [стр. 205]—сдёлавшемуся внослёдстій извёстнымъ своими <философскими письмами», начавшимися печатаніемъ въ «Телескопів» 1836 г. и тотчасъ же запрещенными. Напечатано было тоже въ «Сѣв. Звёздѣ» 1829 г., но крайне неполно и съ искаженіями. Текстъ возстановленъ отчасти въ статьё г. Гаевскаго, а полнѣе напечатанъ только въ 1876 г., въ «Р. Архивѣ». № 10.

Элегія [стр. 206] — напеч. въ томъ же альманахѣ и оттуда въ посмертномъ и Анненковскомъ изд. Изъ полученной уже по отпечатаніи тома рукописи оказывается, что это вовсе не «Элегія», а только отрывовъ изъ обширнаго «Посланія», въ которомъ эти стихи [при томъ же выписанные съ пропусками] составляютъ только эпизодическое обращеніе «къ свободѣ». Въ «Посланіи» этомъ, неудобномъ къ печати, есть много прекрасныхъ стиховъ, какъ напр. обращеніе въ отечеству съ указаніемъ на мнимыхъ сыновъ его:

Въ нихъ слезъ нътъ для твоихъ печалей, Нътъ пъсенъ для твоихъ побъдъ.

Предестницѣ [стр. 206] — имя особы указано г. Анненковымъ въ книгѣ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху». Стих. было напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820, № 4, а оттуда съ пропускомъ 2 стиховъ въ изд. 1826 г. и вполнѣ въ изданіи 1829 г. съ перемѣною только словъ: воспалять — на распалять [ст. 3] и предательную — на предательскую [ст. 6 съ конца].

Выздоровленіе [стр. 207] — въ изд. 1826 г. Въ рукописи у гр. Капниста оно отнесено поэтомъ къ 1818 г. и исправлены два стиха, которые были: 7-й: «Въ одеждъ ратника...» и 12-й: «Вотще мой слабый взоръ искалъ тебя во мглъ».

Мечтателю [стр. 208] — въ «Сынъ Отечества» 1818, № 51, съ под-

писью «Св...ч.к.». [Сверчокъ — арзамасское прозвище поэта], а въ изданіе 1826 г. внесено съ незначительными поправками.

Къ портрету Жуковскаго [стр. 209]—въ изданіи 1826 г., а первоначальная редакція была пом'єщена въ «Благонам'єренномъ» 1818, ч. 3:

Его стиховъ плънительная сладость Пройдетъ временъ въ таинственную даль: Услыша ихъ, восиламенится младость, Безмолвная утъшится печаль И ръзвая задумается радость.

Жуковскому [стр. 209] — въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., № 52, и оттуда въ изд. 1826 г., а при переходѣ въ изд. 1829 г. сдѣланы измѣненія; именно двумя начальными стихами замѣнены 6 прежнихъ:

Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрыленъ
Тревожитъ лѣни праздный сонъ,
Томясь мятежнымъ упоеньемъ;
Когда возвышенной душой
Летя къ мечтательному міру и пр.

10-й стихъ замёнилъ два прежпихъ:

Не для подкупленныхъ судей, Ревнивыхъ милостью своей...

Также выпущенъ весь конецъ стихотворенія:

Смотри, какъ пламенный поэтъ, Вниманьемъ сладкимъ упоенный, На свитокъ генія свлоненный, Читаетъ повъсть древнихъ лътъ! Онъ духомъ тамъ, въ дыму стольтій: Предъ нимъ волнуются толпой Злодейства, мрачной славы дети, Съ сынами доблести прямой; Отъ сна воскресшими въками Онъ бродить тайно окружень, И благодарными слезами Карамзину приносить онъ Живой души благодаренье За мигь восторга золотой, За благотворное забвенье, Безплодной суеты земной: И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

Изъ письма [стр. 210]—въ «Моск. Вѣдомостяхъ» 1855, № 142, гдѣ неправильно было отнесено, равно какъ и г. Анненковымъ въ VII томѣ, къ 1824 году.

Эгельстрому [стр. 210] — въ VII т. изданія г. Анненкова. Эгельстромъ, добродушный старикъ-помѣщикъ изъ деревенскихъ сосѣдей тверскаго имѣнія Осиповой, родомъ шведъ, былъ крайне плохой стихокропатель и поэтому служилъ потѣхой для сосѣдей, такъ что много лѣтъ спустя пріятель Пушкина А. Н. Вульфъ, при встрѣчѣ съ нами [въ декабрѣ 1879 г.] и при вопросѣ объ этомъ чудакѣ, не могъ удержаться отъ улыбки. Изъ словъ г. Вульфа мы заключали, что это стихотвореніе надо перенести лѣтъ на 10 впередъ, къ 1828 г.

Сосницкой [стр. 211]-тоже въ VII т. Анненковскаго изданія.

На Карамзина [стр. 212] — въ альманахѣ Погодина «Утро», кн. 3, и потомъ въ его же книгѣ «Карамзинъ». Вторая, кромѣ того, у г. Анненкова, въ VII томѣ, съ замѣткою, что она «написана еще въ лицеѣ», между тѣмъ какъ томъ Карамзина съ исторіей «про Грознаго Царя» вышелъ только въ 1818 г., и самъ Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому, что эниграмма написана въ то время, «когда К. его отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и его честолюбіе и сердечную къ нему привязанность» [«Р. Архивъ» 1874, № 2], а это «отстраненіе» послѣдовало именно въ концѣ 1818 г.

Эпиграммы [стр. 212—213] напечатаны были въ «Библ. Запискахъ» 1858 г. По причивъ неудобопонятности въ текстъ книги безъ общирныхъ полсненій, мы относимъ къ примъчаніямъ Эпиграмму на Кюхельбекера. Гречъ привелъ ее въ своихъ запискахъ послъ словъ: «Пушкинъ любилъ К—ра, но жестоко надъ нимъ издъвался. Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили, зачъмъ онъ не былъ, онъ отвъчалъ: мнъ что-то нездоровилось ужъ наканунъ, къ тому пришелъ Кюхельбекеръ и я остался дома».—Пушкинъ написалъ на это эпиграмму», отъ имени Жуковскаго и указалъ, будто Кюх. воспользовался для входа плохо запертой камердинеромъ дверью:

За ужиномъ объёлся я, Да Яковъ заперъ дверь оплошно, Такъ было мнё, мои друзья, И Кюхельбекерно и тошно.

Замѣтимъ, что Пушкину не принадлежатъ относимыя къ ближайшимъ годамъ стихотворенія: «Застольная пѣснь», «Мальчикъ солнце встрѣтить должно»—Дельвига, «Есакову»—Ознобишина, и изълицейскихъ, кромѣ уже указанныхъ выше: «ученическіе куплеты» [Анн., т. I, стр. 25]— написанные товарищами поэта, и «Посланіе къ кн. Шаховскому», кото-

рое г. Анненковъ [т. I, с. 22] не привелъ вполнѣ за слабостію стиковъ, какъ дѣтское произведеніе 1814 г., но которое оказывается написаннымъ вовсе не дѣтьми — Жуковскимъ и гр. Блудовымъ.

Стихотвореніе Дельвига «Мальчикъ» было сообщено кн. Н. А. Долгорукимъ, для послѣдняго изданія, подъ названіемъ «Экспромта», сказаннаго Пушкинымъ въ Тульчинѣ. Укажемъ также, что въ «Запискахъ» Н. И. Лорера, въ Р. Архивѣ, 1874, № 9, говорится, что генералъ Хомутовъ продекламировалъ однажды за об'йдомъ въ 1841 г. стихи Пушкина:

Давайте чаши! не жальй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши? Мальчикъ, лей!
Теперь некстати воздержанье,
Какъ дикій скиеъ кочу я пить,
И съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винъ разсудокъ утопить.

1819.

Всеволожскому [стр. 214]. Слёдуя предыдущимъ изданіямъ, мы отнесли это посланіе къ началу года, между тёмъ какъ изъ полученной уже по отпечатаніи тома подлинной рукописи поэта оказывается, что оно написано 27 ноября 1819 г. По этой рукописи, сообщенной нами вполнё въ «Р. Старинё» 1880, № 1, слёдовало бы исправить текстъ, видимо, непроизвольно измёненный поэтомъ для напечатанія въ изданіи 1826 г. Воть начало:

Прости, счастливый сынъ пировъ, Балованный дитя свободы!

И такъ, отъ нашихъ береговъ, Отъ мертвой области рабовъ, Капральства, прихотей и моды Ты скачешь въ мирную Москву, Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цёну, Безпечно дремлютъ на-яву И въ жизни любятъ перемѣну. Въ сей азіатской сторонѣ, Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка! Въ почтенной кичкѣ, въ шушунѣ Москва премилая старушка. Разнообразной и живой Она плѣняетъ пестротой и пр.

Ст. 19: И тучной знатности похмёлье. Ст. 24: Забавь и лёни дорогой. Ст. 37: И мчится радостный досугь. Ст. 52: Оть грубыхь аргусовь украдкой. Въ «Р. Старинв» указаны нами и первоначальные стихи, замёненные другими, всего 9 небольшихъ поправокъ и одна выпоска къ 32 стиху: Аи холодная струя—«L. D. M. frappé à la glace».

Энгельгардту [стр. 216] — напеч. въ изд. 1826 г. и слёдующихъ — безъ его имени. Оно написано послё болёвни, упоминаемой въ «Выздоровленіи». Небольшую добавку см. въ «Р. Арх.» 1876, № 10, стр. 239.

Кривцову [стр. 217] — въ томъ же изданіи 1826 г. [См. выше примічаніе въ стр. 204].

Стансы [стр. 218] — напеч. въ изданіи 1826 г., гдё къ стиху «Зови же сладкое бездёлье», сдёлана была выноска: «Какъ здёсь, такъ и въ другихъ мёстахъ, поэтъ шутитъ надъ философією эпикурейцевь. Читатель, безъ сомнёнія, не будетъ смёшивать чистыхъ душевныхъ наслажденій съ удовольствіями душевными». Г. Анненковъ опредёлилъ, что эти стихи «обращены къ извёстному нашему поэту «Туманскому» [т. 2, стр. 269], тогда какъ они относятся къ Як. Никол. Толстому, автору стихотвореній, изданныхъ отдёльною книгою, и члену общества «Зеленой Ламии», которое г. Анненковъ неосновательно свелъ на степень развратно-грязнаго и шутовскаго, смёшавъ даже съ татариновской сектой.

Воспоминаньемъ упоенный [стр. 219] — въ изданіи г. Анненкова, гдё было отнесено къ 1821 г. [т. І, стр. 91], а потомъ самъ же г. Анненковъ прочиталъ въ рукописи помёту «Зу мая 1819 г.». [Пушкинъ стр. 43].

Русалка [стр. 219] — напечатано въ изданіи 1826 г., съ означеніемъ «баллада».

Деревня [стр. 221] — только первая половяна этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Уединеніе», была напечатана въ издапів 1826 г. и почти одновременно подъ заглавіемъ: «Возвращеніе на родипу. Элегія»съ подписью «Н. Б.» въ альманахв «Сиріусъ» 1826 г., изданномъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ, при чемъ изъ подлинной пьесы сохранено только 14 стиховъ, а остальное или было взято съ черноваго наброска или присочинено действительно какимъ нибудь Н. Б.-Последняя половина [стр. 222] напечатана впервые только въ изданіи 1870 г., а до того изъ нея являлись отрывки въ «Библ. Запискахъ» 1859 г № 11 и въ «Моск. Вёдомостяхъ въ рёчи г. Погодина по случаю освобожденія крестьянъ. Стихотвореніе писано въ Михайловскомъ. Жихаревъ говоритъ, что государь, желая ознакомиться съ произведеніями Пушкина, обратился къ кн. Васильчикову, которому его адъютантъ Чаадаевъ и доставиль это стикотвореніе. Государю оно понравилось и онъ сказаль князю: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent». [(B. Ebpoпы> 1871, № 7].

Домовому [стр. 223] — въ «Полярной Звёздё» 1824 г., а оттуда въ изд. 1826 г. съ измёненіемъ только слова на шъ добрый домовой на «мой».

Недоконченная картина и Возрожденіе [стр. 223—4]—напечатаны въ 1828 г.: первая въ «Моск. Въстникъ» № 15, а вторая въ «Невскомъ Альманахъ». Къ 1826 г. отнесены Пушкинымъ въ изданіи 1829 г.

Горчакову [стр. 225] — въ альманахѣ «Раутъ» 1854, кн. 3, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ стиховъ и съ добавкою окончанія, принадлежащаго другому посланію, вполнѣ не сохранившемуся [стр. 226].

Мит бой внакомъ [стр. 226] — впервые напеч. въ изданіи 1860 г. По отпечатаніи тома мы получили это стихотвореніе, накиданное рукою Пушкина на четверткъ синей бумаги съ водянымъ знакомъ (1819 г.). На обороть чьею-то рукой набросань «Недыльный репертуарь» на двъ недъли. Имъя у себя часть бумагь «общества зеленой ламиы», гдъ постоянно велись довольно подробные еженедёльные отчеты о театръ. мы тотчась замётили, что этогь листокь взять тоже изь бумагь общества, соображение съ которыми прямо указало, что «недъльный репертуаръ относится ко времени 5-17 априля 1820 года, что подтвердилось и «Летописью русскаго театра» Арапова [Сиб. 1861, стр. 294], гдф указаны два апрельских спектакля 1820 г. — 12-го въ бенефисъ Лебедевой «Ромео и Юлія» и «Каролина» и 15-го: «Елизавета, королева англійская», а въ репертуаръ листка означено: «Понед. бен. Леб. Ромео и Юлія и Каролива... Четв. Вавилонскія [?] или Елизавета». По календарю: 12 и 15 апръля въ 1820 г. именно приходились въ понедъльнивъ и четвергъ, не говоря уже о тождествъ указанцыхъ пьесъ и бенефиса Лебедевой. Слад. стихотворение написано въ половина апраля 1820 г., а 5-го мая Пушкинъ уже быль высланъ изъ Петербурга. указанной рукописи есть три поправки: 4-й стихъ быль прожде написанъ - «И мысль объ ней сладка душв моей»; 5-й билъ исправленъ: сво цвыты пыть восторга полный воинь, но потомь возстановлень прежній, а 7-й стихъ быль: «Кто полнаго веселія не зналь».

Отвёть на вызовь [стр. 226] — напеч. въ «Соревнователё просв. и благотворенія» 1819, № 10, а оттуда уже въ 1856 г. въ «Современникъ», № 8, и затімь «съ измёненіемъ», нынё исправленнымъ, въ VII т. Анненковскаго изданія. Мы не приняли указанія Пущина, разділяемаго и г. Гаевскимъ, будто это стихотвореніе написано еще въ лицей въ 1816 году. Оно найдено г. Анненковымъ въ бумагахъ 1819 г. и дёйствительно совсёмъ отличается отъ стиховъ 1816-го. Не смёшаль ли его Пущинъ съ тёмъ, утраченнымъ, стихотвореніемъ, о которомъ упоминается въ настоящемъ: «Я, вдохновенный Аполлономъ, Елизавету втайнѣ пёлъ». Самый вызовъ написать стихи — могъ быть сдёланъ поэту лицомъ, представлявшимъ въ 1819 г. государю рукопись стих. «Деревня» [стр. 221].

Экспромтъ Гнёдичу [стр. 227]—напеч. въ «Современник» 1857, № 4, произнесенъ быль въ отвёть на вопросъ Гнёдича: не шероховаты ди стихи въ его переводе Иліады, читанномъ въ «обществе зеленой дамиы». Гнёдичъ тогда дёлаль опытъ продолженія перевода Кострова александрійскими стихами, въ гекзаметрамъ же обратился впослёдствіи.

Къ Юрьеву [стр. 227]—напеч. въ изданін 1860 г. Подлинный листокъ руки Пушкина мы получили тоже ужъ по отпечатаніи тома. Оказывается, что Геннади неправильно прочиталь два послёдніе стиха. Они читаются:

Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье Ведетъ насъ пьяныхъ на постель.

Послё каждаго куплета назначено повтореніе перваго, подпись же сділана руков Юрьева: «А. Пушкинъ 1819-го года С.Пбургъ», а подлинная приписка самого Пушкина, въ цёлую длину страницы, такъ тщательно вычищена, что изъ нел видно только одно слово: «Писано. ».

Эпиграммы [стр. 228], вторая—къ Нимфодоръ Семеновнъ Семеновой, напечатанная въ «Р. Ръчи» 1861 г. № 95, нами была получена отъродной племянници Семеновой, а третья—на Александру Михайловну Колосову, вышедшую впослъдствіи за В. А. Каратыгина, сообщена ею самою въ «Р. Старину» 1879 г. № 6, при чемъ отнесена къ 1819—1820 г. Несомнънно она написана въ началъ 1819 г., потому что Колосова выступила на сцену въ 1-й разъ 16 декабря 1318 г. въ роли Антигоны [Эдипъ], во 2-й—30 декабря въ роли Моины [Фингалъ] и въ 3-й—3-го января 1819 г. въ роли Эсфири. Въ бумагахъ «общества зеленой дамим» сохранились свъдъпія о ея блестящемъ успъхъ; въроятно тамъ происходили и разговоры объ этомъ успъхъ, побудившіе Пушкина, поклонника объихъ Семеновыхъ, написать ръзкую эпиграмму, въ укоръ своимъ сочленамъ по «Ламиъ». Интрига директора театровъ Майкова вскоръ надолго отстранила отъ сцены талантливую и опасную соперницу К. С. Семеновой.

Русланъ и Людмила [стр. 229] — поэма начата была въ послъдній годъ пребыванія въ лицев и окончена въ-черню осенью 1818 г. [Бартенева: «Пушкинъ» гл. 3, стр. 28], а въ 1819 г. отдълана вполив и Пушкинъ приступилъ было къ ея печатаню, но въ май 1820 г. былъ высланъ изъ Петербурга, такъ что печатаньемъ занямался Н. И. Гифдичъ. Присланные съ Кавказа поправки къ двумъ мёстамъ поэмы и эпилогъ были получены уже по ея отпечатаніи и явились въ «Сынъ Отечества» 1820 г., № 38, а до напечатанія два отрывка 1-й пѣсни были помѣщены въ «Нев. Зрителѣ» 1820, № 3, и изъ 3-й пѣсни въ «Сынъ Отеч.» 1820, № 15 и 16.

Отдъльныхъ изданій поэмы было два:

- 1] Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ. Соч. А. Пушкина. Спб. Въ тип. Греча. 1820. Въ 8 д., 142 стр. Съ гравированной картинкой, сдъланной по рисунку А. Н. Оленина.
- 2] Изд. второе, исправленное и умноженное. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1828. Въ 8 д., 159 стр. Въ этомъ изданіи внесены добавленія, опоздавшія въ отпечатанію 1-го изд., и помѣщенъ вновь написанный «прологъ». При изданіи быль приложенъ гравярованный Уткинымъ съ оригинала Кипренскаго портреть, вышедшій первоначально при альманахѣ «Сѣверные Цвѣты», и оно снабжено было обширнымъ «предисловіемъ» автора, которое мы вполнѣ перепечатываемъ въ отдѣлѣ «прозы» нынѣшняго изданія.

Посл'в этого поэма была напечатана еще разъ при жизни Пушкина въ книгъ его «Поэмъ и повъстей» 1835 г.

Въ первомъ изданіи было нёсколько мёстъ, откинутыхъ Пушкинымъ въ изданіи 1828 года и нёкоторые варіанты:

Въ первой пѣснѣ послѣ стиха: «Герой! я не люблю тебя» [стр. 241]:
 Русланъ, не знаемь ты мученья
 Любви, отверженной на вѣкъ.
 Увы! ты не сносилъ презрѣнья...
 И что же, странный человѣкъ!
 И ты жъ тоскою сердце губишь.
 Счастливецъ! ты любимъ. какъ любишь!

2. Послѣ ст.: «Былъ рокъ — упорный мой гонитель» [сгр. 242], вмъсто нынъшняго четверостишія было:

Въ надеждё сладостныхъ отрадъ, Въ восторге пылкаго желанья, Творю поспёшно заклинанья, Зову духовъ — и, виноватъ! Безумный, дерзостный губитель, Достойный Черномора братъ, Я сталъ Наины похититель: Лишь загадалъ, во тьмѣ лёсной...

- 3. Во второй пѣснѣ, послѣ ст.: «Сердиться глупо и смѣшно» [стр. 246]: Ужели Богъ намъ далъ одно
 Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
 Намъ остаются въ утѣшенье
 Война, и Музы, и вино.
- 4. Посив ст.: «Людмила, гдв твоя светлица?» [стр. 252]: Гдв ложе радости младой? Одна, съ ужасной тишиной Лежитъ... и т. д.
- 5. Цослъ ст.: «Когда не видимъ друга въ немъ» [стр. 252]: Вы знаете, что наша дъва

Была одёта въ эту ночь,
По обстоятельствамъ, точь въ точь
Какъ наша прабабушка Ева.
Нарядъ невинный и простой,
Нарядъ Амура и природы!
Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!
Предъ изумленною княжной

Предъ изумленною княжной Три дѣвы красоты чудесной Въ одеждѣ легкой и прелестной Явились, молча подошли...

6. Въ описаніи сада [стр. 255]:

Цвётуть и дышуть по тропамь, Устаннымь пескомь алмазнымь. Игривымь и разнообразнымь Волшебствомь дивный садь блестить, Но безутышная Людмила Идеть, идеть и не глядить; Ей роскошь свытлал постыла, Ей грустень ночи пышный видь...

7. Послё ст.: «И далё продолжала путь» [стр. 256]:
О люди, странныя созданья!
Межь тёмь какь тяжкія страданья
Тревожать, убивають вась,
Обёда лишь наступить чась —
И вмигь вамь жалобно доносить
Пустой желудокь о себё,
И имь заняться тайно просять.
Что скажемь о такой судьбё?
И ты, прекрасная Людмила,

По солнцу бъгая съ утра... и т. д.

8. Въ четвертой, послё: «Ихъ замыслы не такъ ужасны» [стр. 274]: Не правъ Фернейскій злой крикунъ! Все къ лучшему: теперь колдунъ Иль магнитизмомъ лечитъ бъдныхъ, И дъвушекъ худыхъ и блёдныхъ,

Иророчить, издаеть журналь —

Дёла, достойныя похваль.

9. Послѣ ст.: «И что жъ? возможно ль?... намъ солгали!» вмѣсто одного нынѣшняго [стр. 275]:

> Дерзну ли истину въщать? Дерзну ли исно описать Не монастырь уединенный, Не робкихъ инокинь соборъ,

Но.... трепещу! въ душъ смущенный Ливлюсь — и потупляю взоръ.

10. Въ концъ 4-й пъсни пропускъ замъненъ однимъ стихомъ: «Ужели счастливъ будетъ онъ!» [стр. 283]:

О страшный видъ: водшебникъ хилый Ласкаетъ сморщенной рукой Младыя предести Людмилы. Къ ея илвнительнымъ устамъ Прильнувъ увядшими устами, Онъ, вопреки своимъ годамъ, Ужъ мыслить хданными трудами Сорвать сей нъжный, тайный цвёть, Хранимый Лелемъ для другаго; Уже... но бремя позднихъ льтъ Тягчить безстылника съдаго — Стоная, дряхлый чародей, Въ безсильной дерзости своей, Предъ сонной девой упадаеть; Въ немъ сердце ноеть, плачетъ онъ, Но вдругъ раздался рога звонъ...

12. Въпятой пѣснѣ, послѣ ст.: «Укоръ невнятный лепетала» [стр. 292]:
Въ рукахъ Руслана чародѣй
Томплся въ мукахъ ожиданья;
И князъ не могъ отвесть очей
Отъ непонятнаго созданья....
Но головы въ тотъ самый часъ

Кончалось долгое страданье.

13. Черезъ 2 стиха, вм. «огромный»: туманный закатился взоръ. Г. Анненковъ въ своемъ изданіи выписаль только семь изъ этихъ пропусковъ и самъ пропустиль въ развыхъ мѣстахъ поэмы три стиха, изъ которыхъ ст. 6-й во 2-й пѣснѣ [стр. 242] возстановленъ только въ имнѣшнемъ изданіи.

1820.

Дорида и Доридъ [стр. 312] напечатаны въ «Невскомъ Зрителъ» 1820, №№ 1 и 2, январь и февраль, поэтому и не могли быть написаны вмъстъ съ «Нерендою» въ Тавридъ послъ 20 сентября, какъ полагаетъ г. Анненковъ [т. І, стр. 74—75]. Въ рукописи, по которой приготовиялось изданіе 1826 г., хранящейся у гр. Капниста, Пушкинъ отмътиль противъ этихъ двухъ стихотвореній: «Подражанія древнимъ или какъ хотите», а на одномъ изъ листковъ, видимо, написанномъ раньше, при стихотвореніи «Красавица предъ зеркаломъ», было имъ по-

мъчено: «Есть у меня какан-то Дорида, см. «Невскій Зритель». Если достойна тисненія отыційте ее». Въроятно по этому-то указанію и были отысканы издателями оба стихотворенія. Послідній стихъ «Доридь» върукописи сначала быль: «И ласковыхъ р в чей» и пр.

Олиньк Массонъ [стр. 312] подъ этимъ заглавіемъ постоянно встрвчается въ рукописяхъ, впервые же было напечатано, подъ загл. «Ольга», въ VII т. Анненковскаго изданія съ пропускомъ двухъ стиховъ, нополненныхъ «Библ. Записками».

Илатонизмъ [стр. 313] — напечатано въ «Вибл. :Запискахъ» 1858, № 11.

Сиротка [стр. 315] — въ изданіи 1360 г. по сообщенію кн. Н. А. Долгорукаго и едва ли принадлежить Пушкину. Благодаря Генцади, мы имізни копію съ тетради князя и увидізли, что въ нее внесено, безъ малійшаго разбора и доказательствъ, съ именемъ Пушкина почти 3/4 чужихъ стихотвореній — Языкова, Дельвига, Баратынскаго, даже чуть ли не Федота Кузьмичева, такъ что авторитетъ Долгоруковской тетради поэтому ровно ничего не значитъ.

Отрывокъ и Эпиграммы [стр. 315—316] принадлежать къ числу тъхъ стихотвореній, которыя были причиною ссылки Пушкина [5 мая 1820 г.]. Ему грозило наказаніе болье суровое, которое было устранено только благодаря хлопотамъ П. Я. Чаадаева и заступничеству Н. М. Карамзина.

Первая мысль Кавказскаго Пленника [стр. 316] напеч. впервые въ VII т. изданія г. Анненкова. Стихи эти набросаны во время пребыванія на Кавказь съ семействомъ героя 1812 г. генерала Н. Н. Раевскаго, который, отправляясь туда на воды, нашель Пушкина въ Екатеринославав, больнаго и одинокаго, и взялъ съ собой, такъ какъ Пушкинъ быль близко знакомъ съ его сыновьями Александромъ и Николаемъ Николаевичани. Отрывокъ этотъ, находящійся въ рукописяхъ Публичной Библіотеки, сопровождается нъсколькими программами. Первая: «Буря. Ильнъ. Игры. Черкесъ. Дъва. Восноминанья. Нападеніе. Прощаніе». Вторая, къ которой принадлежать и эти стихи: «Черкесъ. Вой. Выгь. Ауль. Плинникъ. Дива». Третья, послужившая основой поэмы: «Ауль, Пленникь, Дева. Любовь. Черкесы. Пиры. Песни. Воспоминанья. Тайна. Набътъ. Ночь. Побътъ.. Конецъ 3-й строфы наброска перенесенъ и въ самую поэму, которую Пушкинъ хотълъ назвать, по имени своего героя, Владиміромъ, какъ видно изъ помѣты при 2-й программъ.

Погасло дневное свётило [стр. 317] — напеч. въ «Сынь Отечества» 1820, № 46, подъ загл. «Элегія» и безъ подписи, но съ помътой внизу, сохраненной нашимъ изданіемъ. Въ изд. 1826 г. заглавіе и помъта уничтожены, а въ оглавленіи сказано: «Подражаніе Байрону». При перепечаткъ исправлены прежніе стихи: 10-й «Смущенный духъ во мнъ кипитъ и замираетъ»; 17-й «Неси меня, корабль, неси къ предъламъ...» и 32-й «Мятежныхъ заблужденій». Въ рукописи гр. Капписта 3-й стихъ отъ конца читался до поправки: «Глубокихъ сердца ранъ ничто не излечило»; вверху было заглавіе: «Черное море. 1820» и эпиграфъ: «quod nigth my native land.—Вугоп». Все это зачеркнуто и подписано «Элегія VI». Въ письмъ къ брату, отъ 24 сент. 1820, Пушкинъ сообщаетъ, что написалъ эту элегію ночью на корабль, при перевздъ изъ Кефы въ Юрзуфъ съ Раевскими. [«Р. Стар.» 1879, № 8].

Элегія [стр. 319]—напеч. въ «Полярной Звёздё» 1823 г. Не смотря на то, что г. Анненковъ нашелъ подлинную рукопись этого стихотворенія съ помётою «1820 г. Юрзуфъ», онъ все таки напечаталъ ее подъ 1819 г., къ которому оно «ошибочно» было отнесено изданіемъ 1826 г., гдё были исправлены прежніе стихи: 6-й «Въ забвеньи наслаждаться ей» и 12-й «Больную душу услаждать».

Въ рукописяхъ, принадлежащихъ Публ. Библіотекѣ, сохранился и черновой набросокъ этого стихотворенія. Въ немъ послѣ первыхъ 4 стиховъ читается:

Недолго жизнью молодою Безпечно наслаждаться ей, Недолго радовать собою Несчастной матери своей... Недолго милой остротою Бесъды наши услаждать И тихой, ясною душою Больную душу оживлять. Спъщу съ волненьемъ... и пр.

Оканчивается стихотвореніе такъ:

И враткій мигъ уединенья Несносенъ для любви моей.

Стихотворсніе это относится къ одной изъ дочерей Раевскаго Еленѣ Николаевнѣ: старшая сестра ея Екатерина Николаевна вышла впослѣдствіи замужь за гр. А. Ө. Орлова, а младшая Марія Николаевна — за кн. С. Г. Волконскаго. Прелестная характеристика семьи Раевскихъ и въ особенности пребыванія у нихъ Пушкина въ Юрзуфѣ сдѣлана Н. А. Некрасовымъ въ стихотвореніи «Княгиня М. Н. Волконская» [т. 2, изд. 1879 г., стр. 373, 394 и др.]. Позволяемъ себѣ сдѣлать выписку, тѣмъ болѣе, что въ этихъ стихахъ полная правда. Отправ-

ляясь въ Сибирь къ сосланному мужу, М. Н. встретила въ Москве Пушкина и узнала его:

> Онь другомъ быль нашего петства. Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего. Въ ту пору провазъ и кокетства Смінямись, болгами мы, бітами съ нимъ, Бросали другь въ друга цвътами. Все наше семейство повхало въ Крымъ И Пушкинъ отправился съ нами. Мы вхали весело. Воть наконецъ И горы и Черное море! Велёль постоять экипажамь отець; Гуляли мы туть на просторь. Тогда уже быль мив шестнадцатый годь. Гибка, высока не по-лътамъ, Покинувъ семью, я стрелою впередъ Умчалась съ курчавымъ поэтомъ; Безъ шляпки, съ распущенной, длинной косой, Полуденнымъ солнцемъ палима, Я къ морю детела — и быль предо мной Видъ южнаго берега Крыма! Я радостнымъ взоромъ глядъла кругомъ, Я прыгала, съ моремъ играла; Когда удалялся приливъ, я бъгомъ По самой воды добъгала, Когда же приливъ возвращался опять И волны грядой подступали, Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать, А водны меня настигали!....

И Пушкинъ смотрёлъ... и смёнлся, что я Ботинки мои промочила:
«Молчите! идетъ гувернантка моя!»
Сказала я строго... [Я скрыла,
Что ноги промокли]... Потомъ я прочла
Въ «Онёгинё» чудныя строки.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара; такъ далеки
Тѣ красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкинъ въ то время казался
Влюбленнымъ въ меня... но, по правдѣ сказать,
Въ кого онъ тогда не влюблялся!
Но думаю, онъ не любилъ никого
Тогда, кромѣ Музы: едва ли

Не больше любви занимали его Волненья ея и печали...

Юрзуфъ живописенъ. Въ роскопныхъ салахъ Долины его потонули, У ногъ его море, вдали Аюдагъ... Татарскія хижины льнули Къ подножію скаль; виноградь выбъгаль На кручу лозой отягченной, И тополь мъстами нелвижно стоялъ Зеленой и стройной колонной. Мы заняли домъ подъ нависшей скалой, Поэтъ наверху пріютился; Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой, Что въ море и горы влюбился. Прогулки его продолжались по диямъ II были всегда одиноки, Онъ (моря часто бродилъ по ночамъ. По-англійски браль онь уроки У Лены, сестры моей: Байронъ тогда Его занималь чрезвычайно. Случалось сестрѣ перевесть иногда Изъ Байрона что нибудь — тайно; Она мит читала попытки свои, А послъ рвала и бросала, Но Пушкину кто-то сказаль изъ семьи, Что Лена стихи сочиняла: Поэть подобрадь лоскутки подъ окномъ II вывелъ все дъло на сцену. Хваля переводы, онъ долго потомъ Конфузиль несчастную Лену... Окончивъ занятья, спускался онъ внизъ II съ нами делился досугомъ: У самой террасы стояль кипарись -Поэтъ называлъ его другомъ; Подъ нимъ заставалъ его часто разсвътъ, Онъ съ пимъ, уфажая, прощался... И мив говорили, что Пушкина следъ Въ туземной легенда остался: «Къ поэту леталъ соловей по ночамъ, Какт въ небо луна выплывала, И вичеть съ поэтомъ онъ пълъ - и, пъвцамъ Внимая, природа смолкала! Потомъ соловей — повъствуетъ народъ —

Леталь сюда каждое лѣто:
И свищеть, и плачеть, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умерь поэтъ — прилетать пересталь
Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стояль,
Внимая лишь ропоту моря...>

Этотъ поэтическій комментарій пояснить читателю многія наъ послівдующихъ стихотвореній, включая и поэму «Вахчисарайскій фонтань».

О дѣва - роза [стр. 319] — напеч. въ изданіи 1826 г., съ заглавіємъ: «Подражаніе турецкой пѣснѣ», но послѣ приведенныхъ сгиховъ излишие объяснять, къ кому оно относится и подражаніе ли.

Чаадаеву [стр. 320]—въ «Сѣв. Пчелѣ» 1825, № 12, и за тѣмъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1826 г., въ письмѣ поэта къ "[ельвигу. Это стихотвореніе имѣстъ соотношеніе къ помѣщеннымъ на стр. 205.

Фонтану [стр. 320] — въ изданіи 1826 г.

Нереида и Рѣдѣетъ облаковъ [стр. 321] — оба напеч. въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., въ томъ видѣ. какъ и въ ныпѣшнемъ изданіи, тогда какъ въ изд. 1826 г. были откинуты изъ 2-го стихотворенія три заключительныхъ стиха и «таврическія» волны замѣнены «полуденными» а «оливы» — деревами. Причиной перемѣнъ было желапіе поэта, чтобъ въ этихъ стихотвореніяхъ не узнала себя особа, къ которой опи относятся. Оба стихотворенія написаны въ Каменкѣ, имѣніи Расвскихъ подъ Кієвомъ, и представляютъ воспоминаніе о жизни въ Крыму.

Виноградъ [стр. 322] — въ изданія 1826 г. По всей въроятности написано въ Юрзуфѣ, о виноградѣ котораго П. писалъ къ брату. Впрочемъ Липранди [въ «Р. Архивѣ», 1866 г.] полагаетъ что оно могло быть написано и въ Кишиневѣ, гдѣ изъ оконъ поэта были видиы виноградники.

Въл всахъ Гаргаріи [стр. 322] — впервые напечагано въ VII т. Анненковскаго издапія.

Черная шаль [стр. 323] — въ «Сынъ Отеч.» 1821, № 15, съ объясненіемъ: «Молдавская пъсня», откинутымъ посмертнымъ изд., и съ помътою: «14 ноября 1820», которая въроятно представляетъ время отсылки пьесы въ печать, потому что изъ «Воспоминаній» В. П. Горчакова видно, что еще 8 ноября М. Ө. Орловъ, при встръчъ съ Пушкинымъ, продекламировалъ начало стихотворенія. Основою его послужила одна изъ пъсенъ молодой молдаванки Маріулы, прислуживавшей въ од-

ной изъ кишиневскихъ расторацій, часто посѣщаемой Пушкинымъ. Въ изданія 1826 г. поправленъ быль первый стихъ «Гляжу я безмолвно...», а въ изд. 1829 г. еще измѣнены два мѣста: ст. 4-й «Гречанку младую....» и ст. 17-й «Вхожу въ отдаленный покой я одинъ». Къ этой пѣснѣ написана музыка А. Н. Верстовскимъ [подробности въ «Р. Арх.» 1864, № 7].

Дочери Карагеоргія [стр. 324] — напеч. въ изданіи 1826 г. Въ рукописи оно имфетъ помъту «1820» и при 2-мъ стихъ «Покрытый кровію святой» выноску — «отца и брата». Ст. 8-й читается: «На гибель многихъ обреченний», а вифсто 12-го было:

Внезанно мечь блеснуль и дни его пресъкъ, Но ты, прекрасная, отца преступный въкъ Невинной жизнію и пр....

По словамъ Липранди, Пушкинъ никогда не видёль дочери Карагеортія, которой въ то время было не более 6 — 7 леть; ея мать прівзжала въ Кишиневъ на короткое время, но безъ дочери, и убхала мъсяца за три до прівзда Пушкина. Разсказы же о Карагеоргіи поэть могь слышать отъ сербскихъ воеводъ, поселившихся въ Кишиневъ, и встречавшихся съ нимъ у Липранди.

Записка къ пріятелю [стр. 324] — въ VII т. Анненковскаго изданія; неправильное прим'ячаніе о Тардиф'я исправлено нами по стать Липранди [∢Р. Арх. > 1866, № 10].

Эпиграммы [стр. 325—326]—всё тринаходятся вътехъ же рукописяхъ Публ. Вибліотеки, изъ которыхъ взятъ г. Анненковымъ набросокъ Кавказскаго Пленника [стр. 316], но имъ замечены не были, и напечатаны впервые въ «Р. Архиве» 1865, № 12, а здёсь остались незамеченными Геннади и Гербелемъ, составлявшимъ для того же «Р. Архива» списокъ пропущенныхъ издателями стихотвореній Пушкина. Нами они внесены въ первый разъ. 1-я относится вёроятно къ Каченовскому, а 3-я несомнённо къ гр. Ө. И. Толстому, прзванному американцемъ, о которомъ упоминается и въ стих. «Къ Чаадаеву» [стр. 365]. Въ этихъ же рукописяхъ и эпиграмма: «Какъ брань....» и др. [стр. 200].

Отрывки [стр. 326] — взяти изъ I тома изд. Анненкова, и помъщены подъ этимъ годомъ, потому что относятся къ «юрзуфскимъ» воспоминаліямъ.

Въ статъв А. Грена, въ «Общезанимательном» Въстникъ» 1857 г., № 1, помещено съ именемъ Пушкина необикновенно длиное и крайне плохое стихотворение «Лилія», написанное будто бы «въ Кишиневъ, 1820 г., октября 30» въ альбомъ «Нины Вонифатьевны К — вой». Г. Липранди указалъ, что такой «Нины» вовсе не было. Они были вне-

оены въ цензурную рукопись VII т. Анненковскаго изданія, гдѣ зачеркнуты кн. П. А. Вяземскимъ, съ надписью, что это его стихотвореніе. Такую же помѣту князь сдѣлалъ при эпиграммѣ: «Синонимы—гостинал, салонъ».

1821.

Земля и море [стр. 327] — напечатано въ «Новостяхъ Литературы» 1825, № 1. Въ изд. 1826 и 1829 г. означено «Идиллія Моска», какъ и въ рукописи, гдѣ стях. носитъ еще другое заглавіе: «Морской берегъ» и помѣту времени. Все это исключено посмертнымъ изд., но нами возстановлено, потому что Пушкинъ требовалъ, въ письмѣ къ брату, указанія на Моска.

Желаніе [стр. 327] — въ посмертномъ изданіи съ произвольными измѣненіями издателей противъ рукописи, по которой и возставленъ нынѣшній текстъ. Стихотвореніе очевидно вызвано свиданіемъ съ Раевскими и воспоминаніями о Юрзуфѣ.

Примъты [стр. 329] — напеч. въ изданіи 1826 г. Въ рукописи оно имъ́етъ заглавіе: «Отрывовъ» и 2-й стяхъ читается: «Пастухъ и рыболовъ...» и пр.

Дѣва [стр. 329] — въ «Соревнователѣ Просв. и Благотв.» 1825, № 3, безъ заглавія, которое дано изданіемъ 1826 г., гдѣ исправленъ 8-й стихъ журнала: «Жужжатъ вокругъ нея ревнивыя мольбы».

Діонея [стр. 330] — въ изданіи 1826 г. Въ рукописи озаглавлено: «Идиллія» и 2-й стихъ читается: «Ты съ нынівшней весны....»; 5-й: «Кромидь въ тебя влюбденъ....»; 8-й: «..... любовію горитъ». Первоначальный же тексть этого стихотворенія быль напечатань въ «Новостяхь Литератры» 1825, № 4:

АНТОЛОГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты съ нынъшней весной отъ нашихъ игръ отстала!
Я тайну сердца твоего
Давно, повърь миъ, угадала:
Кларисъ въ тебя влюбленъ; онъ молодъ — и не разъ
Украдкою вдвоемъ я замъчала васъ;
Ты слушаешь его въ безмолвін, краснъя,
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ...
И долго послъ, Галатея,
Улыбку нъжную лицо твое хранитъ.

Красавица [стр. 330] — въ «Соревнов. Просв.» 1825, № 3, безъ заглавія, даннаго изданіемъ 1826 г., поправившимъ 1-й стихъ: «Мила красавица, когда...» и пр. и во 2 стихъ: «...цвътами убираетъ».

Муза [стр. 330] — въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 23, съ помѣтой: «Кишиневъ 5-е апрѣля 1821», а въ рукописи помѣчено «1821 февраля 14», т. е. стихотвореніе написано въ Кіевѣ, а послано въ псчать изъ Кишинева почти черезъ два мѣсяца, при чемъ измѣнены стихи: 2-й — «Она трествольную цѣвницу...» и пр., 7-й: «И пѣсни легкія веселыхъ пастуховъ»; 13-й: «И дивно оживленъ...» и пр. и послѣдній: «Тростникъ меня плѣняль святымъ очарованьемъ». Этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ, по мнѣнію г. Анненкова, завершилъ свои антологическія подражанія, мысль о которыхъ дана была ему А. Щенье.

Я пережилъ свои желанья [стр. 331] — въ «Иовостяхъ Литературы» 1823, № 48, съ заглавіемъ «Элегія». Въ рукописи приписано: «Изъ поэмы Кавказъ», такъ что въроятно эти стихи входили въ составъ «Кавк. Плѣнника», но окончательно исправивъ поэму, Пушкинъ далъ имъ форму отдѣльнаго стихотворенія. Въ изданіи 1826 г. исправлено начало 2-й строфы противъ прежняго:

Безмольно жребію послушный, Влачу страдальческій вёнець; іКиву печальный, равнодушный... и пр.

Кавказскій Плінникъ [стр. 332]. Поэма начата была еще во время повздки на Кавказъ съ Раевскими, около августа 1820 г., а окончательно отделана въ ихъ же именіп подъ Кіевомъ 20 февраля 1821 г., но «Эпилогъ написанъ уже въ Одессв въ мав месяць. Въ рукописи къ поэмв написаны два эпиграфа: итальянскій, изъ Пиндемонте [о счастливъ, кто никогда не переступалъ за границу священной земли собственнагоотечества: сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ нътъ ему надежды увидьть снова] и нъмецкій — изъ Гёте [Gieb meine Jugend mir zurück]. Русскій эпиграфъ, возстановленный нами, взять изъ посланія кн. Вяземскаго къ Ө. И. Толстому, а изъ письма поэта къ князю видно, что быль откинуть только всл'ядствіе ссоры съ Толстымъ. Первое изданіе поэмы напечатано въ Петербургів Н. И. Гийдичемъ, въ 1822 г., съ приложениемъ портрета Пушкина въ молодихъ годахъ, рисованнаго, какъ говорять, К. П. Брюдовымь и гравированнаго Е. Гейтманомь [снимокъ приложенъ къ нынёшнему изданію]. Черезъ два года русскій текстъ быль перепечатанъ Ольдекопомъ при пъмецкомъ переводъ Вульферта, но собственно второе изданіе сдълано Пушкинымъ только въ 1828 г., а въ третій разъ поэма напечатана въ книги: «Поэмъ и повистей» въ 1835 г. При 2-мъ изданіи было коротенькое предисловіе: «Сія повъсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успъхомъ върному, хотя слегка означенному, изображению Кавказа и горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ вритиковъ, справедмиво осудившимъ карактеръ пленника, некотория отдельныя черты и проч. . . Въ этомъ изданів исправлены были многочисленныя ошибки перваго, и отчасти возстановлены деизурные пропуски [подробныя указанія помішены нами въ отделе прозы], но некоторыя поправки, указанныя авторомъ въ письмахъ къ брату и кн. Вяземскому тотчасъ по выходъ 1-го изд., не вошли во 2-е въроятно по недосмотру [напр. «Пещеры темная прохлада — влажная»; «У стень Парижасвой бивакь» и пр. 1. Мы внесли эти исправленія, а равно возстановили въ «Посвященіи» тоглашнія пензурныя исключенія, взявъ ихъ изъ письма поэта къ В. П. Горчакову. Они были указаны и г. Анненковымъ, но не вполнъ. Подъ строками приведены примъчанія Пушкина и два откинутыя при печатаніи мъста изъ рукописи. Третій пропускъ — цензурный, вовсе не указанный г. Анненковымъ, внесенъ нами въ самый текстъ, на стр. 336 стихи 11-18, изъ «Р. Архива» 1869, № 10, къ сожальнію, съ опечаткою, которую просимъ исправить: въ стихъ 13-мъ — «Страстями сердце погубя». — Заметимъ, что помещенное въ томъ же нумере «Р. Архива» стихотвореніе «Псковъ» не принадлежить Пушкциу.

Приписки къ поэмъ [стр. 356], сдъланныя поэтомъ подъ свъжимъ впечатлъніемъ критикъ, написанныхъ на «Руслана и Людиилу», сообщены г. Анненковымъ въ VII томъ, повидимому съ пропускомъ окончанія во 2-й, о чемъ почтенный издатель по обычаю своему не упоминаетъ.

Къ Агдат [стр. 357] — сообщено тамъ же, а написано по всей въроятности также въ Каменкъ въ февраль или началь марта 1821 г.

Изъ письма къ Дельвигу [стр. 358] — напеч. въ «Москвитянинѣ» 1854, № 5 и въ I томъ г. Анненкова, но съ пропускомъ двухъ стиховъ и окончанія, возстановленныхъ «Библ. Записками». Заключительные 2 стиха не точно напечатаны и у насъ.

Изъписьма къ Гнёдичу [стр. 359]—напечатано въ «Складчинь», сборник 1874 г. Автографъ нынё находится у П. Я. Дашкова.

В. Л. Давыдову [стр. 361] — отрывовъ напеч. въ статъъ г. Анненкова о Пушкинъ, въ «Въсти. Европы» 1874, № 1. Анненковъ замѣчаетъ, что слъдующая за 16 стихомъ строфа посвящена извъстію о смерти митрополита; а послѣ заключительнаго стиха прибавляетъ: «и т. д. до послѣднихъ предъловъ глумленія» [!!] и заключаетъ: «Пушкинъ вспоминаетъ, какъ Давыдовъ съ братомъ своимъ надѣваји демократическій халатъ и выпивали чашу до дна за тѣхъ и за ту:»

Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ, А та едва ль воспрянетъ: Народы тишины хотятъ, Усталыхъ къ миру тянетъ... и проч.

Извъстіе о смерти митрополита указываеть, что стихотвореніе напи сано въ самомъ началь апрыля.

Катенину [стр. 361] — напечатано въ изданіи 1826 г. Въ этомъ стихотвореніи говорится объ А. М. Колосовой, которая была обижена ръзкой эпиграмой Пушкина [см. стр. 208].

Наперсница волжебной старины [стр. 362] — напеч. впервые г. Анненковымъ, но не въ текстъ стихотвореній, а въ «матеріалахъ для біографіи», т. І, стр. 41, при чемъ на 35 стр. того же тома 10-й стихъ напечатанъ такъ: «Мой юный умъ напъвами плънила».

Сътованіе [стр. 363] — въ посмертномъ изданіи, которымъ дано и заглавіе. «Уставомъ найздника» поэтъ называетъ вышедшую въ 1821 г. книгу Давыдова: «Опытъ теоріи партизанскаго дъйствія». Пропущенный стихъ не возстановленъ и сыномъ Давыдова, напечатавшимъ это посланіе въ своемъ изданіи сочиненій отпа.

Чадааеву [стр. 364]—въ «Сынь Отеч.» 1821 г., \aleph 35, гдь указано въ номъть 20-е апрыл [въроятно время отсылки стиховъ], тогда какъ въ рукописи оно помъчено «6 апръл». Въ изданіи 1826 г. оно перепечатано съ пропускомъ 8 стиховъ, изъ которыхъ 6 относятся къ американцу-Толстому, а 2 къ Каченовскому [стр. 365, ст. 20 — 27]. Стихи о Толстомъ, какъ видно изъ письма къ кн. Вяземскому, поэтъ выпустилъ по желанію князя; а изъ письма къ брату, что цензурою былъ выпущенъ въ «Сынь Отеч.» 3-й отъ конца стихъ; но пропускъ этотъ остался незамъченнымъ г. Анненковымъ, хотя предыдущій стихъ остался безъ рифмы. Онъ пополняется впервые нынь шнымъ нзданіемъ.

П—лю [стр. 366] — о свиданіи, при которомъ сказанъ экспромть, говорится г. Бартеневымъ и г. Липранди въ «Р. Архивѣ» 1866, № 8 — 9.

Къ моей чернильницѣ [стр. 366] — въ посмертномъ изданіи. Въ внижев поэта изъ рукописи этихъ стиховъ вырвана страница; сохранившееся изъ нея четверостишіе помѣщено нами въ текстѣ на стр. 367, между точекъ, раздѣяющихъ уцѣлѣвшія части стихотворенія. 3-й стихъ на стр. 368 внесенъ нами со списка.

Еврейкъ [стр. 369] — ио указанію г. Анненкова [Пушкинъ, 1874, стр. 178] относится къ содержательницъ одного постоялаго дома. Анненковъ

туть же указываеть, но не приводить, неизвёстныя намъ эпиграмы: «На Катакази, на Өедора Крупянскаго, прозваннаго Татарашкой, на извёстную умницу Тарсись [кишиневская Жанлись], на страстную игрицу въ банкъ теме Богданъ,... обращеніе къ женщине, потерявшей глазъ и проч.». Кстати замѣтимъ, что и г. Липранди указываетъ неизвёстныя эпиграммы: на Артемьева, одесскихъ дамъ и др. [«Р. Архивъ» 1866, № 10, с. 1477], а В. П. Горчаковъ — «1-е Апрѣля» и т. д.—Въ «Пчелѣ» 1878 г. [№ 29. стр. 241 — 242] также разсказывается, что какая-то вдова генерала 1812 г., въ Одессъ, принуждала Пушкина написать эпитафію ея покойному мужу и что будто бы Пушкинъ написаль:

Никто не знаетъ, гдъ онъ росъ, Но въ службу поступилъ капраломъ; Французскимъ чъмъ-то раненъ въ посъ — И умеръ генераломъ.

Заодно ужъ замътимъ, что въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» прошлаго года помъщенъ разсказъ Г. Н. Гербановскаго о кишиневскомъ пребывании Пушкина и приведены два стихотворенія, въ привадлежности которыхъ Пушкину мы сильно сомнъваемся. Одно написано къ картамъ и озаглавлено: «Къ новой Армидѣ»:

Ты своенравна, непослушна,
Ты искусительно мила:
Ты какъ ребенокъ простодушна
И какъ тигрица въ клѣткѣ зла.
Твой поцѣлуй искаріотскій,
Скажи, кого не продаваль,
И кто тебѣ не отдавалъ
Своей послѣдней жизни плотской [??]
За обольстительный твой взглядъ
И за подложное вниманье,
О неподкупное созданье!

Армида новая! доколѣ Съ своимъ магическимъ жезломъ Ты будешь рѣять въ дервкой волѣ Подъ человѣческимъ челомъ?

Другое будто бы написано по просьбѣ дочери бояра Вареоломея дъвицы Пульхерицы, желавшей стиховъ не упоминающихъ о любви:

Куконица Пульхерица! Я стою передъ тобой Съ полусонною цёвницей, Съ полумрачной головой. Наслажденья въ жизни шуткой

Пролетаютъ близъ мени;
Я безмолвной незабудкой
Сохну въ книгъ бытіл.
Здѣсь на балъ всѣ мнѣ чужды,
На лицъ моемъ печать
Горькой думы, тлякой нужды.
Имъ ли радостнымъ понять
Этой грусти тягостыню? [!!?]
Всѣхъ равно караетъ рокъ:
И нагорную твердыню
И пустынный стебелекъ.
Но счастливцамъ чужды слези,
Чуждо горе сироты,
Какъ дыханье дольной розы
Лля эфирной высогы.

Кинжаль [стр. 370] — перепечатано нами безь измыненій изь «Р. Архива» 1876 г., № 10. Оно написано черезь годь послів высылки изь Петербурга и Пушкинь, по поводу упрека кн. Вяземскаго, будто не сдержаль слова, даннаго Н. М. Карамзину, уже въ 1825 г. писаль Жуковскому: «Я обыщаль Н. М. два года ничего не писать противу правительства и не писаль. Кинжаль не противь правительства писань, и коть стихи и не соясімь чисты въ отношеніи слога, но наміфреніе вынихь безгрішно.» [«Р. Архивь», 1870, № 6]. Карль Зандь, убившій 28 марта 1819 г. изв'єстнаго писателя Августа Коцебу, казневь 26 мая 1820- Его имя взяла себі псевдонимомь г-жа Дюдевань [Жоржъ Запдъ].

Наполеонъ [стр. 371] — впервые напечатало въ изданіи 1826 г. съ пропускомъ 4, 5, 6 и 8 строфъ и 3-го стиха въ 10-й строфѣ: изъ нихъ 6 стиховъ 5-й и полныя 6-я и 8-я строфы явились только въ VII т. Анненковскаго изданія, заключительныя же строки 5-й и вся 4-я строфа даны въ «Вибл. Запискахъ» и въ статьъ г. Гаевскаго «Пушкипъ въ лицев». Въ рукописи поэтъ сначала набросалъ такую программу: «Пароды спрашиваютъ: тотъ ли, который.... Гдъ онъ?... Угасъ тотъ, который то и то— и Россію.... Но да не упрекнетъ его русской.... Россія славна — бъдная Франція въ униженіи... Онъ объ ней мыслиль.... Островъ Елены — тамъ опъ думалъ объ Россіи..... Въроятно тогда же Пушкинъ припомнилъ и стихи Жуковскаго 1816 г. и изъ 8 сгрофъ записалъ 4, съ самыми незначительными перемѣнами, но г. Анненковъ припяль эти строфы за пушкинскія и напечаталъ ихъ въ VII т. своего изданія.

Наброски [стр. 375] — эти отрывки напечатаны г. Анненковымъ — последній вь VII томе, а 5 остальныхъ, тогда даже неуномянутые, въ статье о Пушкине 1874 г. Они принадлежать, къ задуманной поэтомъ

большой политической и общественной сатирт, дъйствіе которой должно было происходить при дворт Сатани. Анненковъ полагаетъ, что въ числъ гръшниковъ и гостей должны были явиться нъкоторые кишиневскіе жители и наиболье знаменитие политическіе дъятели Россіи. Эта сатира была оставлена поэтомъ и по словамъ почтеннаго г. Анненкова уступила мъсто другой, «не менте сатанинской», программа которой появляется между этими набросками; окончена же послъдняя была въ 1823 году. Прибавимъ, что 2-й отрывокъ едва ли не ошибочно г. Анненковъ отнесъ къ «сатиръ» изъ «Вахчисарайскаго Фонтана» [сравн. стр. 375 и 417].

Добра чужаго [стр. 376] — напечатано было въ «Атенев» 1858 г. и въ «Вибл. Запискахъ» того же года № 11, а за тъмъ въ «Р. Архивъ» 1876. № 10.

Г-ж Ф Эльфректъ [стр. 377] — напечатано въ дневникъ В. П. Горчакова. Въ эту квининевскую красавицу былъ влюбленъ и пріятель Пушкина Н. С. Алексьевь, по она была окружена родственниками — молдаванами и греками; и на пихъ-то намекаетъ П. въ стихотвореніи. Зо я была племянница молодой Эльфректъ, или Эйхфельдтъ, какъ говоритъ г. Липранди, а г. Анпенковъ насываетъ ее Эйхвельтъ, почему ввиду разнорфчій мы и оставили первоначально-явившуюся фамилію. — По поводу этой же особы написано и стихотвореніе Н. С. Алексвеву [стр. 378], напечатанное въ «Полярной Звізді» 1825 г., а оттуда въ изданіи 1826 г., съ пропускомъ окончанія, которое напечатано нами особо отъ стихотворенія, на стр. 379.

Могу ль забыть [стр. 378] — напечатано въ изданіи 1870 г., по сообщенію кн. Н. А. Долгорукаго.

Зачфмъ безвременную скуку [стр. 380]. Это загадочное стихотвореніе мы оставили безъ заглавія, потому что не можемъ рішить въ кому оно относится и когда написано. Явилось въ печати оно только въ 1827 г., въ «Моск. Вістникі», № 2, и перепечатано въ изд. 1829 г., гдъ отнесено самимъ авторомъ къ 1821 г. У г. Анненкова оно поміщено во 2 томів съ примічаніемъ, что по свидітельству рукописей написано къ Плещееву, а въ указатель при 7 томів обозначено: Кюхельбекеру. Между тімъ въ бывшую Чертковскую библіотеку поступилъ собственноручный пушкинскій оригиналь этого стихотворенія, тоже безъ заглавія, но съ поміжою: «1 ноября 1826 г. Москва». Посліднее кажется віррніе, потому что стихотвореніе, написанное еще въ 1821 г., могло бы войти въ изданіе 1826 г., отпечатанное въ октябрів 1826 г., т. е. за міссять до указанной выше поміты чертковской рукописи.

Ты правъ [стр. 380]-напеч. въ «Матеріалахъ» г. Анненкова. пред-

полагающаго, что стихи написаны въ отвётъ на письмо, упрекавшее поэта въ раболёнстве передъ обычании и привычками толпы. Последняя строфа съ некоторыми переменами находится также и въ наброскахъ поэта къ «Евгенію Онегину».

Гробъ юно ти [стр. 381]—въ изданіи 1826 г. Анненковъ полагаєть, что оно вызвано извѣстіемъ о смерти лицейскаго товарища поэта — Корсакова, скончавшагося во Флоренціи. У гр. Капниста мы видѣли исправленную рукопись этого стихотворенія. Сначала было написано подътеперешнимъ заглавіемъ: «отрывокъ изъ элегіи», а потомъ послѣднее слово зачеркнуто. 1-й стихъ читался: «Навѣкъ, навѣкъ сокрылся онъ», 10-й: «Бывало старцы любовались», 17—19:

И будешь то, что стали мы. Будь весель, міра гость игривый, А намъ постыль ужь былый свёть.

Последняя строфа начиналась стихомъ: «Напрасно светить лучъ денницы», а оканчивалась такъ:

Пугливо ногу опускасть И озабоченной рукой Края одежды подбираеть...

последнее слово написано по зачеркнутому: «подымаеть».

Умолкну скоро я [стр. 382]—въ изданіи 1826 г. Оно написано къ одному и тому же лицу, какъ и слѣдующее, на другой же день набросанное поэтомъ: «Мой другъ, забыты мной» [стр. 383], впервые напечатанное въ «Новостяхъ Литературы» 1825, № 3. Г. Анненковъ, указывана тѣсную связь этихъ стихотвореній, написанныхъ одно за другимъ, все таки помѣстилъ ихъ порознь, притомъ послѣднее въ началѣ, а первое въ концѣ 1821 г.—Четверостишіе, напечатанное нами на стр. 383, и само по себѣ представляющее прелестный очеркъ, первоначально входило въ составъ перваго стихотворенія [послѣ стиха: «Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной»] и псключено Пушкинымъ, какъ нарушающее общій тонъ пьесы. Въ рукописи гр. Капниста есть поправки поэта; во 2-мъ стихѣ было: «мнѣ струны отвѣчали», въ 5-мъ: «И дѣвы, тихому предавшись умиленью», и въ 9: «Позволь одушевить завѣтный лиры звукъ». Во 2-мъ стихотвореніи исправленъ только одинъ 8-й стихъ: «веселья мигъ лови».

Война [стр. 384] — въ «Полярной Звёздё» 1823 г., безъ подписи и подъ заглавіемъ: «Мечта воина», а въ изданіи 1826 г. подъ нынёшнимъ загл., съ исправленіемъ ошибокъ, исключительно корректурныхъ, на воторыя однако П. очень сердился въ письмё къ брату. Пьеса написана по поводу начинавшейся борьбы грековъ за независимость.

Къ Овидію [стр. 385] — въ «Пол. Звёздё» 1823 г., безъ подписи. Въ рукописи было предисловіе, не попавшее въ печать и появившееся потомъ въ примёчаніяхъ 1-й главы «Онёгина», къ стиху «Вдали Италіи своей». Кромё того къ стиху: «Но если гиёвный богъ досель неумолимъ» была сдёлана поэтомъ выноска: «Овидій провель 9 лётъ въ своемъ изгнаніи, а не 20, какъ говорить Шатобріанъ». Два заключительныхъ стиха возстановлены по рукописи въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 11; прежде они печатались такъ:

Но чуждые холмы, поля и рощи сонны, И музы мирныя мив были благосклонны.

Къ портрету кн. Вяземскаго [стр. 388] — въ «Пол. Звезде» 1824 г., безъ именъ Пушкина и князя.

П. С. Пущину [стр. 388] — въ статьяхъ г. Анненкова о Пушкинъ, печатавшихся въ «Въстн. Европы» 1874 г., при чемъ по обычаю указано только, что оно написано поздите другаго стихотворенія.

Иной имёль и На Каченовскаго [стр. 388—9]. Напеч. въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 1, въ писъмё въ брату, писанномъ вначалё января 1822 г., почему мы и отнесли ихъ къ концу предшествующаго года.

Вратья разбойники [стр. 389]—нами перенесено изъ 1822 г. въ 1821 годъ на основаніи письма Пушкина къ кн. Вяземскому, отъ 11 ноября 1823 г., которое поясняетъ и происхожденіе стиховъ: «Вотъ тебѣ и Разбойники. Истинное происшествіе подало мив поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 г., въ бытность мою въ Екатеринославлѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ. Ихъ отдыхъ на островеѣ, потопленіе одного изъ стражей мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно: отрывокъ мой написанъ въ концѣ 821 года» [«Р. Архивъ» 1874, № 1]. — Впервые стихи напеч. въ «Пол. Звѣздѣ» 1825 г. [съ картинкою], а затѣмъ отдѣльно въ Москвѣ, въ 1827 г. Окончаніе, начиная со стиха: «Умолкъ и буйной головою» —явилось только въ посмертномъ изданіи.

1822.

Люблю вашь сумракь [стр. 397]—вь «Моск. Телеграфь» 1836 г., № 1, подъ заглавіемъ: «Элегія», и затѣмъ въ изд. 1829 г. уже безъ заглавія. Въ посмертномъ изданіи напечатанъ и первоначальный текстъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ»:

Ты сердцу непонятный мракъ, Пріють отчаянья сліпаго. Ничтожество, пустой призракъ, Не жажду твоего покрова! Мечтанье жизни разлюбя. Счастливыхъ дней не знавъ отъ въка, Я все не върую въ тебя: Ты чуждо мысли человъка. Тебя страшится гордый умъ. Такъ путникъ, съ вышины внимая Ручьевъ альпійскихъ вѣчный шумъ, И взоры въ бездну погружая. Невольнымъ ужасомъ томимъ, Дрожить, колеблется; предъ нимъ Предметы движутся, темивють, Въ немъ чувства хладныя ифифють. Кругомъ оплота ищетъ онъ: Все мчится, меркнетъ, исчезаетъ... II хладный обморока сонъ На край горы его бросаетъ... Но, удетъвъ въ міры иные, Ужели съ ризой гробовой Всв чувства брошу я земныя? И чуждъ мив станетъ міръ земной? Ужели тамъ, гдв все блистаетъ Нетлѣнной славой и красой, Гдв чистый пламень пожираеть Несовершенство бытія, Минутныхъ жизни впечатленій Не сохранить душа моя: Не буду въдать сожальній, Тоску любви забуду я? Любви! Но что же за могилой Переживеть еще меня? Во мит безсмертна память милой; Что безъ нея душа моя?

Вы насъ увѣрили, поэты, Что тѣни тайною толпой Отъ береговъ печальной Леты Слетаются на брегъ земной; Онѣ уныло посѣщаютъ Мѣста, гдѣ жизнь была милѣі, И въ сновидъньяхъ утъмаютъ Сердца покинутыхъ друзей...
Онъ, безсмертіе вкумая,
Въ элизій поджидаютъ ихъ,
Какъ въ праздникъ ждетъ семья родная
Замедлившихъ гостей своихъ....

. Мечты поэзіи прелестной, Благословенныя мечты! Люблю вашъ сумракъ неизвъстный И ваши тайные цвъты.

Друзьямъ [стр. 398]—въ «Полярной Звізді» 1824, гді 4-й стихъ быль: «При блескі чашь, при звукі лирь». Пьеса эта написана вслідствіе прощальнаго об'єда, даннаго въ Кишпневі, у М. А. Полторацкаго, по случаю отъйзда одного изъ знакомыхъ Пушкина, Валерія Тимоф. Кека. [Въ статьй В. Горчакова о Пушкині, «Моск. Від.» 1858 г. № 19].

Птичка [стр. 398] — въ «Литер. Листахъ» 1823, № 2, съ выноской Булгарина: «Сіе относится къ тёмъ благодётелямъ человечества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ и пр.» Стихотвореній печаталось съ тёхъ поръ подъ 1823 г., но оно было прислано поэтомъ въ письмё къ Гиёдичу, отъ 13 мая 1822 [см. «Современное Обозрѣніе» 1866, № 1].

Отрывовъ изъ комедіи [стр. 399] — напеч. въ «Матеріалахъ» г. Анненкова: принадлежить, по его мийнію, къ мысли о комедіи изъ крй-постнаго и шулерскаго міра, программа которой изложена подъ 1822 годомь въ книгі «О Пушкині» [Спб. 1874, стр. 160 — 163].

Вадимъ [стр. 400]. Всявдь за программой сказанной комедіи въ рукописяхъ Пушкина является программа трагедіи Вадимъ: «Могила Гостомысла: онъ (Вадимъ) находитъ тамъ друга. Первая сцена трагедіи [она и приведена на стр. 400]. Друзья собираются. Клянутся умереть за Новгородъ. Тризна Обряды. Вадимъ назначаеть свиданіе Рогивдъ. — «Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Стемида — перваго ислководца, гости садятся за столы — скатерти. Вадимъ въ числѣ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ, жениха и невъсты, варяговъ. Вадимъ пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода — почему?.... Пушкинъ замышлялъ написать картину заговора и возстанія славянскихъ племенъ противъ и ноплеменна го ига; содержаніе должно было обращаться около народныхъ массъ и служить апоееозой гражданскихъ доблестей ихъ руководителя; подъ славянами же и иноплеменниками подразумъвались совсъмъ другія партіи. Однако онъ не продолжалъ отдѣлку трагедіи и

перешель нь мысли о поэмь того же содержанія, но и оть нея отказался. Для нея тоже была набросана программа: «Вечеръ. Русской берегъ. Ладъя. Рыбакъ. Валимъ не спитъ. Рыбакъ хочетъ его убить. Утромъ засынасть. Вадимъ видитъ во сев Новгородъ, Гостомысла. Набътъ Рюрика, Рогитду. Онъ идетъ къ Новгороду. Нева. У Изъ поэмы уцелель только одинь отрывокь, принятый посмертнымь изданіемь и г. Анненковымь за гва. Этотъ отрывокъ быль напечатанъ въ «Моск. Въстникъ» 1827 г., № 18, съ указаніемъ, что «Нёсколько стиховъ этого отрывка были нацечатаны въ Памятникъ Отеч. Музъ 1827 г.». Дъйствительно, тамъ подъ заглавіемъ: «Сонъ, отрывокъ изъ новгородской повъсти: Вадимъ», были напечатаны стихи начиная съ 7-го на стр. 403: «Проходить ночь...» и съ добавкою 25 стиховъ, помещеныхъ въ нашемъ издани на 404 — 405 стр. [«Онъ видитъ Новгородъ....»]. Посмертное издание этотъ отрывовъ отнесло въ «лицейскимъ», а стихамъ «Моск. Въстника» дало заглавіе «Два Путника». Что же касается отрывка изъ трагедіи, то онъ впервые напечатань г. Анненковыми въ VII т., а поправка сообщена въ книгъ о Пушкинъ 1874 г. [стр. 164].

Узникъ [стр. 405] — въ изданіи 1832 г., т. е. въ 3-й части изданія, начатаго Пушкинымъ въ 1829 г. Анненковъ отнесъ его къ 1824 г. Между тёмъ мы имёли для нынёшняго изданія отъ В. П. Гаевскаго процензированную тетраль изданія 1832 г., въ которой почти всё стихотв. исправлены, а многія цёликомъ написаны рукой Пушкина, при чемъ подъ каждымъ стихотвореніемъ самимъ Пушкинымъ выставлены годы, что къ сожалёнію не попало въ печать. Листокъ съ «Узникомъ» писанъ весъ рукою Пушкина, съ помарками и съ помётой внизу: «Кишиневъ 1822». 1-й стихъ былъ сначала написанъ: «Гляжуявъ око шко темницы сырой»; 8-й: «Онъ вымолвить хочеть...», 10-й: «Туда, гдѣ синѣетъ и блещетъ гора», а потомъ: «Туда, гдѣ за тучами блещетъ гора», и послёдній: «Туда, гдѣ гуляютъ...».

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ [стр. 406] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г. Стихотвореніе не понравилось «друзьямъ» Пушкина и онъ писалъ брату: «Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится — напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ, есть черта трогательнаго простодушія, да и просшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.»

Уединеніе и Пріятелю [стр. 409—10]— напеч. въ изданіи 1826 г., а оба пославія Баратынскому [стр. 410—1]—въ «Сѣв. Цвётахъ» 1826 г. и оттуда въ изданіи 1829 г.

Изъ письма Толстому [стр. 411] — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, съ пропускомъ, возстановленымъ въ VII томъ. Слова «Лампада наша»

относятся къ упомянутому уже нами обществу «Зеденая Лампа», собиравшемуся у А. В. и Н. В. Всеволожскихъ въ Петербургъ, а не въ Москвъ, какъ указалъ Геннади. Калмыкъ, упоминаемый въ послъднемъ стихъ, былъ мальчикъ, слуга Всеволожскихъ, имъвшій обязанность «желать здравія» выпившимъ излишнее [Моск. Въд. > 1855, № 142 и 583].

Тречанев [стр. 412]—въ «Пол. Звезде» 1823 г. Въ своихъ «Запискахъ» Пушкинъ называеть эту гречанку «прелестной», но по словамъ Липранди эта гречанка—Калипсо Полихрони — обжавшая изъ Константино-поля въ Одессу, а съ половины 1821 г. поселившаяся въ Кишиневе, была некрасива. Маленькаго роста, съ едва заметной грудью, длиннымъ, сухимъ и нарумяненнымъ лицомъ, съ огромнымъ носомъ и огромными глазами, она едва ли была предметомъ любви Пушкина, можетъ быть увлекшагося только разсказами, будто Калипсо была возлюбленной Байрона, о чемъ и говорится въ этихъ стихахъ.

Адели [стр. 413] — въ «Пол. Звёздё» 1824, подъ заглавіемъ: въ альбомъ малюткё. Это была дочь Александра, а не Василья Львов. Давыдова, какъ ошибочно указано нами въ текстё. Нёкоторыя подробности о ней сообщены г. Бартеневымъ въ книге: «Пушкинъ въ южной Россіи» [1862 г., стр. 114].

Жалоба [стр. 413] — въ посмертномъ изд., съ перемѣной одного стиха. О ссорѣ своей съ Сѣверинымъ Пушкинъ упоминаетъ въ писъмѣ къ кн. Вяземскому [<P. Apx.> 1874, № 1].

Русскому Геснеру [стр. 414] — въ «Опытъ русской анеологіи», изданномъ въ 1822 г. лицейскимъ товарищемъ П — на Яковлевымъ, а оттуда въ «Моск. Въд.» 1856, № 153, и въ VII томъ 1855 г., но безъ имени В. И. Панаева, извъстнаго въ свое время множествомъ «идилий».

Невъдомскій [стр. 414] — въ 1 томъ «Сборника Спб. студентовъ», вышедшемъ въ 1857 г.

Эпиграммы [стр. 414 — 5] — первая въ изданіи 1826 г.; въ рукописи гр. Капниста она озаглавлена «Совѣтъ»; 2-я въ альманахѣ «Уранія» 1826 г., а 3-я въ VII томѣ г. Анненкова.

Л. С. Пушкину [стр. 415] — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова; отнесено нами къ 1822 г. согласно писемъ П. къ брату [Анн. т. І стр. 234 — 6]. Въ 1821 г. Пушкинъ не могъ сказать, что протекли годы разлуки, ибо тогда протекъ только одинъ годъ.

Наброски [стр. 415] — два первые въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, который считаетъ ихъ приступамя къ поэмь «Вахч. Фонтанъ»; а третій

былъ напечатанъ г. Лонгиновымъ въ «Современникъ», 1856, № 7, но по памяти, съ совершеннымъ искаженіемъ двухъ первыхъ стиховъ. Въ «Библ. Зап.» 1858 г., № 1, данъ текстъ по рукописи, съ недочитаннымъ словомъ въ первомъ стихъ. Изъ предыдущихъ стиховъ этой рукописи можно еще разобрать только одинъ: «Догорала молодая».

Бахчисарайскій Фонтанъ [стр. 416]. Первое изд. поэмы вышло въ Москва въ 1824 г., съ эпиграфомъ, который быль откинуть только посмертнымъ изданіемъ, но нами возстановленъ, потому что именно этому эпиграфу поэма и обязана своимъ названіемъ. Пушкинъ котель назвать ее Гаремомъ, но меланхолическій эпиграфъ соблазниль меня,> пишеть опъ въ своихъ запискахъ. Изданіе было сдёлано кн. Вяземскимъ, приложивнимъ свою статью: Вмёсто предисловія — Разговоръ между издателенъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова». Поэма заканчивалась выпиской изъ «Путеществія по Тавридѣ И. М. Муравьева - Апостола», для ознакомленія читателей со сценою дъйствія поэмы. Въ конці клиги была приложена страница съ 2 замітками: «Стр. 3: Глуру сердце отдала — тв ошибаются, которые нишутъ джяурь. Стр. 20: Кивоть печалью озаренный. Должно читать: Кивоть печально озаренный. У Интересно, что эта единственная опечатка изданія, упичтоженная во всіхъ прочихъ изданіяхъ, была внесена въ изданіе 1870 г., в ролтно, какъ новое открытіе болье точнаго текста по первому изданію. — 2-е изданіе вышло въ 1827 г. въ Петербургь съ 4 гравюрами ГГирей, Игры жень, Переходъ Заремы въ Маріи и сцена между ними . Въ этомъ изданіи были уничтожены строки точекъ, находившіяся въ 1-мъ. и исправлены стихи: 10-й на стр. 419: «И самыя главы Корана», 5-й на 422: «Твоихъ произительныхъ лобзаній» и 21-й на 426: «Какъ духъ она промчалась мимо». — 3-е изданіе вышло въ 1830 г., съ нометою: «съ дозволенія правительства». Статья кн. Вяземскаго была откинута, а къ выпискъ изъ статьи Муравьева присоединенъ отрывокъ изъ письма Пушкина къ Дельвигу изъ Крыма, напечатаннаго въ «Свв. Цвътахъ» 1826 г. Въ последній разъ при жизни Пушкина поэма перепечатана въ изд. его «Поэмъ и повъстей» 1835 г. Г. Анненковъ въ своемъ изданіи неправильно напечаталъ некоторые стихи, до-того печатавшеся совершенно одинаково во всёхъ изданіяхъ, напр. 23-й на 425 стр. «Покоя не даетъ ему» вмёсто чуму, отчего вместо рифмы вышло два стиха, окончивающеся одинакимъ словомъ; также 3-й стихъ снизу на 422: «И очи темно-голубыя», вм. «томно-голубыя» и др. Все это повторено было и въ последующихъ изданіямь, но исправлено нынфшнимь; равно возстановлены строки точекь. потому что при отсылкъ поэмы въ печагь Пушкинъ писаль, что «выкинулъ изъ нея весь любовный бредъ». Одно изъ такихъ откинутыхъ мёстъ и было найдено г. Анненковымъ въ рукописяхъ; оно внесено въ текстъ на

етр. 483 [«Я номню...» и пр. 12 стиховъ]. Изъ письма къ кн. Вяземскому видно, что вст перемѣны текста, установленныя 2-мъ изданіемъ, были сдѣланы въ 1-мъ по настоянію князя, при чемъ нѣкоторыя и тогда не были приняты поэтомъ [«Р. Арх.» 1874, № 1, 126]. Изъ-за «Предисловія» кн. Вяземскаго возникла полемика, вызванная объясненіе Пушкина въ «Сынѣ Отечества» 1824, № 18. Эта статья его и др. приложенія къ поэмѣ отнесены нашимъ изданіемъ въ отдѣлъ прозы. Происхожденіе поэмы указано самимъ авторомъ въ письмахъ брату. Дельвигу и Бестужеву: «Я прежде слыхалъ о странномъ памятникт влюбленнаго хана. К** [пе R ли, т. е. Раевская] поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes»... «Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины....» Къ ней конечно и относятся стихи, указанные выше [на стр. 433], а равно и тотъ «любовный бредъ», который не явился из печати.

1823.

О. Н. Глинк № [стр. 434] — отрывовъ быль напечатань въ «Моск. Вѣд.» 1855, № 145, а вполнѣ все стихотвореніе помѣщено въ «Современнивъ» 1856, № 7. гдѣ приведены и отрывки изъ посланія Глинки, на которое отвѣчаетъ Пушкинъ, и которое было напечатано въ «Сынѣ Отеч.» 1820, № 38, вслѣдъ за «Эпилотомъ» къ Руслану и Людмилѣ. Стихотвореніе было прислано Пушкинымъ въ письмѣ къ брату, въ январѣ 1823 г. Надо замѣтить, что Глинка еще въ Петербургѣ оказалъ услугу Пушкину: состоя при гр. Милорадовичѣ, онъ имѣлъ возможность предупредить Пушкина о грозившей ему бѣдѣ, окончившейся ссылкою на югъ; при обыскѣ у Пушкина ничего найдено не было.

Изъ записки Горчакову [стр. 435] — въ «Моск. Вёд.» 1858, № 19, въ статъё Горчакова. Послёдніе стихи относились къ балу, назначенному у одного взъ кишиневскихъ богачей, Е. К. Вареоломея. Геннади отнесъ стихи къ 1822 г., между темъ какъ изъ указанія самого Горчакова видно, что они написаны въ январе 1823 г. [«Общезанимат. Вестникъ» 1858, № 8].

Телега жизни [стр. 435] — въ «Моск. Телеграфѣ» 1825 г., № 1 и во всёхъ изданіяхъ безъ перемёнъ, кромё 1826 г., гдё 2-й куплетъ читается:

Съ утра садимся мы въ телегу, Мы погоняемъ съ ямщикомъ: И, презирая лёнь и нёгу, Кричимъ: валяй по всёмъ по тремъ.

Не знаемъ, почему гг. Анненковъ и Геннади, указывающіе даже буквенныя поправки и опечатки, не оговорили этого варіанта. Въ текстф, сообщенномъ въ письмф къ кн. Вяземскому, мы нашли только одинъ ва-

ріантъ въ 8-мъ стихѣ: «Кричимъ: валяй....»; а 5-й стихъ видимо искаженъ издателемъ, напечатавшимъ: «садимся въ дорогу», вм. «въ телегу». [«Р. Арх.» 1874, № 1, с. 139].

Эпическіе отрывки [стр. 436] — всё пять разновременно были напечатаны въ 1861 г. во «Времени» № 7 и «Библ. Зап.» № 19 и въ 1863 г. въ «Современникъ» № 7, а за тёмъ всё вмёстё въ «Р. Архивъ» 1876. № 10.

Простить лимнь, Ненастный день и Ночь — [стр. 438 — 440]— всё три относятся къ одной особь, указанной г. Зеленецкимъ въ его статъв въ «Р. Въстникъ». Первое стихотвореніе было напеч. въ «Полярной Звьздъ» 1824, подъ загл. «Элегія» и безъ подриси, съ ошибками, которыя исправлены въ изд. 1826 г., гдѣ впервые напечатаны оба послъднія стихотворенія. Въ рукописи гр. Канниста, какъ и въ «П. Зв.», стихи читались первоначально: 2-й: «песчастное волненье», 10-й: «...любви моей безумной», 11-й: «...въ толи» ихъ шумной» и 4-й отъ конца: «Но ты върна...». Упоминаемый въ стих. «соперникъ» — нѣкто Собаньскій. Эти стихотворенія написаны уже въ Одессъ, куда поэтъ переъхаль въ юнь 1823 г.

Демонъ [стр. 441] — въ «Мнемозинъ» 1824, подъзали. «Мой Демонъ» и затымь вь «Сев. Цвытахь» 1825, потому что вь «Мнемозинь» стихи были искажены опечатками. При появленіи своемъ «Демонъ» произвель значительное впечатление и многие считали, что образъ Демона списанъ съ А. Н. Раевскаго. Это мивніе проникло въ печать, такъ что Пушкинъ заготовилъ-было замътку, оставшуюся ненапечатанной: «...Многіе были того же мивнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ хотвль будто бы изобразить въ этомъ странномъ стихотворении... Кажется они не правы; по крайней мъръ, я вижу въ «Демонъ» цъль болъе нравственную. Не котъль ли поэть олицетворить сомнъніе? Въ лучшее время жизни.сердце не охлажденное опытомъ доступно для прекраснаго. Оно легковърно и нъжно. Мало по маду въчныя противоръчія существенности рождають въ немъ сомнение: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаеть, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гете называль вічнаго врага человічества — духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотелъ ли въ своемъ «Демонв» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнёнія и начертать въ пріятной картинъ печальное вліяніе его на нравственность нашего въка?> [Пушкинъ, г. Анненкова, 1874, стр. 152].

Кстати укажемъ, что въ «Р. Архивъ» [1876, № 4] разсказывается, будто Пушкинъ читалъ на вечерт въ Москвъ своего «Демона». Онъ замътилъ, что одна слушательница зъвнула вслъдъ за стихами:

И ничего во всей природѣ Благословить онъ не хотълъ. Мгновенно поэтъ прибавляетъ:

Но укротился пламень гивный Свирвныхь, злобныхь адскихь силь, И онъ Варвары Алексввиы Зтвоту вдругь благословиль.

Изыде съятель [стр. 441] — въ сР. Архивъ 1866, λ 4, въ письм в къ А. И. Тургеневу, при чемъ по небрежности редакціи быль пропущень 9-й стихъ.

Кн. Голицыной [стр. 442] — въ «Карыанной книжке для любит. рус. старины 1830 г. подъ заглавіемъ: «Кн. Голицыной, урожленной Суворовой» и за темъ въ посмертномъ изд. полъ сокращеннымъ заглавіемъ: «М. А.Г.», почему ихъ относили [и справедливо] къ кн. Марь В Аркадьевив Г., рожденной Суворовой [ел сестра Варвара Аркадьевна, была за Башмаковымъ и тоже часто встрвчалась съ Пушкинымъ у Воронцовыхъ]. Геннади заявилъ однако, что это неправильно. и что стихи написаны къ вн. Еленъ Александровнъ Г., рожденной кн. Салтыковой. Последнее видимо противоречило первоначальному заглавію и дійствительно въ «Р. Старинів» [1878 г. № 12] сынъ этой княгини, кн. Н. Н. Голицынъ, заявиль, что къ его матери, бывшей за кн. Николаемъ Борисовичемъ, Пушкинъ стиховъ не писалъ, а если и писаны они къ княгинъ Еленъ Александровнъ, то къ другой — бывшей за кн. Василіемъ Сергвевичемъ, а въ первомъ бракъ за кн. А. А. Суворовымь, которая съ 1830-къ годовъ постоянно жила то въ Одессъ, то въ Крыму. - Но и это указаніе противорючить первоначальному заглавію, ибо вдову Суворова нельзя было назвать урожденной Суворовой, притомъ же она, по указанію князя Н. Н., жила на югт Россіи въ тридцатыхъ годахъ, а стихи написаны въ 1823. — При переходъ стихотворенія въ посмертное изданіе, послёднимъ быль испорчень 9-й стихъ: «тайной скуки», вм. муки, что нами и поправлено.

Недвижный стражъ [стр. 442] — первоначально была напечатана съ пропусками только вторая половина стихотворенія въ «Современникъ» 1857, № 11, откуда г. Анненковъ и перепечаталъ ее въ VII томъ, не безъ достоинства замѣтивъ, что эта пьеса ему «давно извѣстна», тогда какъ въ 6 томахъ даже не упомянулъ о ней. Далѣе онъ замѣтилъ, что отрывокъ по его мнѣнію написанъ «около 1821 г. послѣ извѣстія о смерти Наполеона и усмиреніи итальянскихъ волненій. Поэтъ вызываетъ тѣнь Наполеона и, кажется, намѣревался вложить въ уста ея трогательную и поучительную рѣчь». Съ легкой руки г. Анпенкова, послѣдующія изданія и г. Бартеневъ принимали эти стихи за первый набросокъ «Наполеона», между тѣмъ какъ они не могли быть написаны ранѣе конца 1823 г., т. е. послѣ усмиренія возстанія Ріего въ Испаніи. [«За Пири-

неями давно ль судьбой народа ужъ правила свобода»]. Первая половина появлялась частями въ «Русской Рѣчи» и въ «Современникь», а все стихотвореніе напечатано впоянѣ въ «Р. Архивѣ» 1876 № 10, гдѣ гоже неточно отнесено къ 1921 году.

Возстань о Греція [стр. 444] — въ VII том'є г. ... ненкова. Въ посл'єднемъ стих в упоминается поэтъ Константинъ Ригасъ казненный турками въ Белграде, въ 1798 г., за песни, призывавшія гі ековъ къ оружію.

Сказали разъ [стр. 445] — въ «Модномъ Магазинв» г-жи Мей, а оттуда въ изданіи сочиненій Пушкина 1870 г. Стихотвореніе написано въ самомъ концв 1823 г., по поводу извъстія Шатобріана о плънв, а не о казни Ріего, въ октябрь мъсяць, при чемъ М. В. воскликнуль: «Quelle heureuse nouvelle.» Свъдънія объ этомъ сообщены въ «Запискахъ Басаргина» [XIX въкъ, М. 1872, т. 1]. Казнь Ріего была совершена въ ноябръ 1823 г.

Надгробная надпись [стр. 445] — въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 16, по сообщению кн. Н. Н. Голицына. Г-ну Геннади передавали, что на памятникѣ въ Невской лаврѣ эта эпитафія вырѣзана съ перемѣнами:

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился И счастье райское принесъ съ собою къ намъ Но житель горнихъ мъстъ онъ міромъ не прельстился И снова отлетълъ въ отчизну къ небесамъ.

На Стурдзу [стр. 446] — въ «Р. Архивѣ» 1874, № 1. Это подражаніе святочной пѣсни: «я вкругъ бочки хожу», относится къ извѣстному своимъ обскурантизмомъ и мистико-теологическими твореніями Александру Скарлатовичу Стурдзѣ, бывшему въ перепискѣ и съ Гогодемъ, и съ Жуковскимъ, въ послѣдніе годы ихъ жизни.

1824.

А. Л. Давидову [стр. 446] — въ «Моск. Въстникъ» на 1829 г. и оттуда въ изданіи 1829 г., подъ заглавіемъ «Д — у», и съ пояснительной припиской, уничтоженной посм. изданіемъ, но нами вовстановленной. Давидовы были родня Раевскимъ и имъніе «Каменка» принадлежало имъ сообща. Именно мать старика Раевскаго, урожденная гр. Самойлова, была во второмъ браей за Давидовымъ. Александръ и Василій [декабристъ] Львовичи были ея синовья. Александръ быль женать на веселой, любезной француженкъ графинъ Аглаъ Грамонъ. Къ ихъ дочери Адели написано стихотвореніе, о которомъ упомянуто немного

выше. По смерти Алекс. Львовича вдова убхала въ Парижъ и тамъ вышла замужъ за генерала Себастьяни.

Веселый пиръ [стр. 447] — въ «Мнемозинъ» 1824, кв. 2, подъ заглавіемъ «Вечеръ». Пушкинъ очень сердился за опечатку «Мнемозины», гдѣ веселье названо было «засъдателемъ». Стихи написаны въ Опессъ.

Городъ Кишиневъ [стр. 447] — въ «Р. Архивъ 1863, № 5—6, съ пропусками, пополненными тъмъ же изданіемъ въ 1876 г., № 10. Пушкинъ жилъ въ то время въ Одессъ, но въ мартъ прівъжаль въ Кишиневъ, откуда и писалъ Вигелю. 2-й стихъ на 448 стр. читается въ рукописи нъсколько иначе.

Иностранкъ [стр. 448] — въ изданіи 1826 г. Особу, къ которой написаны эти стихи, смёшивали съ г-жею Ризничъ. Кто была эта «иностранка», умершая заграницей — пока неизвёстно. Вуква «Д.» подъ стихами, по мнтнію г. Анненкова, подразумтваетъ Deguilly, какого-то француза, въ которомъ Пушкинъ видёлъ соперника и съ которымъ у него еще въ Кишиневт дтло доходило до дуэли [Пушкинъ, стр. 244 и 192]. Что же касается замтчанія г. Анненкова, что стихъ: «На чуждыя черты взирая», указываетъ на портретъ Пушкина въ альбомт, то не проще ли открыть ларчикъ чуждыми чертами русскихъ стиховъ, тогда какъ черты лица Пушкина не могли быть чуждыми любимой имъ и повидимому любившей его особъ.

Ночной зефиръ [стр. 448] — въ «Литер. Музеумѣ» на 1827 г. и въ «Моск. Въстникъ» 1827, № 8, подъ загл. «Испанскій романсъ», выпущеннымъ посмертнымъ изданіемъ. Въ «Л. Музеумѣ» была приложена и музыка А. Н. Верстовскаго, а въ 1857 г. была написана еще новая Н. Дингельштетомъ.

Ода гр. Хвостову [стр. 449] — въ VII томъ г. Анненкова. Написана въроятно въ послъднее время пребыванія въ Одессъ, въ іюнт 1824 г., когда, по словамъ поэта, въ письмъ въ кн. Вяземскому, Греція ему огадила [«Р. Арх.» 1874, № 1, с. 134]. Гр. Хвостовъ, бездарнъйшій стихотворецъ, напечатавшій огромное комичество стиховъ, самъ же ихъ покупавшій въ книжнихъ давкахъ и потомъ дарившій первому встрѣчному, былъ потѣхой не только для своихъ современниковъ, но и наше покольне не оставляло еще въ покоъ его памяти. Такъ напр. Щербина потревожиль ее для подтвержденія теоріи Вико д'Азира о повторяемости историческихъ событій:

Вико правъ — въ круговращеньи Историческихъ віковъ Все одно лишь повторенье: Гербель въ нашемъ поколѣны, Что въ прошедшемъ былъ Хвостовъ.

Тимковскій [стр. 451] — въ «Современникѣ» 1863 г., въ статъѣ В. П. Гаевскаго. Отнесено нами къ іюню 1824 г. по указанному въ предыдущемъ примѣчаніи письму къ кн. Вяземскому [стр. 135] и письму къ брату отъ 13 іюня [«Библ. Зап.» 1858, № 2, стр. 44].

Саранча [стр. 451]. Этотъ эвспромтъ, написанный Пушкинымъ на «двлв о саранчъ», въ канцеляріи гр. М. С. Воронцова, сообщенъ Зеленецкимъ въ «Москвитянинъ» 1851, № 9, и въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 5, а г. Липранди прибавляетъ, что и Пушкинъ былъ назначенъ въ командировку противъ саранчи, чъмъ крайне обидълся, принявъ это за осворбленіе и месть со стороны графа за кодившія по городу эпиграммы, и написалъ ему письмо «въ сильныхъ и неумъстныхъ выраженіяхъ», послужившихъ однимъ изъ поводовъ къ новой ссылкт, въ Михайловское [«Р. Арх.» 1866, № 10, с. 1478]. Самъ Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому въ іюнъ 1824 г.: «Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическув» переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку. Но чъмъ кончатъ власти — еще неизвъстно» [тамъ же 1874, № 1]. Кончилось тъмъ, что Пушкинъ по назначенному маршруту, минуя Кіевъ и давъ подписку нигдъ не останавливаться на пути, отправился изъ Одессы 30-го іюли 1824 г. и прибылъ въ Михайловское 9-го августа.

Эпиграмма [стр. 452] — въ «Р. Архивъ» 1876, № 10. Г. Липранди, въ указанной выше статъв, говоритъ: «Пушкинъ завърялъ меня, что стихи эти написаны не были, но какъ-то раза два или три были имъ повторены и такъ попали на бумагу [стр. 1477].

Къ Морю [стр. 452] — въ «Мнемозинъ» 1824, кн. 4, но съ ощибками и съ пропускомъ 13-й строфы, изъ которой было только: «Міръ опустълъ...». Въ изданіи 1826 г. напечатаны въ этой строфѣ 2 полныхъ стиха, но въ изд. 1829, посмертномъ и анненковскомъ опять только прежнія два слова. Вся строфа дана «Вибл. Записками» 1858, № 11, гдѣ 5-й стихъ неправильно начинался словомъ: «Непросвѣщенье», замѣненнымъ въ изд. 1870 г. другимъ началомъ, неимѣющимъ основанія въ рукописяхъ: «Коварство, злоба» и пр. Этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ простился съ югомъ Россіи и всѣ слѣдующія [до конца тома] написаны имъ въ Михайловскомъ.

Аквидонъ [стр. 454] — это стихотвореніе, по словамъ г. Анценкова, ненапечатаное при жизни Пушкина, было напечатано въ «Литературныхъ прибавленіяхъ въ Русскому Инвалиду» 1837 г., № 1, за одинъ нумеръ до

того, въ которомъ явилось лаконическое, въ 5 строкъ, и единственное извъщение о кончинъ поэта. Рукопись стихотворения была исправлена поэтомъ въ Болдинъ 7 октября 1830 г. но поправки состояли только изъ замъны четырекъ словъ другими: «дальній небосклонъ», вм. чуждый, «столь гнѣвно» вм. такъ бурно, и «глухо облекался» вм. мрачно облегался.

Прозерпина [стр. 455] — этотъ переводъ 28-й картины изъ «Les deguisémens de Vénus» Парни, далеко превосходящій подлинникъ, былъ нашечатанъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г. Не смотря на помѣту «26 августа», г. Анненковъ напечаталъ стихотвореніе прежде одесскихъ.

А. Н. Вульфу [стр. 456] — сосёду по Михайловскому, сыну владётельницы Тригорскаго, Прасковы Александровны, по второму браку Осиновой. Алексёй Никол. Вульфъ тогда быль студентомь въ Дерить, гдъ въ числё его товарищей быль и поэтъ Н. М. Языковъ, съ которимъ онъ познакомиль Пушкина. Стихотвореніе впервые напечатано въ VII томѣ г. Анненкова и потомъ къ «Р. Архивъ» [1867, № 1] съ письмами Пушкина къ А. Н. Вульфу. Къ 7-му стиху надо замётить, что Лайонъ [Левъ Сергьевичъ] съ прівздомъ старшаго брата переставаль быть «Михайловскимъ прикащикомъ». На вопросъ нашъ А. Н. Вульфу, что означаетъ упоминаемое въ письмі: Пушкина подражаніе Языкову, онъ объясниль, что послаль изъ Дерита Пушкину стихи Языкова, которымъ тотъ и хотъвъ было написать подражаніе. Эти стихи приписываемые рукописными сборниками тоже Пушкину, начинаются словами: «Поди ты прочь, Пришель некстати» и пр.

Къ Языкову [стр. 457] — въ «Литерат. Газетъ» 1830, № 16, безъ подписи, но съ помътой «1829. Михайловское» и подъ загл.: «Отрывокъ изъ посланія Языкову». Напечатано было безъ 15½ стиховъ и съ измъненіемъ нѣсколькихъ, такъ что напр. 17 и 19 не римфовали между собой. Полный текстъ съ исправленіями и окончаніемъ [послѣ словъ «Я жду тебя...»] былъ напечатанъ нами по рукописи гр. М. А. Корфа въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868, № 4, и оттуда стихотвореніе въ полномъ составѣ перешло въ изданіе г. Исакова 1870 г. Непонятно поэтому, какимъ образомъ Гербель, взявъ только конецъ посланія, начиная стихомъ: «Я жду тебя» и пр., напечаталъ его въ «Р. Архивѣ» 1876, № 10. стр. 216, подъ видомъ пропущеннаго въ изданіи г. Исакова особаго Посланія къ И. И. Пущину, хотя и сдѣлалъ ссылку на «Совр. Обозрѣніе».

Разговоръ книгопродавна [стр. 458]—быль напечатань при 1-й главъ «Евгенія Онъгина», какъ бы вродъ вступленія, и затъмъ отдъльно въ 4-й части изданія 1829—1935 г. Въ первомъ изданіи читались иначе—

ст. 2 снизу на 461: «Пускай ихъ Шаликовъ поетъ», и ст. 14 снизу на 464: «Но тутъ не вижу я стыда». Былъ исправленъ еще стихъ 6-й на 463: «Гдѣ ты была» вм. та, но мы возстановили прежнее чтеніе, чтобъ не нарушить соотвѣтствія съ внесенными въ текстъ пропусками, которые впервые даны въ VII т. г. Анненкова: 4 стиха послѣ: «Искалъ вниманья красоты» [461, ст. 13 снизу], 4 стиха послѣ: «Боготворить не устыдился» [462, ст. 16] и 8 стиховъ послѣ: «Судьбою такъ ужъ рѣшено» [463, ст. 15]. Ты вмѣсто та — не гармонировало бы съ послѣднимъ 8-стишіемъ.

Два посланія цензору [стр. 465, 468] — въ сокращенномъ видъ явились въ VII т. изданія г. Анненкова, который имтль мужество заявить, что они подъ его рукою стали лучше, ибо очищены имъ: Очищенные отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и событій, они теряють всякой признакь сатирическаго или полемическаго направленія и только могуть служить образцомъ строгаго и высокаго пониманія одного изъ важнтишихъ общественныхъ служеній». Дтиствительно мы видели цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, такъ что вся честь очистки принадлежитъ г. Анненкову, который и заглавія имъ далъ «Посланій въ Аристарку», а въ поздитиших статьяхь о Пушкинт [Пушкинъ 1874, стр. 297] называетъ Посланіями къ Тимковскому, не смотря на Пушкинскій стихь: «На скользкомь поприщь Тимковскаго наследникъ». — Добавки очищенныхъ месть даны были «Библ. Записками», 1858, № 11, ст. 547—548, но въ текстъ сочиненій Пушкина внесены вполнъ только въ изд. 1870 г. Второе посланіе мы исправили по подлинной рукописи поэта, хранящейся у П. Я. Дашкова. Замётимъ, что двустишие: «Сей старецъ» и пр. [стр. 160, ст. 5-6 спису] находится на бюсть Шишкова въ Академіи Наукъ, и что всь 9 последнихъ стижовъ стр. 460 были сообщены Пушкинымъ вн. Вяземскому [сР. Архивъ 1874, № 1], при чемъ въ 8 стихв находится одно только слово. заминенное въ окончательной отделки; именно было: «спасаль онъ лавръ единый» вм. «Укрылъ».

Коварность [стр. 471]—въ «Моск. Вѣстикв» 1828, № 6; стихотвореніе, вѣроятно, вызванное одесскими воспоминаніями.

Цыганы [стр. 472]. Поэма начата была Пушкинымъ еще въ Одессъ, между 2 и 3 главами «Онъгина», въ декабръ 1823 г., при чемъ вначалъ рукописи поэтъ нарисовалъ медвъдя, цыганскій шатеръ и подъ нимъ Земфиру. Окончена поэма въ Михайловскомъ «10 октября 1824 г.». Отрывки изъ нея были напечатаны въ «Пол. Звъздъ» и «Моск. Телеграфъ» 1825 г. № 11 и въ «Съв. Цвътахъ» 1826. Полный текстъ изданъ въ Москвъ въ 1827 г. [«Цыганы». Москва. Въ тип. Ав. Семева]. при

чемъ вся разница отъ текста «М. Телеграфа» была только въ исправленіи одного слова: «Какъ онъ молодъ и свёжъ». Въ рукописи Пушкинъ предназначалъ два эпиграфа; одинъ — который прежде котёлъ помъстить при «Кавк. Плъннякъ» и который тамъ нами и напечатанъ, и другой — Мы люди смирные, дъвы наши дюбятъ волю — что тебъ дъдатъ у насъ? — Молдавская пъсня». Кромъ того г. Анненковымъ найдены въ рукописяхъ два отрывка, невошедшіе въ поэму: одинъ въ 8 стиховъ помъщенъ нами въ текстъ «эпилога» [стр. 492, строфа 2], потому что мы его видъли вписаннымъ тамъ рукою Пушкина въ текстъ печатнаго экземпляра Публичной Библіотски, а затъмъ цълая сцена, оставшаяся неотдъланною, помъщена вслъдъ за поэмою [стр. 492—3]. Поэтъ котълъ также приложить къ поэмъ нъчго вродъ предисловія:

«Долго не знали въ Европъ происхожденія Цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынъ въ нъкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ Египтанами. Англійскіе путешественники разрышили, кажется, всъ недоумънія. Доказано, что Цыгане принадлежатъ отверженной кастъ Индъйцевъ, называемыхъ Паріа. Языкъ и то, что можно назвать ихъ върою, даже черты лица и образъ жизни — върныя тому свидътельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бъдностью — вездъ утомила мъры, принятыя для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгують лошадьми, водятъ медвъдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пъснями и плясками».

Взаключеніе замѣтимъ, что при отрывкѣ въ «М. Телеграфѣ» [Пѣсня Земфиры] были приложены ноты, съ замѣткою: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышавнаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи». Къ этой же пѣсни есть музыка Верстовскаго [«Молва» 1832, № 10] и Дюбюка 1856 г.

Подражаніе А. Шенье [стр. 493]—въ изданіи 1826 г. Заглавіе было выпущено посмертнымъ изданіемъ. Въ рукописи гр. Капниста при этомъ стих. написано Пушкинымъ: «Помъстить въ элегіяхъ». Это стихотвореніе переведено и Языковымъ.

Признаніе [стр. 494]—въ «Вибл. для Чтенія» 1837. № 5, т. е. оно напечатано спустя 3 мѣсяца по смерти поэта, и съ ошибочною помѣтом «1821», когда Пушкинъ былъ еще на югѣ. Стихотвореніе написано къ родственницѣ П. А. Осиповой, которой посвящены слѣдующія:

Подражанія Корану [стр. 495], кромі IV пісни, напечатапной въ Сів. Цвітахъ 1826 г., впервые появившіяся въ изданіи 1826 г. и перепечатаны въ изд. 1829 т. съ нікоторыми перемінами. Такт въ 4 примічанія откинуть конець: «Пль книги Сліпець [Тифля] Вогь почему

слово сіе почитается у турковь за жесточайшую брань. Въ I пѣсни въ изд. 1826 г. было: «Клянуся угренней зарей», во II: «Стекаясь къ транезѣ его», въ IX: «И странное чудо»...

Къ А. И. О—й [стр. 502] — въ «Русскомъ Словѣ» 1861, № 1, куда было сообщено поэтомъ Грековимъ. Насъ увѣряли, что оно относится тоже къ Ал. Ив. Осиповой [стр. 494].

На наводненіе [стр. 502]— въ журналѣ «Время» 1863, № 2 и въ «Христоматіи» Гербеля.

Двё эпиграммы [стр. 503] — въ «Р. Вёстникі» томъ 84, стр. 71 и 64, въ статьё М. И. Семевскаго. Изданіемъ 1870 г. онів не совсёмъ точно отнесены къ 1825 г., потому что З въ этомъ году уже умеръ. Вторая эпиграмма указываетъ на духовный надзоръ игумена Святогорскаго Дужова монастыря. О прівзді этого игумена къ Пушкину упоминается Пущинымъ [«Атеней» 1859].

Наброски [стр. 503] — взяты изъ «Матеріалов» г. Анненкова, какъ имѣющія отношенія къ стихотвореніямъ этого года, напр. первое 4-стишіе могло быть набросано при подражаніяхъ Корану, а четвертое какъ будто выводъ изъ разсказа объ Овидіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ І-го ТОМА.

	•	Стран.
О нын	тъщнемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина	7
1811.	Эпиграмма	1
	La Tolyade. Отрывокъ	
1812.		
	Делія	2
	Измъны [Гр. Н. В. Кочубей]	3
1814.		5
	Къ другу стихотворцу	9
	Кольна [подражаніе Оссіану]	12
	Эвлега [изъ поэмы Isnel et Aslega]	16
	Остаръ [подражаніе Парни]	18
	Леда. Кантата [подражаніе Парни]	21
	Венеръ отъ Лаиси при посвящении зеркала	23
	Красавицъ, которая нюхала табакъ [Кн. Е. М. Гор-	
	чаковой]	
	Stances. «Avez-vous vu la tendre rose» [en жe]	24
	Къ Натальъ [актрисъ гр. Толстого]	25
	Къ молодой актрисъ [ей же]	27
	Опытность	29
	Блаженство	30
	Ппрующіе студенты	33
	Къ Батюшкову [Философъ ръзвый и пінтъ]	36
	Къ Н. Г. Ломоносову	39
	Романсъ. «Подъ вечеръ, осенью ненастной»	40
	Mon portrait [Барону И. Ө. Гревеницу]	41

Звёздочкою отмёченъ исправленный впослёдствін Пушкинымъ текстъ его «лицейскихъ стихотвореній».

		Страв.
	Городовъ [Къ ***]	43
_	Тень Баркова. Отрывки изъ баллады	55
	Эпиграммы:	
	Аристъ намъ объщалъ	57
	Супругою твоей я такъ плѣнился	
	Несчастіе Клита [на Кюхельбекера]	58
	Къ нему же	
	На поэму Шихматова	
	На гр. А. К. Разумовскаго	
1815.	Воспоминанія въ Царскомъ Сель	59
	Казакъ	64
	Вишня	66
	Бова. Отрывокъ	69
	Наполеонъ на Эльбъ	77
	*Лицинію	79
	Къ А. И. Галичу [Пускай угрюмын риемотворъ]	82
	Слеза [К. П. Бакуниной]	84
	*Старикъ [изъ Маро]	
	Тоже, первоначальный текстъ	515
	Къ И. И. Пущину [Любезный именинникъ]	85
	Къ Батюшкову [Въ пещерахъ Геликона]	87
	Вода и вино	88
	Погребъ	
	Воспоминаніе [И. И. Пущину]. «Помнишь ли, мой	
	брать по чашь»	89
	«Мы недавно отъ печали»	515
	Мечтатель [По небу крадется луна]	90
	Князю А. М. Горчакову Пускай не знаясь съ Апол-	
	лоноль]	93
	Посланіе къ Галичу ГГдь ты, льнивець мой	94
	Къ Дельвигу [Послушай, музъ невинныхъ]	99
	Разсудовъ и любовь	101
	Сраженный рыцарь	
	Мое завъщание друзьямъ	103
	К. П. Бакуниной [И такъ я счастливъ былъ]	105
	Къ живописцу [изъ Парни]	
	*Po3a	106
	*Гробъ Анакреона [изъ Парии]	
	На возвращение государя изъ Парижа	108
	Къ баронессъ М. А. Дельвигъ [Вамъ восемь льть]	110
	Эпигранны:	_
	Бывало прежнихъ лётъ герой	111
	Отъ всеношной вечоръ иля помой	

	оглавленіе.	577
		Стран
	Ахъ тошно, тошно, помогите	. 112
	На профессора Черняка	
	Моя эпитафія	
1816.		. —
	*Къ Морфею [изъ Парни]	121
	Сну [первоначальный текстъ]	519
	Къ Машъ [Дельвигъ] «Вчера миъ Маша приказала».	121
	Пуншевая пъсня [изъ Шиллера]	122
	Заздравный кубокъ	123
	Усы. Философическая ода	124
	Изъ письма къ кн. Вяземскому [Блаженъ, кто въ	
	шумъ городскомъ]	126
	Къ Юшкову. Отрывки изъ посланія	
	Желаніе [В. Л. Пушкину] «Христосъ воскресъ!»	
	Къ ней [Эльвина, другъ]	129
	Посланіе Лидъ	130
	Слово милой [Маріи Смитъ]	. 132
	*Лиль [ей же]	
	*Амуръ и Гименей	
	Истина	
	*Фіалъ Анакреона	
	Навздникъ	136
	Посланіе къ кн. А. М. Горчакову [Встричаюсь я съ	•
	осьмнадцатой весной]	. 138
	Старица-пророчица [бар. Дельвигу]	
	Сонъ [отрывокъ]	
	Къ принцу Оранскому	
	Къ молодой вдовъ [Марін Смитъ]	
	Къ Наташъ [горничной вн. Волконской]	
	Желаніе [Медлительно влекутся дни мои]	
	Осеннее утро	
	Разлука	
	*Унынie	
	Элегія [Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ]	
	Овно	
	Мъсяцъ	
	«Опять я вашь, о юные друзья»	
	«Любовь одна веселье жизни хладной»	
	*Подражаніе [Я видёлъ смерть]	160
	Тоже, первоначальный текстъ	528
	*Друзьямъ [Богами вамъ еще даны]	. 160
	Тоже, первоначальный текстъ	
	*Пробужденіе	. 161
1	Пушвинъ, т. ї. 37	

		Crpan.
	*Пъвецъ	
	*А. А. Шишкову [Шалунъ, увънчанный Эратой]. 162,	526
	Боже, царя храни	
	Письмо къ В. Л. Пушкину [Тебъ, о Несторъ Арзамаса].	164
	Отрывокъ изъ Арзамасской ръчи [1817 г.]	527
	Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ	
	Эпиграммы и надписи:	100
	Скажи, что новаго?	167
	OKAMI, TO HOBATO!	101
	Твой и мой	
	Экспромтъ на А. [Въ молчаные предъ тобой	
	сижу]	
	Надпись къ бесъдкъ	
	Больны вы, дядюшка	168
	Завъщаніе [Друзья, простите! завъщаю]	_
	На Пучкову	_
	Она	_
	Къ письму	169
	Эпитафія [Покойникъ Клитъ]	
	Княжив В-ой	_
	На лицейскаго дядьку [Сазонова]	_
1817.		
	Couplets [Quand un poëte en son extase]	
	«Съ нозволенія сказать»	
	Къ Жуковскому [Благослови, поэтъ]	
	* Дельвигу [Любовью, дружествомъ и лънью]	
		529
	Наслажденіе	
	Стансы [изъ Вольтера]	
	Сновидине [изъ Вольтера]	
	Письмо къ Лидъ [подражаніе Парни]	
	Именины	183
		100
	Besatipie	105
	* Къ П. П. Каверину [Забудь, любезный мой Каверинъ].	185
	Тоже, первоначальный тексть	931
	Посланіе въ В. Л. Пушкину [Скажи, парнасскій мой	
	отецъ]	186
	Добрый совыть [изъ Парни]	189
	Къ товарищамъ передъ выпускомъ	_
	Въ альбомъ А. Д. Илличевскому	
	Въ альбомъ И. И. Пущину [Взглянувъ когда нибудъ].	191
	Ему же [Вотъ здъсь лежитъ]	
	Есакову. «И останещься съ вопросомъ»	533
	«Гауэншильдъ и Энгельгардтъ»	

Стран.

1819.	Н. В. Всеволожскому [Прости, счастливый сынт.]. 214, В. В. Энгельгардту [Я ускользнулъ отъ Эскулапа] Н. И. Кривцову [Не пугай насъ, милый другъ] Стансы [Я. Н. Толстому]. «Философъ ранній» «Воспоминаньемъ упоенный»	538 216 217 218
	Русалка [Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ] Деревня. [Уединеніе]. «Привътствую тебя»	
	Недоконченная картпна	425
	Возрожденіе	224
	Кн. А. М. Горчакову [Питомецъ модъ]	226
	«Мий бой знаком» [1820 г.] Отвёть на вызовь написать стихи въ честь госуда-	
	рыни императрицы Елизаветы Алексвевны	
	Экспромтъ Н. И. Гитдичу [Съ тобою въ споръ]	227
	Къ Ө. Ф. Юрьеву [Здорово, Юрьевъ именинникъ]	
	«Она тогда ко мнѣ придетъ» Къ Н. С. Семеновой	228
	на А. М. Колосову	_
1817-	-1820. Русланъ и Людмила	229
1820.	Дорида	
	Доридъ [подражание А. Шенье]	
	Олинькъ Массонъ	_
	Платонизмъ	
	Спротка	919
	На Аракчеева [Два отрывка эниграммъ]	316
	Перван мысль Кавказскаго илфиника	
	«Погасло дневное свътило»	
		319
	«О дѣва-роза, я въ оковахъ»	320
	Фонтану Бахчисарайскаго дворца	520
	Неренда	321
	«Радъетъ облаковъ летучая гряда»	_
	Виноградъ	322
	«Въ лъсахъ Гаргаріи счастливой»	
	Черная шаль. [молдавская пѣсня]	
	Дочери Карагеоргія	324
	Эшиграммы:	
	Хавроніось, ругатель [на Каченовскаго]	325.

оглавленіе.	58 1
	Стран.
Когда бъ писать ты началъ съ дуру	325
Въ жизни мрачной [на гр. Ө. И. Толстого]	
Отрывки:	
На берегу, гдъ дремлетъ лъсъ священный	. 326
И чувствую душа	. –
Счастливъ, кто близъ тебя	
1821. Земля и море [идиллія Моска]	. 327
Желаніе [Кто видёль край]	
Примѣты	329
Дъва	
Діопея	
Тоже, первоначальный текстъ	
Красавица передъ зеркаломъ.	
Муза [Въ младенчествъ моемъ она меня любила] «Я пережилъ свои желанья»	
Кавказскій Плённикъ	
Приниски къ нему	
Къ Аглаб [И вы повърнть мив могли]	
Изъ письма къ Дельвигу [Другъ Дельвигъ, мой пар	
насскій братъ]Изъ письма къ Гнёдпчу [Въ странъ, гдъ Юліей вы	ออด
чанный]	
къ В. Л. Давыдову [Межъ твмъ какъ генералъ Орловъ	
П. А. Катенину	
«Наперсница волшебной старины»	
Сътованіе [Д. В. Давыдову]. «Недавно и въ час	
свободы	
Чаадаеву [Въ странъ, гдъ я забылъ]	
П. И. П—лю [Снесемъ иль нътъ]	
Къ моей чернильниць	34
Еврейкѣ	369
Принисываемые Пушкину стихи:	
Эксиромтъ [Давайте чаши]	538
Эпитафія генералу	
Къ новой Армидъ [картамъ]	
«Куконица Пульхерица»	–
Кинжаль	
Наполеопъ	
Наброски изъ неокопченной сатиры	375
Добра чужаго не желать»	376
Г-жь Эльфректь [Эйхфельдть или Эйхвельть]	377
Н. Н. [Могу ль забыть то сладкое мгновенье]	
II. С. Алексвеву [Мой милый, какъ несправедливы]. —

		стран
	Къ*** [Плещееву или Кюхельбекеру]. «Зачёмъ безвременную скуку»	381 382
	Bonha	
	Къ Овидію	385
	Къ портрету кн. Вяземскаго	
	П. С. Пущину [И скоро, скоро смолкнетъ брань]	_
	«Иной имать мою Аглаю»	
	На Каченовскаго [Клеветникъ безъ дарованья]	389
	Братья разбойники	
1822.	«Люблю вашъ сумракъ неизвъстный»	397
	Тоже, перв. текстъ [Ты сердцу непонятный мракъ].	
	Друзьямъ. «Вчера былъ день разлуки шумной,	398
	Птичка	
	Отрывовъ изъ комедіи [Все жалобы, упреки, слезы]	
	Вадимъ [отрывки изъ драми и поэмы]	400
	Узникъ	405
•	Паснь о въщемъ Олегъ	406
	Усдиненіе [Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни] Пріятелю [Не притворяйся, милый другь]	409 410
	Баратынскому изъ Бессарабін [Сія пустынная страна].	410
	Ему же [Я жду объщанной тетради]	
	Изъ письма Я. Н. Толстому Горишь ли ты, лампада].	
	Гречанкъ [Калинсо]	
	Адели [А. А. Давыдовой]: «Играй, Адель	413
	Жалоба [Вашъ дъдъ портной]. Съверину	
	Русскому Геснеру [В. И. Панаеву]	414
	«Невъдомский поэтъ»	_
	«У Клариссы денегъ мало» [Совътъ]	
	«Нъть ни въ чемъ вамъ благодати»	
	«Аизъ стратно полюбить»	415
	Я. С. Иушкину [Братъ милый, отрокомъ разсталея].	
	Наброски:	
	Печаленъ будетъ мой разсказъ	
	Блеститъ луна, недвижно море спитъ	416
	Въ голубомъ эфира полъ	
•	Rayuncanaückiü Mohrana	417

		Стран.
182 3.	Къ О. Н. Глинкъ [Когда средь оргій жизни шумной].	434
	Изъ записки В. П. Горчакову [Зима миф рыхлою стъною]	
	Телега жизни	
	Эпическіе отрывки	436
	Элегія [г-жъ Ризничъ]. «Простишь ли мнъ	
	«Ненастный день потухъ» [ей же]	
	Ночь [ей же]	
	Демонъ [А. Н. Раевскому]	441
	Экспромтъ [Но укротился пламень гнъвный]	
	Изыде съятель съяти семена своя	441
	Кн. М. А. Голицыной [Давно объ ней восноминанье].	442
	Отрывовъ [Недвижный стражъ дремалъ]	
	«Возстань, о Греція, возстань»	
	«Сказали разъ царю»	
	Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну	
	На А. С. Стурдзу	
1824.	А. Л. Давыдову [Нельзя, мой толстый Аристипъ]	##U
1024.	Веселый пиръ	447
	Городъ Кишиневъ [Ф. Ф. Вигелю]	
	Иностранкъ [Въ альбомъ]	
	Испанскій романсь [Ночной зефиръ]	
	Ода его сіятельству графу Д. И. Хвостову	
	«Тимковскій царствовалъ»	_
	To D no [Howaverenes workersons]	450
	На В—ва [Полумилордъ, полукупецъ] Къ морю	402
	Аквилонъ	
	Прозерпина [подражаніе Парни]	
	Къ А. Н. Вульфу [Здравствуй Вульфъ, пріятель мой].	
	ть А. п. Бульфу [одравствун Бульфъ, приятель мон].	457
	Къ Языкову [Издревле сладостный союзъ]	
	Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	
	Первое посланіе цензору	
	Второе посланіе цензору	
	Коварность	
	Цыганы	
	Добавочные стихи	
	Подражание А. Шенье [Ты вянешь и молчишь]	
	Признаніе [А. И. Осиповой]	
	Подражанія корану	49
	Къ О-й [Мив нътъ ни въ чемъ отъ васъ потачки].	
	На наводнение [Напрасно ахвула Европа]	
	Эпиграмма на §. [Воспитанный подъ барабаномъ]	
	«Дѣдушка игуменъ»	

оглавление.

	стран.
Наброски:	
Въ пещеръ тайной, въ день гоненья	503
Надо мной въ лазури ясной	
Стою нечально на кладбищѣ	
Два чувства дивно близки къ намъ	
Забывъ и рощу и свободу	
Библіографическія примѣчанія	505